

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

А. М. ЩЕРБАК

ГРАММАТИКА
СТАРОУЗБЕКСКОГО
ЯЗЫКА



ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · ЛЕНИНГРАД

1 9 6 2

АННОТАЦИЯ

Книга содержит систематическое описание фонетики, морфологии и синтаксиса староузбекского языка. Анализируются также исторические обстоятельства формирования этого языка, дается обзор истории его изучения. Среди вспомогательных материалов имеется раздел о староузбекском стихосложении.

Издание рассчитано на научных работников — тюркологов.

Ответственный редактор
А. К. БОРОВКОВ

СОКРАЩЕНИЯ

I. ПЕЧАТНЫЕ ИЗДАНИЯ РУКОПИСЕЙ, НАДПИСЕЙ И Т. П.

- Абушқа — *ابوشقا* (Словарь джагатайско-турецкий. Изд. В. В. Вельяминов-Зернов. СПб., 1868).
- Б — Бабур: *رساله والديه و ديوان* (А. Н. Самойлович. Собрание стихотворений императора Бабура, ч. I. Текст. Пг., 1917).
- БЛ — *Тали' Херевй: بدائع اللغت* (А. К. Боровков. Бадā'и' ал-лугат. Словарь *Тали' Йимāи* Гератского. М., 1961).
- БН — Бабур: *بابر نامه* (Бабер-наме, или Записки султана Бабера. Изд. Н. И. Ильминского. Казань, 1857).
- М — — *ميرآدم نامة* (*Mirād-j-nāmeh*. Traduit et annoté par A. Ravet de Courteille. Paris, 1882).
- МА — Навā'и: *ميزان الاوزان* (Алишер Навоий. Мезонул авзон. Критик текст тайёрловчи Иззат Султонов. Тошкент, 1949).
- Маҳ. — Навā'и: *محبوب القلوب* (Алишер Навои. Возлюбленный сердец. Изд. А. Н. Кононов. М.—Л., 1948).
- МЛ — Мехдй-хан: *مباني اللغت* (E. Denison Ross. *The Mabāni' l-lughat being a grammar of the turki language in Persian by Mirzā Mehdi khān*. Bibliotheca Indica. New Series. Nr. 1225. Calcutta, 1910).
- МН — Ҳорезмй: *مخبر نامه* (А. М. Щербак. Огуз-наме. Мухаббат-наме. М., 1959).
- МХ — Мйр Ҳайдар: *مخزن الاسرار* Казань, 1858.
- Муҳ. — Навā'и: *محاكمه اللغتين* (*Chrestomathie en turc oriental*, par M. Quatremère, 1^{er} fasc. Paris, 1841).
- ОШ — Ярлык 'Омар-Шейха (П. М. Мелиорданский. Документ уйгурского письма султана Омар-Шейха. ЗВО РАО, т. XVI, вып. I, 1904, стр. 01—012).
- Сав. — *Sanglax. A Persian Guide to the Turkish Language*, by Muhammed Mahdī Xān. Facsimile Text with an Introduction and Indices by Sir Gerard Clauson. London, 1960.
- ҲШ — Қутб: *خسرو و شيرين* (A. Zajaczkowski. Naj-

- starsza wersja turecka Husrāv u Šīrīn Quṭba, część I. Tekst. Warszawa, 1958).
- ШН — Мухаммед Салих: **شېخىنى نامە** (Мухаммед Салих. Шейбани-намэ (посмертное издание П. М. Мелиоранского, завершённое А. Н. Самойловичем). СПб., 1908).
- ЭД — Эмир: **ديوان** (А. Н. Самойлович. Из туюгов чагатайца Эмира. ДАН—В, Л., 1926, стр. 75—77).
- ЯА — Ярлык Абуса'йда (А. N. Kurat. Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki Altın Ordu, Kırım ve Türkistan hanlarına ait Yarlık ve bitikler. Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi yayınlarından, Tarih serisi, I, İstanbul, 1940, ss. 195—200).
- ЯТ и ЯТК — Ярлык Токтамыш и Темир-Кутлуга (В. В. Радлов. Ярлык Токтамыш и Темир-Кутлуга. ЗВО РАО, т. III, вып. I и II, 1888, стр. 1—40).
- ЯШ — Ярлык Шахруха (J. Deny. Un soyurgal du timouride Şahruḥ. JA, t. CCXLV, fasc. 3, 1957, pp. 253—266).

II. РУКОПИСИ И ФОТОКОПИИ РУКОПИСЕЙ

- А — Ата'й: **ديوان** (ИВ АН СССР, В. 2456).
- Ах — Ахмед: **روىجامه نينك ازاسيندا مناظره و مباحثه** (Брит. Музей, Add. 7914/XI, лл. 3216—328; фотокопия ИВ АН СССР).
- ДН — Эмир: **ده نامە** (Брит. Музей, Add. 7914/VII, лл. 2286—272а; фотокопия ИВ АН СССР).
- Дж. — Джавхар: **تقدیر مع** (Брит. Музей, Ог. 8193; фотокопия ИЯ АН СССР).
- Қ — Қамбар оғлы: **تقدیر مع حمله** (Брит. Музей, Ог. 8193; фотокопия ИЯ АН СССР).
- Қас. — Қасим: **تقدیر مع** (Брит. Музей, Ог. 8193; фотокопия ИЯ АН СССР).
- Л — Лутфӣ: **ديوان** (Брит. Музей, Add. 7914/VI, лл. 158—227; фотокопия ИВ АН СССР).
- Л (I, II, III, IV) — Лутфӣ: **تقدیر مع حمله** (Брит. Музей, Ог. 8193; фотокопия ИЯ АН СССР).
- Мадж. — Нава'й: **مجالس النفايس** (ИВ АН СССР, В. 270).
- Мб — Манџур баши: **تقدیر مع** (Брит. Музей, Ог. 8193; фотокопия ИЯ АН СССР).
- Маџ. — **تقدیر مع - ديوان** (Брит. Музей, Ог. 8193; фотокопия ИЯ АН СССР).
- НДж — Нава'й: **نظم الجواهر** (ИВ АН Уз.ССР, № 1743).

- НМ — Нава'й: **نساءم المحبة** (ИВ АН Уз.ССР, № 5420).
- РҚ — **راحت القلوب** (Брит. Музей, Ог. 8193; фотокопия ИЯ АН СССР).
- С — Саккай: **ديوان** (Брит. Музей, Ог. 2079; фотокопия ИВ АН СССР).
- СҚ — **ديوان مع حمله** (Брит. Музей, Ог. 8193; фотокопия ИЯ АН СССР).
- СН — **سال نامە** (ИВ АН СССР, В. 721, лл. 2036—2066).
- ТМ — Нава'й: **تاريخ ملوك عجم** (ИВ АН СССР, А.109/II).
- ТН — Сйди Ахмед: **تعشيق نامە** (Брит. Музей, Add. 7914/VIII, лл. 2736—2896; фотокопия ИЯ АН СССР).
- ХМ — Нава'й: **خمسه المتحيرين** (ИВ АН Уз.ССР, № 2242).
- ЧД — Нава'й: **چهار ديوان** (ИВ АН Уз.ССР, № 677).
- Э — Эмир: **بنكو جاغر ازاسيندا مناظره** (Брит. Музей, Add. 7914/XII, лл. 3296—3376; фотокопия ИВ АН СССР).
- Я — Яқбий: **اوق ياي نينك مناظرهسى** (Брит. Музей, Add. 7914/X, лл. 3146—321а; фотокопия ИВ АН СССР).

III. ПРОЧИЕ СОКРАЩЕНИЯ

- АН — Академия наук.
- ДАН—В — Доклады Академии наук СССР, серия В, М.—Л.
- ЗВО РАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества, СПб.
- Брит. — британский.
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения, СПб.
- Зап. — записки.
- ЗКВ — Записки Коллегии востоковедов, Л.
- ИВ — Институт востоковедения.
- Изв. — известия.
- ИЯ — Институт языкознания.
- ОЛЯ — Отделение литературы и языка.
- Росс. — российская.
- Рукоп. — рукописный.
- СВ — Советское востоковедение, М.—Л.
- JA — Journal Asiatique, Paris.
- JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society, London.
- MS — manuscript.
- RO — Rocznik Orientalistyczny, Kraków.
- ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, Leipzig.

„Когда я вступил в пору разумения и когда всевышний Аллах возбудил во мне склонность к необыкновенным вещам и сделал естественным стремление войти в понимание тонких и трудных предметов, появилась необходимость поразмыслить и о тюркской речи. И вот тут-то перед глазами обнаружился мир, превосходящий 18 000 миров; вдохновению открылась такая роскошная сфера, которая больше девяти небес; представилась здесь такая сокровищница достоинства и величия, жемчужины которой сверкают сильнее бриллиантов небесных светил; встретилась лужайка, цветы которой раскрылись более, чем звезды“ (Нава'и. Мухакамат ал-лугатайн, стр. 21).

ПРЕДИСЛОВИЕ

Грамматика староузбекского языка в том виде, в каком она написана нами, охватывает материалы определенного исторического периода (XIV—XVI вв.).¹ Она содержит описание и анализ фонетических особенностей, а также грамматических форм, встречающихся в текстах официального делопроизводства, исторической, религиозной и художественной литературы.

Учитывая, что грамматическое описание узбекского языка в принятом нами хронологическом плане постоянно связано с исследованием литературных источников указанного периода, мы предпосылаем фонетике и грамматическому очерку краткое текстологическое описание последних, а также характеристику их языка вообще и, в ряде случаев, частных языковых особенностей.

Данная работа, будучи грамматическим описанием узбекского языка периода XIV—XVI вв., должна дать некоторое представление и о том, что в современной лингвистической литературе вкладывается в понятие „язык писателя“ (ср. например, употребление архаических форм в поэзии Бабура и создание особого языкового колорита в произведениях поэтов-суфиев). Правда, это представление в любом случае будет очень ограниченным и бледным, однако общий уровень наших

¹ Настоящая работа является продолжением „Грамматического очерка языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана“. За ней последует описание следующего периода и далее очерк истории узбекского языка, который будет составлен на основе всестороннего сопоставления трех синхронных разрезов, относящихся к разным периодам времени, и результатов их исследования.

знаний о творчестве классиков староузбекской литературы, с одной стороны, и своеобразие самого языка, постоянно испытывавшего унифицирующее влияние книжного штампа, с другой, таковы, что не позволяют достичь большего.

По возможности в грамматике приведены и подчеркнуты факты диалектного разделения узбеков, но и в этом случае необходимо довольствоваться более чем скромными результатами, так как проникновение диалектизмов в произведения художественной, исторической и религиозной литературы носило случайный характер.

Хотя в нашем восприятии система форм и звуков узбекского языка в период с XIV по XVI в. выступает как определенная статическая данность и историзм работы определяется главным образом тем, что берется не современное, а одно из древних состояний языка, мы, однако, учитываем внутреннюю соотнесенность разных элементов, их продуктивность, постоянство или неустойчивость, степень употребления и т. д., т. е. все, что так или иначе характеризует язык в его развитии.

При изучении и толковании поэтических текстов, составляющих основную группу источников грамматики, необходимо знание стихотворных размеров и особенностей тюркской прозы. Поэтому в заключительной части работы помещен специальный раздел под названием „Система староузбекского стихосложения“.

Второй специальный раздел представляет собой краткий словарь тюркских, персидских и арабских грамматических терминов, встречающихся в староузбекских грамматиках, словарях и разного рода трактатах. Он составлен в основном по текстам Мабани' л-лугат Мехди-хана, Мухакамат ал-лугатайн Нава'и, по словарям Абушқа и Келюр-наме и по словарю Фатх 'Али-хана Каджарского.

К грамматике приложен морфологический указатель.

Все примеры, использованные в работе, взяты из текстов. Большая часть их сопровождается указанием на источник и соответствующую страницу или стих. В случаях, являющихся типичными для староузбекского языка, примеры даны без ссылок. Во всех случаях мы пользуемся радловской транскрипцией,

внося в нее лишь небольшие изменения. Для слов арабского и персидского происхождения, о действительном фонетическом облике которых в староузбекском языке пока трудно говорить со всей определенностью, введены особые знаки, отражающие их графическое своеобразие: *ç* (ح), *ʒ* (ج), *ç* (ث), *п* (ط), *ʒ* (ظ), *ʒ* (ذ), *ā* (ا), *ȳ*, *ō*, *ȳ̄*, *ō̄* (و, او), *ī*, *ī̄* (ي), *ī̄* (اى), *ā* (آ). Таким образом, эта часть примеров транслитерируется.

ВВЕДЕНИЕ

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ СТАРОУЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА

Изучение староузбекского языка имеет длительную традицию, которая зародилась в то время, когда в Средней Азии и за ее пределами стали широко известны произведения Нава'й.

Первые труды, посвященные староузбекскому языку (XVI—XVIII вв.), были филологическими и преследовали чисто практические цели: в них объяснялись отдельные слова из сочинений Нава'й и его предшественников и комментировались грамматические формы.¹

В прошлом столетии староузбекский язык привлек к себе внимание многих западных и русских тюркологов, исследовавших его с разных точек зрения и с разными целями.

Наиболее ранним описанием староузбекского языка в Европе является работа Г. Вамбери.² Однако автор ее, пользующийся наименованием „чагатайский язык“ и рассматривающий „чагатайский“ язык как непрерывную живую языковую традицию, существовавшую вплоть до времени написания работы, описывает главным образом современный ему узбекский язык и в значительно меньшей степени — староузбекский. Грамматический очерк в работе Г. Вамбери занимает 16 страниц, затем следует небольшой раздел, посвященный литературе, хрестоматия и словарь. Работа Г. Вамбери, особенно в ее грамматической части, сильно устарела и фактически утратила свою научную ценность. Г. Вамбери опубликовал также текст и перевод Шейбани-наме.³

Почти одновременно с Г. Вамбери изучением староузбекского языка занимался Э. Катрмер, издавший хрестоматию по лите-

¹ См. ниже, раздел „Словари, грамматики, филологические трактаты“.

² H. Vámbéry. Sogataische Sprachstudien. Leipzig, 1867.

³ H. Vámbéry. Die Scheibaniade. Ein özbegisches Heldengedicht in 76 Gesängen von Prinz Mohammed Salih aus Charezm. Text, Übersetzung und Noten. Wien, 1885.

ратуре классического периода (на основе произведений Нава'й).⁴

Аналогичную работу в более широком масштабе проделал И. Н. Березин, первый том „Турецкой хрестоматии“ которого посвящен „чагатайскому“ языку и включает в себя отрывки из разных текстов.⁵ И. Н. Березин, кроме того, описал ряд староузбекских рукописей из хранилищ Петербурга⁶ и издал прозаический текст Шейбани-наме.⁷

Изучением староузбекских словарей продолжительное время занимался В. В. Вельяминов-Зернов — издатель „чагатайско-турецкого словаря „Абушқа“⁸ и автор очерка, содержащего характеристику многих лексикографических работ тюркских и персидских авторов.

Зачинателем исследования частных вопросов грамматики староузбекского языка явился Н. И. Ильминский,⁹ осуществивший также издание текста Бабур-наме по рукописи Г. Я. Кера.¹⁰

Особое место среди исследователей староузбекского языка занимает А. Паве-де-Куртей, издавший ряд текстов и переводов (Бабур-наме, Ми'рад-наме, Тазкира-и авлия)¹¹ и значительный по объему словарь.¹²

⁴ M. Quatremère. Chrestomathie en turk oriental contenant plusieurs ouvrages de l'emir Ali-Schir. Paris, 1841.

⁵ И. Н. Березин. Турецкая хрестоматия, т. I. Казань, 1857.

⁶ И. Н. Березин. Описание турецко-татарских рукописей, хранящихся в библиотеках С.-Петербурга. Статья вторая — ЖМНП, ч. LIV, отд. III. 1847, стр. 33—56; Статья третья — ЖМНП, ч. LIX, отд. III. 1848, стр. 1—24.

⁷ И. Н. Березин. Шейбаниада. История монголо-тюрков на джагатайском диалекте. Казань, 1849.

⁸ В. В. Вельяминов-Зернов. Словарь джагатайско-турецкий. СПб., 1868.

⁹ Н. И. Ильминский. Материалы для джагатайского спряжения из Бабер-наме. Казань, 1865.

¹⁰ Н. И. Ильминский. Бабер-наме, или Записки султана Бабура. Казань, 1857.

¹¹ A. Pavet de Courteille. 1) Mémoires de Baber, tt. I, II. Paris, 1871—1873; 2) Mirâdj-nâmeh. Publié pour la première fois d'après le manuscrit ouïgour de la Bibliothèque Nationale. Paris, 1882; 3) Tezkereh-i Evlia. Paris, 1889.

¹² A. Pavet de Courteille. Dictionnaire turk-oriental destiné principalement à faciliter la lecture des ouvrages de Bâber, d'Aboul-Gâzi et de Mir-Ali-Chir Nevâi. Paris, 1870.

На протяжении последних трех-четырех десятилетий достижения в исследовании староузбекского языка в целом и в изучении отдельных источников были связаны главным образом с именами А. Н. Самойловича, А. К. Боровкова и К. Броккельмана. А. Н. Самойлович дал глубокую лингвистическую и текстологическую характеристику произведений Нава'й, Ата'й, Эмир'и и др., написал несколько очерков по „среднеазиатской“ литературе¹³ и издал ряд текстов.¹⁴ Что касается А. К. Боровкова, то им проделана большая работа по изучению древнейших памятников староузбекского языка и подготовлен к изданию ряд староузбекско-персидских словарей, например словарь Бада'и' ал-лугат Та'ли' Херев'и и словарь Фатх 'Али-хана Каджарского. Несколько статей А. К. Боровкова посвящено творчеству Нава'й и других староузбекских поэтов.¹⁵ Наконец, в ряде статей рассматриваются частные вопросы фонетики и морфологии староузбекского языка.¹⁶

¹³ А. Н. Самойлович. Собрание стихотворений императора Бабура, ч. I. Текст. Пг., 1917; Мухаммед Салих. Шейбани-наме (посмертное издание П. М. Мелиоранского, завершено А. Н. Самойловичем). СПб., 1908.

¹⁴ А. Н. Самойлович. 1) Четверостишия-туйуги Неваи. Мусульманский мир, вып. I. Пг., 1917, стр. 3—15; 2) Из туюгов чагатайца Эмира. ДАН—В, 1926, стр. 75—77; 3) Чагатайские туюги Лютфи. ДАН—В, 1926, стр. 78—80; 4) Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе, IV. Чагатайский поэт XV века Атаи. ЭКВ, т. II, вып. 2, 1927, стр. 257—274; 5) Персидский тюрколог XVIII века Мирза Мехди-хан. Изв. Об-ва обследования и изучения Азербайджана, № 5, Баку, 1927, стр. 3—15; 6) Отрывок из „Та'ашшук-наме“ с игрою рифмующих слов. ДАН—В, 1927, стр. 36—38; 7) К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка. Сб. „Мир-Али-Шир“, Л., 1928, стр. 1—23.

¹⁵ А. К. Боровков. 1) Изучение жизни и творчества Алишера Навои. Сб. „Родоначальник узбекской литературы“, Ташкент, 1940, стр. 11—29; 2) Алишер Навои (к 500-летию со дня рождения). СВ, I, 1940, стр. 107—111.

¹⁶ А. К. Боровков. Ценный источник для истории узбекского языка. Изв. АН СССР, ОЛЯ, т. VIII, вып. 1, М.—Л., 1949, стр. 67—76; 2) Очерки истории узбекского языка, II. СВ, VI, 1949, стр. 24—51; 3) Из материалов для истории узбекского языка. Тюркологический сб., I, М., 1951, стр. 73—79; 4) К вопросам фонетического анализа стихов Навои. Илмий асарлар (Ученые труды). Низомий номидаги Тошкент Давлат педагогика институти, Тошкент, 1959, стр. 5—12; 5) Произношение в стихах Навои. Изв. АН СССР ОЛЯ, т. XIX, вып. 3, М., 1960, стр. 211—221.

К. Броккельманом написана „Грамматика языка мусульманской литературы Средней Азии“, источниками которой явились памятники XI—XIII вв. (Диван Махмуда Кашгарского, Кутадгу билиг, Хибат ал-хақайиқ, Қысақ ал-анбий и т. д.), сочинения классиков староузбекской литературы и произведения поздней суфийской литературы — XVII—XIX вв.¹⁷

Хотя в общем составе источников, судя по приведенным примерам, староузбекская литература рассматриваемого периода (XIV—XVI вв.) в грамматике К. Броккельмана занимает небольшое место, все же можно сказать, что эта работа является в какой-то мере и грамматикой староузбекского языка. Она включает краткое описание источников, фонетику, морфологию и синтаксис.

Отдельные вопросы, связанные с изучением староузбекского языка, в последние годы получили освещение в работах А. Н. Кононова, К. К. Юдахина, Дж. Клосопа, К. Менгеса, Я. Экмана, Э. Рустамова, Г. Ф. Благовой, А. Усманова, Х. Сулейманова, В. Д. Артамошиной, Ш. Шукурова и других.

Таким образом, написание данной грамматики было подготовлено и отчасти явилось итогом исследований, проводившихся в области староузбекского языка местными филологами, а также дореволюционными русскими, советскими и зарубежными специалистами на протяжении нескольких столетий.

КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА РАССМАТРИВАЕМОГО ПЕРИОДА

Узбекский язык рассматриваемого периода (XIV—XVI вв.) мы называем староузбекским.

Наименование „староузбекский“ является относительно новым. Старая тюркологическая традиция избегала его и пользовалась другим наименованием — „чагатайский“, особо подчеркивая при этом книжный, сугубо литературный характер последнего. О староузбекском языке, в отличие от „чагатайского“, говорили только в тех случаях, когда необходимо было противопоставить языку произведений узбекских классиков общий

¹⁷ C. Brockelmann. Osttürkische Grammatik der islamischen Literatur-Sprachen Mittelasiens. Leiden, 1954.

разговорный язык, язык „простого народа“ или язык кочевников Приаралья. Таким образом, в традиционном употреблении понятия „чагатайский“ и „староузбекский“, как правило, имели неодинаковое содержание и резко противопоставлялись одно другому.

Где и когда, т. е. на какой диалектной основе и в какое время, возник „чагатайский“ язык, установить довольно трудно. Обращает на себя внимание то, что в произведениях классиков староузбекской литературы, исключая предшественников Навā'й, формы и фонетические особенности с ярко выраженной диалектной принадлежностью почти не встречаются. Очевидно, в эпоху Навā'й „чагатайский“ язык имел уже большую историю и оторвался от той или иной конкретной диалектной базы. Во всяком случае в XV в. он существовал в том виде, какой принято называть классическим.

Вопрос о литературной норме „чагатайского“ языка никем не ставился. Свообразным эталоном в этом отношении, начиная с XV в., служил язык Навā'й, а несколько позже и язык Бабур. Всякие же попытки поставить этот вопрос в конечном итоге выливались в борьбу за равноправие и простоту тюркской речи, глубоко отразившуюся у Навā'й (Муҳакамат ал-лугатайн, Лайли ва Маджнун и др.), в наставлениях Бабур своему сыну Хумāйюну, в „Шаджара-и тюрк“ Абу-л-ғāзй и т. д. При этом борьба за простоту литературного языка не шла дальше теоретического обоснования ее необходимости: использование оборотов, не свойственных народной тюркской речи, и широкое употребление арабо-персидской лексики остаются характерными для литературного языка на протяжении нескольких столетий.

Изысканность, обилие персидских и арабских заимствований, своеобразная препарация оборотов живой речи и наличие уйгуризмов дали повод некоторым крупным тюркологам считать „чагатайский“ язык искусственным. „Восточный тюркский, или джагатайский, язык, — пишет В. В. Радлов, — не есть язык Средней Азии, как нас уверяют султан Бабер и новейший исследователь его, Вамбери. Это такой же искусственный, литературный язык, как и литературный язык османский; образовавшийся вследствие исторических обстоятельств, он теперь

служит литературным языком восточных тюрков, говорящих очень различными наречиями. Основанием его служил литературный язык уйгуров, выработавшийся до влияния на них мусульманского образования и до нашествия на них монгольских племен¹⁸.

Для доказательства искусственности „чагатайского“ языка и резкого отличия его от языка народа в широком смысле этого слова обычно пользуются следующими высказываниями Абӯ-л-ғазӣ, извлеченными из „Шаджара-и тюрк“ и „Шаджара-и таракима“: „Чтобы эту историю знали все плохие и все хорошие, я изложил ее на тюркском языке и по-тюркски говорил так, чтобы было понятно пятилетнему ребенку. Ни одного слова из чагатайского тюркӣ, из персидского и арабского языков я не добавляю (بر کليمه چغتای تۈركی سینه دین و فارسیدین و عربی دین قوشمای)“¹⁹ и „Да будет известно всем, что те, кто слагали до нас историю тюрков, чтобы показать народу свой талант и искусство, примешивали арабские слова, а также добавляли персидские слова, а тюркскую речь превращали в рифмованную прозу. Мы не делали ничего подобного, ибо тот, кто будет читать или слушать (чтение) этой книги, конечно, будет тюрк, а с тюрком надо говорить по-тюркски, чтобы каждому было понятно“²⁰.

Однако, из высказываний Абӯ-л-ғазӣ не следует, что „чагатайский“ язык был искусственным языком. Абӯ-л-ғазӣ говорит только о лексике, отбор которой в большой степени зависел от лингвистических вкусов и симпатий отдельных авторов. С другой стороны, необходимо отметить, что сам Абӯ-л-ғазӣ пользуется далеко не чистым тюркским языком и указание на отсутствие у него каких бы то ни было лексических элементов „чагатайского“ языка не соответствует действительности. При этом фраза „с тюрком надо говорить по-тюркски, чтобы каждому было понятно“ звучит странно, если учесть, что в оригинальном тексте она имеет — в части грамматической конструкции — явно выраженную персидскую окраску, ср.: *türk-lärä türkänä ajtmaq këräk tâ ularnıñ barıcası faxm kıl-*

¹⁸ В. В. Радлов. Языки Темир-Кутлуга и Токтамыша. ЗВО РАО, т. III, вып. 1—2, 1888, стр. 2.

¹⁹ *شجره تۈركی* Рукоп. отдел ИВ АН СССР, В. 721, л. 236.

²⁰ А. Н. Кононов. Родословная туркмен. М.—Л., 1958, стр. 36.

байлар бизниң айтман сөзімізні.²¹ Таким образом, и тот язык, который Абӯ-л-ғазӣ с большой уверенностью считает общедоступным тюркским языком, содержит изрядное количество иноязычных элементов. И это не удивительно, если принять во внимание широкие масштабы взаимодействия тюркского и иранского населения в Средней Азии и весьма распространенное двуязычие тюрков, о котором Навā'й писал буквально следующее: „Тюрки от большого до малого, от нукера до бека владеют языком сартов в такой степени, что могут говорить на нем о делах, относящихся к их повседневной жизни, некоторые (при этом) говорят даже вполне литературно“²².

Безусловно, некоторые формы проникали в классическую узбекскую литературу не из живой речи, а исключительно книжным путем. Нельзя, например, рассматривать деепричастие на *-бан ~ -бән* у Навā'й или Бабур как факт живой разговорной среды. По понятным причинам у последнего эта форма присутствует только в стихах и совсем не встречается в прозаическом тексте. То же самое можно сказать и о ряде других форм.

Несомненно также и то, что литературный (книжный) язык, в отличие от разговорного, характеризуется несколько индивидуализированным подбором лексики, с большим упором на арабские и персидские элементы и с использованием устоявшихся стилистических приемов.

В целом же староузбекский литературный язык не настолько отделен от разговорного языка, чтобы можно было провести между ними резкую и строго определенную границу. Нет, по существу, никаких оснований относиться с недоверием к сообщению Бабур, подчеркивающего связь и сходство литературного (книжного) языка с языком народа.²³ И прав, конечно, Н. И. Ильминский — первый русский издатель мемуаров Бабур, когда отмечает, что „Бабур, писавший без всякого притязания на литературное щегольство и имевший в виду сочинения Мир

²¹ Точный перевод фразы: 'С тюрками надо говорить по-тюркски, чтобы все они понимали сказанные нами слова'.

²² M. Quatremère. Chrestomathie en turc oriental. 1^{er} fasc. Paris, 1841, p. 6.

²³ См.: Бобир-нома, I қ. Тошкент, 1948, б. 18.

Алишира, без сомнения, удержал в возможной чистоте язык родного ему Андижана".²⁴

Изложенное выше дает основание пользоваться одним наименованием — „староузбекский язык“. Охватывая последним всю совокупность проявлений живой узбекской речи в период с XIV в. по XVI в., мы, тем не менее, отдаем себе отчет в том, что уже в XVI—XVII вв. авторитет классиков староузбекской литературы способствовал консервации их литературного языка, который, не будучи изменяемым, стал производить впечатление частично омертвевшей языковой нормы.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ОБРАЗОВАНИЯ УЗБЕКСКОЙ НАРОДНОСТИ И ФОРМИРОВАНИЯ СТАРОУЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА

Разделение каганата караханидов в середине XI в. на два обособленных государства: восточное — со столицей в Баласагуне, а затем в Кашгаре, и западное — со столицей в Узген(де), позднее в Самарканде,²⁵ положило начало образованию двух центров консолидации восточнотуркестанских тюрок, в то время как монгольское нашествие усугубило различия, вызванные первоначальным разделением. Бывший в течение некоторого времени относительно единым Чагатайский улус уже в последней четверти XIII в. распался на две части: Мавераннахр — центральную область между Аму-Дарьей и Сыр-Дарьей, и Могилистан, включавший территорию Восточного Туркестана и Семиречья.

Государственное, политическое и экономическое обособление среднеазиатских центров к концу XIV в. становится настолько значительным, что почти всякие связи с Кашгаром утрачиваются.

Формирование узбекской народности и развитие староузбекского языка в этот период определяются обстоятельствами, вы-

²⁴ Бабер-намэ, стр. I.

²⁵ См.: O. Pritsak. Karachanidische Streitfragen, 1—4. Oriens, V. III, Nr. 2. Leiden, 1950, S. 228. — Бабур называет Узген столицей древней Ферганы, см. БН: ... ва Узгенд кэ кадём Фарбәйнәһиң пәйтахт әкәндур (128).

текающими из специфики исторического процесса на указанной территории. В данном случае выступает обычное для Востока взаимодействие кочевнической и оседлой части общества. „У всех восточных племен, — отмечает К. Маркс, — можно проследить с самого начала истории общее соотношение между оседлостью одной части их и продолжающимся кочевничеством другой части“.²⁶

Оседание кочевников в Мавераннахре, Шаше и Фергане происходило в течение нескольких столетий как мирным путем, так и в результате ожесточенной междоусобной борьбы и набегов. В легенде, которая приводится в анонимном сочинении под названием „Шаджарат ал-атрәк“ описан один из моментов передвижения кочевников в XIII—XIV вв. в Мавераннахр: „...а когда каждого из тех людей, которые вместе со святым Сейид-Ата и Султан-Мухаммед-Узбек-ханом выступили в поход и шли (в Мавераннахр), спрашивали, кто эти идущие, то они избирали (для ответа) имя предводителя и царя своего, которое было Узбек. По этой причине с того времени пришедшие люди стали называться узбеками...“.²⁷ Нас в данном случае не интересует вопрос, касающийся истинности этих истоков для последующего этнического наименования тюркского населения юго-восточной и центральной части Средней Азии. Важен тот факт, что для историков XV—XVI вв., писавших на персидском и тюркских языках, представлялось достоверным и очевидным продвижение кочевников в Мавераннахр еще в начале XIV в., так как годы правления Узбек-хана относятся к первой половине XIV в. (1312—1342 гг.).

Особую роль в усилении натиска кочевников на земли оседлых тюркских и иранских племен сыграло образование государства Абү-л-хайр-хана, завоевавшего в середине XV в. область нижнего течения Сыр-Дарьи с городами Сыгнаком, Узгендом и Сузаком.

О том, что этнический состав узбеков-кочевников и оседлых узбеков, называвшихся просто тюрками, частично совпадал,

²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. М., 1953, стр. 37.

²⁷ Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном. Сб. материалов, относящихся к истории Золотой Орды, II, М.—Л., 1941, стр. 206—207.

свидетельствует список племен, представители которых принимали участие в возведении Абу-л-хайра на ханский престол, ср. тангут, кунграт, дурмен, найман, хатай, уйгур, карлук, уйшун, мангыт и др.

Проникновение кочевников в оазисы в XIII—XIV в. и завоевательное движение Абу-л-хайра способствовали распространению в низовьях Сыр-Дарьи западнотюркских (кыпчакских) элементов. Следует сказать, что они изменили соотношение диалектных группировок, вызвали смешение некоторых диалектных явлений, однако не в такой степени, чтобы можно было говорить об их полном перераспределении. А. Ю. Якубовский справедливо отмечает: "...кочевники-узбеки застали, если не на всей территории современного Узбекистана, то во всяком случае на огромной ее части, густое тюркоязычное, т. е. тюркское и тюркизированное, население, которое долго жило здесь культурной жизнью и складывалось в процессе слияния с другими, более древними народами, жившими здесь со времен глубокой древности. Кочевники-узбеки вошли в это тюркоязычное население лишь как последнее слагаемое, передав ему свое имя".²⁸

Процесс проникновения в местный язык кыпчакских элементов был многосторонним и довольно длительным. При этом в разных местах он имел разную степень интенсивности: в некоторых районах указанный процесс привел к образованию смешанных, кыпчакизированных, говоров, в других местах кыпчаки оседали компактной массой, сохранявшей продолжительное время свою обособленность и не оказывавшей заметного влияния на местные диалекты.

В западной и северо-западной части Мавераннахра и особенно в южном Хорезме староузбекский язык подвергался сильному влиянию огузских племен, важная роль которых в образовании узбекской народности совершенно очевидна.

Таким образом, возникновение узбекской народности и староузбекского языка явилось результатом сложного взаимодействия местного тюркского населения Мавераннахра и Ферганы

²⁸ А. Ю. Якубовский. К вопросу об этногенезе узбекского народа. Ташкент, 1941, стр. 3.

с кочевниками Дешти-Кыпчака и населением Хорезма. При этом местное тюркское население само по себе смешалось с иранским и поглотило ряд монгольских племен, известных под общим названием чагатаев.

КРАТКИЙ ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ

Основными источниками при написании грамматики староузбекского языка служили произведения художественной, исторической и религиозно-повествовательной литературы, письма, деловые документы, многочисленные „чагатайско“-персидские и другие двуязычные и толковые словари, а также специальные филологические сочинения, принадлежащие узбекским и не-узбекским авторам.

Приступая к характеристике названных групп источников, мы должны отметить еще раз то обстоятельство, что в развитии так наз. чагатайской литературы и чагатайского языка сыграли большую роль факты литературной преемственности и литературных связей.

Развитие староузбекского языка в его классической форме было подготовлено не только чисто внутренними моментами: усилением процесса формирования узбекской народности, осознанием единства тюркского населения Ферганы и Мавераннахра и т. д., но в известной мере также и внешними факторами, а именно: развитием литературного языка Кашгара и существованием на территории, прилегающей к Аральскому морю, золотоордынского языка, сочетавшего в себе блеск изысканной литературной речи с присутствием значительного количества диалектных элементов.

Восточнотуркестанский литературный язык Кашгара уже рассматривался нами в одной из предыдущих работ. Он имеет определенные хронологические границы, не совпадающие со временем расцвета староузбекской литературы и оформления староузбекского языка, занимает довольно обособленное положение в отношении последнего, несмотря на то, что оказал большое влияние на его развитие, и, естественно, не может быть объектом исследования в данной работе.

Что касается золотоордынского языка, то он, хотя и хронологически предшествует образованию классического староуз-

бекского языка и имеет несколько своеобразные истоки (смешанная кыпчакско-огузская диалектная база Приаралья), все же является разновидностью последнего и должен занять соответствующее место в нашем исследовании.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ И ИСТОРИКО-МЕМУАРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Наиболее крупными из произведений художественной и историко-мемуарной литературы являются поэтические сочинения Кутба, Хорезми, Сиди Ахмеда, Лutfи, Ата'и, Саккаки, Ходженди, Мир Хайдара (поэтическое прозвище „маджзуб“), Нава'и, Бабура, Мухаммеда Салиха, также сочинения, написанные в прозе, Нава'и и других авторов.

ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ ЦИКЛ

Кутб. Никакими биографическими сведениями о Кутбе мы не располагаем. Можно лишь предположить, что он происходил из Хорезма и жил в первой половине XIV в.

Кутб известен как автор тюркской (золотоордынской) версии поэмы Низамий „Хосрав и Ширин“; поэма Кутба была написана в 1341—1342 гг. и посвящена Тини-беку (Тини-беку),²⁹ старшему сыну Узбек-хана.

Единственный список сочинения Кутба хранится в Национальной Библиотеке Парижа.³⁰ Он составлен в 1383 г. Составителем списка является Берке, выходец из кыпчакских степей, живший в Египте.

Сочинение Кутба состоит из традиционных вступительных глав, глав, в которых прославляются Тини-бек и хан Малик и объясняются причины написания книги, и основного раздела, в котором изложена история любви Хосрава и Ширин, а также Фархада и Ширин.³¹

²⁹ См.: P. Pelliot. Notes sur l'histoire de la Horde d'or. Paris, 1950, p. 96.

³⁰ См.: E. Blochet. Catalogue des manuscrits turcs. Bibliothèque Nationale, t. I. Paris, 1932, p. 133; A. Zajaczkowski. Zabytek językowy ze Złotej Ordy, Husrev u Şirin Quṭba. RO, t. XIX, Warszawa, 1954, ss. 45—79.

³¹ Полный текст издан А. Зайончковским: A. Zajaczkowski. Najstarsza wersja turecka Husrev u Şirin Quṭba, część I. Tekst. Warszawa, 1958.

В языковом отношении „Хосрав и Ширин“ отличается от других поэтических произведений золотоордынского цикла — таких, как, например, Мухаббат-наме и Та'ашшук-наме. Расхождения наблюдаются и в лексике, и в фонетике, и в морфологии. Можно смело сказать, что с языковой стороны данный вариант следует рассматривать и как памятник золотоордынского цикла и как произведение караханидской эпохи, стоящее в одном ряду с Кутадгу билиг и Хибат ал-хака'иқ (Atebetü' l-hakayıq).

Укажем некоторые из фонетических и морфологических особенностей поэмы Кутба (XIII):

широкое употребление межзубного δ — бэдйк 'высокий' (16), *idi* 'господин' (16), *кэдйрди* 'одел (он)' (26), *эдгй* 'хороший' (4а), *адакин* 'ногу' (4а), *кудук* 'колодец' (5а), *кодуп* 'положив' (5а), *кадбу* 'печаль' (21б), *эдäplän* 'оседлав' (30а);

наличие формы повелительного наклонения 3-го лица единственного числа на *-су ~ -сй* — *кэсй* 'пусть придет' (16), *жэсй* 'пусть достигнет' (6б), *болсу* 'пусть станет' (9б), *калмасу* 'пусть не останется' (41а);

широкое использование деепричастия на *-(j)у ~ -(j)й* — *хал кйлу бэр* 'реши' (16), *издäйй* 'ища' (2а);

многовариантность аффиксов, образующих формы предлательно-желательного наклонения 1-го лица единственного и множественного числа (*-ім ~ -им*, *-байім ~ -гäйім*, *-ін ~ -ин*, *-байін ~ -гäйін*, *-лім ~ -лим*, *-балім ~ -гäлим*, *-лйң ~ -лиң*, *-балйң ~ -гäлиң*) — *жävрäлим* 'отвернем-ка' (3б), *ајајім* 'скажу-ка' (7а), *кйлалйң* 'сделаем-ка' (9б), *бакајін* 'посмотрю-ка' (11б), *качалйң* 'убежим-ка' (16а), *ичäлиң* 'выпьем-ка' (16а), *кйзläгäјін* 'спрячу-ка' (18б), *издäлиң* 'поищем-ка' (21б), *жägäлим* 'поедим-ка' (29б), *ојна-балйң* 'поиграем-ка' (35б);

употребление собирательных числительных на *-абу ~ -ägй* и кратких форм порядковых числительных типа *биринч* — *төр-тägй* 'четверо' (5б), *икинч* 'второй' (11а), *йчйңч* 'третий' (11б), *икägй* 'двое' (29б);

использование формы местного падежа в значении исходного — *анда соң* 'затем' (2а), *кэтті эңдä алй* 'ушла с щек краска' (17а);

частичное сохранение полных личных форм условного наклонения — *табсамән* 'если найду' (7б), *табмасамән* 'если не найду' (14б).

Перечисленные особенности свидетельствуют о том, что поэма *Кутба* принадлежит к наиболее ранним из известных нам произведений золотоордынского цикла и что она является важным источником не только староузбекского, но и других среднеазиатских тюркских языков.

Хорезмий. *Хорезмий* — тахаллус (прозвище) поэта, жившего в XIV в.

Нам известно только одно произведение *Хорезми* — *Муҳаббат-наме*, написанное в 1353 г. где-то на территории Хорезма или, шире, Приаралья, о чем говорит сам автор, см. Add. 7914, л. 311б: „Я произнес здесь слова *Муҳаббат-наме*, всё я написал на берегах *Сыр-Дарьи*“.

Самый ранний список *Муҳаббат-наме* — уйгурский (Or. 8193), хранящийся в Британском Музее. Он составлен в год мыши, 835 г. х., в начале месяца *раджаба* (1432 г.), в г. *Йезде*, по приказанию *Мир Джалал ад-дина*. Весь список располагается на 14 листах, из которых один или два последние перепутаны. Данный список ценен тем, что он появился всего лишь через 79 лет после написания оригинала.

Вторая рукопись *Муҳаббат-наме*, написанная арабскими буквами, принадлежит также Британскому Музею (Add. 7914).³² Она датируется началом XVI в. (1508/1509 гг.). Рукопись занимает 24 листа (лл. 290—313), включает в себе 11 писем-посланий и отличается от первой главным образом размерами, наличием больших вставок персидского текста и в отдельных случаях иным порядком расположения полустиший и стихов.

Для *Муҳаббат-наме* характерно наличие большого количества звуковых и морфологических особенностей, свойственных языкам западной и южной групп; ср., например, выпадение конечных заднеязычных в положении после узких гласных у существительных и прилагательных, непостоянство группы *лт*, присутствие формы дательного падежа на *-а ~ -ä* и формы винительного падежа на *-й ~ -i*, употребление деепричастия на *-вач ~ -йич*, послелога *ilä* (в качестве средства выражения орудно-комитативных значений), формы настоящего-будущего вре-

³² См.: Ch. Rieu. Catalogue of the Turkish Manuscripts in the British Museum. London, 1888, p. 290 (в дальнейшем: Rieu).

мени на *-йсар ~ -icär*, почти не встречающейся в староузбекских текстах.

В целом однако язык *Муҳаббат-наме* почти не выходит за пределы норм, объединяющих литературные произведения Хорезма и Мавераннахра, так что нет оснований рассматривать его в связи с какой-либо другой литературно-языковой традицией, например, староосманской.

Муҳаббат-наме получило широкое распространение в Средней Азии. Об этом свидетельствует, в частности, появление подражательных сочинений *Сиди Аҳмеда* (*Та'ашшук-наме*) и *Ходженди* (*Латфат-наме*) и использование одного двустишия из *Муҳаббат-наме* 'Али Шером Навāй в *Муҳакмат ал-лугатайн*.³³

Сиди Аҳмед. *Сиди Аҳмед* — личность недостаточно определенная. В. В. Бартольд, ссылаясь на А. Н. Самойловича, указывает на возможность толкования одного места в *Та'ашшук-наме* в том смысле, что поэт называет себя сыном *Миран-шаха*, и отмечает вместе с тем, что в одном из сочинений *Сиди Аҳмед* упоминается среди сыновей 'Омар-шейха.³⁴ Далее В. В. Бартольд приводит текст отрывка, описывающего события 1455—1456 гг., извлеченный из хроники 'Абд ар-Раззāқа, в котором *Сиди Аҳмед* определенно назван сыном *Миран-шаха*: „султан Аҳмед бен Сейид Аҳмед бен мирза *Миран-шах*“.³⁵

По нашему мнению, выражение *ибн-и Миран-шах*, встречающееся в тексте *Та'ашшук-наме* и относящееся к автору, дает основание считать, что упоминание его среди сыновей 'Омар-шейха было ошибочным.

Сиди Аҳмед является автором *Та'ашшук-наме* — поэмы, написанной в подражание *Муҳаббат-наме* в 1435 г. Единственный список этого сочинения, известный специалистам, хранится в Британском Музее, где он составляет часть большой рукописи (Add. 7914, лл. 273—289), описанной в каталоге Ш. Рье.³⁶ В указанную рукопись входят, кроме *Та'ашшук-наме*, *Муҳаббат-наме*, *диван Лутфи* и другие произведения.

³³ M. Quatremère. Chrestomathie en turc oriental, p. 11.

³⁴ В. В. Бартольд. Улугбек и его время. Зап. Росс. АН, VIII-я серия, т. XIII, № 5, Пг., 1918, стр. 70.

³⁵ Там же, стр. 70.

³⁶ Rieu, pp. 289, 290.

Та'ашшук-наме состоит из вступления, десяти посланий, нескольких посвящений и заключительного текста. Почти каждое послание состоит из основной части, газели и заключения, в котором говорится о характере и смысле существования.

Язык Та'ашшук-наме не обнаруживает ничего, что могло бы образовать заметную границу между ним и классическим староузбекским языком XIV—XVI вв. Как и в других текстах золотоордынского цикла, в Та'ашшук-наме в основном отражены фонетические особенности языка населения центральных областей Средней Азии, причем количество признаков кыпчакского и огузского происхождения заметно сокращается. Особенно показательна в этом отношении морфология языка Та'ашшук-наме, в которой черты южной группы тюркских языков, в виде огузского вклада, занимают незначительное место. Так, форма винительного падежа на *-i ~ -i (-ji ~ -ji)* прослеживается не более четырех раз, форма дательного падежа на *-a ~ -ä* с различными вариантами для основ, имеющих притяжательное оформление — немногим больше, отрицательная частица *dəgijl* — один раз, причастие на *-aci ~ -äci* — два раза. Для лексики Та'ашшук-наме характерно наличие таких слов, которые обычны для любого староузбекского текста.

К литературным памятникам золотоордынского цикла отчасти примыкает один из списков Сал-наме, составленный в довольно позднее время. Он образует заключительную часть (В. 721, лл. 2036—2066) рукописи сочинения Абу-л-гази Шаджара-и тюрк, составленной в Бухаре в 1234 г. х. (1818/1819 гг.).

Бухарский список Шаджара-и тюрк и список Сал-наме составлены в одно время и одним и тем же лицом. Что касается оригинала Сал-наме, то, как справедливо заметил А. Н. Самойлович, есть „основания предположить, что оригинал сборника примет был написан в западном Туркестане в XIV—XV вв.“³⁷ Место написания данного экземпляра — область между Сыр-Дарьей и Аму-Дарьей, примыкающая к Хорезму. На это указывает упоминание в тексте Сыр-Дарьи, а также наличие

³⁷ А. Н. Самойлович. К вопросу о двенадцатилетнем животном цикле у турецких народов. Сб. в честь С. Ф. Ольденбурга. Л., 1927, стр. 156.

своеобразных грамматических форм, например порядковых числительных на *-ланчи*, ср.: *токузланчи* 'девятый', *онланчи* 'десятый'.

Сборник состоит из двух частей. В первой повествуется о годах двенадцатилетнего „животного“ цикла и о связанных с ними приметах. Во второй части говорится, каким будет новый год в зависимости от того, на какой день недели выпадет навруз.

Из числа характерных языковых особенностей Сал-наме можно назвать своеобразную передачу звука *p* как в заимствованных, так и в собственно тюркских словах, ср.: *арфа* 'ячмень' (л. 2046), *фијаз* 'лук (растение)' (л. 205а), *фаліз* 'огород', 'бахча' (л. 206а), имеющую, по-видимому, хивинское происхождение.

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ НАВА'И

Промежуточное положение между литературой золотоордынского цикла и классической староузбекской литературой конца XV—начала XVI вв. в языковом отношении занимают поэтические произведения предшественников Нава'и:³⁸ Лутфи, Ата'и, Саккаки, Якбни, Эмир, Ахмед, Ходженди, Мир Хайдара, Муқим, Гада'и и других.

Лутфи. Лутфи известен как крупный узбекский поэт конца XIV—начала и середины XV вв. Поэтическое искусство Лутфи было настолько высоким и совершенным, что 'Али Шер Нава'и находил возможным называть его „дарем слова своего времени“ (اوز زمانى نينك ملك الكلامى) и утверждал, что равного ему в персидской и тюркской поэзии не было, хотя слава Лутфи как тюркского поэта несомненно значительнее (اما توكى دا شهرتى).³⁹ Умер Лутфи в 1492 г., на 99-м году жизни, в Герате.⁴⁰

Из произведений Лутфи хорошо известны его газели. Газели, касыды Лутфи, а также другие поэтические формы встречаются

³⁸ О предшественниках Нава'и см. статью: Э. Рустамов. Народные элементы в узбекской поэзии первой половины XV в. Сб. „Вопросы узбекской литературы“, Ташкент, 1959, стр. 371—414.

³⁹ مجالس النقاشس Рукоп. отдел ИВ АН СССР, В. 270 (а 281), л. 42а.

⁴⁰ تذکره التوارىخ Рукоп. отдел ИВ АН Уз.ССР, № 2093, л. 149а.

в собраниях многих рукописных хранилищ, чаще в составе поэтических антологий (غزلیت), реже в монографических сборниках — диванах. Один из ранних списков дивана (часть рукописи Add. 7914) принадлежит Британскому Музею.⁴¹ Относительно поздний список (А. 109) имеется в рукописном отделе Института востоковедения Академии наук СССР в Ленинграде.⁴² Значительная часть газелей Лутфй входит в рукописный сборник библиотеки Стамбульского университета (№ 2753), объединяющий под названием Мухаббат-наме диваны Нава'й, Эмйрй и сочинение Мир Хайдара Махзан ал-асрар. Несколько списков дивана Лутфй находится в собрании восточных рукописей Академии наук Уз.ССР (121/V, 1431, 5023/I, 5024/I). Все они были составлены в XIX в. (время составления трех последних списков устанавливается предположительно).⁴³ Самый ранний из арабских списков, относимый к началу XVI в., хранится в Британском Музее.⁴⁴ Четыре газели Лутфй входят в сборник, написанный уйгурскими буквами в Йезде в 1432—1433 гг. (Брит. Музей. Or. 8193); несколько газелей и касыд имеется в составе рукописей №№ 2260/X, 4502 и др. (Рукоп. отдел ИВ АН Уз.ССР).

Кроме дивана, Лутфй принадлежит также поэма Гюлю Навруз, написанная в стихотворной форме месневи,⁴⁵ и стихотворный перевод Зафар-наме Шараф ад-дина Йездй (более двух тысяч двустиший), который не сохранился.

Язык Лутфй, как и других поэтов — предшественников Нава'й, обнаруживает ряд особенностей кыпчакского и огузского

⁴¹ Rieu, p. 286.

⁴² Институт востоковедения (Академия наук СССР) с 1960 г. носит наименование „Институт народов Азии“. В предлагаемой работе сохранено старое наименование, поскольку оно в сокращенном виде (ИВ) пока продолжает употребляться в каталогах, указателях и т. п.

⁴³ Собрание восточных рукописей АН Уз.ССР, т. II. Ташкент, 1954, стр. 170—173 (в дальнейшем: Собр. вост. рукописей).

⁴⁴ Rieu, p. 288 (Add. 7914/VI).

⁴⁵ Rieu, p. 285 (Add. 7914/III); G. Flügel. Die arabischen, persischen und türkischen Handschriften der Kaiserlich-Königlichen Hofbibliothek zu Wien, I. Wien, 1865, S. 614 (№ 649) (в дальнейшем: Flügel). Полное наименование у Г. Флюгеля: *کتاب کل نوروز لطیفی اوستاد حضرت نواشی*. При этом автором назван Нава'й. См. также: H. Ethé. Catalogue of the Persian, Turkish, Hindūstānī and Pushtū Manuscripts in the Bodleian Library, Part II. Oxford, 1930, p. 1194 (в дальнейшем: Ethé).

происхождения: отпадение в некоторых случаях конечных заднеязычных после узких гласных, наличие специфических падежных форм и т. д.

Ата'й (Атайй). Об Ата'й в Маджалис ан-нафа'ис⁴⁶ сообщается следующее: он жил в Балхе; его отец Исма'ил-ата, как установил А. Н. Самойлович, являлся преемником Саййид-ата и последователем Ахмеда Есевй.⁴⁷ Некоторые сведения из биографии Ата'й сообщает Нава'й. Из этого сообщения следует, что Ата'й „был суфием, имел добрый и веселый нрав (درویشی)“ (و خوش خلق و منبسط کیشی ایردی (تورکى کوى ایردی)). Нава'й приводит также одно из двустиший Ата'й и указывает на мелкую погрешность в рифме, ср.:

اولتورور олтурур

بولور болур,

замечая при этом, что Ата'й писал (букв.: говорил) по-тюркски и поэтому не заботился о рифме (امّا مولانا تورکانه ایتور ایردی قافیہ) (اختیاطیغه مقید ایماس ایردی).⁴⁸

Газели Ата'й, собранные в диване, сохранились в одном списке, принадлежащем Рукописному отделу Института востоковедения в Ленинграде (В. 2456). Этот список состоит из 76 листов небольшого формата и включает в себе 260 газелей.⁴⁹ Есть основания считать его довольно ранним.

Саккākй. Саккākй, живший приблизительно в то же время, что и Ата'й, — житель Мавераннахра, о чем он сообщает сам в одной из газелей:

ماورالنهر ايجرا قالديم چون که ايکی يائيمه

کوزلاريم نينک بيري سيچون بيري جيچون ايلادی

‘Я остался в Мавераннахре, так как
возле меня, с двух сторон,
один мой глаз образовал Сыр-Дарью, а
другой — Аму-Дарью’.⁵⁰

⁴⁶ *مجالس النفايس* Рукоп. отдел ИВ АН СССР, В. 270, лл. 43а—43б.

⁴⁷ А. Н. Самойлович. Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе, IV. Чагатайский поэт XV века Атаи, стр. 259.

⁴⁸ *مجالس النفايس* Рукоп. отдел ИВ АН СССР, В. 270, л. 43а.

⁴⁹ Полное описание рукописи см. у А. Н. Самойловича, ук. соч., стр. 257, 258.

⁵⁰ См.: دیوان سکاکی Брит. Музей, Or. 2079, л. 306 (по фотокопии).

Нава'й, говорящий о Саккаки как о жителе Самарканда, пишет, что он пользовался большим доверием населения этого города. Репутация Саккаки как поэта была чрезвычайно высока, и самаркандцы воздавали ему хвалу. Между тем сам Нава'й относит Саккаки к числу второстепенных поэтов. Он сообщает далее, что пытался найти в Самарканде что-либо из произведений поэта, но что ничего заслуживающего похвалы не оказалось. В связи с этим Нава'й говорит о существовании молвы, утверждавшей, что все хорошие стихи Саккаки присвоил и выдал за свои Лутфи (اوغورلاب اوز آئيغه قىليب دور). По словам Нава'й, в действительности ничего подобного не было.⁵¹

Некоторые данные, например обращение Саккаки в одной из касид к Халил-султану, правившему Самаркандом в 1404—1408 гг., позволяют считать, что он умер не раньше конца первого десятилетия XV в.

Диван Саккаки известен в одном списке, принадлежащем Британскому Музею (Ог. 2079).⁵² В нем 31 лист (лл. 36—33а). Несколько газелей Саккаки включены в рукописный сборник № 4757, хранящийся в Ая-София (лл. 163—167).

Яқбӣнӣ. Яқбӣнӣ — один из малоизвестных предшественников Нава'й. В Маджалис ан-нафа'ис он назван сразу после Лутфи.⁵³ Нава'й характеризует Яқбӣнӣ как человека довольно энергичного и достойного уважения и отмечает, что он писал стихи на тюркском и персидском языках. В Рийаз аш-шу'ара (см. у Ш. Рье) Яқбӣнӣ упоминается с дополнительной нисбой (Херевӣ), указывающей на его гератское происхождение. Даты рождения и смерти Яқбӣнӣ неизвестны. Однако можно предположить, что умер он не раньше сороковых годов XV в.

Из поэтических произведений Яқбӣнӣ сохранились отдельные двустишия, часть из них приводится в его прозаическом сочинении, одно двустишие имеется в Маджалис ан-нафа'ис.

В прозе Яқбӣнӣ увековечил свое имя как автор очень острого полемического произведения (مناظره) — Оқ йайнинг муназарасы „Состязание лука и стрелы“. Единственный список этого мун-

⁵¹ مجالس النفايس Рукоп. отдел ИВ АН СССР, В. 270, лл. 44а—44б.

⁵² См.: Rieu, p. 284.

⁵³ مجالس النفايس Рукоп. отдел ИВ АН СССР, В. 270, л. 43а.

зара хранится в Британском Музее.⁵⁴ Он входит в состав рукописи Add. 7914 (лл. 3146—321а).

Излагая спор стрелы, символизирующей прямоу, правдивость, и лука, олицетворяющего ложь и лицемерие, Яқбӣнӣ обильно цитирует персидских поэтов,⁵⁵ а также Ата'й (318а), Саккаки (319б), Лутфи (319б) и Гада'й (321а). Бесспорную ценность представляют отрывочные характеристики староузбекских поэтов, сопровождающие цитаты из их произведений (ср. ينده سكاى كيم توك شاعرلارئينك مجتهدى دور: ينده مولانا لطفى كه طبع بپرله ظوفا اراسيندا مشهور اپرور).

Аҳмедӣ. Имеющиеся у нас сведения об Аҳмедӣ чрезвычайно скудны и недостаточны для того, чтобы определить его место среди староузбекских поэтов — предшественников Нава'й. Неясно также, в каком отношении к Аҳмедӣ находится автор Искандер-наме (тоже Аҳмедӣ),⁵⁶ живший во второй половине XIV в.

Аҳмедӣ — автор муназара, в котором в качестве спорящих сторон выступают танбур (طنبور) и разные музыкальные инструменты: 'уд (عود), чанг (چنگ), кобуз (قوبوز), ятуган (ياتوغان), рубаб (رباب), гыжжак (غيججك), кунгра (گونگره). Число основных глав соответствует количеству названных выше музыкальных инструментов, помноженному на два: после восхваления собственных достоинств каждого из инструментов и порицания танбура следует ответ последнего. Сочинение Аҳмедӣ написано в стихах (месневи).

Список муназара „Состязание музыкальных инструментов“ является частью рукописи Add. 7914 (XI, лл. 3216—3286).

Эмӣрӣ. Эмӣрӣ — придворный поэт Байсунгура Мирзы, сына Шахруха, умерший в годы юности Нава'й. Последний дает высокую оценку стихам Эмӣрӣ (ترکجه شعری یخشى واقع بولوب تور).

⁵⁴ Rieu, pp. 290, 291 (Add. 7914/X). Текст муназара Яқбӣнӣ издан, см.: Э. Рустамов. Муназарэ „Стрела и лук“ узбекского поэта XV в. Яқини. СВ, № 4, 1957, стр. 90—106.

⁵⁵ Ср. муназара Асади (XI в.), имеющее такое же наименование, как и муназара Яқбӣнӣ. См.: Е. Э. Бертельс. Избранные труды. История персидско-таджикской литературы. М., 1960, стр. 242.

⁵⁶ См.: Encyclopédie de l'islam, v. IV, p. 993.

однако отмечает, что он не снискал славы (شهرت تو تجمای دور) и, очевидно, пользовался репутацией второстепенного поэта.⁵⁷

Диван Эмирй, содержащий 24 четверостишия-туюга, является частью рукописи № 2753⁵⁸ библиотеки Стамбульского университета. 11 туюгов из дивана Эмирй были изданы А. Н. Самойловичем.⁵⁹

Эмирй также автор Дах-наме, эротической поэмы, которая по содержанию весьма близка к тюркским поэмам золотоордынского цикла — Мухаббат-наме и Та'ашшук-наме, а также к произведениям Аухадй, 'Арифй, Хумам Тебрйзй и Ибн 'Имадй,⁶⁰ написанным на персидском языке. В композиционном отношении Дах-наме несколько отличается от Мухаббат-наме и Та'ашшук-наме: каждое послание содержит не только обращение влюбленного к возлюбленной или наоборот, но и ответ того или другого. В целом структура послания такова: 1) обращение, 2) ответ, 3) газель, 4) фард. Различны и более мелкие детали композиции. Таким образом, почти несомненно, что Дах-наме является подражанием непосредственно персидским образцам, на которые ориентировался и автор Мухаббат-наме. Возможно, Эмирй был знаком с текстом Мухаббат-наме, тем не менее он не копировал его так, как Сйди Ахмед, написавший Та'ашшук-наме.

Дата написания Дах-наме 833 г. х. (1429/1430 г.; см. л. 271б:

ایرور تاریخی اوچون ضابطی و اجب

Список Дах-наме хранится в Британском Музее (Add. 7914/VII, лл. 228б—272а).

Мы считаем Эмирй и автора сочинения *بنگ و جاغر اراسیندا*⁶¹ „Спор между бэнгом⁶² и вином“, примыкающего к циклу

⁵⁷ مجالس النفاثس Рукоп. отдел ИВ АН СССР, В. 270, лл. 14а, 14б. См. также محاکمة اللغتين, стр. 34.

⁵⁸ В настоящее время эта рукопись, очевидно, имеет другой шифр (Т. 5452).

⁵⁹ А. Н. Самойлович. Из туюгов чагатайца Эмири, стр. 75—77.

⁶⁰ См.: Rieu, p. 289.

⁶¹ Ср. поэму Фузүлй *بنگ و جاغر*. См.: Л. В. Дмитриева. Тюркские рукописи Института востоковедения АН СССР. Проблемы Востоковедения, № 4, М., 1959, стр. 144; Я. С. Мищук. Рукопись дивана Физули Восточного факультета ЛГУ (рукопись, в ИЯ АН СССР).

⁶² Индийская конопля (род наркотика).

муназара, Юсуфа Эмирй, одним лицом. „Спор между бэнгом и вином“, так же как Дах-наме, входит в состав рукописи Add. 7914 (XII, лл. 329б—337б).

Мйр Хайдар. К имени Мйр Хайдара присоединяется поэтическое прозвище „маджзуб“ (ср. также Хайдар „тёлба“), означающее „экстатический, восторженный, помешанный“. Мйр Хайдар занимал важное место среди старших современников или предшественников Нава'й. В этом отношении примечательны разные факты и прежде всего многократное цитирование его в „чагатайско“-турецком словаре Абушқа, где в основном приводятся отрывки из произведений Нава'й и Лутфй. Согласно сведениям, изложенным Нава'й в Маджәлис ан-нафа'ис (лл. 23а—23б), Мйр Хайдар был образованным человеком и хорошо знал светские науки (ظاهر علوميين). Как и многие другие поэты того времени, он писал не только по-тюркски, но и по-персидски.⁶³

Возможно, что под именем Мйр Хайдара выступали две исторические личности, с тахаллусами „тёлба“ („маджзуб“) и „сабухй“.

Сочинение Мйр Хайдара „тёлба“ — Махзан ал-асрәр, назидательно-религиозная поэма, написанная в подражание одноименному произведению Низамй и посвященная султану Искандеру Мйрзе.

Текст поэмы (по списку Британского Музея) разделен на одиннадцать рассказов (حكایت). Кроме того, он включает в себя два особых раздела (سوز باشى و مقالت).⁶⁴

Хорошо сохранившийся список Махзан ал-асрәр имеется в Британском Музее (Add. 7914/IV, лл. 115—141).⁶⁵ Второй, находящийся там же, список сочинения Мйр Хайдара (Or. 3491) существенно отличается от первого и обнаруживает ряд лакун.⁶⁶

Третий список Махзан ал-асрәр, состоящий из 26 листов, был приобретен в конце XVIII в. Королевской придворной библиотекой в Вене.⁶⁷

⁶³ مجالس النفاثس Рукоп. отдел ИВ АН УзССР, № 5289, л. 24б.

⁶⁴ Rieu, pp. 286, 287.

⁶⁵ Rieu, p. 286.

⁶⁶ Rieu, p. 298.

⁶⁷ Flügel, S. 612. См также: Gottwaldt. Aus Briefen an Prof. Fleischer. ZDMG, Bd. XIII, Leipzig, 1859, SS. 503, 504 (ср.: مخزن الاسرار Казань, 1858).

В предисловии к изданию Ми'радж-наме Паве-де-Куртей сообщает о приобретении в Тегеране четвертой, уйгурской рукописи Махзан ал-асрар. Тегеранская рукопись, по-видимому, древнейшая из всех известных рукописей этого сочинения. Она датируется XV в. и по характеру письма сходна с Ми'радж-наме. Объем рукописи — 55 листов небольшого формата. Данные, относящиеся к композиции текста, несколько отличаются от тех данных, которые приведены у Ш. Рье по первому списку Британского Музея. Вся поэма, — пишет Паве-де-Куртей, — содержит двадцать مقاله, включая повествовательную часть, предисловие (دباجه) и заключение (خاتمه). Составителем уйгурского списка является 'Али-шах бахши.⁶⁸

Пятый список Махзан ал-асрар, как сообщает К. Броккельман⁶⁹ имеется в Берлине (?).

Ходжендй. Ходжендй — тахаллус неизвестного поэта, родившегося в Ходженде и пользовавшегося широкой известностью.

Основное сочинение Ходжендй — Латифат-наме — написано на ту же тему, что и Мухаббат-наме, Та'ашшук-наме и Дах-наме. Поэма состоит из десяти посланий, имеющих обычную для данного цикла композицию.

Единственный список Латифат-наме находится в Британском Музее (Add. 7914/V, лл. 142—157).⁷⁰

Вполне вероятно, что Ходжендй, автор Латифат-наме, и Камал Ходжендй, видный поэт и известный шейх, составитель дивана персидских газелей, — одно и то же лицо.

Биография Камала Ходжендй имеется в одном из списков его дивана.⁷¹ Он — сын одного из знатных лиц Ходженда, поселившийся после посещения Мекки в Тебризе (Иранский Азербайджан). После захвата Тебриза Токтамышем Камал Ходжендй был направлен в г. Сарай (بديار دشت قیچاق بشهر) и находился там в течение четырех лет. Затем вернулся в Тебриз, где и умер, по одним данным — в 792 г. х. (1389/1390 гг.),

⁶⁸ См.: A. Pavet de Courteille. Mirâdj-nâmeh, pp. XXII—XXXI.

⁶⁹ C. Brockelmann. Osttürkische Grammatik, S. 21.

⁷⁰ Rieu, pp. 287, 288.

⁷¹ ذکر شیخ کمال خجندی Рукоп. отдел ИВ АН Уз.ССР, 159/X, л. 126а—133а.

по другим — в 808 г. х. (1405/1406 гг.), по третьим — в 803 г. х. (1400/1401 гг.). В хрониках, поэтических антологиях и прочих источниках Камал Ходжендй выступает то как поэт, то как святой (بعضی میکوبند از شعراءست و بعضی میکوبند از اولیاء است).⁷²

Хусейнй. Хусейнй — поэтическое прозвище Абу-л-газй Хусейн Байкара, тимурида, покровителя 'Али Шера Нава'й. Он родился в 1438/1439 гг. и правил в Хорасане с 1469 по 1506 г.

Хусейнй писал по-тюркски и по-персидски, главным образом газели. Сборник его газелей, написанных на староузбекском языке, сохранился в нескольких списках. Один из них, довольно поздний (Брит. Музей, Or. 3379),⁷³ содержит около 150 газелей, другой, более ранний, составленный в конце XVII в. (Брит. Музей, Add. 7926),⁷⁴ — около 140 газелей. В Британском Музее имеется также список, содержащий отдельные газели Хусейнй (Or. 3493). Довольно ранний список дивана Хусейнй (конец XVI в.) хранится в Институте востоковедения в Ленинграде (В. 284). Небольшая часть газелей дана в конце разных списков Маджалис ан-нафа'ис (см., например: Брит. Музей, Add. 7875, лл. 112—126; Рукоп. отдел ИВ АН СССР, В. 270, лл. 1206—144а и т. д.). Диван Хусейнй включен также в состав парижской копии кулийата (Suppl. turc, № 108), написанной в Герате в 1523/1524—1526/1527 гг.⁷⁵ Один из списков дивана Хусейнй принадлежит университетской библиотеке в Хельсинки.⁷⁶

Джавхарй. Джавхарй — малоизвестный поэт, упоминаемый в Маджалис ан-нафа'ис („самаркандец, надзиратель мыловарни, знающий 'аруз“).⁷⁷ Умер в первой половине XV в.

Одна из газелей, написанных Джавхарй, включена в уйгурскую рукопись Британского Музея (Or. 8193).

⁷² Там же, лл. 130а—133а. Аналогичные данные приводятся у Давлатшаха (см.: The Tadhkiratu' sh-shu'arā of Dawlatshāh... Ed. by Ed. G. Browne. London, 1901, pp. 325—331).

⁷³ Rieu, p. 299.

⁷⁴ Rieu, p. 256.

⁷⁵ См.: M. Bélin. Notice biographique et littéraire sur Mir Ali-Chîr-Névaîi. JA, V^o série, vol. XVII, 1861, p. 176.

⁷⁶ См.: J. Aro. Die arabischen, persischen und türkischen Handschriften der Universitätsbibliothek zu Helsinki. StO, t. XXIII, Helsinki, 1958, S. 62.

⁷⁷ مجالس النفايس Рукоп. отдел ИВ АН СССР, В. 270, л. 40а.

Поэт с тахаллусом Джавхарӣ фигурирует также в каталоге В. Перча,⁷⁸ где он назван автором поэтической обработки сочинения „Калила и Димна“, в староузбекском переводе.⁷⁹

Қамбар оғлы. Никакими биографическими сведениями о Қамбар оғлы мы не располагаем. Можно сказать определенно лишь о том, что он жил не позднее второй половины XV в. (рукопись Or. 8193 датирована 1432—1435 гг.). В Маджәлис ан-нафәис упоминаются два поэта с этим именем: Қанбарӣ из Нишапура (л. 33а) и Қанбарӣ из Мешхеда (л. 64а). О последнем Нава'йи отзывается весьма похвально (شعری یمان ایماس).

Из поэтических произведений Қамбара оғлы сохранились три газели в составе рукописи Or. 8193.

Қасим. Полное имя Қасима — 'Али ибн Нафӣр ибн Харун ибн Абу-л-Қасим ал-Хусейни ат-Тебризи. Он умер в 1431 или в 1433/1434 гг.

Қасиму принадлежит диван⁸⁰ и философское сочинение انیس العارفین („Друг познавших“), написанные на персидском языке.

Единственная имеющаяся в нашем распоряжении тюркская газель Қасима находится в рукописном сборнике Or. 8193.

Мансӯр баҳши. Мансӯр баҳши — переписчик рукописи Or. 8193, представитель уйгурской каллиграфической школы в Йезде. В упомянутом сборнике Мансӯру баҳши принадлежат четверостишия, изобилующие арабизмами и проникнутые духом мистицизма. Время жизни Мансӯра баҳши — конец XIV в. — первая половина XV вв.

Среди других поэтов, писавших на староузбекском языке, известны Мир Са'ид, дядя Мир 'Али Шәра Нава'йи (فقیرغه طغایی),⁸¹ Муқимӣ,⁸² Убайдӣ (Убайдулла-хан), сын Махмуд Султана,

⁷⁸ W. Pertsch. Die türkischen Handschriften der Herzoglichen Bibliothek zu Gotha. Wien, 1864, S. 38, № 26 (в дальнейшем: Pertsch).

⁷⁹ Pertsch, S. 168, № 189.

⁸⁰ دیوان قاسمی Рукоп. отдел ИВ АН Уз.ССР, 2286/1.

⁸¹ См.: مجالس المنقائس Рукоп. отдел ИВ АН СССР, В. 270, л. 476. Отмечая большую склонность Мир Са'ида к сочинению стихов на староузбекском языке, Нава'йи приводит один из его тугов.

⁸² Там же, л. 436. — У Нава'йи имеется только рефрен одного таржи-банда Муқимӣ.

брата Шейбани-хана,⁸³ Амәни,⁸⁴ Гарибӣ (шах Гариб Мирзә), сын-Хусейна Байқара,⁸⁵ Гада'й.⁸⁶

* * *

В языковом отношении поэтические произведения предшественников и ранних современников Нава'йи несколько отходят от текстов золотоордынского цикла. В них в меньшей мере выступают особенности, характерные для кыпчакских диалектов Хорезма, зато намного увеличивается количество элементов южного (огузского) происхождения.

Огузские элементы проникали в язык староузбекской поэзии в основном непосредственно из соответствующих диалектов Мавераннахра. Вместе с тем нельзя отрицать и значение литературно-книжной преемственности: заметное влияние на развитие среднеазиатской литературы оказывали поэты-суфии Передней Азии. Именно этим обстоятельством обусловлено наличие в староузбекском литературном языке некоторых фонетических и морфологических особенностей, необъяснимых на основе материалов местных огузских диалектов.

С огузским типом язык предшественников Нава'йи сближают специфические падежные формы и формы сопряженного состояния, ср.: *бојнума* 'к моей шее', *көңлүмә* 'моему сердцу', *јүзүмә* 'моему лицу', *хїр отіна* 'в огонь разлуки', *мухаббат бахрїна* 'в море любви', *хїттә-ји ма'мүрүмї* 'мой цветущий край', *ашкүмї* 'мои слезы' (вин. пад.), *јарумуң* 'моей возлюбленной', *бабрумїң* 'моей груди'; некоторые формы глагола, причастия и деепричастия, ср.: *кїлмїшам* 'я сделал', *болмїшам* 'я стал', *бітәсі* 'закончится', 'будет законченным', *кїлан* 'делавший', *алан* 'взавший', *көрән* 'видевший', *алман* 'не возьму', *кајтман* 'не вернусь', *дәбән* 'сказав', *којубан* 'поставив'; употребление глагола *бол* в форме *ол* и т. д.

Для языка упомянутых выше поэтов характерно также обилие арабских и персидских слов и, больше того, грамматических элементов и даже целых конструкций, усвоенных главным обра-

⁸³ Rieu, p. 300 (Брит. Музей, Add. 7907); Собр. вост. рукописей, II, стр. 244—248 (Рукоп. отдел ИВ АН Уз. ССР, №№ 8931, 54/IV, V).

⁸⁴ Rieu, p. 301 (Брит. Музей, Or. 2872).

⁸⁵ См.: Бобир-нома, б. 192.

⁸⁶ دیوان گدائی Национальная Библиотека в Париже, № 981, лл. 966—1616.

зом из персидского языка. И это вполне естественно: почти все староузбекские поэты были двуязычны; многие из них писали свои стихи как на староузбекском, так и на персидском языке.

НАВА'Й, БАБУР И ИХ СОВРЕМЕННИКИ

На ва'й. Особого внимания заслуживают произведения 'Али Шёра Навā'й, по праву считающегося основоположником и крупнейшим представителем классической узбекской литературы.

Творческий гений Навā'й сложился в условиях роста патриотических тенденций среднеазиатских тюрок и способствовал пробуждению у них глубокого интереса к родному языку, к литературе и искусству. Хотя произведения Навā'й перегружены заимствованиями из арабского и персидского языков и изобилуют конструкциями, не свойственными тюркской речи, они тем не менее являются прекрасными образцами того среднеазиатского „тюрки“, который сыграл выдающуюся роль в последующем развитии литературных языков многих тюркских народностей.

Навā'й родился в 1441 г., в Герате, умер в 1501 г.⁸⁷

Количество сочинений, написанных 'Али Шёром Навā'й, колеблется от двадцати до тридцати. Фатх 'Али-хан Каджарский называет 21 сочинение.⁸⁸

А) В стихах:

- 1) غرائب الصغر Гара'иб ас-сыгар „Диковины детских лет“,
- 2) نواذر الشباب Навадир аш-шабаб „Достопримечательности юношеской поры“,
- 3) بكَادِح الوَسَط Бадā'и' ал-васат „Диковины среднего возраста“,
- 4) فَوَائِد الكِبَر Фавā'ид ал-кибар „Полезные вещи старости“,

نواويز اربعه

или

چهار ديوان

⁸⁷ Имеется много специальных работ, содержащих биографические данные о Навā'й, см.: M. Bélin, Notice biographique et littéraire sur Mir Ali-Chir-Névaï, pp. 175—256, 281—357; А. К. Боровков, Изучение жизни и творчества Алишера Навои. Сб. „Родоначальник узбекской литературы“ Ташкент, 1940, стр. 11—29; Е. Э. Бертельс. Навои. Опыт творческой биографии. М.—Л., 1948. — См. также свидетельства его современников, например Бабура (Бобир-нома, б. 198).

⁸⁸ См.: А. А. Ромаскевич. Новый чагатайско-персидский словарь. Сб. „Мир-Али-Шир“, Л., 1928, стр. 88, 89.

5) حَيْرَت الابْرار Хайрат ал-абрар „Изумление праведных“,

6) فرهاد و شيرين Фархад ва Ширин,

7) ليلى و مجنون Лейли ва Маджнун,

8) سَبْعَةُ سَيَّارِه (или داستان بهرام گور) Саб'а-и саййāра „Семь планет“ (или „Повествование о Бахрāме“),

خمسه

9) سَد سِڪُنْدَرِي Садд-и Сикандарӣ „Искандерова стена“,

10) داستان شيخ صنعان Дастан-и Шейх-и Сун'ан „Повествование о Шейхе Сун'ане“,

11) لسان الطير مانтық ат-тайр (или لسان الطير ات-тайр) „Язык птиц“,

Б) В прозе:

12) تاريخ الملك Та'рих ал-муллок „Книга о царях“,

13) محبوب القلوب Махбуб ал-қулуб „Возлюбленный сердец“,

14) خَمْسَةُ لِمَتَحَيَّرِيْن Хамсат ал-мутахаййирин „Пять изумленных“,

15) مجالس النفايس Маджалис ан-нафа'ис „Собрание редкостных [людей]“,

16) نَسَائِمُ المحبّه Насā'им ал-мухаббат... „Зефиры любви...“

17) مَنَشِيَّاتُ Munshiyat „Письма“,

18) (نشر الآلى جناب مرتضى على) نظم الجواهر Назм ал-джаваҳир „Нанизывание жемчугов“,

19) ميزان الاوزان (عروض) Мизан ал-авзан „Весы стихотворных размеров“,

20) انشا (?),

21) وَقْفِيَّةُ اخْلَاصِيَّه Вақфиййа-и Ихлāсиййа „Вакуфная запись

(в пользу) Ихласия“.

В другой рукописи Фатх 'Али-хана Каджарского названы дополнительно:

22) تاريخ الانبياء Та'рих ал-анбия „История пророков“,

23) سراج المسلمين Сирадж ал-муслимин „Светильник праведных“,

24) چهل حديث Чил (чихил) ҳадис „Сорок хадисов“.

В списке, который приводит в своей статье М. Белен, на основе перечня в начале рукописи № 108 из Венской библиотеки и показаний других источников, находятся, кроме того:

خطبة دواوين *Хутба-и давāйн* „Помолвка диванов“,
 محاكمة اللغتين *Мухāкамат ал-лугатайн* „Спор двух языков“,
 حالات بهلوان *Хālāt-и пахлавāн* (Мухаммад) „Житие пахлавана (Мухаммеда)“,
 مفردات در فن معما *Муфрадāt дар фан-и му'амма* „Элементы из науки составления шарад“.

Можно было бы назвать еще ряд более мелких и менее известных сочинений.

Часть произведений Нава'й издана, часть сохраняется в рукописях, составленных в разное время.⁸⁹

Чār (чахар) дивāн: Гарā'иб ас-сыгар, Навадир аш-шабāб, Бада'и' ал-васат, Фавā'ид ал-кибар (всего около 24 тысяч стихов).⁹⁰ В Чār диване собраны газели, месневи, руба'и, мухаммасы, мусаддасы, мусамманы, туюги и т. д., написанные Нава'й в ранний период, в период юности, в зрелом возрасте и в последние годы жизни.

Стихи в диване расположены по рифмам, в соответствии с расположением букв в арабском алфавите.

⁸⁹ См.: А. А. Семенов. 1) Материалы к библиографическому указателю печатных произведений Алишера Навои и литературы о нем. Ташкент, 1940; 2) Описание рукописей произведений Навои, хранящихся в Государственной Публичной библиотеке Уз.ССР. Ташкент, 1940; С. А. Волин. Описание рукописей произведений Навои в ленинградских собраниях. Сб. „Алишер Навои“, Л., 1946, стр. 203—235 (в дальнейшем: Волин); Л. В. Дмитриева. Туркские рукописи Института востоковедения АН СССР, стр. 136—147.

⁹⁰ См.: Волин, стр. 214—225; Собр. вост. рукописей, II, стр. 207 и сл. (№ 677, 1280/I, 1315/I, 1486 и др.); Rieu, p. 294 и сл. (Or. 401, Or. 1374, Or. 1375, Add. 7910, Add. 7911 и др.). См. также: Х. Сулейман. Опыт изучения и составления критического текста рукописных диванов Алишера Навои. Доклад на XXV Международном конгрессе востоковедов. М., 1960. — Х. Сулейман подготовил к печати и издал критический текст Чār дивāна (Хазойинул-маоний, I—IV. Ташкент, 1959—1960). Так как количество рукописей разных произведений Нава'й чрезвычайно велико, мы не даем специального обзора их и ограничиваемся ссылками на каталоги и другие издания.

Хамса (Пандж гандж): Хайрат ал-абрār, Фархад ва Ширин, Лайл ва Маджнун, Саб'а-и саййāра, Садд-и Сикандарй (около 27 тысяч стихов). В некоторых списках расположение поэм несколько иное. Кроме того, четвертая поэма выступает иногда под наименованиями: Хафт пайкар, Дастāн-и Бахрам-гюр, Бахрам-наме или Бахраму Дилārām, пятая — как Искандар-наме.

Поэмы, входящие в пятерицу, написаны в период с 1482 по 1485 г.

Количество известных списков достигает, по-видимому, нескольких десятков.⁹¹

При написании „Пятерицы“ Нава'й использовал традиционные сюжеты, однако придал им оригинальную направленность и разработал своеобразную поэтическую форму изложения. Образцами послужили: для первой поэмы Махзан ал-асрār Низāмй (во вступительной части Нава'й говорит о двух прототипах Махзан ал-асрār: Магла' ал-анвār Хосрава Дехлевй и Тухфат ал-ахрār Джāмй), для второй — Хосраву Ширин (в числе предшественников, которым Нава'й воздает хвалу, названы Хосрав, Низāмй, Джāмй, Бадй' аз-замāн), для третьей и четвертой — одноименные поэмы Низāмй, для пятой — поэма Низāмй Искандар-наме.

Лисāн ат-тайр — переработанный 'Али Шером Нава'й перевод сочинения Фарид ад-дина 'Аттāра, в котором в форме вопросов разных птиц к удоу и ответов на них излагаются основные положения суфизма.⁹² Закончен в 1498/1499 гг.

Та'рих-и мулūk-и 'аджам (иначе: Та'рих-и мулūk, Та'рих ал-мулūk, Тавāрих-и мулūk) — свод легендарных и исторических сведений о персидских царях.⁹³ Время написания — 1488/1499 гг.

Махбуб ал-кулуб — прозаическое сочинение с рифмующимися концами предложений, законченное в 1500/1501 гг. Состоит из

⁹¹ См.: Волин, стр. 209—214; Собр. вост. рукописей, II, стр. 195 и сл. (№ 5018, 1679/II, 1674 и т. д.); Rieu, p. 291 и сл. (Add. 7908, Or. 400, Add. 7909 и т. д.); Flügel, I, S. 613; K. V. Zettersteen. Die arabischen, persischen und türkischen Handschriften der Universitätsbibliothek zu Uppsala. Uppsala, 1930, № 571 (в дальнейшем: Zettersteen).

⁹² Волин, стр. 225—226; Собр. вост. рукописей, II, стр. 227 и сл. (№ 1679/I, 1689, 1209/III и т. д.).

⁹³ Волин, стр. 207—208; Собр. вост. рукописей, I, стр. 106 и сл. (№ 5411/I, 1859/I, 185/II, 4440/II, 691/I, 35/I).

трех частей: 1) характеристика (общественного) положения и занятий людей, 2) описание похвальных деяний и скверных свойств, 3) мелкие рассказы, афоризмы и поговорки.⁹⁴

Маджалис ан-нафа'ис — собрание сведений о поэтах — предшественниках и современниках Нава'и (1491/1492 гг.)⁹⁵ Состоит из восьми частей (маджлисов), каждая из которых, за исключением последней, охватывает определенную группу поэтов: 1) почитаемые лица, которых Нава'и застал в конце их жизни, но не видел, 2) лица, с которыми Нава'и удалось встретиться в детстве и беседовать в юношеские годы, 3) суфии-мистики, подражающие Джамий, 4) знатные лица, которые писали стихи, но не были поэтами, 5) знатные (самого высокого достоинства) поэты Хорасана, 6) ученые и набожные люди Хорасана, 7) султаны и их сыновья. Восьмая часть — восхваление султана Абул-гази Хусейн Бахадур-хана, везиром которого был Нава'и (далее следуют газели султана).

Хамсат ал-мутахаййирин — описание жизни Джамий (1492/1493 гг.)⁹⁶

Наса'им ал-мухаббат мин шам'им ал-футувват — жизнеописание суфиев — староузбекский вариант сочинения Джамий Нафахат ал-унс мин хазарат ал-қудс, дополненный Нава'и (1495 г.)⁹⁷

Муншият (иначе: Мунши'ят-и тюрки, Мақтубат, Рақ'ат) — письма (1491/1492 гг.)⁹⁸

Назм ал-джавахир (другое название: *نثر اللالی جناب مرتضی* علی) — собрание изречений, приписываемых 'Али.⁹⁹ Закончено в 1485 г.

⁹⁴ Сводный текст Махбуб ал-қулуб по спискам, хранящимся в библиотеках Ленинграда и Ташкента, подготовил и издал А. Н. Кононов (см.: Алишер Навои. Возлюбленный сердцем). О списках Махбуб ал-қулуб см.: Волин, стр. 227, 228; Собр. вост. рукописей, II, стр. 418 и сл.; Zettersteep, № 595; Rieu, p. 275 (Or. 2871).

⁹⁵ См.: Волин, стр. 226, 227; Собр. вост. рукописей I, стр. 127; Rieu, p. 273 (Add. 7875); Flügel, II, S. 373 (№ 1209).

⁹⁶ Волин, стр. 214; Собр. вост. рукописей, I, стр. 126, 127 (№ 693, 2242, 3902/VI).

⁹⁷ Волин, стр. 231; Собр. вост. рукописей, I, стр. 127, 128; III, стр. 290 (№ 5420); Rieu, p. 274 (Or. 402).

⁹⁸ Волин, стр. 229.

⁹⁹ Волин, стр. 230; Собр. вост. рукописей, II, стр. 230 (№ 1743/1).

Мизан ал-авзан — сочинение, посвященное 'арузу, арабо-персидской системе стихосложения и содержащее анализ некоторых типично тюркских поэтических форм (1491/1492 гг.)¹⁰⁰

Вақфийа-и Ихласийа (у Мехди-хана: Вақф-нама-и Мадраса-и Ихласийа) — вакуфная запись.¹⁰¹ Составлена в 1481/1482 гг.

Та'рих ал-анбия (другое название: Та'рих-и анбия ва ҳукамā) — история пророков и мудрецов (1498/1499 гг.)¹⁰²

Чил ҳадис (иначе: Арба'ина ҳадисан) — четверостишия, написанные в 1482 г. на сюжет сорока преданий о словах и поступках Мухаммеда.¹⁰³

О Мухакамат ал-луратайн см. ниже, в разделе о филологических трудах.

Бабу́р. Захир ад-дин Бабу́р — сын султана 'Омар-Шейха, внук Абуса'ида, последний выдающийся представитель династии тимуридов в Средней Азии.

Бабу́р родился в 1483 г., в период, когда с особенной силой развернулась ожесточенная борьба многочисленных претендентов на власть в Мавераннахре. Сам Бабу́р принял в этой борьбе активное участие, выступив в качестве основного противника предводителя кочевых узбекских племен Шейбани-хана. Попытки Бабу́ра воспрепятствовать проникновению Шейбани-хана в центральную часть Мавераннахра окончились неудачей. В конце концов он вынужден был покинуть пределы Средней Азии и уйти сначала в Афганистан (1504 г.), а затем в Индию. В середине тридцатых годов XVI ст. Бабу́р стал главой огромной империи, включавшей большую часть Афганистана и Индии и получившей в западно-европейской литературе название „империи великих моголов“.

Умер Бабу́р в 1530 г.

Бабу́ром написаны большое автобиографическое сочинение Бабу́р-наме, небольшой сборник стихотворений — Мубаййин ал-ислам, переведено на староузбекский язык сочинение Ходжи

¹⁰⁰ Волин, стр. 230.

¹⁰¹ Волин, стр. 231; Собр. вост. рукописей, II, стр. 420 (1315/II).

¹⁰² Волин, стр. 207, 208.

¹⁰³ Волин, стр. 208; Собр. вост. рукописей, II, стр. 231 (1315/VI, 3902/V).

Ахрара Рисāля-и вāлидия, с переложением в стихотворную форму, составлены трактаты об 'арузе, музыке, о почерке „Бабури“ и о военном искусстве. Последние не сохранились.

До 1900 г. были широко известны три тюркские рукописи Бāбур-нāме: 1) рукопись Британского Музея, 2) рукопись Индийского ведомства и 3) рукопись, которой пользовался и которую издал в 1857 г. Н. И. Ильминский. В последующее время благодаря настойчивым поискам А. Беверидж стали известны и другие рукописи. В 1900 и 1902 гг. А. Беверидж опубликовала пространный перечень списков Бāбур-нāме, составленный с учетом новых находок, осведомительских показаний и предположений. Ниже мы воспроизводим этот перечень:¹⁰⁴

- 1) Оригинал.
- 2) Рукопись Хōджи Килāна.
- 3) Рукопись Хумāйна.
- 4) Рукопись Эльфинстоуна.
- 5) Рукопись Британского Музея.
- 6) Рукопись Индийского ведомства.
- 7) Рукопись Бенгальского восточного общества.
- 8) Mysore MS.
- 9) Bibliotheca Lindesiana MS.
- 10) Хайдерабадская рукопись.
- 11) Рукопись Университетской библиотеки Петербурга.¹⁰⁵
- 12) Рукопись Г. Я. Кера (министерство иностранных дел в Петербурге).
- 13) Рукопись Азиатского Музея в Петербурге.
- 14) Бухарская рукопись.
- 15) Рукопись Назар-бая Туркестанского (или „рукопись Сенковского“).

¹⁰⁴ A. S. Beveridge. 1) Notes on the MSS. of the Turkī-Text of Bābar's Memoires. JRAS, 1900, pp. 439—475; 2) Further Notes on the MSS. of the Turkī-Text of Bābar's Memoires. JRAS, 1902, pp. 653—659; 3) The Babar-nama. JRAS, 1908, pp. 97, 98.

¹⁰⁵ О рукописях Бāбур-нāме, находящихся в хранилищах Ленинграда и Ташкента, см.: Г. Ф. Благова. Характеристика грамматического строя староузбекского языка конца XV в. по „Бāбур-намe“. Канд. дисс. (Рукопись, в Библиотеке им. Ленина в Москве, 1954).

Некоторые из названных выше рукописей, и в частности оригинал, обозначены предположительно, так как до настоящего времени не обнаружены.

С точки зрения полноты изложения, времени написания и близости к оригинальному тексту упомянутые рукописи далеко не равноценны.

Рукопись Эльфинстоуна содержит неполный текст и обнаруживает большое количество пробелов. Однако есть основания считать ее одной из наиболее ранних рукописей мемуаров Бāбура. Так, по свидетельству В. Эрскина, на полях рукописи имеются две заметки, сделанные Хумāйном, сыном Бāбура, которому, возможно, и принадлежал данный экземпляр.

Хайдерабадская рукопись (Tuzuk-i-Bābari) не идет ни в какое сравнение с предыдущей, превосходит ее во всех отношениях и представляет вполне законченный текст. Рукопись состоит из 382 листов и написана насталиком. Эпизоды, которые в других рукописях изложены поверхностно, опущены, искажены или переданы по-персидски, в Хайдерабадской рукописи излагаются довольно пространно и притом на тюркском языке.

С текста Хайдерабадской рукописи было изготовлено в 1905 г. фототипическим способом факсимиле,¹⁰⁶ ставшее одним из авторитетнейших источников изучения записок Великого могола.

Очень ценной является также рукопись, составленная в 1737 г. Г. Я. Кером, которая долгое время хранилась в архиве министерства иностранных дел в Петербурге. При написании своей рукописи Г. Я. Кер пользовался списком из 420 листов. Этот список, как установила А. Беверидж,¹⁰⁷ представлял собой компиляцию муллы 'Абдул Ваххāба (так наз. бухарская рукопись), в которую вошло несколько подлинных документов и копия Бāбур-нāме, завершенная в 1709 г. Рукопись Г. Я. Кера имеет пробелы и значительные вставки персидского текста.

¹⁰⁶ A. S. Beveridge. The Babar-nama (Fac-simile). E. J. W. Gibb Memorial, V, I. Leiden and London, 1905.

¹⁰⁷ A. S. Beveridge. Further Notes on Baburiana. JRAS, 1923, pp. 75—77. — О рукописи Г. Я. Кера см.: A. S. Beveridge. The Babar-nama. JRAS, 1908, pp. 76—96. — В настоящее время рукопись Г. Я. Кера хранится в Институте востоковедения в Ленинграде (Д. 685).

Литографированное издание рукописи Г. Я. Кера было осуществлено в 1857 г. Н. И. Ильминским. Это издание послужило оригиналом для целого ряда новых списков,¹⁰⁸ не имеющих самостоятельного историко-филологического значения.

Сведения, изложенные в Бабур-наме, носят энциклопедический характер, они раскрывают довольно глубоко культурную жизнь Мавераннахра и Ферганы, дают представление о развитии литературы и искусства, знакомят с природой Средней Азии, географией, этническим составом населения и т. д.

Язык Бабур-наме богат: употребляется самая разнообразная лексика, встречается много интересных, с точки зрения истории языка, грамматических форм и синтаксических конструкций. Несмотря на широкое использование в тексте арабских и персидских слов, язык Бабур-наме весьма прост. Разумеется, подробную характеристику языка Бабур-наме на одной или нескольких страницах дать невозможно, да в этом и нет необходимости. Достаточно указать, что Бабур родился и провел свое детство недалеко от Андижана и что язык его мемуаров очень близок к городскому диалектному типу Ферганы.

Поэтические произведения Бабур размещены в нескольких рукописных сборниках, из которых самым ранним является сборник, изданный Э. Денисоном Россом.¹⁰⁹ Последний был найден в библиотеке рампурского наваба. Он состоит из 38 страниц, написанных насхом. Э. Д. Росс сообщает, что, по словам местных жителей, рукопись из библиотеки рампурского наваба является автографом Бабур. Однако, — указывает далее Э. Денисон Росс, — пометка Шах-Джехана свидетельствует о том, что собственноручно написаны Бабуром только две строки на краю последней страницы.

Сборник состоит из трех частей. Первая заключает в себе стихотворный перевод رسالة والديه Ходжи Ахрара, законченный в 935 г. х. (1528 г.), и состоит из 241 стиха с рифмующимися

¹⁰⁸ См. рецензию А. Н. Самойловича (E. Denison Ross. A collection of poems by the Emperor Babur). ЗВО РАО, т. XX, вып. I, 1911, стр. 094; Собр. вост. рукописей, I, стр. 63.

¹⁰⁹ См. E. Denison Ross. A collection of poems by the Emperor Babur. Journal and proceedings of the Asiatic Society of Bengal, vol. VI, Calcutta, 1910. Рецензия на это издание написана А. Н. Самойловичем (ЗВО РАО, т. XX, вып. I, 1911, стр. 093 и сл.).

полустишиями-месневи (مثنوی). Вторая часть начинается с месневи, затем следует газель (غزل) и другие поэтические формы. Третья часть — месневи и рубаи (رباعی). Небольшое количество двустий и четверстий, входящих во вторую и третью части, написано на языках персидском и урду.

Как указывает А. Н. Самойлович,¹¹⁰ сборник, изданный Э. Денисоном Россом, содержит всего 379 новых, ранее неизвестных стихов Бабур, написание которых относится к индийскому периоду его жизни.

Другая рукопись стихотворений Бабур, относящихся ко времени пребывания его в Туркестане и Афганистане, хранится в Национальной Библиотеке Парижа (Suppl. turc. 1230).¹¹¹

Парижский сборник состоит из 224 стихотворений. Наименование сборника: دیوان تری بابر پادشاه مع تصویر ایشان. По мнению А. Н. Самойловича, впервые описавшего парижскую рукопись, составление ее можно отнести к XVI—XVII вв.

Многие стихи Бабур, входящие в состав указанных выше сборников, помещены также на страницах Бабур-наме и цитируются в „чагатайско“-турецком словаре, изданном Г. Вамбери и В. В. Вельяминовым-Зерновым („Абушқа“), а также в других словарях. Один из списков поэмы Бабур Мубайин принадлежит Рукописному отделу Института востоковедения Академии наук СССР (А. 104).

Мухаммед Салих. Мухаммед Салих, сын Нур Саидбека — правителя Хивы, Кята и Хисара, родился во второй половине XV в.¹¹²

Основное сочинение Мухаммеда Салиха — Шейбани-наме — посвящено описанию походов и воинской доблести Шейбанихана, при котором он состоял в качестве придворного поэта и сподвижника. Всё сочинение написано стихами и делится на 76 частей. Дата окончания его — 916 г. х. (1510 г.).

Рукопись Шейбани-наме является уникальной. До Первой

¹¹⁰ См. рецензию А. Н. Самойловича на издание Э. Денисона Росса (ЗВО РАО, т. XX, вып. I, 1911, стр. 093—0101).

¹¹¹ Описание рукописи дано в предисловии А. Н. Самойловича к изданию общего сборника стихотворений Бабур (А. Н. Самойлович. Собрание стихотворений императора Бабур, ч. I. Текст, стр. 7—10).

¹¹² См.: مجالس النفاثيس. Рукоп. отдел ИВ АН СССР, л. 103а.

мировой войны она хранилась в Венской императорской библиотеке. В 1885 г. по этой рукописи было осуществлено первое издание сочинения Мухаммеда Салиха.¹¹³ В 1908 г. текст был опубликован вторично.¹¹⁴

В языке Шейбани-наме прослеживаются некоторые особенности хивинского диалекта.

Согласно сообщению А. Н. Самойловича, Мухаммеду Салиху принадлежат также две газели в одном рукописном персидско-тюркском сборнике стихов, хранившемся в библиотеке Петербургского университета.¹¹⁵

ПРОИЗВЕДЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ И ДИДАКТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

К числу более или менее крупных произведений религиозной и дидактической литературы, написанных в период с XIV по XVI в., относятся Сирадж ал-кулуб, Ми'радж-наме, Тазкира-и авлия, Бахтияр-наме и др.

Религиозные сочинения, как правило, являются переводами арабских и персидских текстов, в той или иной степени канонизированных. Это обстоятельство обуславливает наличие в них своеобразных стилистических особенностей, стандартизацию синтаксических конструкций и предопределяет характер лексического состава (обилие арабских и персидских слов).

Сирадж ал-кулуб. Это крупное по размерам сочинение типа жития святых (ср., например, Кысац ал-анбийя, Тазкира-и авлия), размещенное на 128 листах. Начало рукописи отсутствует. В самом тексте обнаруживается некоторая непоследовательность или вследствие утраты отдельных листов или по причине невнимательного изготовления фотоконии.

Один из списков Сирадж ал-кулуб, так наз. уйгурский, составлен в месяце раджабе 835 г. х. (1432 г.) в г. Йезде Мансуром бахши. Он хранится в Британском Музее (Or. 8193).

¹¹³ Die Scheibaniade. Ein özbegisches Heldengedicht in 76 Gesängen von Prinz Mohammed Salih aus Charezm. Text, Übersetzung und Noten von H. Vámbéry. Wien, 1885.

¹¹⁴ Мухаммед Салих. Шейбани-наме. — В предисловии к этому изданию указаны источники, в которых упоминается имя Мухаммеда Салиха и приводятся биографические сведения (см. стр. I—VIII).

¹¹⁵ № 140, лл. 706 и 192а.

По содержанию и отчасти в языковом отношении текст использованного нами списка Сирадж ал-кулуб близок к одноименному произведению, напечатанному в типографии Казанского университета.¹¹⁶

Язык Сирадж ал-кулуб довольно прост: лексика, если не принимать во внимание арабизмы, общеупотребительна, в морфологии преобладают новейшие формы, диалектную принадлежность которых установить невозможно. Последние образуют как бы результат фильтрации многочисленных узбекских диалектов, с намеренным отбором только общих, объединяющих их элементов.

Ничем не отличаются от Сирадж ал-кулуб входящие в тот же рукописный сборник Масала китаби, Рахат ал-кулуб и др.

Все староузбекские тексты, написанные уйгурскими буквами, имеют в основном одинаковые орфографические особенности, которые позволяют отнести их к выделенной В. В. Радловым группе мусульмано-уйгурских источников (ср. у В. В. Радлова: „der mohammedanisch-uygurische Schrift-charakter“). Характерной чертой этой группы памятников является приспособление уйгурских букв, посредством введения разных диакритических знаков, для передачи несвойственных тюркским языкам арабских звуков.

Ми'радж-наме — повествование о вознесении Мухаммеда на небо и о знакомстве его с жизнью потустороннего мира.

История открытия рукописи Ми'радж-наме, хранящейся в Национальной Библиотеке, в Париже, подробно изложена в предисловии к соответствующему изданию А. Паве-де-Куртея.¹¹⁷ Продолжительное время текст рукописи оставался непрочитанным, так как уйгурский шрифт не был известен в Европе, а в самой Средней Азии, где он некогда имел широкое распространение, традиция уйгурского письма полностью утратилась, по-видимому, еще в XVI в. Первая удачная попытка прочитать текст рукописи принадлежит А. Ремюза.

Рукопись, принадлежащая Национальной Библиотеке, составлена в 840 г. х. (1436 г.) Малюком бахши Гератским. Она состоит из 264 листов (текст Ми'радж-наме занимает первые 69 листов).

¹¹⁶ См.: سراج القلوب Казань, 1875, стр. 2.

¹¹⁷ Mirâdj-nâmeh. Traduit et annoté par A. Pavet de Courteille.

Язык Ми'радж-наме сух и однообразен. Составитель, или, точнее, переводчик, пользовался самыми обычными формами. Фонетические особенности языка Ми'радж-наме в большей своей части непостижимы для нас в силу того обстоятельства, что текст его написан уйгурскими буквами, а в издании Паве-де-Куртея по техническим соображениям использован арабский алфавит и таким образом сделан еще один шаг в сторону отхода от реальных произносительных норм.

Тазкира-и авлий — теологическое сочинение (рассказы о святых), переведенное с персидского языка и частично переработанное. Оригинал для него послужило Пенд-наме Фарид ад-дина 'Аттара.

Текст Тазкира-и авлий, как указывалось выше, находится в одном рукописном сборнике с Ми'радж-наме. Весь сборник написан одним лицом, в одно и то же время, поэтому и в языковом отношении никаких существенных различий между ними не наблюдается.

Бахтияр-наме. Нам известны два списка этого сочинения (в староузбекском варианте). Один из них составлен в 1435 г. и находится в Оксфорде (9 I Ph, II, 324),¹¹⁸ второй — довольно поздний, бывший в конце прошлого столетия собственностью И. Н. Березина.¹¹⁹ В последнем списке язык заметно обновлен, и список не может быть использован в качестве источника исторической грамматики.

Говоря о Ми'радж-наме, Тазкира-и авлий, Бахтияр-наме и других религиозных текстах, нельзя не обратить внимания на то, что большинство из них написано уйгурскими буквами. Употребление уйгурского письма в XIV—XVI вв. стимулировалось необходимостью создания особой кастовой письменности, доступной лишь государственным чиновникам и духовной знати. По-видимому, только этим обстоятельством можно объяснить специфическое и ограниченное применение уйгурской графики:

¹¹⁸ См.: Ethé, II, p. 1181. См. также: A. Jaubert. Notice et extrait de la version turque du Bakhtiarnameh. JA, t. X, 1821, pp. 146—167; W. Barthold. Littérature çaghataï. Encyclopédie de l'islam, IV, Paris, 1934, pp. 963—965.

¹¹⁹ См.: Турецкая хрестоматия. Составлена И. Березиным. Т. I. Казань, 1857, стр. 52—81.

преимущественно в канцелярской переписке и при размножении текстов религиозно-повествовательной литературы.

Существовали две большие школы уйгурских писцов: одна в Герате, другая в Йезде. С гератской школой связаны имена Малйк бахши, 'Алй-шах бахши и др. Из школы в Йезде известен Мансур бахши.

Распространение уйгурской письменности в центрах Мавераннахра в период расцвета староузбекской литературы лишний раз свидетельствует о довольно тесных связях последней с литературой Кашгара эпохи караханидов.

ПАМЯТНИКИ ДЕЛОВОГО ЯЗЫКА, ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ

Памятники делового языка, юридические документы, грамоты-ярлыки и эпиграфические тексты, относящиеся к периоду существования староузбекской книжности, сохранились в небольшом количестве.¹²⁰ Основные из них — ярлыки 'Омар-Шейха, Темир-Кутлуга, Абуса'йда, Токтамыша, Шахруха, так наз. надпись Тимура на камне и золотоордынская надпись на бересте.

Ярлык Абуса'йда, деда Бабура, написан двумя алфавитами: арабским и уйгурским, в Азербайджане, в 873 г. х. (1469 г.).

Язык ярлыка Абуса'йда близок к языку ярлыка 'Омар-Шейха.

Ярлык 'Омар-Шейха, отца Бабура, написан уйгурскими буквами. Ярлык не датирован. Как полагает П. М. Мелиоранский, он был составлен в 1469 г.¹²¹

Ярлык является дарственной грамотой, подтверждающей освобождение одного из знатных лиц Маргинаны Мир Са'ид Ахмеда от поземельных налогов и почтового сбора.

¹²⁰ Общий обзор см. в статье: С. Е. Малов. Изучение ярлыков и восточных грамот. Сб. в честь В. А. Гордлевского. М., 1953, стр. 187—195. — Изучению ярлыков и восточных грамот посвящены также работы И. Хаммера, Я. О. Ярдова, Г. Вамбери, И. Н. Березина, В. В. Вельяминова-Зернова, В. В. Радлова, В. Д. Смирнова, В. В. Григорьева и других. Полное издание ярлыков и грамот осуществлено А. Куратом (Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki Altın Ordu, Kırım ve Türkistan hanlarına ait Yarlık ve Bitikler. Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi yayınlarından. Tarih serisi, I, İstanbul, 1940.

¹²¹ П. М. Мелиоранский. Документ уйгурского письма султана Омар-Шейха. ЗВО РАО, т. XVI, вып. 1, 1904, стр. 01—012.

В языке ярлыка 'Омар-Шейха можно встретить древнеуйгурские слова, имевшие распространение в Восточном Туркестане в период после нашествия монголов, ср.: *җам* 'почтовый маршрут', 'почтовая станция', *тўшүмәл* 'чиновник', *јосун* 'закон', 'обычай', *сојурбал* 'пожалование'. Последние три слова заимствованы из монгольского языка, *җам*, по-видимому, — из китайского.

В морфологическом отношении язык ярлыка 'Омар-Шейха примечателен строгим соблюдением классических норм и отсутствием особенностей, характерных для какой-либо диалектной группы.

Подробные сведения о ярлыке Темир-Кутлуга приведены у В. В. Радлова.¹²² Ярлык написан уйгурскими буквами, однако под каждым словом уйгурского текста дается арабская транслитерация. Время составления ярлыка — 800 г. х. (1397 г.), место — Муджаваран, „на берегу Днепра“.

Содержание ярлыка — пожалование званием тархана и соответствующими привилегиями одного из землевладельцев.

В. В. Радлов отмечает, что составитель ярлыка был лицом, знавшим литературный чагатайский язык и „писавшим на книжном языке почти без влияния родной речи“.¹²³ Это утверждение, может быть, — слишком крайнее, обусловленное общими взглядами В. В. Радлова на природу и характер литературного староузбекского языка. Не правильнее ли считать, что родная речь составителя в грамматическом плане мало чем отличалась от литературного языка? Конечно, влияние языковых традиций при составлении деловых документов играло большую роль, все же независимо от этого в деловых документах отражались местные особенности и иногда в значительных размерах, ср. ярлык Токтамыша.

Специфических кыпчакских и огузских форм и звуковых особенностей в языке ярлыка Темир-Кутлуга нет.

Ярлык Токтамыша написан также уйгурскими буквами, однако манера письма, как отметил В. В. Радлов, резко отличается от того „мусульмано-уйгурского“ почерка, который можно

¹²² В. В. Радлов. Ярлыки Токтамыша и Темир-Кутлуга, 1888, стр. 17.

¹²³ Там же, стр. 40.

наблюдать в рукописях Кутадгу билига, Бахтияр-наме и. т. д.¹²⁴ Ярлык датирован 795 г. х. (1393 г.).

Адресуя ярлык Ягайлу Токтамыш извещает его об отправке послов для получения дани, взимаемой с народов, обитающих за Днепром.

В языке ярлыка Токтамыша обнаруживается небольшое количество фонетических особенностей кыпчакского типа: отсутствие конечных заднеязычных после узких гласных, ср.: *Кутлу-буза* (имя) вм. *Кутлубуза*, *Эдүгү атлі кішіні* 'человека по имени Эдугу' вм. *Эдүгү атлб кішіні*, *Асан Түлу Хөҗә башлі әлчиләрні* 'послов, возглавляемых Хасаном и Түлу Ходжой' вм. *Асан Түлу Хөҗә башлб әлчиләрні*, ср. вместе с тем: *алтун нішанлік* (или *нішанлб*) 'имеющие золотую печать'.

Ярлык Шахруха, так же как и ярлык 'Омар-Шейха, является дарственной грамотой. Он написан уйгурскими буквами, причем почерк его, по словам Ж. Дени, совершенно идентичен почерку Ми'радж-наме и Тазкира-и авлия. Время составления — год быка, 825 г. х. (1422 г.).

В языковом отношении ярлык Шахруха занимает место в одном ряду с ярлыками 'Омар-Шейха и Абуса'йда.

„Надпись Тимура“, выбитая на камне в 793 г. х. (1391 г.), была найдена лет 20 тому назад у горы Алтын-Чуку, около Карасакпайского рудника. Текст надписи содержит сообщение о походе Тимура с двумястами тысяч войска, предпринятом с целью разгрома Токтамыша.¹²⁵

Верхняя часть (3 строки) написана арабским алфавитом, нижняя (8 строк) — уйгурским.

Язык надписи имеет много общего с языком ярлыков 'Омар-Шейха, Абуса'йда и Темир-Кутлуга.

Золотоордынская рукопись на бересте¹²⁶ была обнаружена в 1930 г. на левом берегу Волги, недалеко от сел. Терновка. Рукопись, состоящая из нескольких фрагментов разной сохран-

¹²⁴ Там же, стр. 4.

¹²⁵ См.: Труды Отдела истории культуры и искусства Востока. Государственный Эрмитаж, т. II, Л., 1940, стр. 185—187; А. И. Пономарев, Поправки к чтению „Надписи Тимура“, СВ, III, 1945, стр. 222—224.

¹²⁶ Н. Н. Поппе. Золотоордынская рукопись на бересте. СВ, II, 1941, стр. 81—85.

ности, написана уйгурскими буквами, часть ее содержит монгольский текст.

Приблизительная дата написания рукописи — начало XIV в.

Отдельные тюркские слова и формы, сохранившиеся в тюркской части текста и приведенные в статье, посвященной данной рукописи, например: *Tüǵäl Kütluǵ Səñiǵın Baj* — имя собственное, *Ədǵij* 'хороший', *bakıı* 'учитель', 'наставник', сближают ее в языковом отношении с памятниками староузбекской литературы.

СЛОВАРИ, ГРАММАТИКИ, ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАКТАТЫ

Наиболее ранним филологическим трудом о староузбекском языке и вместе с тем своеобразным манифестом, сформулировавшим необходимость обращения к нему как к языку, равному с персидским и обладающему всеми достоинствами последнего в смысле выражения тончайших оттенков мысли, явилось сочинение 'Али Шера Навā'и Мухāкамат ал-лугатайн „Спор двух языков“.

Мухāкамат ал-лугатайн написано в 1499 г.

Оно начинается с краткого исторического экскурса, в котором автор говорит о значении арабского и персидского языков, о культурном и языковом возрождении тюрков, о лексическом богатстве староузбекского языка и необходимости его широкого использования.

В основной части своего сочинения Навā'и рассматривает в сопоставительном плане грамматические средства языка и его словообразовательные возможности. Он приводит также очень ценные данные по вопросу о составе гласных в староузбекском языке.¹²⁷

В Мухāкамат ал-лугатайн имеются некоторые автобиографические сведения, дан перечень написанных Навā'и произведений и указаны те персидские авторы, которым он подражал.¹²⁸

Небольшая часть трактата посвящена литературе тюркских народов. Из поэтов, писавших по-тюркски, в нем названы: Саккаки, Мир Хайдар, Ата'и, Яқини, Эмир и Гада'и.¹²⁹

¹²⁷ Мухāкамат ал-лугатайн (Chrestomathie en turc oriental), стр. 13, 14.

¹²⁸ Там же, стр. 22 и сл.

¹²⁹ Мухāкамат ал-лугатайн (Chrestomathie en turc oriental), стр. 34.

Литературные произведения, написанные 'Али Шером Навā'и и его выдающимися предшественниками и современниками, вызвали интерес к „чагатайскому“ языку у представителей разных народов Средней и Малой Азии.

Проявлением особого внимания к последнему становится создание словарей и грамматик, имевших значение пособий. В словарях и грамматиках сосредоточиваются богатые лексические и грамматические материалы, почерпнутые главным образом из сочинений Навā'и.

Среди филологических трудов, появившихся в связи с повышенным интересом к „чагатайскому“ языку в XV в. и в последующих столетиях, необходимо назвать словарь Та'ли' Херевй (Хорасан), словарь Абушқа (?), словарь Фазлулла-хана (Индия), словарь-справочник Келюр-наме (Индия), словарь Мухаммеда Ризā (Хорезм), словарь Санглях Мехди-хана с грамматическим введением Мабāни' ал-лугат (Иран), словарь Фатх 'Али-хана Каджарского (Иран) и др.

Словарь Та'ли' Херевй. Название словаря — Бада'и' ал-лугат. Нисба „Херевй“ означает, что автор был уроженцем Герата — города, с которым связана биография самого Навā'и, а упоминание Та'ли' в Маджалис ан-нафа'ис¹³⁰ позволяет считать его современником последнего. Правда, Та'ли' упомянут в первом маджлисе, в который в основном вошли поэты, жившие до Навā'и или умершие в годы его юности, но весьма вероятно, что Та'ли', будучи современником Навā'и, был намного старше его и по этой причине был отнесен к поэтам первой группы (Навā'и называет Та'ли' поэтом).

Словарь Бада'и' ал-лугат („чагатайско“-персидский) составлен в конце XV в. для пояснения слов в сочинениях Навā'и.

Список указанного словаря, относящийся к началу XVIII в., хранится в публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.¹³¹

Абушқа. „Чагатайско“-турецкий словарь, получивший условное наименование Абушқа по первому слову (ср. لغت ابوشقا),

¹³⁰ مجالس النفايس Рукоп. отдел ИВ АН СССР, В. 270, лл. 136, 19а.

¹³¹ Текст Бада'и' ал-лугат по этому списку издан: А. К. Боровков. Бада'и' ал-лугат. Словарь Та'ли' Ймāни Гератского. М., 1961.

(اللغت النوائيه، الاستشهادات الچغتائيه، حل لغات نوابي), в основном посвящен толкованию слов из сочинений Нава'и, перечень которых приводится на стр. 23, 24. Значительно меньшее место в словаре отведено толкованию слов из газелей и поэмы Гюлю Навруз Лутфй, из поэмы Мир Хайдара Махзан ал-асрар, из газелей 'Убайд-хана.

Как полагает Г. Флюгель, словарь составлен одним османским ученым, который увлекался чтением произведений Нава'и, вскоре после смерти последнего. Поскольку венский список относится к 1552 г., а список Британского Музея — к 1554 г., естественно предположить, что оригинал был закончен в период между смертью Нава'и и серединой XVI в.

Списки Абушқа имеются в Британском Музее, в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина, в библиотеке Ленинградского университета, в рукописном отделе Института востоковедения Академии наук в Ленинграде, в Венской библиотеке и в других местах.¹³²

Абушқа содержит почти 2000 слов. Характерно, что составитель отобрал только те слова, которые не были понятны туркам или имели значения несколько иные, чем в турецком языке. При этом он не выделял основных словарных типов и выписывал в алфавитном порядке разные грамматические формы, см. стр. 66, 67: 'ايكاو، ايكاو، ايكالاينز' 'двое', 'двум', 'мы двое'; стр. 154: 'بولغونجا، بولغانجه، بولغوجه، بولغاجه' 'пока будет'; стр. 206: 'تورتا، تورتالا، تورتاولا، تورثالاسى' 'четверо (из них)' и т. д.

¹³² См.: Rieu, p. 263 (Add. 7886). Перечень рукописей, находившихся в Петербурге, дан у В. В. Вельяминова-Зернова (Словарь джагатайско-турецкий, стр. 7). Из пяти экземпляров, как указывает В. В. Вельяминов-Зернов, четыре — копии, снятые в довольно позднее время с экземпляра Публичной библиотеки. Текст последнего был издан В. В. Вельяминовым-Зерновым в 1868 г. Описание рукописи см.: Catalogue des manuscrits et xylographes orientaux de la Bibliothèque Impériale Publique de St. Pétersbourg. SPb., 1852, pp. 532, 533. — Венская рукопись описана Г. Флюгелем и названа в его каталоге: *كتاب اللغة في لسان چغتای* (Flügel, I, S. 103, 104). Второй экземпляр Венской библиотеки — довольно поздний (1858 г.). Аналогичный по характеру и близкий по содержанию словарь в собрании ИВАН Уз.ССР носит наименование *حل لغات نوابي* (№№ 708, 427/I). Первый список был составлен в 1851 г., второй — в 1852 г.

По мнению А. К. Боровкова, „словарь Абушқа является переработкой словаря Бад'и' ал-лугат или близкой редакцией этого словаря и переводился с персидского языка“.¹³³

Словарь Фазлулла-хана. Данный словарь был составлен, по-видимому, также в конце XVII в., так как Фазлулла-хан называет себя двоюродным братом Сейф-хана, жившего во второй половине XVII в.

Рукопись словаря Фазлулла-хана хранится в Британском Музее.¹³⁴ В 1825 г. текст словаря по этой рукописи был издан в Калькутте.

Словарь Фазлулла-хана называется *Лугати тюркй*. Таким образом, он содержит разные словарные материалы, хотя господствующее положение в нем занимает лексика староузбекского языка.

Словарь состоит из трех глав. В первой главе дается перечень отглагольных имен с переводом на персидский язык (*در بيان بعضی متصرفات از ماضی و مضارع و امر*) (*بیان مصادر*). Во второй главе названы и описаны разные глагольные формы (*در بیان بعضی متصرفات از ماضی و مضارع و امر*): формы прошедшего времени (*صیغهای ماضی*): ср. *kēldi*, *kēlipdur*, *kēlār ēdi*...), аориста (*صیغهای مضارع*): ср. *kēladur*, *kēljūcidur*...), повелительного наклонения (*صیغهای امر*): ср. *kāl*, *kēljāj*, *kēljūz*, *kēljūn*...), „запрета“ (*صیغهای نهی*): ср. *kēlmā*, *kēlmānjiz*, *kēlmāsjūn*...), и др. Здесь же рассматриваются аффиксы именного словообразования. Третья глава представляет собой словарь именных частей речи (*در بیان اسمای* *جوامد و چزان*).

В словаре Фазлулла-хана, как и в некоторых других словарях, дана относительно четкая характеристика произношения каждого слова, ср., например: „*ama* — с алифом, огласованным фатхой и имеющим мадду, с та, огласованным фатхой, и вторым алифом без мадды — 'отец'“. Однако, в нем отсутствует указание на источники и нет подтверждающих цитат. Некоторые

¹³³ А. К. Боровков. Лексикографическая традиция в словарях чагатайского языка. Лексикографический сб., вып. IV. М., 1960, стр. 156.

¹³⁴ См.: Rieu, p. 264 (Add. 6646). — Об этом и некоторых других словарях см.: В. В. Вельяминов-Зернов. Словарь джагатайско-турецкий, стр. 28—31. См. также только что упомянутую статью А. К. Боровкова.

толкования слов ошибочны или сомнительны, ср.: *курумсаз* — *курбан*.

Келюр-наме („Книга заприходования“). Келюр-наме — „чагатайско“-персидский словарь, составленный в конце XVII в. Мухаммедом Я'кубом Чингй.¹³⁵

Словарь задуман в качестве пособия для изучения староузбекского языка. Автор дает список ряда глаголов и сопровождает каждый из них длинным перечнем форм,¹³⁶ например:

	باب اول		
اوقوماق	اوقوبدور	اوقوماينور	
اوقودى	اوقومادى	اوقو	
اوقوپنور	اوقوماينور	اوقوما	
اوور	اوقوماسى	اوقوربينز	
اوقوبيدى	اوقوماييدى	اوقوماسىبينز	

В следующей части слова расположены и сгруппированы по тематическому принципу, например: „Небо“ (در بيان آسمان), „Земля“ (در بيان زمين) и т. д.¹³⁷

В одном сборнике вместе с Келюр-наме находится небольшой „Словарь избранных тюркских слов“ (منتخب لغات توركى).¹³⁸

Словарь Мухаммеда Ризā (منتخب اللغات). Данный словарь составлен в конце XVIII в. в Хиве, он содержит объяснение арабских, таджикских и некоторых узбекских слов, встречающихся в произведениях Навā'й.

Несколько довольно поздних списков этого словаря хранится в рукописном отделе Института востоковедения Академии наук Уз. ССР (№№ 427/II, 428/I, 4010) и в Институте востоковедения в Ленинграде (С. 1818).

Мабāни' л-лугат и Санглях Мехдй-хана. Мехдй-хан — историограф Надир-шаха, живший в XVIII в. Свой филологический труд Мехдй-хан закончил в 1760 г.

Сочинение Мехдй-хана сохранилось в нескольких списках. Один из них принадлежит фонду Гибба, другой находится

¹³⁵ Список этого словаря, относящийся к XIX в., имеется в Рукоп. отделе ИВ АН УзССР, № 5052/I.

¹³⁶ Рукоп. отдел ИВ АН Уз. ССР, № 5052/I, л. 26.

¹³⁷ Там же, лл. 32а—35б.

¹³⁸ Отдельный список этого словаря имеется в Рукоп. отделе ИВ АН СССР (С 1818).

в Британском Музее, третий — в Бодлеяне (Оксфорд). Копия сокращенного варианта Санглях (Хулāса-и 'Аббāси в редакции Мухаммеда Хувейй) хранится в Национальной Библиотеке в Париже.¹³⁹

Мабāни' л-лугат¹⁴⁰ — грамматический очерк, предваряющий „чагатайско“-персидский словарь Санглях. Полное название грамматического очерка: صرف و نحو لغت چغتای. Мабāни' л-лугат является грамматикой староузбекского („чагатайского“) языка,¹⁴¹ взятого в том виде, в каком он отразился в первую очередь в произведениях Навā'й.

В мукаддима к Мабāни' л-лугат Мехдй-хан перечисляет двенадцать поэтических и девять прозаических сочинений Навā'й, к которым он дает грамматические объяснения.

Грамматика Мехдй-хана состоит из шести разделов. В первом из них Мехдй-хан приводит образцы различных отглагольных имен и причастий, отмечая, что все они образуются от формы повелительного наклонения. Затем он рассматривает формы, осложненные дополнительными звуками, т. е. вторичные (залоговые) основы (متعدى, مفاعله, انفعال), форму прошедшего времени (فعل ماضى), форму настоящего-будущего времени, или „аорист“ (فعل مضارع), причастие действительного залога (اسم مفعول), причастие страдательного залога (اسم فاعل), повелительное наклонение (فعل امر), отрицательный аффикс формы

¹³⁹ См.: Rieu, p. 264 (Or. 2892).

¹⁴⁰ Эта часть издана Э. Денисоном Россом (The Mabāni' l-lughat being a grammar of the turki language in Persian, by Mirzā Mehdi Khān. Bibliotheca Indica. New Series, Nr. 1225, Calcutta, 1910) по рукописи Британского Музея (Or. 2892, лл. За—246). Факсимильное издание рукописи из фонда Гибба осуществлено Дж. Класоном. См.: Sanglax. A Persian Guide to the Turkish Language, by Muhammad Mahdi Khān. Facsimile Text with an Introduction and Indices by Sir Gerard Clauson. London, 1960.

¹⁴¹ О достоинствах и недостатках грамматики Мехдй-хана см.: А. Н. Самойлович. Персидский тюрколог XVIII века Мирза Мехди-хан. Отд. оттиск из „Изв. Об-ва обследования и изучения Азербайджана“, № 5, Баку, 1927; J. E s k m a n n. Mirzā Mehdi Darstellung der tschagataischen Sprache. Analecta Orientalia memoriae Al. Csoma de Kőrös dicata. Budapest, 1942—1947, SS. 156—220; K. H. Menges. Das Čağatajische in der persischen Darstellung von Mirzā Mahdi Khān. Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse, Nr. 9, Akademie der Wissenschaften und der Literatur, Mainz, 1956.

повелительного наклонения (نهی), отрицательную форму глагола (نهی), обстоятельство-наречие (حال), образованное путем сложения или удвоения деепричастий, и т. д. Во втором разделе излагаются некоторые обстоятельства образования форм, например зависимость фонетического оформления аффиксов от фонетических данных основы: огласовки и качества конечного согласного. Третий раздел посвящен описанию местоимений и указательных имен (ضمایر و اسماء اشاره), подразделяемых на отделенные, или самостоятельные (ضمایر منفصله), и примыкающие, т. е. используемые в качестве аффиксов (ضمایر متصله). В четвертом разделе дается перечень и характеристика частиц, которые сами по себе, без сложения с другими элементами, не выражают никаких значений. Речь идет главным образом о морфемах. В пятом разделе приведены слова, которые имеют свое значение, но употребляются в несобственном значении (вспомогательные глаголы). Шестой раздел содержит указания на правила орфографии и некоторые особенности орфографических написаний.

В заключительной части грамматики выделены персидские элементы, используемые в языке Нава'и.¹⁴²

Примечательно наличие в Мабани' л-лугат элементов сравнения, проявляющихся в указании на то, в каком виде те или иные формы выступают у „румийцев“ и „иранских тюрок“. При этом цитируются довольно часто произведения Фузули.¹⁴³

Наконец, нельзя не отметить попытки Мехди-хана произвести этимологический анализ некоторых многосложных слов, ср.: *ajd'n* 'лунная ночь' < *aj* 'луна' + *tijn* 'ночь'; *iştan* 'нижнее белье' < *ic* 'внутренность' + *ton* 'халат'.¹⁴⁴

В грамматике Мехди-хан неоднократно упоминает других представителей местной филологической традиции: Нафйрй, Та'ли' Херевй и полемизирует с ними,¹⁴⁵ ср. на стр. 27: طالع هروی گوید:

¹⁴² См. издание Э. Денисона Росса, pp. 139, 140.

¹⁴³ Там же, pp. 21, 27, 30, 41, 60, 64, 75, 76, 100, 101, 123, 127.

¹⁴⁴ Там же, pp. 130, 131.

¹⁴⁵ Издание Э. Денисона Росса, pp. 36, 85, 100. О Сангляхе см.: J. Eскманп. *Mirza Mehdi'nin „Senglah“ adlı çagatayca sözlüğü. Türk Dil Kurultayında okunan Bilimsel Bildiriler 1957'den (ayrībasım)*. Ankara, 1960, ss. 37—40.

در بیان معنی الغوچی که گاه بمعنی فاعل و گاه بمعنی مصدر می آید
..... غلط کرده است غوچی و کوچی همان بمعنی فاعل وضع شده اند و
افاده معنی دیگر نمی کنند

'Та'ли' Херевй говорит о содержании формы (типа) *албу'и*, что она выступает то в значении причастия, то в значении имени действия — *масдара*... Это неверно. (Аффикс) *-бу'и* ~ *-г'и'и* всегда употребляется в значении причастия и других значений не выражает'.

Собственно словарная часть Сангляха содержит толкование на персидском языке большого количества староузбекских слов. Почти каждое объяснение сопровождается цитатами, извлеченными из сочинений Нава'и, Бабура, Лутфй, Мир Хайдара „тёлба“, Фузули. Помимо староузбекских, Санглях включает в себя турецкие и монгольские слова. В словаре приводятся также собственные имена и географические названия. В конце Сангляха дан перечень арабских и персидских слов и метафор, использованных Нава'и.

Словарь Фатх 'Али-хана Каджарского. Фатх 'Али-хан начал составление словаря в 1857—1858 гг. и работал над ним в течение четырех лет, до 1862 г.

Словарь Фатх 'Али-хана дошел до нас в двух списках, один из которых в конце прошлого столетия принадлежал венгерскому тюркологу Ж. Тури, а другой был приобретен А. А. Ромаскевичем в Тегеране в 1914 г. и вошел в состав рукописей Ленинградского университета под № 1177.¹⁴⁶ Эти списки имеют разные названия, первый — *بیجة اللغات*, второй — *فهرست کتاب لغت اثباتیه*.

Как сообщает А. А. Ромаскевич, словарь Фатх 'Али-хана состоит из четырех частей: 1) предисловия автора (л. 16—12а), 2) чагатайско-персидского словаря (л. 136—404а), 3) объяснения двенадцати слов, оставшихся непонятными для автора Сангляха Мехди-хана (л. 405а—407б), 4) словаря персидских слов, встречающихся в сочинениях Нава'и (л. 407б—418б).

В предисловии к словарю Фатх 'Али-хан излагает автобиографические данные, сведения о тюркских языках и о „чага-

¹⁴⁶ А. А. Ромаскевич. Новый чагатайско-персидский словарь. Сб. „Мир-Али-Шир“, Л., 1928, стр. 83—99.

тайском" языке, в частности приводит краткую биографию Навā'и и называет 27 имевшихся в распоряжении автора сочинений последнего. Здесь же высказываются критические замечания в адрес Сангляха Мехдй-хана.

Во второй части дано около 8000 слов. Большое место занимают подтвердительные цитаты, причем сам Фатх 'Али-хан считает цитирование одним из самых важных достоинств всех словарей подобного рода. Наибольшее количество цитат, по подсчетам А. А. Ромаскевича, извлечено из четырех диванов Навā'и, и затем из Пятерицы. Из прозаических сочинений больше всего цитируются Махбуб ал-қулуб и Та'рих-и муллок-и 'аджам. Довольно часто составитель пользуется сочинениями других поэтов и писателей, писавших на староузбекском и старотурецком языках, например сочинениями Лутфи, Мир Хайдара, Бабура, Хусейна Байқарā, Искандера Мирзы, Бенна'и, Камāли, 'Убайд-хана, Фузули, Сақби. В ряде случаев он обращается к персидским источникам.

В словаре собраны ценные географические, исторические и этнографические данные.

Работу Фатх 'Али-хана Кāджāрского А. А. Ромаскевич называет одним из лучших словарей „чагатайского“ (староузбекского) языка.

Кроме упомянутых выше, существовали также „чагатайско“-персидские и „чагатайско“-турецкие словари Фарāғи, Назар 'Али, 'Абд ал-Джалил Насири, Хōджа Тāййиб Бухāри Нақшбанди и других авторов, многие из которых названы, в частности, у Мехдй-хана.¹⁴⁷

* * *

Приведенный выше обзор не исчерпывает всего богатства источников староузбекского языка. Несомненно, что в дальнейшем в него будут включены и многие другие литературные памятники и эпиграфические тексты, еще не вошедшие в научный обиход или совсем неизвестные.

Из числа упомянутых нами источников некоторые — примерно десятая часть — оказались недоступными, и пришлось ограничиться их описанием (без использования самих материалов) на основе тех данных, которые имеются в специальной литературе.

¹⁴⁷ Издание Э. Денисона Росса, р. 6. См. также: Rieu, pp. 263—269.

О ПРИНЦИПАХ ОТБОРА ИСТОЧНИКОВ

Многие из памятников староузбекского языка сохранились в нескольких списках, относящихся к разным периодам времени и составленных разными переписчиками. При копировании в первоначальный текст вносились изменения, так что наряду с автором в этом тексте многосторонне проявлял себя и переписчик, а поскольку копирование нередко образовывало несколько последовательно расположенных ступеней, то конечный вариант мог совмещать в себе те или иные языковые особенности трех, четырех, пяти и даже шести лиц, т. е. особенности языка автора и нескольких переписчиков, разделенных промежутками времени от одного года до двух-трех столетий.

Данное обстоятельство делает необходимым отбор преимущественно ранних источников и допускает лишь осторожное и выборочное использование тех рукописей, составление которых выходит за пределы рассматриваемого периода (XIV—XVI вв.).

Сравнение разных списков позволяет установить, что изменения в основном охватывают лексику, отчасти содержание и фонетическую структуру слова и почти не касаются морфологии. При этом фонетические изменения, проявляющиеся при копировании текстов, однотипны и поддаются учету, ср., например, распространение нового типа соотношения гласных, замену глухих заднеязычных в конце слова звонкими или наоборот и т. д.

Чтобы показать размеры и характер указанных изменений мы приводим в качестве образца одну из газелей Лутфи по четырем спискам, составленным в XV, XVI и XIX вв.

Or. 8193, л. 176а (Брит. Музей); рукопись датирована (1432 г.):

*Aj ājāt-i raḫmat jūzūñjūz sha'nīda nāzil
bolvaj качарің бірлә качан мэхр мукабил.*

*Sizdin kəräk ögrānsā pērī ādalālkñi
Jūsuf daḡi ta'līm kəräk alsa shamājil.
Jalbus mən əmāsmān xavasīñ bīrlā ġiriftār
xusnuñba ərjūr xūru mäläk jān bīrlā mājil.*

Харўт көзүң сiхринi көрдi хiјiл олдi
андiн јашунуб iхтiјар эттi јах-i Бабiл.
Ол сачму туруп субха јакiн јахўд узун тiјн
ја балијадiн дiлiј көңўллiргi саласiл.

Јан мусхафi сi пiрi болур кајбуда хiрдaм
хајкал элиги бојнiна тa болдi хамaјил.
Хiјриңдa тiлiр Лўтфi кулуң өз ајалiнi
сәнсiз кiчiрiн 'өмiрдiн ај дiст нi хaсiл!

Ср. Add. 7914/VI, л. 1996 (Брит. Музей); рукопись относится прибли-
зительно к началу XVI в.:

Ај ајaт-i рахмaт јiзiјiнiз ша'нида нaзил
болбај качарiң бiрлa качан мiхр мукабiл.

Сiздiн кiрiк өргiнсi пiрi адамiликнi
Јусуф дабi та'лим кiрiк алса шамaјил.
Харўт көзүң сiхринi көрдi хiјiл олдi
андiн јашунуб iхтiјар эттi јах-i Бабiл.

Јалбуз мән эмiсмән хавасiң бiрлa ирiфтaр
хуснуңа туруп хўру мiлiк јан билa мајил
Ол сачмудур субха јакiн јахўд узун тiјн
ја балијадiн дiлiј көңўллiргi саласiл.

..... мусхафi сi пiрi болур кајбуда хiрдaм
хајкал элиги бојнiна тa болдi хамaјил.
Хiјриңдa тiлiр хiрдaм ајал Лўтфi мiскiн
сәнсiз кiчiрiн 'өмiрдiн ај дiст нi хaсiл!

Ср. 5023/I, л. 396, 120-я газель (Рукоп. отдел ИВ АН Уз. ССР); руко-
пись датирована 1218 г. х. (1803 г.):

Ај ајaт-i рахмaт јiзiјiнiз ша'нида нaзил
болбај чiкарiң бiрлa качан мiхр мукабiл.

Сiз(дiн) кiрiк өргiнсi пiрi адамiлибнi
Јусуф дабi та'лим кiрiк алса шамaјил.
Харўт көзүң сiхринi көрдi хiјiл олдi
андiн јашунуб болдi макамича мајил.

Јалбуз мән эмiсмән хавасiң бiрлa ирiфтaр
хуснуңа туруп хўру мiлiк јан билa мајил.
Ол сачмудур субха јакiн јахўд узун тiјн
ја балијадiн дiлiј көңўллiргi саласiл.

Јан мусхафi сi пiрi болур кајбуда хiрдaм
хајкал элиги бојнiна тa кiм болдi хамaјил.

Ср. А. 109, л. 34а, 133-я газель (Рукоп. отдел ИВ АН СССР); руко-
пись датирована 1232 г. х. (1816 г.):

Ај ајaт-i рахмaт јiзiјiнiз ша'нида нaзил
болбај качарiң бiрлa качан мiхр мукабiл.

Сiздiн кiрiк өргiнсi пiрi адамiликнi
Јусуф дабi та'лим кiрiк алса шамaјил.
Харўт көзүң сiхринi көрдi хiјiл олдi
андiн јашунуб iхтiјар эттi јах-i Бабiл.

Јалбуз мән эмiсмән хавасiң бiрлa ирiфтaр
хуснуңа туруп хўру мiлiк јан билa мајил
Ол сачмудур субха јакiн јахўд узун тiјн
ја балијадiн дiлiј көңўллiргi саласiл.

Јан мусхафi сi пiрi болур кајбуда хiрдaм
хајкал элиги бојнiна тa болдi хамaјил.
Хiјриңдa тiлiр хiрдaм ајал Лўтфi мiскiн
сәнсiз кiчiрiн 'өмiрдiн ај дiст нi хaсiл!

Глава I

ФОНЕТИКА

Арабские и уйгурские буквы, которыми пользовались авторы и переписчики староузбекских текстов, не дают четкого представления о фонетической системе староузбекского языка.

Насколько недостаточны графические средства арабского алфавита для передачи тюркских звуков вообще, можно судить хотя бы по тому обстоятельству, что в арабском алфавите существует только три знака для гласных, один знак для *к* и *г* и не всегда передается различие между *ч* и *й*, *п* и *б*.

Неприспособленным для передачи тюркских звуков является и уйгурский алфавит. Правда, имели место попытки дополнить уйгурский алфавит недостающими буквами посредством создания особых диакритических знаков, однако эти попытки не привели к реформе уйгурской письменности в целом и проявились в небольшом количестве текстов. Кроме того, они коснулись главным образом передачи некоторых несвойственных староузбекскому языку согласных, ср. СҚ: *خاير* *xäir* 'каждый' (19а), *خاك* *ħak* 'господин' (28а), *شافآت* *šafā'at* 'посредство' (286), *باركا* *barka* 'потонувший', 'погруженный' (446), *ساخاوات* *saħāvat* 'щедрость' (1626).

Все изложенное показывает, что детальная реконструкция фонетической системы староузбекского языка является делом чрезвычайно сложным.

Оригинальную попытку определить звуковой состав староузбекского языка сделал К. К. Юдахин, исследовавший с этой целью соотношение различных слов в рифме. По его мнению, рифмующиеся слова в туюгах (четверостишиях) должны были произноситься одинаково. И если мы встречаем, например,

в одном из туюгов Эмйри игру слов *от* 'огонь', *от* 'трава' и *от* 'пройти', то это означает, что все они, в соответствии с требованиями рифмы, читались в виде *от* и, следовательно, *о* и *ө* не различались. Если теперь взять в четверостишии Лутфй, — продолжает К. К. Юдахин, — игру слов *ташідін* 'из его камня', *ташідін* 'извне' и *ташідін* (*ташідін* 'его внешняя сторона', *дін* 'религия'), то необходимо будет признать, что узкий гласный в них, в последнем слоге, произносился единообразно, вероятнее всего, как *і* и противопоставление *і—ї* отсутствовало. На основании этих и других, изложенных в статье фактов К. К. Юдахин высказывает предположение, что важнейшие чагатайские поэты были представителями говоров не сингармонистичных, в которых насчитывалось только шесть гласных.¹

Способ определения состава гласных в староузбекском языке, предложенный К. К. Юдахиным, оригинален и остроумен, тем не менее он не может быть достаточно эффективным. Следует в связи с этим заметить, что подбор рифм в староузбекской поэзии не всегда достигал степени фонологического тождества рифмующихся слов, и поэтому знание фонемного состава одного слова или слога является недостаточным для определения соответствующего состава другого слова или слога. Ср., например, ШН:

كوردی <i>kördi</i>	بولماس <i>bolmas</i>
اولتوردی <i>ol'turdı</i> (77),	ايورولماس <i>ujurulmas</i> (130),
هرکز <i>ħärküz</i>	کیلدی <i>käldi</i>
عاجز <i>'ājiz</i> (131),	قیلدی <i>kıldi</i> (218),
اوتتی <i>öt'ti</i>	اوروب <i>urup</i>
توتتی <i>tüt'ti</i> (222).	کوروب <i>körüp</i> (218),

О возможности использования в рифмах созвучных, но различных по произношению слов говорит с исчерпывающей ясностью Нава'й: „Для расширения (выразительных средств) и

¹ К. К. Юдахин. Материалы к вопросу о звуковом составе чагатайского языка. Культура и письменность Востока, кн. IV, Баку, 1929, стр. 67.

для облегчения выбора рифмы несколько букв (звуков, — А. Ц.) сближают друг с другом, в том числе л с с. Например, в конце рифмующихся слов может быть л, так что слово *arā* (ارا) рифмуют со словами *sarā* (سرا) и *darā* (درا), но вместе с тем его можно рифмовать с *sarā* (سره) и *darā* (دره). Другой пример: *jadā* (يدا) рифмуется с *ṣadā* (صدا) и наряду с этим с *bādā* (باده). Такого же рода сообщество образуют و и ؤ. Например, *ṣrūr* (سرور) можно рифмовать с *xur* (خُر) и *dur* (دُر) и вместе с тем с *burūr* (غرور) и *zarūr* (ضرور). Так же обстоит дело и в отношении ی с ۛ: *abīr* (آبیر) и *baḡīr* (باغیر) рифмуются с *ṣādr* (صادر) и *kādr* (قادر) и, равным образом, с *ta'xīr* (تأخیر) и *ta-bjīr* (تغیر).....²

ГЛАСНЫЕ

Как уже указывалось выше, арабский алфавит у узбеков располагал тремя знаками, которые могли передавать 8—9 гласных: ا (*a*), ی (*ä, ĩ, i*), و (*o, ö, u, ü*). Для передачи *ä, ĩ, i, o, ö, u, ü* в начале слова использовались сочетания соответствующих знаков с алифом (ا), так как без алифа последние обозначают и согласные звуки.

Приблизительно такие же возможности имел уйгурский алфавит. Особенность уйгурского алфавита в обозначении гласных, по сравнению с арабским алфавитом, заключается в наличии дополнительного средства для передачи мягкого ряда губных гласных — сочетания **ا** с **ا** (*ä, ö, ü*). Употребление алифа (**ا**) в уйгурском письме — явление менее характерное и распространенное, чем в арабском.

Некоторые данные о составе гласных староузбекского языка приводит Нава'й. „В рифмах ма'руф³ и маджхул,⁴ на و и ی, — пишет он, — в персидской поэзии не бывает более двух вариантов, например на و: *xōd* (خود) 'сам', 'свой', *dūd* (دود) 'дым', *zōr* (زور) 'сильный', *nūr* (نور) 'луч', 'свет'; на ی: *pīr* (پیر) 'старец', 'религиозный старейшина', *šīr* (شیر) 'лев'. В тюркском (староузбекском, — А. Ц.) языке и на و, и на ی имеется четыре

² Мухāкамат ал-луғатайн (Chrestomathie en turc oriental), стр. 14.

³ Яйи ма'руф — *ī(i)*, вāви ма'руф — *y(ü)*.

⁴ Яйи маджхул — *ä*, вāви маджхул — *o(ö)*.

варианта. Так, на و: *ot* (اوت) 'огонь', 'горящая вещь', *öt-* (اوت) 'проходить', *ut* (اوت) 'выиграй в азартной игре' (مقمرغه برد), *üt-* (اوت), произносимое уже всех (باريدین ارق), в значении 'смолить голову животного, держа ее над огнем'; еще один пример: *tor* (تور) 'сеть', 'тенета', *tur* (تور), произносимое уже первого (اندين ذقیق راق), в значении 'палка, жердь для сидения птиц', *tör* (تور), произносимое еще уже — 'передний угол дома' (اوی نینک توری) и *tūr* (تور), которое уже всех, — 'узор на занавесе или двери'.

Примеров на ی — не более трех вариантов: *böz* (بیز), что на языке сартов означает *kadud* 'железа', *biz* (بیز), что значит (по-сартски) *mā* и (по-арабски) *naḥnu* 'мы' и *biz* (بیز) — (по-сартски) *daraḥi* 'шило'. Еще один пример: *tör-* (تیر) 'собирать', *tör* (تیر), произносимое уже него и означающее на языке сартов *arak*, или *xvaj* 'пот', 'испарина' и *tir* (تیر), произносимое уже всех, — 'стрела'.....⁵

Таким образом, Нава'й четко различает четыре варианта произношения буквы و, выделяемых по признаку твердого или мягкого ряда (*ot, ut/öt, üt*) и по признаку широты или узости (*ot, öt/ut, üt*). Это различие свидетельствует о том, что в языке Нава'й, по крайней мере в пределах губных, сохранялась общетюркская шкала вокализма и гармония гласных не была утрачена.

Труднее обстоит дело с вариантами произношения буквы ی. Вначале Нава'й указывает, что их четыре, затем, несколько ниже, он ограничивает число вариантов тремя. Если сопоставить примеры, приведенные Нава'й, с учетом тех признаков сопоставления, которые использовались для вариантов произношения و, то прежде всего обнаружится отсутствие варианта с широким гласным твердого ряда, ср.:

(<i>baz</i>)	<i>böz</i>	(<i>map</i>)	<i>mör</i>
<i>biz</i>	<i>biz</i>	(<i>mip</i>)	<i>mip</i>

Однако ясно, что этот вариант не был привлечен Нава'й потому, что он не выводим из произношения ی. Что касается варианта с узким гласным твердого ряда, то в первой группе

⁵ Мухāкамат ал-луғатайн (Chrestomathie en turc oriental), стр. 13, 14.

можно допустить его существование, принимая во внимание возможность твердорядного произношения гласного в слове *biz* (*bīz*) 'мы'. Во второй группе такая возможность на первый взгляд исключена: в слове *māp* 'пот' гласный — мягкого ряда и всегда полуоткрытый. Может показаться, что в данном случае, а также и в предыдущем, сопоставление разных вариантов произношения *ی* не преследовало цели показать их различие по тем признакам, по которым были выделены варианты произношения *و*.⁶ И не случайно А. К. Боровков высказал мысль о том, что „Алишер Навои в *biz* (*biz*) 'мы' имел в виду выделить беглое *i*, в противоположность более долговому *i* в *biz* (*biz*) 'шило' и *e* в *bez* (*bez*) 'желез'“.⁷ Однако содержание соответствующего раздела в сочинении Навā'й, как нам кажется, не дает повода сомневаться в описании им вариантов произношения *و* и *ی* на основе единого принципа. Сам порядок подачи вариантов является строго последовательным: сначала *vāvi* маджхул твердорядный (*o*), затем мягкорядный (*ö*), далее *vāvi* ма'руф твердорядный (*y*) и мягкорядный (*ÿ*). Такой же порядок соблюдается в отношении *ی*: сначала *yāvi* маджхул мягкорядный (*ë*; соответствующий твердорядный гласный, как указывалось выше, не выводим из произношения *ی*, он обозначался буквой *l*), затем *yāvi* ма'руф твердорядный (*ī*) и мягкорядный (*i*). Только в одном случае, а именно в случае со словом *māp* 'пот', схема Навā'й является несколько нарушенной.

Как же объяснить использование слова *māp* 'пот' в качестве примера на твердорядный вариант произношения *yāvi* ма'руф? Сам Навā'й указывает, что *māp* в значении 'пот' произносится уже, чем *māp* 'собирать'. Следовательно, гласный в этом слове был довольно узким, закрытым. А предельно закрытый *ë* в положении перед *p* подвержен большой редукции и акустически может быть воспринят как *ī*.

Итак, есть достаточные основания считать, что Навā'й хорошо различал четыре варианта произношения *و* (*o*, *ö*, *y*, *ÿ*) и три варианта произношения *ی* (*ë*, *ī*, *i*), несмотря на то, что

⁶ См.: А. Усманов. Мухакamat ал-Лугатайн Алишера Навои. Ташкент, 1948, стр. 119.

⁷ А. К. Боровков. Алишер Навои как основоположник узбекского литературного языка, стр. 106.

акустическое разграничение последних в некоторых позициях было затруднительным.

Особое значение имеет вопрос о судьбе общетюркского *a*. Можно ли говорить о наличии в староузбекском языке противопоставления *a* — *â*, то есть, иначе говоря, о появлении в нем „окания“? Определенных данных, позволяющих ответить на этот вопрос, пока нет. Все же бесполезно в данном случае обратиться к системе 'аруза, дающей некоторые косвенные указания относительно произношения *a*. Звук *a*, становящийся в современном узбекском языке открытым лабиализованным, (*â*), в системе староузбекского стихосложения, опирающегося на количественный метр, выступает и с долготой и без долготы. Таким образом, подвести его под норму традиционного произношения долгих („окающие“) или кратких („акающие“) невозможно. С точки зрения этой нормы *a* может быть и „окающим“ и „акающим“, что, вообще говоря, в поэзии допустимо. Далее, следует обратить внимание на наличие рифм типа *çadā* (*çadā*) — *bādā* (*bādā*), отмеченных самим Навā'й.⁸ Ясно, что присутствие *o* в слове *bādā* делает недопустимым „окающее“ произношение *l* в первом слове.

Трудно сказать определенно, на какой диалект староузбекского языка ориентировался Навā'й, когда пользовался приведенными выше примерами. Но мы вправе предположить, что диалект или группа диалектов, послужившие опорной языковой базой для Навā'й, занимали ведущее положение. В них так же, как и в диалекте, сыгравшем важную роль в формировании языка Бабур, было, по-видимому, восемь гласных: *a*, *o*, *y*, *ī*, *ë*, *ö*, *ÿ*, *i*, с четким разделением твердого и мягкого ряда в таком плане, в каком это проявлялось и проявляется в настоящее время в большинстве тюркских языков. Можно также говорить о близости диалекта Навā'й и диалекта Бабур. Характерно, что сам Бабур в своих мемуарах, в разделе, посвященном описанию родного ему Андижана, высказывается так: „Население его (т. е. Андижана, — А. Ш.) — тюрки. В городе и на базаре нет человека, который бы не знал тюркский язык (букв.: тюркй, — А. Ш.).“

⁸ См. выше, стр. 66. См. также: А. К. Боровков. К вопросам фонетического анализа стихов Навои. Уч. зап. Ташкентского педагогического института им. Низами, Ташкент, 1959, стр. 9—11.

Язык народа сходен с книжным языком, потому что сочинения Мир 'Али Шера Навā'й, хотя он родился и вырос в Герате, написаны на этом языке".⁹

Разумеется, не все, писавшие на староузбекском языке, являлись носителями диалектов Навā'й и Бāбура и имели общую с ними фонетическую норму, с одинаковым составом гласных и согласных. Среди классиков староузбекской литературы были и жители Ферганы, и самаркандцы, и хорезмийцы, и выходцы из других мест. Однако совершенно очевидно, что диалекты Ферганы занимали господствующее положение среди диалектов староузбекского языка и оказывали на них нормализующее воздействие. Мало вероятно, чтобы в XIV—XVI вв. играли значительную роль диалекты Ташкента, Самарканда и Бухары. Ташкент еще не являлся в этот период крупным политическим центром и вокруг него располагались преимущественно кыпчакские племена, в Самарканде же и Бухаре преобладало иранское население и местный „тюркi“ имел небольшой удельный вес. Все сказанное позволяет нам при описании гласных и согласных говорить в основном об одной фонетической норме.

КРАТКИЕ ГЛАСНЫЕ

a — широкий гласный твердого ряда, имевший, возможно, уже в староузбекском языке XIV—XVI вв. незначительную лабиальную окраску, которая никак не отразилась на письме.

o и *y* — лабиализованные узкие гласные твердого ряда, графически не различавшиеся. Для различения *o* и *y* в староузбекском языке принято пользоваться данными сравнительной фонетики тюркских языков и материалами современного узбекского языка.

i — узкий гласный твердого ряда, имевший тенденцию совпасть или уже совпадавший в период существования староузбекского языка с соответствующим гласным мягкого ряда (*i*).

ö, по принципу велярно-палатальной гармонии, соответствует гласному *a* и в качественном отношении является промежуточным между *ä* и *i*, не совпадающим, однако, ни с первым, ни со вторым.

⁹ Бобир-нома, I к., б. 18.

ö и *y* — огубленные узкие гласные мягкого ряда, из которых второй — более закрытый.

i — узкий гласный мягкого ряда, самый „палатальный“ в узбекском языке и вообще в тюркских языках. Качественное своеобразие *i* обеспечивало ему положение особого гласного, регулировавшего взаимоотношения между гласными твердого и мягкого ряда и способствовавшего общему смещению шкалы староузбекского вокализма несколько вперед.

Схематически система гласных (фонем) староузбекского языка выглядит так:

	Неогубленные	Огубленные
Гласные твердого ряда	<i>a, ɨ</i>	<i>o, y</i>
„ мягкого „	<i>ä, i</i>	<i>ö, ü</i>

Что касается гласных вторых и третьих слогов основы и формальных наращений, то они по своему составу и в качественном отношении должны были отличаться от гласных первых слогов. Так, например, маловероятно присутствие в рассматриваемых позиционных условиях гласных *o* и *ö*, и, наоборот, допустимо наличие гласного, необычного для первых слогов, — *ä*. В качественном отношении гласные не-первых слогов выделяются некоторой неопределенностью и даже неустойчивостью, что объясняется действием такой структурно-фонетической закономерности, как гармония гласных. Неопределенность гласных не-первых слогов обусловлена еще и тем обстоятельством, что противопоставление их, как правило, не несет смысловозначительной нагрузки, то есть, иначе говоря, тем, что фонологически указанные гласные выступают как нечто единое, как один тип, ср.: *барар, барур, барр* 'идет'; *барп, баруп, барап* 'пойдя'; *болуң, болің* 'будьте', 'станьте'; *андан, андін* 'от него'; *көкүс, көкіс* 'грудь'; *алтун, алтін* 'золото' (теоретически вполне допустима и третья разновидность — *алтан*); *көрдүм, көрдім* 'я видел'; *бојун, бојін* 'шея'; *ачуь, ачйь* 'открытый'; *көңлүңүз, көңліңіз, көңліңіз* 'ваше сердце'; *үчүңчү, үчүнчі, үчінчі* 'третий'; *дөстлук, дөстлік* 'дружба'; *окуса, окіса* 'если прочитает'; *башумні, башімні* 'мою голову' и т. д.

Характер вокализации не-первых слогов в староузбекском языке, в плане отмеченных выше колебаний, определяется стремлением сделать универсальным тип *баши́м* 'моя голова' (ср. *башум*), *алти́н* 'золото' (ср. *алтун*) и вытеснить или ограничить в употреблении тип с лабиализованным узким и нелабиализованным широким гласными. Проявление указанной тенденции находится в некоторой зависимости от структурных и других особенностей, например от закрытости или открытости слога, от степени унифицирующего воздействия преобладающего в каждой данной группе форм типа огласовки. Так, в открытом слоге употребление узкого гласного приобретает гораздо большие размеры, чем в закрытом слоге. С другой стороны, в закрытом слоге процесс изменения огласовки становится более интенсивным, если ряд грамматических форм, входящих в парадигму, имеет открытый слог с установившейся огласовкой посредством *-i ~ -i*.

ДОЛГИЕ ГЛАСНЫЕ

Долгие гласные в староузбекском языке образовывались в результате выпадения согласных и сопутствовавшего ему в ряде случаев слияния гласных (так наз. заместительная долгота). Однако отличие таких гласных в количественном отношении от обычных кратких гласных быстро сглаживалось.

Наряду с природной долготой существовала долгота просодическая, связанная с усвоением количественного метра арабско-персидской поэтики. Мерой просодической долготы для тюркского стиха в основном являлась открытость или закрытость слога, ср. (размер — *هزج مثمن سالم*):

فلكدین گسر منگاھر لحظه یوز قایغو کیلور اوترو
اگر هر قایغودین سونگک بیر سیووونماک بار ایماس قایغو

'Если судьба посылает мне в каждое мгновение сотню печалей, печали нет, коль за каждой печалью будет следовать радость'.¹⁰

¹⁰ См.: Мабани' л-лугат, стр. 131.

ГАРМОНИЯ ГЛАСНЫХ

Гармонию гласных принято рассматривать как особый род соотношения гласных в слове, определяемый зависимостью одних из них от других, а именно — зависимостью гласных вторых и третьих слогов от гласных первого слога. Гармонию гласных можно с полным основанием назвать прогрессивной ассимиляцией гласных.

В староузбекском языке существовали два типа гармонии гласных. Первый тип объединял все случаи группировки гласных по признаку твердости—мягкости, второй — по наличию или отсутствию огубленности.

Примеры гармонии гласных первого типа: *бардук* 'мы пошли', *кәлдүк* 'мы пришли', *јолба* 'к дороге', *көзгә* 'в глаз', *андін* 'от него', *көздін* 'из глаза', *јахширак* 'лучше', *кичирак* 'моложе', *калсун* 'пусть останется', *билсүн* 'пусть знает', *кәлтүрмә* 'не приноси', *әскірюр* 'постареет', *карлұбач* 'ласточка', *шункар* 'кречет', *тәңридин* 'от бога'.

Глагольные основы *бар-* 'идти', *кал-* 'оставаться', с одной стороны, и *кәлтүр-* 'принести', *әскір-* 'стареть', *бил-* 'знать', с другой, а также именные основы, соответственно, *јол* 'дорога' и *көз* 'глаз', *тәңри* 'бог' и т. д. в обобщенно-фонетическом плане отличаются друг от друга тем, что имеют разный тип вокализма — твердый или мягкий. В зависимости от этого морфологические элементы выступают в двух фонетических разновидностях, имеющих одинаковую фонологическую значимость.

Примеры гармонии гласных второго типа: *milim* 'мой язык', *көзүм* 'мой глаз', *барің* 'идите', *баріп* 'отправившись', *көрүп* 'увидев', *көңлүңүз* 'ваше сердце', *әлтә албајман* 'смогу нести', *јәнімдін* 'от моей души'. Двойственность огласовки в этом случае заключается в наличии или отсутствии огубленности.

Данных, позволяющих говорить о степени сохранности или устойчивости первого типа гармонии гласных в староузбекском языке, в нашем распоряжении почти нет. Мы можем отметить лишь несколько случаев нарушения палатально-велярной гармонии в некоторых собственно тюркских и заимствованных словах и непостоянство ее в разного рода композитах, ср. Б: *بیوفالیغ* *бәвафәлүб* 'неверность' (148), *јәбүм кәлдүр* 'мне

хочется есть' (222); БН: مينغه *mēnğa* 'мне' (14); Л (А.109): *فافاسيزلارغا* *vaḥāsizlārğa* 'неверным' (4, в рукоп. № 5023/I—*فافاسيزلارغا* *vaḥāsizlārğa*, 5), *كونكلارغه* *kōnklārğa* 'сердцам' (120, см. рукоп. 5023/I), *ادمى ليک* *ādāmīlik* 'человечность' (133, в рукоп. 5023/I—*ادمى ليغ* *ādāmīlīg*, 120), *تنکریلیک* *tēnkrīlik* 'божество', 'то, что относится к богу' (192, см. рукоп. 5023/I); МЛ: *ايكى يىل ليک* *ikki jīlik* 'двухлетний' (пример из *سەد سکندرى*), *بىگانە ليغ* *bēgānālīg* и *بىگانە ليک* *bēgānālīk* 'чужбина', *کەم ليغ* *kāmīg* и *کەم ليک* *kāmīk* (или *kāmīk* 'малость') (125); Мах: *تيتراى دورگان* *tītrājdūrān* 'дрожащий', 'колеблющийся' (58), *کيلادورغان* *kīlādūrān* 'приходящий' (126, см. также в *سەد سکندرى*);¹¹ МН: *انفاس ليک* *anfāslik* 'с дыханием' (162а, уйгурский список) и *انفاس ليک* *anfāslik* (2936, арабский список); НДж: *کيشى غە* *kīshīğa* 'человеку' (27а); НМ: *بەرالمادی* *bērālmādī* 'он не мог дать' (30) *کيلالمادیم* *kīlālmādīm* 'я не мог прийти' (42а), *کيچ قورون* *kīčqurūn* 'вечером' (145а), *ایتغە* *ītğa* 'собаке' (219а); ТМ: *بۇ سوزلارغه* *bū sözlārğa* 'на эти слова' (147а); ШН: *ھېچ کيم ليک* *hēč kīmīk* 'никто' (101); ЭД: *جۇجۇрма بۇل* *jūjūrma būl* 'скитания' (3).

Что касается второго типа гармонии, то его состояние может быть охарактеризовано вполне определенно. В целом этот тип предстает в неустойчивом виде, обнаруживая тенденцию к полному исчезновению.

Сохранение первоначального соотношения огубленных гласных, как мы уже отмечали выше, в староузбекском языке наблюдается главным образом в формах с закрытым слогом.

Губную огласовку сохраняют в абсолютном большинстве случаев:

1) глагольные формы 1-го и 2-го лиц единственного числа и одна из форм 1-го лица множественного числа: *көрдүм* 'я видел', *көрдүң* 'ты видел', *көрдүк* 'мы видели', *көргүздүң* 'ты показал', *болдум* 'я стал', (б)олдуң 'ты стал', *тойдун* 'ты насытился', *турдум* 'я стоял', *туттум* 'я держал', *кутулдун* 'ты освободился', *бојун сундум* 'я подчинился (букв.: я вытянул шею)', *јүрүдүң* 'ты

¹¹ Формы типа *kīlādūrān*, как указывает Мехдӣ-хан, встречаются в сочинениях Нава'и Махбуб ал-қулуб и Таслим ал-мухаббат, а также в Бабурнаме. См.: Мабани' л-луғат, стр. 132.

ходил', *олтурбуздук* 'мы посадили', *өттүң* 'ты прошел', *јолуктум* 'я встретился', *сөктүң* 'ты ругал', *колдум* 'я попросил';

2) формы принадлежности 1-го и 2-го лиц единственного числа: *көңлүм* 'мое сердце', *өзүм* 'я сам', *өзүң* 'ты сам', *јүзүм* 'мое лицо', *бојнум* 'моя шея', *облуң* 'твой сын', *дөстлүбүм* 'моя дружба', *үјүм* 'мой дом', *окуң* 'твоя стрела', *көзүң* 'твой глаз', *јүңүм* 'мои перья';

3) вопросительная частица—аффикс: *көрдүңүзмү* 'видели ли вы?';

4) форма повелительного наклонения 2-го лица множественного числа: *јүрүң* 'идите', *уруңуз* 'бейте', *којуң* (*којуңуз*) 'оставьте', *тутуң* (*тутуңуз*) 'держите', *болуңуз* 'будьте', *олтуруң* 'сидите';

5) деепричастие прошедшего времени: *көріп* 'увидев', *јумуп* 'закрыв', 'зажмутив', *өтіп* 'перейдя', *олтуруп* 'сев', *олуп* 'став', *сунуп* 'вытянув', *бөліп* 'разделив', *болуп* 'став', *көргүзүп* 'показав', *окуп* 'читав', *өліп* 'скончавшись', *тутуп* 'держа', *копуп* 'встав', 'поднявшись', *туруп* 'стояв', *коркуп* 'боясь', *толдуруп* 'наполнив', *бузуп* 'разрушив';

6) форма повелительного наклонения 3-го лица (так наз. косвенное повеление): *көрсүн* 'пусть увидит', *болсун* 'пусть будет', *јүрүсүн* 'пусть идет', *тутсун* 'пусть держит', *окусун* 'пусть читает', *олтурсун* 'пусть сидит', *өлтүрсүн* 'пусть убьет';

7) формы отвлеченных существительных и относительных прилагательных: *бојлук* 'рослый', *хублук* 'красота', *дөстлук* 'дружба', *куллук* 'благодарность', *улублук* 'величие', *јоклук* 'отсутствие', *түрлүк* 'разные', *көркүлүк* 'красивый', *сөзлүк* 'словесный', *махбүблук* 'влюбленность', *өсрүклүк* 'опьянение', *сусузлук* 'безводие', *булутлук* 'облачный', *јүклүк* 'нагруженный', *күчлүк* 'сильный', *отлук* 'огненный', *муңлук* 'печальный', *сүңкүлүк* 'сладость';

8) причастие настоящего-будущего времени: *болур* 'тот, который станет', *јүрүрдә* 'при хождении', *көргүзүр* 'показывающий', *көріңүр* 'показывающийся', *окур* 'читающий';

9) залоговые формы: *күјдүрдүм* 'я сжег', *көргүз* 'покажи', *кутулдү* 'он освободился', *өлтүрдүң* 'ты убил', *турбуздү* 'он поставил', *уруштү* 'он сражался', *көріңдү* 'он показался', *кор-*

кутма 'не пугай', *сорулди* 'спрашивалось', *ујурулдум* 'я повернулся', *көрүшти* 'он увиделся', *өчүрди* 'он погасил';

10) отглагольные имена: *коркунч* 'страх', *көрүнүш* 'встреча', *сөкүнч* 'брань';

11) порядковые числительные: *үчүнчү* 'третий', *төртүнчү* 'четвертый', *токузунчү* 'девятый', *онунчү* 'десятый' (исключение: *төртүнчү*, ШН, 161);

12) живые или омертвевшие формы именного словообразования: *бурун* 'нос', *боюн* 'шея', *үчүн* 'для, из-за', *үкүш* 'много', *куруу* 'высохший', *күндүз* 'днем', *улуу* 'большой', *өлүг* 'мертвый', *кужун* 'вихрь', *кужрук* 'хвост', *тутбун* 'пленник', *өткүн* 'проходящий', *көпүк* 'мост', *отун* 'дрова', *сүйүргү* 'метла', *көзү* 'зеркало', *бурук* 'приказ', *бүркүт* 'беркут', *сундук* 'сундук', *жүгүрүк* 'беглый', 'быстрый', *сүйүк* 'сладкий', *жулууз* 'звезда', *түйүн* 'дым';

13) предикативный показатель-связка: *болуптур* 'он стал', *болуптурур* 'он стал', 'он становится', *жоктур* 'нет, отсутствует'.

К числу формальных показателей, проявляющих неустойчивость в огласовке, относятся:

— аффикс именной привативности („лишения“): *сууз* 'без воды', *мунсиз* 'без этого', *оксиз* 'без стрел', *көзсиз* 'слепой' (букв.: без глаз);

— показатель 2-го лица множественного числа личных глагольных форм и именных форм принадлежности: *көрдүңүз* и *көрдүңиз* (*көрдүңиз*) 'вы видели', *көңлүңүз* и *көңлүңиз* (*көңлүңиз*) 'ваши сердца', *сөзүңүз* и *сөзүңиз* (*сөзүңиз*) 'ваши слова', *жүзүңүз* и *жүзүңиз* (*жүзүңиз*) 'ваши лица', *өзүңүз* и *өзүңиз* (*өзүңиз*) 'вы сами', *болдуңуз* и *болдуңиз* (*болдуңиз*) 'вы стали', *жулузуңуз* и *жулузуңиз* 'ваша звезда';

— аффикс принадлежности 3-го лица при наращении падежных форм и появлении „вставочного“ *н*: *жүзүңдү* 'ее лицу', *жүзүңдү* 'на ее лице', *жүзүңдү* 'ее лица', *күндү* 'в день...', *бурнүндү* 'из его носа';

— аффикс формы сопряженного состояния: *көңлүмнүң* и *көңлүмнүң* 'моего сердца', *көзүмнүң* и *көзүмнүң* 'моего глаза', *мунуң* и *мунуң* 'этого', *кудубуңуң* и *кудубуңуң* 'колодца', *сөзүмнүң* и *сөзүмнүң* 'моего слова', *окуңузнуң* и *окуңузнуң* 'вашей стрелы', *көңлүңүзүңүң* и *көңлүңүзүңүң* 'вашего сердца'.

Неустойчивость огласовки второго или третьего слога наблюдается также в словах с нечленимой, застывшей морфологической структурой, ср.: *күмүш* и *күмүш* 'серебро'.

Не подчиняются губной гармонии в пределах данного структурного типа (закрытый слог):

1) показатель категорического императива: *сорбїл* 'спроси', *отурбїл* 'посиди', *көрїл* 'смотри', *болбїл* 'будь', 'стань', *копбїл* 'встань', *жүрүїл* 'иди', *унутбїл* 'забудь', *урбїл* 'бей', *көргүзїл* 'покажи', *тутбїл* 'держи', *кутулбїл* 'освободись' (исключения, ср. ХШ: *болбул* 'будь', 'стань', 116; МН: *кэчүрїл* 'прости' 173, обусловлены требованиями рифмы);

2) аффикс исходного падежа: *оңдін* 'справа', *солдін* 'слева', *көңлүмдін* 'от моего сердца', *мундін* 'от этого', *көздін* 'из глаз', *коркунчтін* 'от страха', *жоктін* 'из ничего', *көктін* 'с неба', *жүзүңдін* 'с твоего лица';

3) причастие прошедшего времени (с перфективным значением): *болмїш* 'он стал (ставший)', *өлтүрмїш* 'он убил', *олтурмїш* 'он сидел', *жүрүмїш* 'он шел', *көрмїш* 'он видел', *урмїш* 'он бил', *турмїш* 'он стоял';

4) стяженная форма винительного падежа от формы принадлежности: *көзін* 'свой глаз', *окїн* 'ее стрелу', *жүзін* 'ее лицо', *улузубїн* 'его величину';

5) форма принадлежности 1-го лица множественного числа: *көңлүмиз* 'наши сердца', *өзүмиз* 'мы сами', *сөзүмиз* 'наше слово', *көзүмиз* 'наши глаза', *көксүмиз* 'наша грудь';

6) аффикс множественного числа: *көзләр* 'глаза', *күңләр* 'дни', *коллар* 'руки', *өлүләр* 'мертвецы', *кушлар* 'птицы', *боюнлар* 'шеи', *бутлар* 'идолы';

7) аффикс уподобления: *мунуңдүк* 'подобный этому';

8) некоторые аффиксы отглагольного образования имен и отыменного образования глаголов: *окумак* 'чтение', *көкәрди* 'он зазеленел';

9) разновидность деепричастия прошедшего времени: *көрүбән* 'увидев', *окубан* 'прочитав', 'читая', *сорубан* 'спросив', 'спрашивая'.

В аффиксах с открытым типом слога, кроме вопросительного аффикса (-му ~ -мї), аффикса одного из отглагольных имен (-бу ~ -гї) и некоторых других, гласный, как правило, —

негубной, ср.: *küldi* 'он засмеялся', *jürüdi* 'он шел', *кутулдї* 'он освободился', *üçünci* 'третий', *törtünci* 'четвертый', *олтуртї* 'он посадил', *ölmürä* 'убивая', *kolı* 'его рука', *бурнї* 'его нос', *sözi* 'его слово', *ođlı* 'его сын', *jüzi* 'его лицо', *özi* 'он сам'.^г

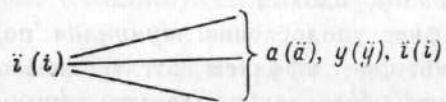
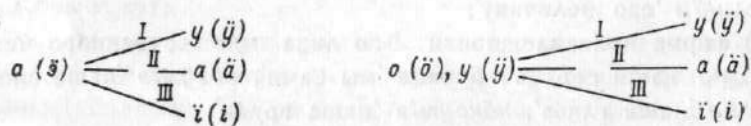
Следует особо отметить то обстоятельство, что нарушение гармонии гласных (в любых позиционных условиях) может приобретать большие или меньшие размеры в зависимости от диалектной принадлежности текста, ср. у Қутба—ХШ: *коркїнч* 'страх' (2а), *умїнч* 'надежда' (2а), *умунчум* 'моя надежда' (24а).

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ГЛАСНЫХ

Под распределением гласных разумеется частота их употребления в основе и грамматических формах, в зависимости от характера огласовки первого слога, и в самом первом слоге.

Мы возьмем простейший структурный тип слова — сочетание односложной основы с односложным морфологическим элементом. Распределение гласных в нем будет таким:

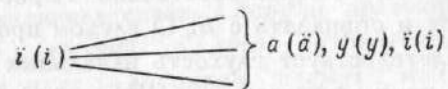
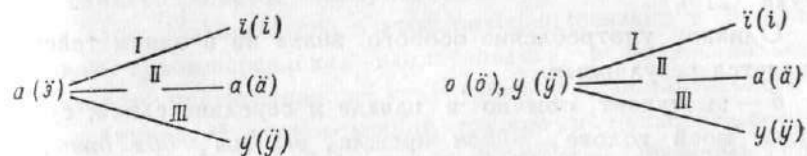
А) второй слог закрытый



В первом слоге чаще всего (приблизительно 35—40% односложных слов) встречается *a (ä)*, ср.: *таш* 'камень', *баш* 'голова', *ат* 'лошадь', *ак* 'белый', *таз* 'гора', *сал* 'положи', *кал* 'останься', *кәл* 'приди', *кәт* 'уйди', *жә* 'ешь', *тап* 'найди', *ач* 'открой'; далее следуют *o (ö)* и *y (ÿ)* [вместе 45—50%], ср.: *кол* 'рука', *кул* 'раб', *көк* 'небо', *жүз* 'сто', *өт* 'пройди', *от* 'огонь', *бол* 'стань',

уч 'лети', *ок* 'стрела', *он* 'десять', *үч* 'три'; и затем *i (i)* [10—20%], ср.: *кәл* 'делай', *бил* 'знай', *күрк* 'сорок', *ич* 'пей', *біті* 'пиши', *їл*

Б) второй слог открытый



'год', *чїк* 'выходи', *кїр* 'войди', *миң* 'тысяча', *біз* 'мы', *сіз* 'вы', *кїчкїр* 'кричи', *иш* 'дело', *ит* 'собака', *тірїз* 'оживи', *мїлә* 'желай', *бір* 'один', *иләрї* 'вперед'.

СОГЛАСНЫЕ

Наиболее трудным является установление качества мягкого (продвинутого вперед) ряда заднеязычных согласных, которые и в арабской и в уйгурской письменности обозначаются одинаково, без различия глухих и звонких.

В ряде случаев невозможно определить степень постоянства качественных данных при изменении позиционных условий, соотношение *ч* и *ж* и т. д.

ПРОСТЫЕ СОГЛАСНЫЕ

п — глухой губно-губной смычный.

В начале слов тюркского происхождения *п* встречается очень редко. В конечной позиции он занимает господствующее положение.

б — звонкий губной смычный.

Графически *б* и *п*, как правило, не различаются (ب). Только отдельные составители пользуются приемом разграничения *б* и *п*, вводя особый знак для *п* (پ), ср. Мадж: *كۆپراک* *көпрәк*

'больше' (53а); ЧД: قالپاق *каллак* 'шапка' (25а), تاپمان *тапман* 'не найду' (27б), اوپماک *опмак* 'целовать' (54а); ШН: كوپى نينىك *көпийн* 'многих (из них)' (105), قوپغىل *копгил* 'встань', 'поднимись' (192), تالپىندى *талпінді* 'порывалось' (207), پشه *пашш* 'муха' (219).

Однако, употребление особого знака ни в одном тексте не является регулярным.

б — выступает обычно в начале и середине слова, ср.: *ба-шима* 'моей голове', *бурун* 'прежде', *біз* 'мы', *бёз* 'бязь', *кёбі* 'как', 'подобно', *кабасун* 'пусть осадит'.

В конечной позиции собственно тюркских слов звук *б* мог оглушаться и совпадать с *п*. О глухом произношении *б* в конце слова свидетельствует глухость начальных согласных в примыкающих к нему аффиксах, см. ШН: بولۇپتور *болуптур* 'он стал', كىلىپتور *кїліптур* 'он сделал' (92). Весьма вероятно, что процесс оглушения *б* в указанных позиционных условиях охватывал не все диалекты, не был повсеместным. Не случайно у Бабур в сочетании с формой деепричастия прошедшего времени преобладает разновидность предикативной связки с начальным звонким, тогда как после явных глухих звонкий согласный заменяется глухим, см. Б: كىلىپتور *кїліптур* 'он сделал' (66), كۆرۈپتۈرۈپتۈر *көрүптүрүптүр* 'мы видели' (180), كىلتۈرۈپتۈرۈپتۈر *кїлтүрүптүрүптүр* 'я принес' (185), يوقتور *юктур* 'нет' (140). Ср. там же: كىلىپتور *кїліптур* 'он сделал' (227). Иначе у Фазлулла-хана. В словаре последнего конечный *б*, особенно в деепричастных формах, передается обычно как глухой, ср.: كىلىپتور *кїліптур* 'приходит'.¹²

т — глухой зубной смычный.

т широко представлен в любом положении, ср.: *miläräm* 'желаю', *алтї* 'шесть', *тапмадїм* 'я не нашел', *нётāj* 'что поделаю', *кёрсәтїр* 'показывает', *алтун* 'золото', *ат* 'лошадь', *ajt* 'скажи', *сабат* 'корзина'.

Оказываясь между гласными, *т* обычно не изменяет своего качества. Возможно, что в некоторых словах в положении между гласными он становился геминированным.

¹² لغة تركي Библиотека Восточного факультета Ленинградского университета, № 419, стр. 75, 250 (список, изготовленный с печатного калькутского издания).

д — звонкий зубной смычный.

Этот звук встречается главным образом в заимствованных словах, в составе аффиксов местного и исходного падежей, уподобительной формы, отглагольного имени и т. д.

В начале слова *д* выступает в предельно ограниченной группе слов. Наличие его в этой позиции связано с большим притоком арабо-персидских заимствований, а также является результатом перенесения на староузбекскую почву фонетических особенностей языков южной группы и отчасти — следствием проявления каких-то других факторов. Примеры: *дулак* 'губы', *дабї* 'также', *дәгйч* 'после того, как сказал', *дәгрү* 'до', *дур*, *дурур* — предикативная связка, *даруза* 'правитель, наместник города' (< монг.), *дәгінчә* 'до', *дәгйл* — отрицание, *дәлї* 'безумный', *далба* ~ *давулба* ~ *давулбан* 'шлем' (< монг.), *дабкур* 'размещение войск кругом'.

Наличие *д* в середине и в конце слова может быть отмечено с теми же оговорками, которые были сделаны относительно возможности его употребления в начальной позиции, ср.: *орда*, *орду* 'ставка', 'лагерь' (< монг.), *садаб* 'колчан' (< *саб* + *даб*?), *дард* 'боль' (< перс.), *Хинд* 'Индия', *чїдап* 'будучи в состоянии' (*чїда* — < монг.), *эмдї* 'теперь', 'уже', *судрап* 'тащив'.

к, *к* — глухие смычные твердого и мягкого ряда. Первый — увулярный, второй — заднеязычный.

б, *г* — звонкие смычные (?) твердого и мягкого ряда. Первый — увулярный, второй — заднеязычный.

Одной из характерных особенностей позиционного распределения смычных увулярных и заднеязычных в староузбекском языке является невозможность присутствия *б* и *г*, исключая отдельные заимствования, в абсолютном начальном положении. В начале собственно тюркских слов *б* и *г* встречаются в текстах золотоордынского цикла, ср. ТН: *бан* 'кровь' (285 б). См. также Б: *баббабїңнї* 'твой подбородок' (202).

Характер соотношения глухих и звонких заднеязычных в конце слова, состоящего из нескольких слогов, неясен, часто в одном и том же тексте рядом оказываются и глухой и звонкий. Очевидно, звонкость конечных заднеязычных была факультативной. Ср. Мах: *савуб* 'холодный' (4), *савук* (19), *ajak* 'нога' (55), *ajab* (68), *jaxшілб* 'доброта', 'благо' (145) и

jaḫšilǎbni, jaḫšilǎk (156); ШН: *улуб* 'большой', 'великий' (20), *савук* 'холод', 'холодный' (84).

Все же в некоторых произведениях, например, у Навā'и, употребление в конечной позиции глухих или звонких заднеязычных связано в какой-то мере с разграничением грамматических групп. Так, звонкие явно преобладают у прилагательных и отвлеченных существительных, глухие — у других имен, ср. Мах: *натавānlǎb* 'немошь', *jaḫlǎb* 'подобный', *савуб* 'холодный', *isǎb* 'горячий' (4), *ачǎb* 'горький' (5), *joklub* 'отсутствие', *барлуб* 'присутствие' (14), *ачлǎb* 'голод', *јаланбачлǎb* 'нагота' (19), *рāstlǎb* 'истина' (41), *арǎb* 'чистый' (63), *дбстлуб* 'дружба' (80), *сарǎb* 'желтый' (86), *куруб* 'сухой', 'высохший' (118), *ачуб* 'открытый' (124), *јумшав* 'мягкий' (125), *jaḫšilǎb* 'доброта' (145), *вафālǎb* 'верность' (146); Мадж: *астрāбādлǎb* 'астрабадский' (186), *āshnālǎb* 'знакомство' (306), *чġnābādлǎb* 'чинабадец' (73а); НМ: *бāādāblǎb* 'непристойность' (11а), *бабādлǎb* 'багдадец' (35а), *хамрāхлǎb* 'сопутствие' (84б), *ачлǎb* 'голод' (84б), *бухāрāлǎb* 'бухарец', *шādлǎb* 'радость' (117б); ТМ: *бузублублар* 'разрушения', *ābādānlǎb* 'благоустройство' (94а), *пādishāхлǎb* 'царствование' (109б); ЧД: *бузублуб* 'порча' (16а), *мастлǎb* 'пьянство' (21б), *асānlǎb* 'легкость' (89а). Ср. также Б: *јарлǎb* 'милость' (24), *шādмānlǎb* 'радость' (125), *āshnālǎb* 'знакомство', *бāвафāлǎb* 'неверность' (148).

Составитель словаря Абушқа всюду приводит два варианта, ср.: *атаклǎk* и *атаблǎb* 'знаменитый' (7), *алǎk* и *алǎb* 'взятие' (23), объясняя наличие разновидности со звонким согласным требованиями рифмы (بعضی معلده غینله قافیله و ردیف مصلحتی ایچون) *كلمه آخرنده و اولنده و اورتاسنده بومعنايه استعمال اولنور*.¹³

Точно такое же объяснение неустойчивости передачи конечного заднеязычного (увулярного) дает Мехдй-хан, который приводит в связи с этим два двустипия из произведений Навā'и.¹⁴

ضعيف جسميم ارا بيمر بيمر نيننگ اوستيدا داغ
قوروغ يغاچ اوزه دور يافراغ اوستيگا يافراغ

¹³ Абушқа, стр. 7.

¹⁴ Мабāни' л-лугат, стр. 101, 102, 103.

В моем слабом теле — боль на боли,
на засохшем дереве листья прикрывают друг друга.

باغ ايچره سنگا ساچتى گل آق و قيزيل يافراق
شاه باشيغه انداق كيم ايل آق و قيزيل يارماق

В саду розы сыпали на тебя белые и красные лепестки,
подобно тому как народ сыпал серебряные и золотые
монеты на голову шаха.

Мехдй-хан специально указывает на возможность смешения двух разновидностей аффикса отвлеченных существительных (-лǎb и -лǎk) и на возможность двоякого написания следующих слов: *булаб* и *булак* 'ручей', *ајаб* и *ајак* 'нога', *куруб* и *курук* 'сухой', 'высохший', *сарǎb* и *сарǎk* 'желтый', *катǎb* и *катǎk* 'твердый', 'жесткий', *аб* и *ак* 'белый' и т. д. В формах повелительного наклонения — отмечает он — такая неустойчивость непозволительна. Ясно, что различие в них *k* и *b* имеет семантическое задание, ср.: *јак* 'закги', *јаб* 'приди', *јік* 'свали', *јіб* 'собери'. В формах типа *алдук*, *алмак*, *алсак* выступает всегда *k*. Этот *k* изменяется только перед гласным, но и здесь, по мнению Мехдй-хана, решающую роль играет рифма, ср.:

ياغين
سالماقين.¹⁵

Неустойчивость в обозначении заднеязычных наблюдается и в интервокальном положении, особенно если это положение обусловлено изменением формы слова, ср. Б: *ајабім* 'мои ноги' (4); ТН: *дудабің* 'твои губы' (276б), *ајакің* 'твоих ног', *топрабі* 'ее земля' (278б), *сукакің* 'твоя улица', *јаңакің* 'твоя щека' (282б), *каракімдін* 'из моих зрачков' (285б). Все-таки в пределах имен намечается тенденция к сплошному озвончению конечных заднеязычных, оказывающихся в интервокальном положении.

В отличие от других тюркских языков, в староузбекском языке заднеязычные согласные в положении после узких согласных почти всегда сохраняются, ср. Б: *бојлук* 'рослый' (64), Мах: *isǎb* 'жаркий' (4); ТН: *јазуклук* 'грешный' (274а), *камук*.

¹⁵ Мабāни' л-лугат, стр. 104.

'весь' (2786), *кiрпiк* 'ресницы' (284а); ШН: *јајаз* 'пеший' (38), *атлiк* 'всадник' (38), *катiб* 'крепкий' (81). Выпадение заднеязычных или их переход в *в* (*у*) ограничены единичными случаями, которые можно объяснить как результат влияния кыпчакских диалектов, бывших для авторов ряда староузбекских текстов родной языковой стихией. Примеры. Б: *бiрiв* 'некто' (< *бiрiй*; 198), *кавун* 'дыня' (< *казун*; 256); Дж: *нi жаңлу* 'каким образом' (< *нi жаңлиб*; I); Қ: 'акiллi' 'умный' (< 'акiллiб'; II); Л: *арi* 'чистый' (< *арiб*; III); Мах: *тавуқ* 'курица' (< *табуқ*; 60); ШН: *кавун* 'дыня' (< *казун*; 59), *iкiй||iкiв* 'двое' (< *iкiй*; 62), *капу* 'ворота' (< *капуз*; 68), *савук* 'холодный' (< *сабуқ*; 84).

х — глухой заднеязычный (увулярный) спирант.

О существовании *х* следует говорить условно, так как этот звук прослеживается только или почти только в заимствованных словах, полностью сохраняющих орфографические нормы тех языков, из которых они были заимствованы. Собственно тюркских слов со звуком *х* в староузбекском языке не больше пяти-шести, см. Б: *јахшi* 'хорошо' (55), *саҳлар* 'бережет' (90), Мах: *оҳшар* 'походит' (106); ТМ: *хакан* 'каган' (1256); ШН: *ахтарурбiз* 'понцем' (114).

То же самое относится и к придыхательному *х*.

ф — глухой губно-губной спирант.

Появление *ф* — результат воздействия внешних факторов. Продолжительное время *ф* существовал только в пределах орфографических написаний заимствованных слов и не имел распространения в разговорном языке. Случаи, когда *ф* оказывается в собственно тюркском слове, для староузбекского языка единичны, см. Л (5023/1): *чулфан* 'Венера' (115); Мах: *јафраб* 'лист' (87); СН: *арфа* 'ячмень' (2046); ЧД: *тофраб* 'почва' (70а); ШН: *јафрак* 'лист' (114), *йфкiлiрмiн* 'разгневаюсь' (224).

в — звонкий губно-губной щелевой.

Для всех тюркских языков звук *в* является вторичным и относительно поздним. Его появление в староузбекском языке связано с заимствованием большого количества слов арабского и персидского происхождения, а также с преобразованием в определенных позиционных условиях других звуков, напри-

мер *б*, *г* и *б*, ср. М: *сув* 'вода' (< *сув?*; 4); ШН: *iкiй||iкiв* 'двое' (< *iкiй*; . 62), *куңрав* — музыкальный инструмент (< **куңраб*; 198).

с — глухой зубной щелевой (свистящий).

с возможен в любой позиции, хотя в конце слова он, по видимому, не является этимологическим звуком и восходит к *з*. Примеры: *сачiң* 'твои волосы', *олса* 'если будет', *асiб* 'польза', *болмас* 'не будет', 'не станет', *саткучi* 'торговец', *ајса* 'если скажет', *эмiс* 'не', *эскiрiр* 'постареет'.

з — звонкий зубной щелевой (свистящий).

Подобно звонким заднеязычным и звуку *д*, *з* в начале собственно тюркских слов отсутствует. В середине и в конце слова *з* выступает довольно часто. Примеры: *кобуз* — музыкальный инструмент, *бiз* 'ситец', *тоңуз* 'свинья', *кiрiуiр эрдi* 'он показывал', *кiндiз* 'днем', *iзiңни* 'самого себя (ты)', *јi-зiмни* 'мое лицо', *бузулмабај* 'не разрушится', *iзi* 'на', 'над', *узун* 'длинный', *аз* 'мало'.

ш — глухой альвеолярный щелевой (шипящий).

ш типичен для любой позиции. Примеры: *каш* 'брови', *баш* 'голова', *јахшi* 'хороший', *јашурдуң* 'ты скрыл', *кiшi* 'человек', *шункар* 'сокол', *iкiш* 'много'.

Перед гласными *ш* не озвончается.

ж — звонкий альвеолярный щелевой.

ж встречается в двух-трех заимствованных словах, ср. А: *اژدها* *ажiнда* 'в мире' (105); ТН: *اژدها* *аждаха* 'дракон' (2866; см. также ЧД, 916).

ч — глухая переднеязычная аффриката.

Никаких позиционных ограничений для *ч* нет, ср.: *кiчкiрурман* 'кричу', *сачiң* 'твои волосы', *чаң*, *чабана* 'музыкальные инструменты', *иکتi* 'он вышел', *олбач* 'после того, как стал'.

ч устойчив в качественном отношении: сохраняет глухость перед гласными и не переходит в *ш*.

ј — звонкая переднеязычная аффриката.

Этот звук прослеживается только в заимствованных словах, ср.: *јан* 'душа', *кiјр* 'разлука', *мiсјид* 'мечеть', *бiјјак* — музыкальный инструмент, *јiбi* 'панцирь, кольчуга для лошадей', *нiрунј* 'апельсин'.

р — сонорный переднеязычный дрожащий.

В начале собственно тюркских слов *p* отсутствует. Что касается заимствований, то в них присутствие *p* в начальном положении является лишь фактом письменной традиции, требовавшей строгого соблюдения орфографических норм оригинальных источников.

л — сонорный переднеязычный двустороннещелевой.

Употребление *л* в слове характеризуется теми же особенностями, что и употребление *p*. На вопрос о возможности различения в староузбекском языке *л* и *l* (твердого и мягкого ряда) ответить трудно, так как никаких данных, указывающих на подобное различие, нет. Условно мы сохраняем традиционную раздельность написания *л* в словах с твердым типом вокализма и в словах с гласными мягкого ряда.

м — звонкий губно-губной смычный, носовой.

Количество тюркских слов, в которых *м* выступает в качестве начального звука, в староузбекском языке невелико. Однако и в этих словах *м* не является первичным: он восходит к *б*. Примеры: *мінді* 'он взобрался' (< *бінді*), *мунба* 'этому' (< *бунба*), *мундак* 'этакий, такой' (< *бундак*), *мәңйү* 'вечный' (< *бәңйү*), *миң* 'тысяча' (< *биң*), *муң* 'печаль' (< *буң*), *мән* 'я' (< *бән*). Изменение *б* в *м* — следствие чрезвычайно сильного ассимилятивного воздействия *н* и *ң*.

В середине и в конце слова *м* вполне обычен, ср.: *кім* 'кто', *нәмә* 'что', *ісітмә* 'горячка', *тамір* 'жила', *көрдүм* 'я видел', *јаман* 'плохой', *башима* 'на мою голову', *тамак* 'горло', *күмјүш* 'серебро'.

н — звонкий зубной смычный, носовой.

В начале слова, если не считать заимствований, *н* прослеживается только в вопросительных местоимениях, в глаголах, числительных и наречиях, образованных от них, а также в одном из послелогов-наречий, ср.: *нә* 'что', *нәчүк* 'как', *нәтәј*, *нәләјін* 'что поделаю', *нәчә* 'сколько', *нарі* 'с', 'от', 'с той стороны', 'туда', 'прочь' (ср. ЭД: *нарі бар* 'иди прочь', 4).

Примеры употребления *н* в других позициях: *кан* 'кровь', *ані* 'его', *ана* 'мать', *канат* 'крыло', *сан* 'число', *јан* 'сторона', 'бок', *сун-* 'протянуть', *күн* 'день'.

ң — звонкий заднеязычный (увулярный) смычный, носовой.

Подобно всем сонорным, в начальном положении *ң* отсутствует. То, что в середине слова *ң* нередко разлагается на *н* и *т* (*б*), свидетельствует о возможности его довольно позднего происхождения в этой позиции, ср.: *мәңйү* 'вечный'.

Конечный *ң*, особенно в звукоподражательной и образной лексике, является одним из древнейших согласных.

ј — звонкий среднеязычный щелевой.¹

ј выступает в любом положении, ср.: *јок* 'нет', *ај* 'луна', *кај* 'какой', *кајт* 'вернись', *ајаб* 'нога', *јәр* 'земля', *јүз* 'лицо', *әјләзил* 'сделай', *кој* 'поставь', 'пусти'. В староузбекском языке, как можно предположить, *ј* оказывал в небольших размерах палатализирующее воздействие на соседние звуки и на характер или тип вокализма в целом.

* * *

Восстановление фонологической системы согласных староузбекского языка представляется задачей чрезвычайно трудной. В так называемых средних тюркских языках, к которым относится и староузбекский, происходила замена одних дифференциальных признаков другими. Вследствие этого на протяжении какого-то периода времени существовала смешанная система или, по крайней мере, создавалась видимость смешанной системы фонем. В этой смешанной системе совмещались два типа — исконный древнетюркский, ср.:

<i>п</i>	<i>м</i>
<i>т</i>	<i>н</i>
<i>к</i> (<i>к</i>)	<i>ң</i>
<i>с</i>	<i>р</i>
<i>ш</i>	<i>л</i>
<i>ч</i>	?
* <i>т'</i>	* <i>ј</i> ,

с противопоставлением согласных по месту и способу образования и по силе — слабости,¹⁶ а также с их позиционным распределением по последнему признаку (согласные *м*, *н*, *ң*, *р*, *л*,

¹⁶ Мысль о первоначальном делении тюркских согласных на сильные и слабые впервые была высказана устно В. М. Надеяевым.

ǰ, б, л, э, ɓ, ǰ, в в начальной позиции не употреблялись), и новый тип, ср.:

<i>п</i>	<i>б</i>	<i>м</i>
<i>т</i>	<i>л</i>	<i>н</i>
<i>к (k x)</i>	<i>з (ɓ)</i>	<i>ң</i>
<i>с</i>	<i>э</i>	<i>р</i>
<i>ш</i>	<i>(ж?)</i>	<i>л</i>
<i>ч</i>	<i>ǰ</i>	<i>?</i>
<i>ǰ (< *m')</i>	<i>ǰ</i>	<i>ǰ (< *ǰ)</i>
<i>ф</i>	<i>в</i>	—
<i>х</i>	—	—

в котором приобретает определенное (может быть, очень небольшое) дифференцирующее значение признак глухости — звонкости.

Приведенная схема весьма приблизительна и нуждается в уточнениях, возможных только при условии глубокой разработки фонологической системы общетюркского или пратюркского языка.

ДОЛГИЕ, ИЛИ УДВОЕННЫЕ, СОГЛАСНЫЕ

Удвоенное произношение или написание согласных в староузбекском языке могло быть как постоянным, так и факультативным.

Постоянное удвоение имеет место в словах арабского происхождения (согласный под тешдидом), ср.: *محبتت мухаббат* 'любовь', *ايجار 'ajǰār* 'плут', *عشاق 'uɕɕāq* 'влюбленные', а также на границе живых или омертвевших морфологических элементов слова, ср.: *كۆرككەباج 'körkkäbaj* 'красавица', *سавۇككا 'savukka* 'к холоду', *ئەتتى 'ətiti* 'он сделал', *بەخىشتتەك 'bäxɕɕttäk* 'словно рай', *كۆڭۈللەر 'köŋülär* 'сердца', *چىكىل 'çikkil* 'выйди'.

Факультативное удвоение, неопределенное по своему происхождению, наблюдается у некоторых числительных, см. Мадж: *اوتتوز ottuz* 'тридцать' (63а): ШН: *ايللىكچە illikçä* 'около пятидесяти' (207), *ايكى ikki* 'два' (158), *ايسغ كۆل issig köl* — наименование озера (136).

Особый вид факультативного удвоения встречается в поэтических произведениях, он обусловлен требованиями просодии:

удвоенное произношение согласных дает возможность закрыть открытый слог и таким образом делает его долгим, см. МН: *شاکەر 'šakär* 'сахар' (1646, 1666) и *شاکкەر 'šakkär* (164а, 166а), *كاددە 'kadde* 'её стан' (1686). Например:

<i>шәкәр</i>	<i>ірнің</i>	<i>набат-и</i>	<i>місра</i>	<i>ошар</i>	(л. 1646)
— —	— —	— —	— —	— —	
<i>табассум</i>	<i>кїлсаніэ</i>	<i>шәккәр</i>	<i>ујалур</i>		(л. 164а)
— —	— —	— —	— —		

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ СОГЛАСНЫХ

Распределение согласных, как и распределение гласных, включает в себе два момента: характер их сочетаемости и степень употребления отдельных звуков.

Известно, что сочетание любых согласных в начале или конце слова является необычным для тюркских языков вообще, поэтому и в староузбекском языке действует соответствующая структурная норма. И если в последнем встречается большое количество заимствованных слов, идущих как будто вразрез с указанной нормой, то следует заметить, что в таких словах допускалась интродукция гласного (см. ниже, стр. 95).

На границе разных морфологических элементов, включая и омертвевшие, и разных слогов возможны любые сочетания согласных, ср.: *ösrük* 'пьяный' (ср), *кашдін* 'от бровей' (шд), *болдї* 'он стал' (лд), *сачїңнї* 'твои волосы' (ңн), *ачтї* 'он открыл' (чт), *баши́мда* 'на моей голове' (мд), *э́гма* 'изогнутый' (гм), *болмасун* 'пусть не будет' (лм), *көрүңдї* 'он показался' (нд), *ичәрсін* 'выпьешь' (рс), *біздін* 'от нас' (эд), *ағзїба* 'в его рот' (ғз), *болбусї* 'будет' (лб), *кїчкїрурман* 'кричу' (чк, рм), *болса* 'если будет' (лс), *бірлā 'с'* (рл), *мунча* 'так, настолько' (нч), *истарам* 'хочу, желаю' (ст) *кїлїпсан* 'ты сделал' (пс), *бізгї* 'нам' (зг), *асру* 'очень' (ср), *кәлтїргїдәк* 'будто принесет' (лт, рг), *јаңлїб* 'подобный' (ңл), *ошбу* 'вот этот' (шб), *јахшї* 'хорошо' (хш), *барча* 'все' (рч), *алїптур* 'он взял' (пт), *коркутасан* 'пугаешь' (рк), *дәірү* 'до' (гр), *коркунч* 'страх' (рк, нч), *кујаштәк* 'как солнце' (шт), *көңләк* 'рубашка' (ңл), *көрсәтсәм* 'если покажу' (рс, тс), *кїндїјэ* 'днем' (нд), *тапшуруп* 'передав' (пш), *кїрпәк* 'ресницы' (рп), *бојнуңба* 'на твою шею' (јн, ңб) и т. д.

Характерно, что в тех случаях, когда основа оканчивается на сонант (*р, л, м, ң, j*), смычный в начале аффиксального элемента, как правило, бывает звонким. Таким образом, на границе разных морфологических частей слова мы имеем только сочетания *рл, рб, рг, лд, лб, lg, мд, мб, мг, нд, нб, нг, ңд, ңб, jd, jб, jг*, ср.: *аларда* 'у них', *аларба* 'им', *андін* 'от него', *којилді* 'он был поставлен', *јолба* 'в дорогу', *кілінді* 'он был сделан', *мәндәк* 'как я', *кајда* 'где', *тамда* 'на крыше' (исключение: *біртә* 'один', см. Мах., 112). Наоборот, начальные проточные — всегда глухие: *рс, рч, лс, лч, нс, нч* и т. д., ср.: *урса* 'если ударит', *болсун* 'пусть будет', *мунча* 'этак', 'столько', *кілса* 'если сделает', *тіләнчи* 'нищий', 'попрошайка'.

В связи с этим намечается унификация аффиксов, начинающих смычными, по звонкому типу и аффиксов, начинающих шелевыми, по глухому типу независимо от того, какие звуки выступают в конце основы, например: *накәрәчлікба* 'в отношении занятия барабанщика', *јәхилләкдін* 'от невежества', *аз фурсатда* 'в небольшой промежуток времени', *тәңридін* 'от бога', *кујрубідін* 'от его хвоста', *атда* 'на лошади', *калсун* 'пусть останется', *кәтди* 'он ушел', *сатсун* 'пусть продаст'. Все же, как справедливо отмечает Мехдй-хан, при наличии в конце основы глухих возможны колебания, ср.: *ашди* и *ашти* 'он взобрался', *әпди* и *әпти* 'он поцеловал', *әтди* и *әпти* 'он прошел', *учди* и *учти* 'он полетел'.¹⁷

Внутри основы сонанты выступают преимущественно в сочетании с глухими смычными и очень редко со звонкими, ср.: *алтун* 'золото', *јәлпизјч* 'веер', *арпа* 'ячмень'.

Что касается степени употребления отдельных согласных, то в односложных словах типа СГС, являющихся наиболее удобными для соответствующего анализа, обнаруживается такое соотношение (без учета арабских, персидских и монгольских заимствований): начальными бывают чаще всего *к, қ, б, с, т, j*, реже *ш* и *ч*; в единичных случаях — *б, г, п, д, м, н*; совершенно исключены — *з, р, л, ң*. Конечными для типа СГС могут быть все согласные без исключения. При этом самое значительное место в конечной позиции занимают заднеязычные

¹⁷ См.: Мабәни' л-лугат, стр. 128.

и увулярные, самым минимальным является употребление *д*. Согласные *ф, х* и *х* мы вообще не принимаем в расчет, так как количество слов, в которых они выступают, в староузбекском языке не превышает десяти.

Морфологические показатели, имеющие аналогичную фонетическую структуру, могут начинаться любыми согласными, кроме *з, ң* и *j* (последний выступает в начале морфологического показателя только в качестве так наз. вставочного звука, ср.: *саклајур* 'охраняет', *ајајін* 'скажу-ка', *Хијир сујін* 'воду Хызра').

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ В ОБЛАСТИ ГЛАСНЫХ И СОГЛАСНЫХ

А) Выпадение *л* перед *т* в некоторых глагольных формах. Ср. Б: *кәтјр* 'принеси' (< *кәлтјр*; 69), *кәтјрмәң* 'не поднесите' (222); ТН: *кәтјр* 'принеси' (2766), *отурсаң* 'если сядешь' (< *олтурсаң*; 2826); ШН: *отурбәл* 'посиди' (114), *кәтјрдиләр* 'они привели' (154).

Эта особенность не характерна для староузбекского языка в целом. Наличие ее в Та'ашшук-наме и в некоторых других текстах следует рассматривать как результат кыпчакского влияния. В абсолютном большинстве источников *л* не выпадает; более того, употребление *л* остается преобладающим и в тех текстах, которые содержат то или иное количество случаев его утраты, ср. Б: *кәлтјргәч* 'после того, как принес' (56), *олтуруп әрди* 'он сидел' (88); М: *олтурмәш әрди* 'он сидел' (11); Мах: *кәлтјрмәсјн* 'пусть не приносит' (14), *кәлтјрмә* 'не приносит' (163); НМ: *кәлтјрмәктәдурмән* 'привошу' (200а); РҚ: *кәлтјрјң* 'принесите' (1386); СҚ: *олтуруп әрди* 'он сидел' (5а), *кәлтјрјңјз* 'приведите' (53а), *әлтјрмәш әрдим* 'я убил' (62а), *кәлтјрдиләр* 'они принесли' (88а), *әлтјрдјң* 'ты убил' (946); ТН: *отурсаң* 'если сядешь', *олтурбуси* 'сядет', 'утихнет' (2826); ЧД: *кәтјр* 'принеси' (246); ШН: *олтурбузди* 'он посадил' (31), *кәлтјрдјк* 'мы привели' (51), *олтурдиләр* 'они сели', *кәлтјрјп* 'приведя' (58).

Б) Выпадение гласного при изменении грамматической формы (при наращении притяжательных аффиксов), например, Б: *кәңлјм*

'мое сердце' (*köñijl*; 1), *абзѣба* 'в его рот' (*абѣз*; 7), *ірні* 'ее губы' (*ірэн*; 19), *омрїѹң* 'твоя жизнь' (*омїѹр*; 20), *әлімдін* 'из моих рук' (*әлік*; 53), *боззума* 'моему горлу' (*бобуз*; 88); СҚ: *бојнумні* 'мою шею' (*бојун*; 416), *бурнїндін* 'из его носа' (*бурун*; 426), *карнїмда* 'в моем чреве' (*карін*; 84а), *облуң* 'твой сын' (*обул*; 986); ЧД: *көксүмә* 'моей груди' (*көкіс*; 31а); ШН: *тәгрәсидә* 'вокруг него' (*тәгәрә*; 39), *орнїда* 'на его месте' (*орін* ~ *орун*; 86).¹⁸

Нетрудно заметить, что обусловленное изменением грамматической формы выпадение гласного происходит обычно во втором слоге двухсложных и трехсложных слов, оканчивающихся проточными согласными или сонорными.

В) Утрата гласного, не обусловленная изменением грамматической формы (главным образом в глагольных основах), ср. А: *сорбїл* 'спроси' (45); Б: *сорбїл* 'спроси' (137); СҚ: *сордум* 'я спросил' (5а), *сорадї* 'он спросил' (806).

Г) Выпадение *p* в глаголе *әр-* 'быть', например, Б: *әрдїм* (4), *јок әсә* (24), *әдїм* (33), *әрмәс* (40), *әрїѹр* (58), *әмїш* (90), *әрмәс* (109); Мах: *әмәс* (92); СҚ: *әрдї* (3а), *әрсә* (146), *әрдїм* (62а), *әркәндә* (84а), *әркән* (93а); ШН: *әдї* (9), *әрдї* (72), *әмәс әрдї* (85); Я: *әгәч* (3146). Исчезновение *p* не связано с особым характером позиционных условий, однако сохранение его в ряде случаев можно объяснить только позиционными факторами, ср.: *әрїѹр*.

Данные, которые могли бы свидетельствовать о большей распространенности процесса выпадения *p* в староузбекском языке (не только в глаголе *әр-*), отсутствуют.

Д) Выпадение конечного *л* у местоимений, ср. ШН: *ол* 'он' (50), *у* 'тот' (164), *шул* 'тот' (204).

Е) Упрощение группы согласных, см. РҚ: *јумурка* 'яйцо' (145а); СҚ: *јумуртка* (266).

Ж) Чередование *n ~ j*, ср. А: *кандїн* 'откуда' (*кан*; 19); *кајсї* 'какой' (*кај*; 161), *хәр кајан* 'куда ни' (*кај*; 64); М: *кају* 'какой' (*кај*; 36); Мадж: *кајда* 'где' (*кај*; 57а); Мах: *канда* 'где' (*кан*; 52), *кајдїн* 'откуда' (*кај*; 90), *кајсї* 'какой' (*кај*; 90), *кајан* 'куда' (*кај*; 133); ШН: *кајда* 'где' (*кај*; 5, 32), *кају* 'какой' (*кај*; 7).

Чередование *n ~ j* имеет сравнительно древние истоки и является следствием неодинакового отражения в разных тюркских языках общетюркского **j* (носовой *j*). В языках огузской группы **j* в основном отразился как *n*, в языках карлукско-уйгурской группы — как *n* и *j*, в кыпчакских языках — как *j*. Наличие в староузбекском языке и той и другой разновидности объясняется особенностями его формирования, и главным образом смешением в нем нескольких языковых и диалектных типов.

З) Изменение (выпадение) заднеязычных и увулярных в положении после узких гласных [и перед ними, см. Л (А. 109): *арї* 'чистый' (< *арїб* ~ *аруб*; 35), *бојлї* 'рослый' (< *бојлїб* ~ *бојлуб*; 137); Мух: *їчәв* 'трое' (< *їчәгї*; 5); МХ: *сапсарї* 'совершенно желтый' (< *сапсарїб*; 21); ТМ: *икәв* 'двое' (< *икәгї*; 98а); ШН: *капу* 'ворота', *көпрї* 'мост' (< *көпрїгї*; 119).

И) Появление и выпадение так наз. „вставочного“ *n*, ср. Б: *јүзїдә*, *јүзїндә* 'на ее лице' (15), *хїѹр отї кашїнда* 'перед огнем разлуки' (33), *јүзїң кашїда* 'перед твоим ликом' (60), *суман үстїдә* 'над жасмином' (64), *кујаш кашїба* 'к солнцу' (200); М: *мїрәј тїјнїдә* 'в ночь вознесения' (2), *анїң кашїнда* 'при нем' (13), *јїбачнїң тїјбїндә* 'у основания дерева' (34); Мах: *јахшїлар арасїдїн* 'из среды хороших, добрых' (171); НДж: *алар кашїда* 'при них' (586); НМ: *шәјх орнїба* 'на место шейха' (716), *казан тәгрәсидә* 'вокруг казана' (72а), *машәјїх арасїда* 'среди шейхов' (1176); СҚ: *әлігїндә* 'в его руке' (5а), *астїндабї* 'находящийся под...' (346), *көңлїндә* 'в его сердце' (566); ХМ: *ат үстїдә* 'на лошади' (326); ШН: *хан катїда* 'при хане' (17), *шахар ічїгә* 'в город' (32), *јол башїнда* 'в начале дороги' (35), *анїң катїдїн* 'от него' (36), *кїш ічїндә* 'в зиму' (85), *јәхәнїр кашїнда* 'при Джахангире' (117); ЭД: *анї кашїдїн* 'от него' (2), *хїјрің отїда* 'в огне разлуки с тобой' (7).

Приведенные примеры показывают, что никакой регулярности в отношении употребления так называемого „вставочного“ *n* в староузбекском языке обнаружить не удается. Тем не менее очевидна тенденция к повсеместному сокращению размеров его использования (в произведениях Лутфї, Навәй и некоторых других поэтов „вставочный“ *n* почти не встречается).

¹⁸ О позиционном выпадении гласных см.: Мабәни' л-луғат, стр. 129.

К) Выпадение начального б, ср. Қ: *олур* 'становится', 'является' (I), *олдї* 'он стал' (II); Қас: *олдум* 'я стал' (I); ШН: *олдун* 'ты стал' (185), *болбїл* 'будь, стань' (191). Для староузбекского языка этот процесс не характерен.

Л) Переход б в м в местоименных окончаниях личных глагольных, именных и притяжательных именных форм, см. БН: *мурўрїмїз* 'наш переход' (147), *алїмїздїн* '(из положения) перед нами' (197); СҚ: *алурбїз* 'возьмем' (21а); ШН: *тутабїз* 'мы держим' (132), *ач болуббїз* 'мы голодны' (218). Сохранение б наблюдается в личных глагольных и именных (предикативных) формах, в тех же случаях, когда местоименный элемент выступает в качестве аффикса принадлежности, б всегда переходит в м.

М) Ассимилятивное изменение с в ч, см. А: *сїчїк* 'сладкий' (179); Мах: *чїчїк* 'сладкий' (5); МН: *чїчкан* 'мышь' (1736).

Н) Подстановка протетического j (j), см. Л: *язбурдї* 'он сбил с дороги' (21, см. 5023/1), *азбурдї* (21, см. А. 109); МН: *јавўрмән* 'не отверну' (1706), *авўрмән* (1726); СҚ: *јасїр* 'пленник' (736; < араб. أسير).

О) Появление инкурсивного х, см. БЛ: *харїкан* 'уставший' (248), *хўр-* 'лаять' (249); МН: *ўзәрләр* 'плавают' (1636), *хўзгїј* 'будет плавать' (1706), *хур* 'бей' (1736).

П) Особого внимания заслуживают случаи сохранения в староузбекском языке XIV—XVI вв. межзубного *d в виде d или z (без перехода в j), см. А: *адак* 'нога' (27), *эдгї* 'добрый', 'благочестивый' (123); МН: *эдгї* 'хороший' (1636, см. Ог. 8193), *эјгї* (295а, см. Add. 7914), *адакїңка* 'к твоей ноге' (295а, см. Add. 7914), *ајакїңга* (164а, см. Ог. 8193); С: *азакїн* 'его ногу' (19а); ЯШ: *ул јїл(ї)* 'год быка' (255). Почти сплошь d сохранился в поэме Қутба „Ҳосрав и Шїрїн“, см. ҲШ: *эдгї* 'хороший' (4а), *кудук* 'колодець' (5а), *кадбу* 'печаль' (216), *адак* 'нога' (82а).

Р) Выпадение начального j, см. Абушқа: *їз* 'сто' (105).

С) Переход а в ї, см. МЛ: *ал-~їл-* 'брать', *јар-~јїр-* 'расколоть' (142).

Т) Озвончение k в положении перед гласным, см. БН: *авлабї* 'его охотничьи угодья' (*авлак* 'охотничьи угодья'; 5),

кушлабї 'его угодья, избыливающие дичью' (*кушлак* 'угодья, избыливающие дичью'; 5).

У) Переход d в z, частично выходящий за пределы рассматриваемого периода (XIV—XVI вв), ср.: *эга* 'господин' (< *эди*), *эгар* 'седло' (< *эдәр*), *кїгїз* 'войлок' (< *кїдїз*).¹⁹

ФОНЕТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СЛОГА И СЛОВА

В староузбекском языке широко представлены и закрытый и открытый типы слога. Слоги, закрытые двумя согласными, довольно редки, что же касается слогов с двумя начальными согласными, то их вообще нет. Примеры:

Г, ГС, СГ (гласный, гласный+согласный, согласный+гласный)

бу 'этот', *эрдїлар* 'были' (*эр-дї-лар*), *өз* 'сам', *ал* 'возьми', *ак* 'белый', *ок* 'стрела', *їч* 'три', *ит* 'собака', *эт* 'делай', *эв* 'дом', *ат* 'лошадь', *дэ* 'скажи', *јэ* 'ешь', *су* 'вода', *їш* 'дело', *эл* 'народ', *дэди* 'сказал' (*дэ-дї*), *улуб* 'большой' (*у-луб*), *ошул* 'вон тот' (*о-шул*).

СГС, ГСС

сэн 'ты', *мэн* 'я', *ајт* 'скажи', *ант* 'клятва'.

СГСС

кајт 'возвращайся', *дбст* 'друг', *хамд* 'хвала', *арш* 'престол', *васл* 'встреча, соединение'.

К последнему типу относятся главным образом заимствованные слова, причем как заимствованные, так и собственно тюркские слова, имеющие соответствующую фонетическую структуру, нередко допускают интродукцию гласного (для собственно тюркских слов этот гласный может быть этимологическим), ср. МН: *Мїсїр* (~ *Мїср*) 'Египет' (1606), *өмїр* (~ *өмр*) 'жизнь' (1706), *Ҳїзїр* (~ *Ҳїзр*) — имя (1716), *хусун* (~ *хусн*) 'красота' (1726); СҚ: *сабур* (~ *сабр*) 'терпение' (606, 83а), *зулум* (~ *зулм*) 'насилие' (79а), *шїкїр* (~ *шїкр*) 'благодарность' (836).

¹⁹ К. Н. Menges. Das Čağatajische in der persischen Darstellung von Mirza Mahdī Xān, S. 662.

Особенности соединения разных слогов в составе слова предопределены их фонетическими данными. Если из двух слогов первый оканчивается, а второй начинается согласным, никаких фонетических изменений не происходит. Если же первый слог оканчивается согласным, а второй начинается гласным, или наоборот, может иметь место озвончение согласного, находящегося на границе двух слогов. Когда и в конце первого и в начале второго слога оказывается гласный, возникает необходимость использования „вставочных“ звуков, с целью предотвращения совершенно необычного и нетерпимого в тюркских языках зияния.

В староузбекском языке более или менее широко используются три „вставочных“ согласных, если не считать *н*, условия употребления которого совершенно особые. Эти три звука — *ј*, *с*, *р*. Первый встречается в деепричастиях, причастиях и некоторых других формах, ср.: *okijur* (*okij-ur*) 'читает', *miträju* (*miträ-j-ü*) 'дрожа'; второй — в формах принадлежности 3-го лица, ср.: *kitab* (*kitab-i*) 'его книга', но *anası* (*ana-s-ı*) 'его мать'. Звук *р* в качестве „вставочного“ согласного выступает при образовании разделительных числительных, например *ikkirär* (*ikki-r-är*) 'по два'.

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВ

Строгое следование письменной традиции сделало нормой сохранение в староузбекских источниках оригинального написания арабских и персидских заимствований. Поэтому трудно представить себе, как происходил процесс адаптации необычных для староузбекского языка звуков. Если же иметь в виду конечные результаты, то необходимо отметить, что для носителей современного узбекского языка характерно почти полное усвоение нескольких таких звуков.

В связи с наплывом арабо-персидской лексики и взаимодействием иранского субстрата в староузбекском языке появляются звуки *х*, *х* (*х* и *х*, очевидно, различались только графически), *ф* и другие, ср.: *хабар* 'весть', *хафта* 'неделя', *фалан* 'такой-то', *хайран* 'удивленный', 'ажаб' 'удивительный', *ташаввур* 'представление', *фахм* 'понимание', *дўзах* 'ад'; расши-

ряется количество слов с такими согласными в начальной позиции, которые в староузбекском языке в этом положении являлись исключением или вообще не встречались, ср.: *javāb* 'ответ', *firāvān* 'фараон', *pištā* 'земляной орех', 'ажаб' 'удивительный', *gurbat* 'чужбина'.

Изменения, которые имели место при освоении арабо-персидских заимствований и которые доступны для наблюдения, заключаются в своеобразной фонетической интерпретации межзубного арабского *ḡ* (*zāl*) и так наз. эмфатических звуков.

Староузбекский язык воспринял большое количество и монгольских слов. В отличие от арабской и, частично, от персидской лексики, последние проникали не книжным путем, а исключительно через непосредственные контакты. Поэтому в староузбекском литературном языке отразилось их фактическое произношение.

Анализ монгольских заимствований показывает, что в староузбекском языке они закрепились в основном без каких-либо изменений, как в собственно-фонетическом отношении, так и в структурном плане. Ср.: *орду* 'ставка', 'лагерь', *даруза* 'правитель города', *нўкар* 'солдат', *давулба* 'шлем', *коналба* 'место, где садятся птицы', *јэбä* 'панцирь'.

Монгольские заимствования расширили группу слов с нетипичными для староузбекского языка начальными *д*, *н*, *м*, *ј*.

Глава II

МОРФОЛОГИЯ

В староузбекском языке три части речи (имя, глагол, наречие) и три частицы речи (послелого, собственно частицы, союзы).

Выделение частей и частиц речи производится нами на основе чисто формального признака — способности или неспособности одних языковых единиц сочетаться с другими языковыми единицами того же самого или иного уровня.

Части речи — слова, присоединяющие к себе морфологические элементы и сочетающиеся в той или иной связи между собой. В отличие от них частицы не сочетаются ни между собой, ни с какими-либо аффиксами, исключая тот случай, когда в составе их (частиц) оказываются омертвевшие формы.

Различия между отдельными частями речи определяются составом морфологических показателей. Имя присоединяет к себе падежные аффиксы, для глагола характерно образование форм полной (*Verbum finitum*) и неполной (деепричастия) вербальности, наречие же выделяется отсутствием собственных форм словоизменения.

Внутри частей речи прослеживаются подгруппы, не имеющие полной морфологической автономности, но отличающиеся одна от другой каким-либо частным морфологическим признаком или особенностями образования так называемых вторичных основ. Подгруппами имени являются: собственно имена (существительное, прилагательное, местоимение, числительное) и отглагольные имена (субстантивные отглагольные имена, причастия). Подгруппы наречия — обстоятельственные и экспрессивно-изобразительные слова.

Деление частиц на послелого, собственно частицы и союзы, обусловлено различием в характере их назначения: послелого обслуживают слово, собственно частицы — и слово и предложение, союзы же выступают в качестве средства соединения слов, словосочетаний и целых предложений.

Морфологическая структура каждой части речи довольно проста. У имени и глагола имеется два основных структурных компонента — основа-корень, или первичная основа, и окончание, у наречия один структурный элемент — словоформа.

Основа — лексический стержень слова, воспринимаемый сквозь призму существующего в языке грамматического распределения слов, ср. именная основа, глагольная основа. Все основы внешне совпадают с грамматически значимыми нулевыми формами. Нулевая форма имени — форма основного, или именительного, падежа, нулевая форма глагола — форма повелительного наклонения 2-го лица единственного числа.

Окончание представляет собой один однозначный морфологический элемент или совокупность однозначных морфологических элементов — аффиксов, присоединяемых к основе последовательно, в строго определенном порядке (префиксы в староузбекском языке, как и вообще в тюркских языках, фактически отсутствуют).

Таким образом, понятия основы и окончания в староузбекской (resp. тюркской) грамматике наполнены своеобразным содержанием. Если говорить о соотношении с грамматикой флективных языков, то можно отметить, что в общих чертах понятию староузбекской основы в них соответствуют понятия основы и корня, а понятию староузбекского окончания — понятия окончания и суффикса.

Частицы речи все имеют одинаковую структуру, подобную структуре наречия. Правда, термин „словоформа“ в том значении, в каком он был применен в отношении наречий, для частиц не подходит, так как последние не являются полноценными и самостоятельными лексическими единицами.

ЧАСТИ РЕЧИ**И М Я****СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ ИМЕНИ**

Схематически аффиксы, присоединяемые к именной основе, располагаются в следующем порядке:

основа (первичная или вторичная) + аффикс множественного числа + аффикс лица-принадлежности или аффикс формы сопряженного состояния + аффикс падежа.

Формы падежа

В староузбекском языке семь падежей, включая основной, или именительный, форма которого является нулевой: основной, вокативный, винительный, дательный, местно-временной, исходный, предельный.

Прежде, чем перейти к характеристике падежных форм, необходимо отметить то обстоятельство, что почти все они выступают в трех семантико-функциональных разновидностях: 1) как формы сочетания со служебными словами, например, с послелогоми, утратившие определенное грамматическое значение, ср.: *kīška tēginčā* 'до зимы', *bīzīn бурна* 'до нас', 'перед нами', *bīzī утру* 'нам навстречу', *душманларға қаршī* 'против врагов', *kīshīlārdān соңра* 'после людей'; 2) как словоизменительные формы с разнообразным грамматическим содержанием, раскрывающимся в сочетании одних знаменательных слов с другими; 3) как словообразовательные формы или омертвевшие морфологические элементы, связанные с выражением синтаксических отношений только этимологически, ср.: *ошбунча* 'вот такой', *мобулча* 'монгольский', *канда* 'где', *кўндўзўн* 'днем', *анда* 'там', *ўзгў* 'другой' и т. д.

Материалы, приводимые ниже, относятся к области активного употребления падежных форм (первый и второй случаи).

Основной падеж. Морфологически основной падеж противопоставлен всем другим падежам отсутствием выделяющего его показателя, в синтаксическом плане — как падеж подлежащего, так как подлежащее выступает только в основном падеже.

Основной падеж употребляется:

— при назывании лиц или предметов, когда никакая другая форма невозможна, ср.: Б: *сэни јан дэплэр* 'тебя называют „душа“' (34); БН: *јана бір јинс өрүк болур кім... субхәни дэплэр* 'еще есть один сорт урюка... который называют „субхәни“' (4), *бір нав кавундур кім Мір Тэмүрї дэплэр* 'есть сорт дыни, который называют (сорт) „эмир Тимур“' (6), ... *китәбларда Шаш бітіпләр* '... в книгах пишут „Шаш“' (7); Л: *јүзін кујаш дэдїм* 'ее лицо я назвал солнцем' (1846); М: *Нахј ул-фарәдїс атлїк китәбдін* 'из книги, называемой „Нахдж ал-

фарадис“' (1); Мах: *аңа Махбўб ул-кулўб ат којїлдї* 'ей было дано имя „Махбуб ул-кулуб“' (8); Мух: *Јәфэснї кә тавәрїх ахлї Абў-л-тўрк бітіпләр* 'Яфес(а), которого историки называют „Абу-л-тюрк“ (т. е. отцом тюрка...)' (4); ШН: *Ахсї дэйн курбанға* 'в крепость, называемую Ахсы' (125);

— при сочетании двух имен — как форма определительного члена конструкций тюркского изафета 1-го и 2-го типов и персидского изафета, а также как падеж определяемого в арабской *Status constructus*, ср.:

а) тюркский изафет, — А: *Салсабіл абїна* 'к воде райского источника Салсабиля' (78); Б: *көңлүм дардїза* 'болям моего сердца' (195); БН: *Арс сујїні* 'реку Арс' (10), *Балх вїләјатїні* 'вилайет Балха' (11), *Мухаммад тарханні* 'Мухаммед-тархана' (46), *авлук јэпләр* 'места для охоты' (87); М: *алтун ајаб* 'золотая чаша' (3); Мах: *тўлкў кујрубїдін* 'из хвоста лисицы' (60), *арпа јамїн* 'заботу о ячмене' (169); Мух: *тўрк алфәзїза* 'тюркской речи' (21); СҚ: *Јэјхўн дарјасї* 'река Джейхун' (24а), *ајсір ат* 'жеребец' (31а), *арпа өтмәк* 'ячменный хлеб' (356); ШН: *чагат-ај әл* 'чагатайский народ' (75), *сулх сөзін* 'слово о мире' (125), *Ташкәнд әшїгї* 'ворота Ташкента' (148);

б) персидский изафет — Б: *әвәрә-јї іккі јахән* 'скиталец двух миров' (*іккі јахән* 'два мира'; 10); БН: *андїшә-јї фәсїд* 'дурные намерения' (*фәсїд* 'скверный'; 31), *вїләјат-ї Маварәннахр* 'вилайет Мавераннахра' (55), *сәхїб-ї Хидәјә* 'автор Хидәи (мусульманского трактата)' (56); ТН: *нәсл-ї адам* 'род человеческий' (букв.: род Адама) (2736), *чәшм-ї бад* 'дурной глаз' (*бад* 'плохой'; 2756), *хўршїд-ї тәбән* 'сверкающее солнце' (*тәбән* 'сверкающий'; 276а); ШН: 'азм-ї Самаркәнд' 'в направлении Самаркәнда' (121), *дашт-ї Хөррәм* 'хорезмская степь' (205);

в) *Status constructus* — Мах: *Махбўб ул-кулўб* '„Возлюбленный сердец“' (*кулўб* 'сердцә'; 8); Мух: *Абў-л-тўрк* '„Отец тюрка“' (*тўрк* 'тюрк'; 4).

— при сочетании личных и некоторых других местоимений с существительными, прилагательными и числительными, выступающими в качестве аппозитивных членов, как форма определяемого, см. Қ: *мән заїфї* 'меня слабого' (II); ШН: *мән бәчә-рәнї* 'меня бедного' (*мән* 'я'), *мән әвәрәнї* 'меня скитальца' (180);

— при перечислении, когда в ряду сопологающихся имен специальное падежное оформление получает только последнее имя,¹ см. А: *kojbıl Atajı mädräsä va xānakaхnı* 'оставь Атаи медресе и келью' (100); БН: *Taşkänd va Şахрухїjä va Сајрамнї алїп әдї* 'он взял Ташкент, Шахрухию и Сайрам' (24); Мах: *ičmäк va jэмäк va ујкуба хурсанд* 'рады попить, поесть и поспать' (58), *баш ајабїдін тартїп* 'таща за голову и ноги' (79), *јаман јахшїнї тәнрїдін аңлабїл* 'плохое и хорошее разумеи от бога' (137);

— как падеж прямого дополнения, выраженного отглагольным именем и управляющего винительным падежом другого имени, см. А: *ägär көңлүң тиләр јәнїмнї алмак...* 'если твое сердце хочет покорить мою душу...' (98);

— в качестве формы прямого приглагольного дополнения свободного и частично связанного типов, ср. Б: *köрсәтїр гәх тїб ва гәх ок* 'показывает то меч, то стрелу' (2), *јарлїб әтмїл* 'окажи милость' (24); БН: *јч масәф урушї кїлїп әдї* 'он провел три сражения' (9), *пәјдә кїлїптур* 'он обрел, выявил' (14), *хїзмат кїлур әрдї* 'он служил' (19), *чавїр ічәр әдї* 'он пил вино' (25); Мах: *бојун сунуб* 'вытянув шею' (подчинившись) (46), *ашкәр әтти* 'он раскрыл, сделал явным' (85); С: *aj фәләк чарх урбїл* 'о небо, возвращайся' (17а), *касд әтмә ахїр јәнїма* 'не замышляй же против моей души' (21а); СҚ: *хабар кїлбїл* 'сообщил' (26, 73а); ШН: *ок атїша турдїлар* 'они перебрасывались стрелами' (216); ЭД: *назәрә кїл* 'обрати внимание' (10), *јүзүңдін пәрдә ал* 'сними завесу с твоего лица' (1);

— в качестве формы разных косвенных дополнений, когда допустимо использование показателей местно-временного, исходного, предельного или дательного падежей, ср. Б: *Хїнддін Гәрм бардїңиз* 'вы отправились из Индии в Гарм' (228); БН: *курсандїн дар'ја бір ок атїмї болбај* 'от крепости до реки расстояние в один выстрел' (5), *чавїр ічмәс күнләрі наштнї көзәр әдї* 'в дни, когда не пил вина, он употреблял наркотические средства'

¹ Это не означает, что параллельное оформление однородных членов совершенно исключено, см. СҚ: 'Абдулла әтти ким тәнрї та'алә олду ким јәрни көкнї күннї әннї јулдузларнї көчәннї күндүзнї... јаратїп турур' 'Абдулла сказал: всевышний бог тот, кто создал землю, небо, солнце, луну, звезды, ночь и день...' (946).

(24), *Бухәрә бардї* 'он отправился в Бухару' (46), *мән бу та-раф кәлдїм* 'я пришел сюда' (47); Мах: *баштїн ајак* 'с головы до ног' (55); МХ: *ајакдїн баш* 'с ног до головы' (3); ШН: *Хорасән јәтти* 'он прибыл в Хорасан' (203), *Хәрә бардїлар* 'они отправились в Герат' (204).

Особый случай употребления формы основного падежа связан с постановкой ее при прямом дополнении в винительном падеже, см. Б: *јәнїмнї кїлїбдур су* 'душу мою она растворила (букв.: 'сделала водой', су 'вода'; 66); БН: *мунї пәјтахт кїлїп әдї* 'он сделал этот (город) столицей' (*пәјтахт* 'столица'; 6), *мунї әшик ака кїлїп әдї* 'он сделал его распорядителем двора' (*әшик ака* 'распорядитель двора'; 26).

Форма основного падежа может быть также именной частью сказуемого, см. Б: *бу нав' іш іш әмәсдур* 'такое дело — не дело' (14), *тар абзїң әрїр бунчә* 'твой узкий рот — бутон' (58), *көзі хўн-хар әмиш* 'глаза ее, оказывается, кровопийцы' (90); М: *Јабраїл ајтти Јабраїлтурман* 'Джабраил сказал: „Я Джабраил“' (6); Мах: *бу мударрїс әмәсдур ким...* 'тот не учитель, кто...' (24), *ол ма'їм әмәс* 'это неизвестно' (92), *јалбанчї кїшї әмәс* 'обманщик — не человек' (162).

Наконец, в форме основного падежа выступают прилагательные, причастия и числительные, выполняющие функции определения, ср. А: *вајрән көңлүмә* 'моему разбитому сердцу' (176), *кутурбан ітгә* 'бешеной собаке' (89); СҚ: *төрт шахарнї* 'четыре города' (20а).

Вокативный падеж. Показателем вокативного падежа является аффикс -а. Данная форма не типична для староузбекского языка, и она наблюдается лишь в поэтических текстах.

Имя в вокативном падеже занимает обособленное положение в предложении, ср. А: *ја фәләк јаврї нїгәрә ја сәнїң дардїң мәнә* 'или жестокости судьбы или причиненные тобой обиды выпадают мне, о красавица' (*нїгәр* 'красавица'; 6), *дїлбәрә кәл кәл* 'о возлюбленная, приди, приди' (*дїлбәр* 'возлюбленная'; 43); Б: *Бабїрә хәрғәз кулак шәрїңза ол гүл салмадї* 'о Бабур, ни-когда та роза не прислушивалась к твоим стихам' (*Бабїр*; 42); Л: *нїгәрә сәнсізін мәндин нә хәсїл* 'о красавица, без тебя какой толк от меня' (*нїгәр* 'красавица'; 202а); Мух: *сакїја тут бадә* 'эй виночерпий, держи вино' (*сакї* 'виночерпий'; 8); ЭД: *зәхїдә*

пандиңни килмасман кабул 'о отшельник, советы твои я не принимаю' (зәхид 'отшельник'; 10).

Винительный падеж. Винительный падеж образуется при помощи аффикса *-ни* ~ *-ни*. У имен с притяжательным оформлением аффикс *-ни* ~ *-ни* может выступать в стяженной форме, без гласного, при этом соотношение полной и стяженной разновидностей таково, что последнюю из них следует считать исчезающей (или исчезнувшей) для 1-го и 2-го лиц и весьма употребительной для 3-го лица, для которого полный и стяженный варианты возможны приблизительно в одинаковой мере, ср. Б: *јүзүмни* 'мое лицо' (3), *сачиңни* 'твои волосы' (5), *јәр јүзін* 'поверхность земли' (44), *сачиңи* 'ее волосы' (46), *замзә окін* 'стрелу кокетливого взгляда' (82); ДН: *тәһриңиң кәләмин* 'слово бога' (2306); Мах: *дїниңи* 'свою религию' (23), *кәләмләрін* 'их слова' (27), *арпа замін* 'заботу о ячмене' (169); М: *от дәңизини* 'море огня' (13); С: *өз завәлини* 'свой заход' (256); ТМ: *Сїјәвуш канін* 'кровь Сиявуша' (97а), *тахтїни* 'его престол' (1096); ШН: *арїбїни* 'его арык' (4), *әл качишїн* 'бегство людей' (65), *шахар хәлїн* 'положение города' (69), *сөзүмни* 'мое слово' (90). В тех случаях, когда аффикс *-ни* ~ *-ни* присоединяется к личным местоимениям 1-го, 2-го и 3-го лиц единственного числа или указательному местоимению *бу* (*бун* ~ *мун*), один *н* исчезает, например: *мән* 'я', *мәни* 'меня'; *сән* 'ты', *сәни* 'тебя'; *бу* 'этот', *мунї* 'этого' (ср. *мунза* 'этому').

Главнейшая функция винительного падежа — обозначение прямого дополнения. В отличие от основного падежа, данная форма используется в этой функции тогда, когда прямое дополнение выражено именем собственным, прилагательным, местоимением, числительным или существительным в составе атрибутивной группы, а также существительным с морфологическими показателями принадлежности и числа, например, Б: *јүзүмни* 'мое лицо' (3), *өзүмни* 'меня самого' (1); БН: *Фарзәнәни бәрп* *әди* 'он передал Фергану', (10), *Хиҗәрни албанда* 'когда он взял Хисар' (11), *атасиңи* 'его отца' (14), *ол улусни* 'тот улус' (15), *төрт мїрзәни* 'четыре мирзы' (29); Мах: *јаман јахшїни* 'плохое и хорошее' (137); СҚ: *бір тахтәни* 'одну доску' (5а), *төрт шахарни* 'четыре города' (20а), *Ахмадни* 'Ахмеда' (216), *бу ај-дахәни* 'этого дракона' (946), *хатунуңни* 'твою жену' (103а); ШН:

субднїң әлләрини 'людей Согда' (122), *бізләрни* 'нас', *јіллїк азуқни* 'годовой запас продовольствия' (203).

Употребление формы винительного падежа для выражения прямого дополнения имеет место также при выносе его в абсолютную начальную позицию или при отрыве от глагольной формы, см. БН: *окни јахшї атар әди* 'он хорошо метал стрелы' (17), *нїкәрләрни јахшї саклап әди* 'он хорошо содержал нукеров' (18), *кобузни јахшї чалур әди* 'он хорошо играл на кобузе' (28).

Нарушение указанных принципов наблюдается преимущественно в поэзии и обусловлено требованиями размера, см. Б: *којма-бумдур әтәиң* 'не отпущу твой подол' (55), *саләмим јәткүр* 'донеси мой привет' (198), *сөзүң әшитсәм* 'если я услышу твое слово' (201); С: *көңүл шәкәр бикин авзїң көрүп* 'адам болдї 'сердце, увидев твой, подобный сахару, рот, обратилось в ничто (т. е. перестало существовать)' (196); ЭД: *васлїң тиләрмән* 'я прошу о встрече с тобой' (9).

В конструкциях персидского изафета аффиксом винительного падежа оформляется определение, например, Қ: *їшк-и хәкїкїни* 'истинную любовь' (II).

Вторая форма винительного падежа образуется при помощи аффикса *-(j)ı* ~ *-(j)ı*, см. Қ: *хїтпә-ји ма'мүрумї* 'цветущий мой край' (II), *'аклумї* 'мой разум' (II); ТН: *кїлса ду'әји* 'если он совершит молитву', *көрмәсїн бәләји* 'пусть не увидит бед' (2896).

Эта форма необычна для староузбекского языка. Она появилась вследствие огузского влияния, и распространение ее ограничилось языком поэзии.

С первой формой винительного падежа совпадает усеченная разновидность формы сопряженного состояния (см. стр. 113).

Дательный падеж. Аффикс дательного падежа — *-ба* ~ *-гә* ~ *-ка* ~ *-кә*.

Форма дательного падежа обслуживает косвенное дополнение и обычно указывает на направленность действия, иногда — на его предел, см. Б: *көңлүмә дард кәлүли...* 'с тех пор, как посетили мое сердце мучения...' (26); БН: *мәңә әввүл бәг атка анї кїлп әдиләр* 'вначале в „наставники“ мне они назначили его' (17); М: *сән Мәккәдін Мәдїнәгә барурда...* 'когда ты отправлялся из Мекки в Медину...' (30); Мах: *аларба* 'им' (8), *кәбїлга тәрбијәт кїлмамак зулмдур* 'не воспитывать способного —

несправедливость' (143), *таңдін акшамба* 'от зари до сумерек' (44); СҚ: *Мәккәй баралы* 'пойдем-ка в Мекку' (21а); ШН: *јах-ишрак сән мәңә өз облумдін* 'ты для меня лучше сына родного' (191).

В зависимости от семантики управляющих имен или глаголов формы, образованные при помощи аффикса *-ба ~ -гә*, могут отвечать на вопросы „чем?“ и „как, в качестве кого, чего?“, см. БН: *Шахрухїјаба машхурдур* 'известен как Шахрухия' (2), *Хадарвәшка мавсумдур* 'именуемая Ха-дервиш' (5), *бу әлчи әурба машхур әкандур* 'этот посол известен (своей) силой' (26); НМ: *бір чібін су ічәргә машбуллар* 'одна муха занята тем, что пьет воду' (146а).

Форма дательного падежа, образованная от отглагольных имен, выражает преимущественно цель или назначение действия, см. БН: *курбан бәркәтмәккә баш кәрак* 'чтобы укрепить крепость, нужна голова' (115).

Другая форма дательного падежа имеет в качестве показателя *-а ~ -ә*, см. А: *сачиң зәнїрїнә* 'оковам твоих волос' (114); Қ: *хијр отїна* 'в огонь разлуки' (1); Л: *јанәнїма* 'моей возлюбленной', *султәнїма* 'моему повелителю' (196а); Мб: *мухаббат бахрїна* 'в море любви' (1), ТН: *Бахрәма* 'Бахраму' (273а), *раҳїма* 'милостивому', *пәрвәрдігәрә* 'созидающему' (274а), *оқуңнуң каршусїна* 'против твоей стрелы' (2776); ЧД: *бојнума* 'на мою шею' (246), *көксүмә* 'моей груди' (31а); ШН: *көзүмә* 'в мои глаза' (172).

Эта форма в отношении границ и размеров употребления соотносится с первой приблизительно так же, как форма винительного падежа на *-(j)ı ~ -(j)i* соотносится с формой на *-нї ~ -нї*. Учитывая все случаи морфологического параллелизма в староузбекском литературном, или, точнее, поэтическом, языке, можно говорить о наложении в нем одной на другую двух разных диалектных парадигм склонения — староузбекской и старотурецкой, шире, огузской.

Местно-временной падеж. Форма местно-временного падежа образуется при помощи аффикса *-да ~ -дә*.

Местно-временной падеж выражает пространственные, временные и другие отношения, ср. БН: *кавун маҳалда* 'в сезон дынь' (2), *китабларда* 'в книгах' (6); ДН: *мән әмді хастә ва*

бам артмакда хажәлїң алїда јән тартмакда 'я болен теперь, увеличиваются печали, и пред твоим образом душа страдает' (257а); Мах: *адамїлбда* 'в человечности', 'в отношении человечности' (50); СҚ: *рўзә әјнїң јәтїнчї күнїндә* 'на седьмой день поста' (4а), *мәнїң карнїмда* 'в моем чреве' (84а), *көңлїндә* 'в его сердце' (566); ЭД: *бәбїңда* 'в твоём саду' (3), *башїмда* 'в моей голове' (6).

В редких случаях, когда аффикс *-да ~ -дә* присоединяется к именам — названиям городов и областей, форма местного падежа выражает направление действия, см. БН: *Кундузда кәлїп мәңә катїлдїлар* 'придя в Кундуз, они присоединились ко мне' (11), *Хорасандїн Кабулда кәлдїләр* 'они пришли из Хорасана в Кабул' (13), *Хїсарда кәлгәндә* 'когда пришли в Хисар' (37); Мадж: *Самаркандда барбандә* 'когда отправились в Самарканд' (44а).

Иногда аффикс *-да ~ -дә* употребляется в значении исходного падежа, см. БН: *Хїнд фатхїда соң* 'после покорения Индии' (108).

Исходный падеж. Приметой исходного падежа является аффикс *-дїн ~ -дїн*, иногда выступающий в виде *-тїн ~ -тїн*, но всегда с узким гласным.

Основное значение исходного падежа — исходное, как в смысле обозначения одного из пределов материала или среды, действия, движения и времени, так и в своеобразном восприятии того, с чем что-либо сравнивается, см. А: *мәңә сәнсіз тїрїлгәндїн өлїм јүз катла артукрак* 'мне, чем жить без тебя, во сто раз лучше умереть' (80); Б: *мундїн јахшї* 'лучше этого' (15), *көздїн учтї ујку* 'из глаз улетел сон' (39); БН: *Андїјәннїң нәшбәтїсїдїн јахшїрак нәшбәтї болмас* 'груш, лучше андижанских, не бывает' (2), *Султән Махмуд мїрзәдїн кичїг... Әдї* 'он был моложе Султана Махмуда мирзы...' (8), *андїн бір кїз болуп әдї* 'от нее была одна девочка' (15); М: *сїттїн акрак* 'белее молока' (18); Мах: *түлкү кујрубїдїн* 'из хвоста лисицы' (60), *јахлїкдїн бәсаадамлїкрак нә нәмә бар* 'что является большим несчастьем, чем невежество' (100), *алардїн јахшїрак* 'лучше их' (50); СҚ: *Јабрә'їлдїн сордум* 'я спросил у Джабраила' (5а), *Каф табїдїн нарї* 'с обратной стороны горы Каф' (146), *сән-дїн зәхїдрак* 'более отшельник, чем ты' (81б); ЧД: *башїндїн*

ажабӣнба 'от твоей головы до ног' (916); ШН: *хан кәлишідін бурна* 'перед приходом хана' (78), *хәчкімдін* 'ни от кого' (164).

Форма исходного падежа выражает также значения:

— трансгрессивности, см. А: *өтә чікті бабїрдін тіјрі-і зам-заң* 'прошла сквозь грудь стрела твоего кокетливого взгляда' (46); БН: *Хојанддін өтїп* 'пройдя Ходженд' (40), *іккі навбат мурїрїміз анің вїләјатїдін вәкі* 'дважды нам довелось переходить через его вилайет' (147); ШН: *куш уча алмас әді жарларїдін* 'птица не могла перелететь через его рвы' (44), *шахардін өткәч* 'после того, как прошли через город' (133), *кәчәлі дарїјадін* 'перейдем-ка через реку' (158), *ол өгүздін өтїп бән* 'перейдя ту реку' (187);

— причины, причинного обоснования, см. Б: *тәлбә болмак-лїкдін* 'из-за того, что он безумный' (42); БН: *бу јїхатїдін бу їсмға мавсїмдур* 'потому он назван этим именем' (5), *алар бу кәлмәкдін усандїлар* 'они тяготились этим приходом' (21); ДН: *бу јазукдін ані өлтүрсә болмас* 'за этот грех нельзя убивать его' (2476); НМ: *шәдлїбдін јїзларман* 'я плачу от радости' (1176); ӘД: *јәтмәдїм вәслїңа јол алусїдін* 'я не встретился с тобой из-за дальности дороги' (3);

— партитивности, см. БН: '*Омар-шәјх мїрзанїң қарамларїдін* 'из жен Омар-шейха мирзы' (15), *мундак сїпәхї ва әлі та-кїбудәк јїтіләрдін хәјлї бар әді* 'таких молодцев, которых бы знали воины и народ (его), было много' (54), *Бухара чабїрдін ічәр әдїм* 'я пил бухарское вино' (61); Мадж: *шу јїмәдін* 'в том числе' (25а); СҚ: *бу та'амдін јәңіз* 'поешьте этой пищи' (53а), *ол халәјїк ол судін ічәр әрдїләр* 'те люди напились той воды' (86а); ӘД: *јүзмәдїм бабїңда вәсл алусїдін* 'я не срывал в твоём саду слив соединения' (3);

— посредства, см. БН: *бу бәндні јасамаз үчїн Хојә Кә-ләндін јармак јїбарїлдї* 'для постройки этой плотины были посланы деньги через Ходжу Калана' (171);

— продольности-касательности, см. БН: *бізнің алїмәздін өтәр әді* 'они проходили мимо нас' (197), *башїңїздін өтти* 'она пролетела мимо вашей головы' (200); СҚ: *хәч кімәрсә ол јолдін өтә алмас әрдї* 'никто не мог пройти по той дороге' (936); ТМ: *маңлајїдін өпїп* 'поцеловав его в лоб' (115а); ШН:

хан ані кучтї ва өпти јүзїдін 'хан обнял его и поцеловал в лицо' (30);

— лишения, см. БН: *әлік ажабїдін калїп* 'оставшись без рук и ног' (219).

Особое место форма исходного падежа занимает в устойчивых сочетаниях, см. Маҳ: *көпдін көп* 'очень много', *аздін аз* 'очень мало', *јамандін јаман* 'очень плохой' (76).

Предельный падеж (предельно-пространственный и предельно-объемный). В староузбекском языке широко употребляются две формы предельного падежа, одна из которых образуется при помощи аффикса *-бача* ~ *-гәчә*, другая — при помощи аффикса *-ча* ~ *-чә*.² Эти формы, возможно, имеют общее происхождение, и содержание их отчасти совпадает. Так, обе формы могут выражать предельно-пространственные, предельно-временные и предельно-количественные отношения, см. Абушқа: *бурнабїча* 'по-прежнему' (148); Б: *тїнгәчә* 'до ночи' (67); БН: *бу тарїхкача* 'до этого времени' (148); Мадж: *оттуз јашка јакїнбача* 'почти до 30 лет' (63а); Маҳ: *ахшәмбача* 'до вечера' (128); Муҳ: *бір дірамдін јүз тїмәнгәчә* 'от одного дирама (диргема) до ста туманов' (2); НМ: *качанча* 'до какого времени' (58а); ТМ: *Јәмән худүдїбача* 'до границ Йемена' (926); ШН: *јәнїміз барїча* 'пока будут существовать наши души' (54), *кїш-кача* 'до зимы' (60), *іккі ајбача* 'до двух месяцев' (167), *көзїчә* 'до его глаз' (180).

При наличии нескольких точек соприкосновения содержание той и другой формы все же различается. Если первая форма указывает на предел в местно-временном плане, определяя направление, то вторая выражает его главным образом путем сопоставления, так что доминирующим оказывается объемно-качественный план, см. А: *кїлча јәнїм бар* '(пока) у меня есть душа (хоть) с волосок' (43); БН: *Әсән Давлат-бәкїмчә* 'как Әсан Давлат-беки́м' (31), *рубї мәскїндә Самаркандча сахар кәм-ракдур* 'в обитаемом мире мало городов, подобных Самарканду' (55), *Кабул карїча* 'как снег в Кабуле' (57), *імкәні барїча* 'насколько возможно' (74), *біләкчә* '[величиной] с кисть руки' (176), *буларча* 'как эти', '[величиной] с эти' (191); Л: *сәнчә* 'как ты

² Очевидно, из *чаблїб* 'подобный', см. Маҳ: *јәмәлі орта чаблїбдур* 'ее красота средняя' (56).

(1886); НМ: *көңләкчә олтуруп әрди* 'он сидел в одной рубашке' (51а; в данном случае, возможно, недописан конечный *н*); СҚ: *бир ајча* 'с месяц', *бир хафтәча* 'с неделю' (226); ШН: *мәнчә* 'как я' (181).

В связи с указанной выше специализацией значения аффикса *-ча ~ -чә* образует:

— неопределенно-количественные или приближенные числительные (от количественных числительных, вопросительных и указательных местоимений), см. Б: *нәчә* 'сколько' (63); Л: *мунча* 'столько' (1796), *анча* 'столько' (185а); НМ: *бирнәчә* 'несколько' (18); ШН: *јәти јүзчә* 'около семисот' (36), *миңчә* 'около 1000', 'с тысячу' (64), *алти миңчә* 'около 6000' (86), *әлликчә* 'около пятидесяти' (207), *кәркча* 'около сорока' (208); ср. также: *нәчә ким*, *хәрнәчә ким* 'сколько (бы) ни';

— ограничительные формы отглагольных имен, см. Ах: *ол киши ким сәни чалар билүчә калди бәлә дастда ол өлгүчә* 'у того человека, который играет на тебе, до того, как узнает, будет беда с руками до самой его смерти' (327а); БН: *әликдін кәлгәнчә* 'насколько удастся' (73); ДН: *ані күүдүрмәинчә билсә болмас* 'его нельзя узнать, пока ни сожжешь' (247а), *јумуп ачкәнчә көзін* 'в мгновение (букв.: 'закрыв, пока ни откроешь глаза') (2656); Мах: *таң аткунча* 'до рассвета' (126), *бішкармазінчә* 'до созревания' (163); МЛ: *дарди әниң тинмазурча* 'пока не утихнет его боль' (19); Мух: ... *ба'зінә кә аңлатса болбај хәр лафз тафхәмә јүчүн нәчә лафзәни тәркәб килмазунча болмас* '...некоторые можно объяснить, однако при объяснении каждого такого слова невозможно обойтись без соединения нескольких слов' (8); ШН: *Ташкәнд әшиги әчләзунча* 'до того, как откроются ворота Ташкента' (148); Ә: *та сәниң ајабәнни көтәрмәинчә*... 'пока не поднимут твою чару...' (3346).

Ряд форм, образованных присоединением аффикса *-ча ~ -чә*, постепенно обособляется и претерпевает существенные изменения в семантическом плане, ср. БН: *мобулча* 'монгольский', *тәкчә* 'галлерейка' (61), *јавукча* 'около' (65), *ошмунча билә* 'вот с этим' (156), *өзгәчә* 'другой' (162), *бунча* 'этакий' (263); Мух: *бу тјүркчәдә* 'на этом тюркском языке' (10), *бу күнәдә* 'до этого дня' (19); СҚ: *барча* 'все' (71а).

Уподобительная форма

Уподобительная форма примыкает к падежной парадигме. Только наличие некоторых частных особенностей (например, то обстоятельство, что аффикс *-тәк ~ -дәк*... не подчиняется гармонии гласных и может быть отнесен к частицам) препятствует ее рассмотрению в одном ряду с падежными формами.

Первый аффикс уподобительной формы — *-тәк ~ -дәк*... Данная форма обозначает объект сравнения, производимого по признаку сходства, см. Б: *јәнәмдәк* 'как моя душа' (1), *мәндәк* 'как я', *сәндәк* 'как ты' (24), *кујаштәк* 'как солнце' (56), *көңлүдәдәдәк* 'как то, что находится в твоём сердце' (253); БН: *атасидәк* 'как его отец' (52), *шамдәк* 'как свеча' (166); Л: *көзүндәк* 'как твои глаза' (180а); С: *јаз јамбуритәк* 'как весенний дождь' (20а); ШН: *бөридәк* 'как волк' (79).

Местоимения с аффиксом *-тәк* очень часто выступают в форме сопряженного состояния, см. А: *сәниңтәк* 'как ты' (106); Ах: *сәниңдәк* 'как ты' (3266); БН: *бизниңдәк* 'как мы' (75), *әниңдәк* 'как он', *мунниңдәк* 'как этот' (220); МН: *сизниңдәк* 'как вы' (3006, см. Add. 7914); ШН: *ошмунуңдәк* 'подобно вот этой' (85).

Уподобительный аффикс, как правило, находится в абсолютном конце слова, и другие морфологические показатели присоединяются к нему лишь в единичных случаях, см. Ах: *танбүрәтәкләр билә* 'с теми, что подобны танбуру' (327а), *танбүрәтәкниң сөзи* 'слово того, который подобен танбуру' (328а); МН (Add. 7914): *бизниңтәкләрә* 'таким, как мы' (298а).

С указательными местоимениями аффикс *-тәк* образовал застывшие формы, став при этом словообразовательным элементом, см. БН: *ошандак* 'вот такой' (83); Л: *андак* 'такой' (1706); Мух: *мундак* 'такой' (25); НМ: *ошундак* 'вот так' (726).

Несколько своеобразны с семантической стороны уподобительные формы, образованные от имени действия на *-бу ~ -гү*. Как справедливо указывает Мехди-хан, они выражают либо значение способности (намерения?) (معنى قابليت), либо значение сходства-подобия (معنى مماثلت و مشابهت),³ см. А: *каш јасән тартп көзүң хәрдам јүрәкни јарбутәк* 'твои глаза,

³ См.: Мабани' л-луғат, стр. 60. — См. также Мухәкамат ал-луғатайн, стр. 18.

натянув лук бровей, постоянно будто бы режут мое сердце' (259); БН: *мундак сипахи ва эли танбудак јигилардин хэјли бар эди* 'таких молодцев, которых бы знал народ и воины (его), было очень много' (54), *көңүл тиләјүдәк тахкик хабар кәлтүрмәди* 'он не принес достоверного известия, какого бы хотело сердце' (283), *әгәрчә тилә ағызба сәккүсиз коркбудак вәки' эди...* 'хотя и случилось происшествие ужасное, трудно выразимое...' (398). Характерно, что Мехдй-хан считает их синонимичными формам типа *салурдәк*, *козвалурдәк*.⁴

Совершенно необычный случай — присоединение аффикса *-дәк* к форме повелительного наклонения 2-го лица единственного числа, отмечаемое Мехдй-ханом. Последний считает подобные формы синонимичными формам повелительного наклонения 3-го лица, выражающим косвенное повеление, ср.: *асрадәк* (*асрадәк*) и *асрасун* 'пусть воспитывает', *сордәк* (*сордәк*) и *сорсун* 'пусть спросит', *кәлдәк* (*кәлдәк*) и *кәлсүн* 'пусть придет', *кәтдәк* (*кәтдәк*) и *кәтсүн* 'пусть уйдет'. Примеры употребления аффикса *-дәк* в сочетании с глагольной основой немногочисленны, до настоящего времени они были отмечены только в произведениях Нава'й и поэтому решение вопроса о природе соответствующих образований является довольно трудным.⁵

Второй аффикс, образующий уподобительную форму, — *-лајин* ~ *-ләјин*, см. Қ: *көрк ичиндә сизләјин бир сәвгү дилбәр болмабај* 'по красоте подобной тебе возлюбленной — нет' (III); ТН: *Вәмикләјин бәчәрә болдә* 'оно (сердце) стало несчастным, как Вамык' (2856). Этот аффикс, как и аффикс *-дајин* (см. Л: *окдајин кәмәтәмизнә* 'мой стан прямой, как стрела', 2256), непродуктивен.

Форма сопряженного состояния

Формой сопряженного состояния мы называем определяющий член тюркской изафетной конструкции третьего типа. Приметой его является аффикс *-ниң* ~ *-ниң* ~ *-нуң* ~ *-нүң*, который в специальной литературе рассматривается как показатель притяжательного падежа. Для местоимений известна также разновид-

⁴ Там же, стр. 88.

⁵ Подробнее об этом см. ниже, стр. 158.

ность указанного аффикса без начального *н*, см. А: *бізің* 'наш', *сізің* 'ваш' (2, см. также: НМ, 176; ШН, 156).

Своеобразие развития формы сопряженного состояния с чисто внешней стороны в староузбекском языке заключается в образовании усеченного морфологического показателя, совпадающего с аффиксом винительного падежа (так наз. усеченный притяжательный), см. БН: *бір кірзавулнә јүскүнәсинә* 'ногу одного фазана' (3), 'Абдукајримнә атинә' 'лошадь Абдулкерима' (48); Л (А. 109): *Лүтфинә нәјәтә* 'намерение Лутфи' (197); ТМ: *Кәјкәвуснә инісинә* 'младшего брата Кейкавуса' (99а), *ишкәнләрнә соңбә пәдшәхә* 'последний падишах из ишканидов' (111а) *анасә бәшнә јүстидин* '(сверху) на голове его матери' (119а); ЭД: *анә кашидин* 'от него' (2).

Форма сопряженного состояния выступает в сочетании с другими именами, оформленными аффиксами принадлежности. Она выражает разнообразные отношения, для которых значение обладания нередко становится весьма отдаленным фоном. ср. Б: *көзүмнүң јәшә* 'слезы моих глаз' (44); БН: *рамазан әјиннә төртидә* 'в четвертый день месяца рамазана' (8), *Ахмед-ханнә әйәчисә* 'старшая сестра Ахмед-хана' (11), 'Омар-шәјх мәрзәннә ахир замәнарәдә' 'в последние годы жизни Омар-шейха мирзы' (19); М: *китәбннә атә* 'название книги' (1); Мах: *әдәмннә јәхшәрабә* 'лучший из людей' (155); Мух: *бу үчәвннә авләд ва атбәи* 'потомство и подданные этих трех' (5); ШН: *Суддннә әлләринә* 'людей Согда' (122), *халкннә јәннә* 'душу народа' (167).

В ряде случаев полная форма сопряженного состояния употребляется вместо формы винительного падежа, см. БН: *бу фитнәннә тәскән үчүн* 'чтобы успокоить эту смуту' (64), *Хәјә Ахрәр мәннә сизә јибәрдиләр* 'Ходжа Ахрар послал меня к вам' (144); ТМ: *ба'әи аннә Тахмүрс кардашә дәбдурлар* 'некоторые называют его родственником (братом) Тахмурса' (90а), *вәәір аннә өлтүрүр фәкридә болбәндә...* 'когда везир задумал убить его...' (114а).

В сочетании с послелогоми и некоторыми падежными аффиксами форма сопряженного состояния имеет чисто конструктивное назначение. Употребление ее в этом случае является крайним пределом семантико-грамматической трансформации, ср. А: *бізің сизнә арамізда* 'между мной и тобой (букв.: между нами

и вами' (2); Б: *лабїңнїң кашїда* 'перед твоими губами' (9); БН: *мїрзәннїң үстїгә* 'на мирзу' (7), *әлінің арасїда* 'среди его народа' (3); Л: *анїңдәк* 'как она' (180а); НДж: *мәннїңдїн* 'от меня' (96); СҚ: *аршнїң алдїнда* 'перед престолом' (166), *Каф табїнїң ортасїнда* 'посередине горы Каф' (14а), *мунуңдәк* 'подобно этому' (586).

Обычно форма сопряженного состояния предшествует определяемому члену с аффиксом принадлежности. Однако в поэтических произведениях это правило нередко нарушается: допускается отрыв определяемого члена и постановка его перед формой сопряженного состояния, см. Б: *ачїлдї көңлі чү ачтїң сачїңнї Бабурнїң* 'открылось сердце Бабура, как только ты распустила волосы' (5), *мәннїң жоктур мурадїм* 'у меня нет желания' (39); Мах: *нә зам адүсї анїң бір жок әрсә жүз болбај* 'что за беда, если не один враг будет у него, а сто' (17); ШН: *турдї нүкәрләрі ол бәйләрнїң* 'встали нукеры тех беков' (177).

Члены рассматриваемой конструкции не обязательно следуют непосредственно друг за другом. Между ними могут размещаться отдельные слова и целые сочетания, см. БН: *Султан Мухаммад ва Султан Ахмадбәг Шайбани-ханнїң кәліп Шїрәз-да ол наваҳнї чапкан хабарнї тапїп јанїптурлар* 'Султан Мухаммед и Султан Ахмед-бек, получив известие о том, что Шейбани-хан пришел и совершил набег на Шираз и на его окрестности, вернулись' (69), *Андїјәннїң бәркәтгән хабарї мәнә кәлдї* 'весть об укреплении Андижана дошла до меня' (78), *бізнїң кәйтїп Хакән арїбїдїн өтүп тўз јәргә тўшмәзїмїз тајрїбәсїзлїбдїн әдї* 'то, что мы, возвращаясь после переправы через арык, не вышли на ровное место, произошло вследствие неопытности' (130).

Возможно самостоятельное, „предикативное“ употребление формы сопряженного состояния, без определяемого члена, см. БН: *бу бәјт анїңдур...* 'этот стих — его...' (17), *чахәр дән мїрзәннїң болбај* 'четыре части будут принадлежать мирзе' (213); Мадж: *бу матла анїңдур* 'этот стих — его' (146); НМ: *бу тәфл кїмнїңдур?* — *Атам дәдї бізнїң* 'этот ребенок чей? — Мой отец сказал: наш' (154а); СҚ: *бу Мәккә бізнїң турур* 'эта Мекка — наша' (216), ... *бірі сәннїң турур, бірі мәннїң* '... одна из них —

моя, другая — твоя' (806); ШН: *хум анїң бәдә анїң јәм анїң* 'кувшин — его, вино — его, чаша — его' (4).

Когда в форме сопряженного состояния выступают местоимения, определяемый член, как правило, не оформляется аффиксами принадлежности, см. БН: *бізнїң әл* 'наш народ' (53), *бізнїң бәйләр ва јуимләр* 'наши беки и дружинники' (74); ШН: *бізнїң хан* 'наш хан' (91). Таким образом, в сфере местоимений форма сопряженного состояния преобразуется в падежную форму.

Необходимо также отметить, что конструкция сопряженного состояния бывает простой (двучленной) и сложной (многочленной), с последовательным соединением нескольких определений, из которых каждое последующее является определяемым членом по отношению к предыдущему, см. БН: *Акбуға-бәгнїң ағаснїң нәслїдїндур* 'из рода старшего брата Акбуга-бека' (16), *мәннїң анамнїң анасї* 'мать моей матери' (18).

Формы лица-принадлежности („Изменение имени по лицам“)

Имена изменяются по лицам при помощи личных аффиксов-частиц и аффиксов принадлежности.

Личные аффиксы-частицы — не что иное, как личные местоимения *мән, сән, біз, сіз, ол*, используемые для выражения предикативности, ср.: *атаман* 'я — отец', *атасан* 'ты — отец', *атабїз* ~ *аталарбїз* 'мы — отцы', *атасїз* ~ *аталарсїз* 'вы — отцы'.

Аффиксы принадлежности — *-м, -мїз ~ -міз ~ -муз ~ -мїз* (1-е л. ед. и мн. ч.), *-ң, -ңїз ~ -ңіз ~ -ңуз ~ -ңүз* (2-е л. ед. и мн. ч.), *-ї ~ -ї* (3-е л. ед. и мн. ч.), которым могут предшествовать соединительные гласные в 1-м и 2-м лицах — для избежания стечения согласных, и согласный *с* в 3-м лице — для устранения зияния. Примеры:

1-е л. ед. ч.	<i>көңлүм</i> 'мое сердце' (<i>көңүл</i> 'сердце')
	<i>јүзүм</i> 'мое лицо' (<i>јүз</i> 'лицо')
	<i>замım</i> 'моя печаль' (<i>зам</i> 'печаль, забота')
	<i>анам</i> 'моя мать' (<i>ана</i> 'мать')
	<i>ајабım</i> 'мои ноги' (<i>ајак</i> 'нога')

1-е л. мн. ч.	<i>köñlijimiz</i> 'наше сердце' <i>jānīmiz</i> 'наша душа' <i>kīshimiz</i> 'наши люди' <i>közümüz</i> 'наши глаза' <i>kolumiz</i> 'наши руки' (<i>kol</i> 'рука') <i>jüzümüz</i> 'наши лица'
2-е л. ед. ч.	<i>labiñ</i> 'твои губы' (<i>lab</i> 'губа, губы') <i>közün</i> 'твои глаза' (<i>köz</i> 'глаз, глаза') <i>kułabiñ</i> 'твои уши' (<i>kułak</i> 'ухо, уши') <i>abziñ</i> 'твой рот' (<i>abiz</i> 'рот') <i>bamzañ</i> 'твой кокетливый взгляд' (<i>bamzā</i> 'кокетливый взгляд')
2-е л. мн. ч.	<i>köñlijünüz</i> 'ваши сердца' <i>sözünüz</i> 'ваши слова' (<i>söz</i> 'слово') <i>anañiz</i> 'ваша мать' (<i>ana</i> 'мать') <i>bojnuñiz</i> 'ваша шея' (<i>bojun</i> 'шея')
3-е л. ед. и мн. ч.	<i>adūsi</i> 'его враг' (<i>adū</i> 'враг') <i>xatuni</i> 'его жена' (<i>xatun</i> 'жена, женщина') <i>šli</i> 'его народ' (<i>šl</i> 'народ') <i>bojunlarī</i> 'их шеи' <i>kanlarī</i> 'их кровь'

Формы принадлежности 3-го лица, образованные от некоторых групп местоимений и числительных, передают партитивно-выделительные значения, ср.: *ba'izisi* 'некоторые (из них)', *barçası* 'все (из них)', *xärkajsisi* 'каждый (из них)', *ikkisi* 'двое из них', *xär ikkisi* 'оба', *birī*, *birisi* 'один из них', *üçäläsi* 'трое из них', *ikkincisi* 'второй из них', (*xär*) *ikkäläsi* 'оба', *näçäsi* 'сколько из них', *xär birisi* 'каждый из них', *ikkävmitz* 'мы двое', *булар jümäsi* 'все эти', *ikkälämiz* 'мы двое', *бутлар барçası* 'все идола' (= *барча бутлар*), *birnäçäsi* 'несколько из них', *ортанçısı* 'средний из них', *törtäläsi* 'четверо из них', *birimiz* 'один из нас'.

Аффикс *-rak* с аффиксом принадлежности 3-го лица выражает значение превосходной степени и значение партитивности, см. Мах: *адамниң јахширағи олду...* 'лучший из людей тот...' (155), *гадә көпрәги* 'большинство нищих' (50); Рқ: *барча халә-јикниң јаманрақи* 'худшие из всех людей' (1446).

При наличии нескольких имен, выполняющих одинаковые синтаксические функции, аффиксом принадлежности нередко оформляется только последнее из них, см. Б: *дәрд ва бәмит* 'мои боли и заботы' (3); БН: *кавун ва үзүми* 'его дыни и виноград' (2); Мах: *хусн ва јәмәли* 'преlestь и красота ее' (56).

Формы принадлежности, образованные от отглагольных имен, напоминают формы полной вербальности (ср. *Verbum finitum*) и развиваются именно в этом направлении, см. МЛ: *алмабим* 'мое взятие', *кәлмәгим* 'мой приход', но *алмабум* 'я не возьму', *кәлмәгүм* 'я не прииду' (15), *алмшам* 'я взял', *алмшаң* 'ты взял' (22). Ср. также со связкой — БН: *күлбүмиз-дур* 'мы должны будем сделать' (451). При этом формы типа *әјләдүгәм* 'я сделал', *абладубам* 'я плакал' встречаются только у „тюрок Рума“, см., например, у Фузүли. Языком „тюрок Рума“ ограничивается и употребление форм принадлежности 1-го, 2-го и 3-го лиц в качестве определений, см. МЛ: *әјләдүгүн ахсәнлар* 'добрые дела, совершенные тобой', *көрдүгүн көңлүм* 'виденное тобой мое сердце' (21). В староузбекском языке такие конструкции возможны лишь для 3-го лица и являются чрезвычайно редкими, см. СҚ: *таңдаси күн* 'следующий день' (29а).

Ср. также случаи полного обособления данной формы, например, БН: *артукси* 'больше', 'большей частью' (210).

Формы числа

Форма единственного числа совпадает с основной формой, форма множественного числа имеет особые грамматические показатели.

Установить строгое разграничение форм единственного и множественного числа в семантическом плане довольно трудно, так как многие выражаемые ими значения близки между собой.

Форма единственного числа, т. е. неформленное имя, может иметь содержание, безотносительное к понятию числа, например, в сочетании с количественными или неопределенно-количественными числительными, см. Б: *икки саçиң билә* 'с двумя твоими волосками' (39); БН: *бисјәр йлан* 'много змей' (5),

бунча йіл 'столько лет' (18), *бѣш кѣн* 'пять дней' (36), *икки мѣвѣ* 'два фрукта' (56); СҚ: *барча маблѣкатнѣнѣнѣ жѣнѣ* 'души всех смертных' (56). При этом сочетание с числительным *бир* выходит за пределы данного типа. Имя, входящее в подобное сочетание, почти всегда содержит значение единичности, тогда как само числительное превращается в своего рода неопределенный артикль, см. БН: *бир јинс анѣр* 'один сорт граната' (один — не единственный, а как представитель определенного вида) (4), *бир мајлисдѣ* 'на одном собрании' (6); СҚ: *макѣ маширѣк сарѣ бир шахар бар турур* 'на востоке есть один город' (23а), *бир кѣн* 'однажды' (93а).

Форма единственного числа выражает, кроме того, значения собирательности, парности, видовой принадлежности и т. д., см. А: *кѣз билѣ* 'глазами' (78); Б: *кулабѣнѣ* 'твои уши' (58); БН: *могул ва ѓзбѣк јѣхатѣдѣн* 'со стороны монголов и узбеков (монголами и узбеками)' (2), *ѣли тѣрктур* 'население его — тюрки' (3), *ѣли сарттур* 'население его — сарты' (4), *кавун ва јѣзѣми јахшѣ болур* 'дыни и виноград (в нем) бывают превосходные' (2), *ак кѣјѣк бубу-марал кѣрѣваул ва тавушканѣ кѣп болур* 'белых кийиков, бугу-маралов, фазанов и зайцев много' (5), ... *чупчук бѣзѣк болбандур* '...у воробьев бывала лихорадка' (5); Мах: *јалбанѣ кѣшѣ ѣмас* 'обманщик — не человек' (162); ШН: *јасансун лѣшкар* 'пусть будет снаряжено войско' (55).

Форма множественного числа образуется при помощи аффикса *-лар ~ -лѣр*, присоединяемого ко всем именам, когда они выступают самостоятельно. Имена, выполняющие функции определений, аффиксом *-лар* никогда не оформляются.

Форма множественного числа выражает значения парности, собирательности и неопределенной множественности, например, А: *кѣзлѣрѣм* 'мои глаза' (78, 176); Б: *барча пѣрѣлѣр* 'все перѣ' (30), *кѣзлѣрѣнѣ* 'твои глаза' (54); БН: *бу табларда* 'в этих горах', *кѣтабларда* 'в книгах' (6), *хатунларѣ... обланларѣ... аналарѣ* 'его жены... сыновья... мать' (14); Мах: *јахшѣлар* 'добрые' (171), *булар* 'ѣти', *самандарлар* 'саламандры' (92); СҚ: *бѣзлѣр* 'мы' (40а), *сѣзлѣр* 'вы' (526), *бутлар* 'идолы' (71а), *кѣмлар* 'кто' (73а), *шијкѣплѣр* 'благодарности' (836); ШН: *барча мѣрзѣлар* 'все мирзы' (37), *барѣ нѣкѣрлѣр* 'все нукеры' (54), *сѣзлѣрѣ* 'вам' (159).

Как и неформленное имя, форма множественного числа может выражать значение безотносительно к понятию числа, ср. БН: *јѣз ташѣшиллар* 'сотня хлопот' (241); ШН: *барча мѣрзѣлар* 'все мирзы' (37), *барѣ нѣкѣрлѣр* 'все нукеры' (54).

Выражение значения единичности формой на *-лар ~ -лѣр* имеет место при употреблении ее для передачи различных субъективных оттенков отношения (ср. *Pluralis maestaticus*). Примеры. БН: *мѣнѣнѣ вѣлѣдѣларѣм* 'моя родительница' (66); НМ: *јѣзлѣрѣнѣ Јѣмѣн сарѣ кѣлѣп* 'обратив свое (букв.: их) лицо в сторону Йемена' (106), *кабрларѣ Балхдадур* 'его (букв.: их) могила в Балхе' (2066).

Семантическое обособление аффикса *-лар ~ -лѣр* приводит к образованию особой группы наречий, ср. Б: *кѣчѣлѣр* 'по ночам' (39), *јарѣм кѣчѣлѣр* 'в полуночное время' (51); БН: *кѣзлѣр* 'осенью' (3), *бурунлар* 'прежде', *соңралар* 'после' (9), *јахшѣлар* 'хорошо' (19), *ахѣрлар* 'наконец' (23), *јазлар* 'летом' (157), *кѣшлар* 'зимой' (160); Л (А. 109): *кѣчѣлѣр* 'по вечерам' (17); Мах: *јѣллар* 'годами' (37).

Характерно, что и сами наречия присоединяют к себе указанный аффикс, см. БН: *ѣмдѣлѣр* 'теперь' (280); ШН: *андалар* 'там' (82).

Помимо формы на *-лар ~ -лѣр* в староузбекском языке встречается еще несколько форм множественного числа, однако эти формы имеют ограниченное распространение и являются непродуктивными. Почти все они заимствованы из других языков, в составе лексических элементов.

Среди непродуктивных форм множественного числа наиболее значительное место занимают арабские формы (так называемое „ломаное множественное“), которые в староузбекском языке не всегда сохраняют свое первоначальное значение, ср. БН: *авкат* 'время' (*вакт* — ед. ч.; 108); Мадж: *шу'ара* 'поэты' (*ша'ир* — ед. ч.; 146), *аш'арѣ* 'его стихи' (*шѣ'р* — ед. ч.; 166), *халѣјѣк* 'люди' (*халѣкѣ* — ед. ч.; 18а), *'уламѣ* 'ученые' (*'алим* — ед. ч.; 90а), *'ульѣм* 'знания' (*'илм* — ед. ч.; 100а); Мух: *мѣмѣлик* 'страны' (*мѣлк* — ед. ч.; 4), *кѣвѣкѣб* 'звезды' (*кѣвкѣб* — ед. ч.; 21), *расѣјѣл* 'сочинения' (*рисѣлѣ* — ед. ч.; 23), *давѣвѣн* 'диваны' (*дѣвѣн* — ед. ч.; 24); НДж: *машѣјѣх* 'шейхи' (*шѣјѣх* — ед. ч.; 46); С: *салѣтѣн* 'султаны' (*султѣн* — ед. ч.; 76); ТМ: *хавѣдѣс* 'со

бытия' (*хадисә* — ед. ч.; 106а), ср. БН: *ахадис* 'предания' (3); ШН: *фунун* 'науки' (*фан* — ед. ч.; 21).

В связи с тем, что собственное значение арабских форм проявляется только факультативно, последние могут присоединять к себе аффикс *-лар* ~ *-лар*, см. Мадж: *акәбирлар* 'вельможи' (*кабир* — ед. ч.; 36), *абјатлар* 'стихи' (*бәјт* — ед. ч.; 24а); ТН: *саләтінлар* 'султаны' (*султән* — ед. ч.; 2846).

По аналогии с арабскими формами множественного числа образуются подобные формы и от некоторых слов неарабского происхождения, ср. БН: *хаватін* 'жены' (*хатун* — ед. ч.; 25); Мах: *ашралға* 'спинная часть дичи от шеи до поясицы' (*ширалға* — ед. ч.; 52).

Особо должны быть выделены формы арабского двойственного числа, см. БН: *Хамсатајн* 'две „пятерцы“' (298); Мах: *кәвнәјн* 'миры' (9), *катібәјн* 'писцы' (43).

Следующая группа — формы персидского множественного числа, см. ШН: *калмакан* 'калмыки' (*калмак* — ед. ч.; 123).

К последней группе, возможно, относятся и формы с аффиксом *-ат* ~ *-әт*, которые предположительно следует считать монгольскими, см. БН: *махаллат* 'предместья' (*махаллә* — ед. ч.; 3), *бәәт* 'беки' (*бәг* — ед. ч.; 46), *туманат* 'туманы' (*туман* — ед. ч.; 60), *ајмакат* 'аймаки' (*ајмак* — ед. ч.; 191), *бөлікәт* 'округи' (*бөлік* — ед. ч.; 172), *бәзат* 'сады' (*бәз* — ед. ч.; 172).

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ИМЕНИ

Понятие словообразования тесно связано с образованием вторичных основ.

Вторичные основы образуются при помощи разных аффиксов, которые одинаковы для имени вообще или для нескольких групп имен, или же характеризуют какую-либо именную группировку в отдельности.

Общими или относительно общими являются аффиксы, образующие абстрактные имена, формы лишения и т. д., описание которых следует ниже.

Единственный аффикс, придающий именам отвлеченное значение, — *-лік* (*-ліз*) ~ *-лик* (*-лиз*). Выступая нередко со звонким согласным в исходе, он совпадает с аффиксом, образующим

относительные формы существительных, ср. Б: *шәдмәнліз* 'радость' (125), *әшнәліз* 'знакомство', *бәвафәліз* 'неверность' (148); Мах: *јоклуз* 'отсутствие', *барліз* 'присутствие' (14), *ачліз* 'голод', *јаланбачліз* 'раздетость' (19) и, наоборот, т. е. с этим аффиксом часто совпадает аффикс относительных форм, имеющий в конце глухой согласный, см. БН: *Бахрә ва Хушаб олтурушлук бәлујларға* 'к белуджам, живущим в Бахре и Хушабе' (289). Различение того и другого возможно лишь при учете лексико-грамматического значения основ, к которым они присоединяются: первый может оформлять любое имя, сфера употребления второго ограничена существительным.

Значение отвлеченности относится к общим случаям проявления грамматической семантики аффикса *-лік* ~ *-лик*. Частными являются значения места, должности, занятия, профессии и т. п. Примеры: БН: *кичүлік* 'младенческий возраст' (15), *јахшәлік* 'добрые дела' (28), *күшлік* 'зима', 'зимнее время' (56, 107), *әшпәзлік* 'харчевня' (59), *күјләвлік* 'положение зятя', *намардлік* 'трусость' (72), *бәзлік мартабасі* 'должность бека' (79), *мозуллік* 'монгольское происхождение' (80), *јаханірлік* 'миродержавие' (206); Мах: *барліз* 'присутствие', *јоклуз* 'отсутствие' (14); Мух: *јосунлук* 'способ', 'образ' (16); НМ: *сусулук* 'безводие' (206); ШН: *окумаклік* 'чтение' (183), *хәчкімлік* 'никто' (101).

В исключительно редких случаях аффикс *-лік* ~ *-лик* привносит значение собирательности, см. БН: *аталік озуллік арасіда* 'между отцом и сыном' (51). В данном примере его можно рассматривать и как разновидность „парного“ аффикса.

С отглагольными именами на *-бу*, *-мак* и др. аффикс *-лік* ~ *-лук* образует формы, фактически ничем не отличающиеся от исходных. В таких формах он как бы подчеркивает типологические черты имени и не выражает никаких специальных значений, см. БН: *ол чукурні му'ажжан билүлүк јәрдә килурлар* 'такую яму делают в определенном приметном месте' (177); ЭД: *јүгүрмазліз билә* 'со скитаниями' (3). Ср. параллельное употребление, БН: *ичүлүккә тјүшәр әді* 'он впадал в запой' (24) и *ичүгә тјүшти* 'он впадал в запой' (204). У Мехди-хана подчеркивается особый оттенок формы типа *албулук*, ср. *албулук* = گرفتنی, т. е. 'он намеревается взять'.⁶

⁶ Мабәни' л-луғат, стр. 58.

Сочетаясь с именем действующего лица, *-lik ~ -lik* обозначает род занятий, а также отрезки времени, в течение которых происходят привычные действия, см. БН: *ахтаччїлік* 'занятие конюха' (19), *кушчїлік* 'разведение птиц', *јадаччїлік* 'вызывание дождя' (49), *элчїлік* 'миссия посла' (51), *тїшчїлік* 'полдень, обеденное время' (52), *бузукчїлік* 'бесчинства', 'нанесение вреда' (79), *бунчаччїлік* 'положение наложницы' (211); Мадж: *накарччїлік* 'игра на барабане' (16а); Сан: *аламанччїлїб* 'грабеж' (496), *бир кїнчїлік* 'время в течение одного дня' (1456), *тїшчїлік* 'полуденное время' (178а).

Именная форма привативности (лишения) образуется путем присоединения к именам аффикса *-сіз ~ -сіз*. Примеры: А: *сәнсіз* 'без тебя' (63); Б: *ансіз* 'без нее' (206); БН: *бәләрсіз* 'без беков' (20), *јүрәксіз* 'бессердечный' (33), *јаразсіз* 'невооруженный' (36), *пүстінсіз* 'без шуб' (159); Мах: *мунсіз* 'без этого' (96); СҚ: *атасіз* 'без отца', *анасіз* 'без матери' (396), *көзсіз* 'без глаз', 'слепой' (53а), *сусуз* 'без воды' (86а); ШН: *оксіз* 'без стрел', *јасіз* 'без лука' (56), *ансіз* 'без него' (139), *јарлїзсіз* 'без ярлыка' (179), *азуксіз* 'без провианта' (221); ЭД: *бадәсіз* 'без вина' (7).

Аффикс *-сіз ~ -сіз* не присоединяется к прилагательным и числительным.

Иногда рассматриваемый аффикс приобретает дополнительный элемент *-їн ~ -їн*, являющийся омертвевшим аффиксом орудного падежа, см. А: *сәнсізін* 'без тебя' (108; см. также Б, 49); ТН: *кулсізін* 'без рабов' (283а).

В предложении форма на *-сіз* функционирует как определение или обстоятельство и, кроме того, выступает в качестве обособленного члена, см. А: *шәксіз бүгїн өләрмән* 'несомненно сегодня умру' (53), *мәңә душвәр әрјүр сәнсіз тірілмәк* 'мне трудно жить без тебя' (63), *кәрәкмәс сәнсізін јану тіріклїк* 'мне без тебя не нужна жизнь' (108); БН: *пүстінсіз јатїп болмас* 'без шуб спать нельзя' (159); Л: *бир лахзә сәнсіз җабр јок* 'без тебя не вытерпеть и одно мгновение' (2016), *ол замзәдін ок атма ансіз бәлә кїлурсан* 'не пускай стрелу того кокетливого взгляда, и без того причиняешь беды' (2136).

Из числа форм субъективной оценки только не-

многие оказываются употребительными для разных имен. К ним относится, например, форма на *-рак ~ -рәк*.

Аффикс *-рак ~ -рәк* присоединяется к прилагательным, неопределенным числительным, очень редко — к существительным и причастиям, см. БН: *факїр ва кәмсуханрак адәмї кїуї әрді* 'он был смиренным, немногословным и простым человеком' (17); НМ: *шїрїн забәнрак* 'сладкоречивый' (1176), *дөстрак* 'поближе', 'поприятнее', 'по-дружески' (144а); СҚ: *сәндін зәхїдрак* 'более чем ты отшельник' (816); ТМ: *көпрәк әвкат* 'побольше пищи' (886).

Другие аффиксы характерны для отдельных групп имени: для существительных, прилагательных, числительных и т. д.

Собственно имена

Существительное

Формы отыменных образований

Аффикс *-лак (-лаб) ~ -ләк (-ләг)* (значение места), — БН: *авлак* 'место охоты' (*ав* 'охота'), *кушлак* 'место, изобилующее птицами' (*куш* 'птица'; 5), *јајлак* 'летняя', 'летнее пастбище' (*јај* 'лето'; 16), *отлак* 'пастбище' (*от* 'трава'; 154); МЛ: *тузлак* 'соляные копи' (*туз* 'соль'; 88), *кїшлак* 'зимовка' (*кїш* 'зима'; 88);

*-кї ~ -кї ~ -бї ~ -ї*⁷ (отношение — обладание), — А: *бурунбї* 'прежний' (135); БН: *ташкї* 'внешний' (43), *їчкї* 'внутренний', 'придворный' (49), *иләргї* 'передовой' (112), *кујбї* 'нижний' (178); ТМ: *соңбї* 'последний' (111а).

Аналогичное значение имеет префикс *бә*, заимствованный из персидского языка и присоединяемый к существительным и прилагательным, см. Б: *бәјїхат* 'безграничный' (18), *бәјәр* 'без любимой' (49); БН: *бәвафә* 'неверный', *бәфахм* 'глупый' (36); Мах: *бәҗсїб* 'не горячий' (4), *бәақїб* 'не горький' (5); МХ: *бәназїр* 'несравненный' (2); ШН: *бәҳад* 'бесчисленный', 'безграничный' (93).

⁷ С формами сопряженного состояния, образованными от местоимений, аффикс *-кї ~ -кї* в староузбекских текстах XIV—XVI вв. встречается не более четырех-пяти раз, см. БН: *бізнікї* 'наш' (101), *бізнікї* 'наш' (135).

Форма действующего лица образуется только от существительных и отглагольных имен. И в том, и в другом случае используется аффикс *-чи* ~ *-чи*, например, БЛ: *откўнчи* 'прохожий' (105); БН: *кўлбучи* 'создатель' (64), *кавбунчи* 'преследователь' (87); Мах: *окубучи* 'читатель' (8), *сўзлагўчи* 'говорящий' (30), *самкучи* 'торговец' (42), *тиланчи* 'попрошайка', 'нищий' (50), *кушчи* 'птицелов' (51), *кўждўргўчи* 'сжигающий', *савурбучи* 'развеивающий' (75), *ичгўчи* 'пьющий' (139), *жалбанчи* 'обманщик' (162); МЛ: *којчи* 'пастух', 'чабан', *чўрикчи* 'воин' (28); МХ: *самкичи* 'продавец' (14); С: *шўикчи* 'привратник', 'швейцар' (96); СҚ: *кўлбучи* 'делающий', 'совершающий' (136), *пўшўргўчи* 'выжигающий', 'пекущий' (476), *жўгўчи* 'поедающий' (616); ШН: *окчи* 'стрелок' (40), *кўнўшчи* 'советник' (164).

Выпадение *б* ~ *г* в формах действующего лица, образованных от отглагольного имени на *-бу* ~ *-гў*, для староузбекского языка — необычное явление. Формы подобного типа, например, *алчи*, *кўличи*, имеют несомненно огузское происхождение.

Имя действующего лица, образованное от отглагольного имени на *-мак* ~ *-мак*, выражает дополнительный оттенок — намерение, см. МЛ: *атланмакчи* *ўдўк* 'мы собирались отправиться' (28).

Форма на *-макчи* с глаголом *бол* — выражает категоричность, решимость совершить действие, см. МЛ: *кушуммакчи болди* 'он решил присоединиться' (28).

Аффикс *-даги* ~ *-даги* ~ *-таки* ~ *-таки* (отношение — указание на место), см. Б: *ичтаки* 'внутренний' (45); СҚ: *ўлиимдаги* 'находящийся в моих руках' (56), *астиндаги* 'находящийся внизу, под чем-нибудь' (346), *жўрдаги* 'наземный' (61а), *кўктаги* 'небесный' (61а); Мах: *бијабандаги* 'находящийся в пустыне' (83);

-лўб ~ *-лўб* ~ *-лўк* ~ *-лўк* (отношение — обладание), см. БН: *андїжанлўк* 'андижанка' (10), *кўјак кўзлўк* 'косоглазый' (204), *хўрўлўк* 'гератец' (225); Мадж: *шўрўзлўк* 'ширазец' (91а), *чўнўбўдлўб* 'чинабадец' (73а); НМ: *басралўб* 'житель Басры' (28а), *бўдўдлўб* 'багдадец' (35а), *бўхўрўлўб* 'бухарец' (1176); СҚ: *кўрк-лўб* 'красивый' (9а), *тўрлўб* 'разные', *тўрт ајаблўб* 'четвероногий' (27а), *кајбулўб* 'печальный' (42а), *шўрўн сўзлўб* 'сладкоречивый' (87а); ТМ: *румлўк* 'румиец' (1426); ШН: *он кўнлўк* 'десятидневный' (136), *лўллўк* 'годовой', 'годовой' (203).

Разновидность аффикса *-лўб* без заднеязычного согласного прослеживается преимущественно в текстах золотоордынского цикла и в произведениях предшественников Нава'йи, см. Дж: *нў жаңлў* 'каким образом' (I); Қ: *'акїллї* 'умный' (II); МН: *кўрклў* 'красивая', 'прекрасная' (1646), *татлў* 'сладкий' (1666), *ај јўзлў* 'лунолика' (168а), *шўрўн сўзлў* 'сладкоречивый' (172а).

Характерной особенностью почти всех относительных форм является способность их сочетаться с аффиксом *-рак*, передающим одно из значений интенсификации и широко используемым для выражения сравнительной степени. См. БН: *сўхансўзрак* 'довольно молчаливый' (32); НМ: *улўб сўзлўкўрак* 'велеречивее' (1176).

Аффикс *-даш* ~ *-даш* ~ *-таш* ~ *-таш* (имя лица — соучастника в каком-либо действии, процессе), см. Абушқа: *колдаш* 'друг' (*кол* 'рука'; 344); БЛ: *бојдаш* 'одинакового роста' (141), БН: *кўкўлташ* 'молочный брат' (*кўкўл* 'грудь'; 72), *ўмўлдаш* 'сверстник' (*ўмўл* 'грудь'; 72); МЛ: *кўкўлташ* 'молочный брат' (*кўкўл* 'грудь'; 89), *јолдаш* 'спутник' (*јол* 'дорога'; 89); Мух: *кардаш* 'брат', 'родственник' (~ *карїндаш*, *карїн* 'чрево', 'живот'; 5).

-лак (уменьшительность), см. Сан: *тајлак* 'жеребенок' (*тај* 'жеребенок'; 167а);

-(а)ч ~ *-(а)ч* (уменьшительность), см. Абушқа: *бўкўч* 'девушка' (?), 'знатная женщина' (*бўкў* 'молодка'; 141);

-ак ~ *-ак* (уменьшительность), см. Я: *башак* 'колос', 'головка' (*баш* 'головка'; 3186);

-дурук ~ *-дўрўк* (значение предмета, орудия), см. Абушқа: *кајбалдурук* 'луженые предметы' (*кајбал*?; 329); Сан: *абўздўрўк* 'удила' (*абўз* 'рот'; 44а), *бурўндурук* 'кольцо или ремень, продеваемые через нос верблюда' (*бурўн* 'нос'; 133а), *бојундурук* 'ярмо' (*бојун* 'шея'; 143а), *туташтурук* 'вязанка щепок' (*туташ* 'соединение', 'примыкание'; 1696);

-чак ~ *-чак* (значение предмета, орудия и т. п.), см. МЛ: *алїнчак* 'деталь конской сбруи' (*алїн* 'лоб'; 90), *јарбўчак* 'ручная мельница' (*јарбў* 'раскалывание', 'дробление'; 90);

-тук ~ *-тўк*... (значение предмета, лица), см. Сан: *ўлўмтўк* 'полуживой-полумертвый' (*ўлўм* 'смерть'; 866), *орўндук* 'попона' (? *орўн*?; 716).

К. Броккельман выделяет кроме того аффикс *-амук* ~ *-ämük*, ср.: *карамук* 'сорная трава' (*кара* 'черный'), *кїзламук* 'краснуха' (*кїзїл* 'красный'), *чїчамук* 'мизинец' (*чїч?*, ср. *чїчалак* 'мизинец').⁸

В староузбекском языке наряду с перечисленными выше аффиксами, широко используемыми в различных текстах, имеются аффиксы (суффиксы и префиксы) малопродуктивные. Многие из них заимствованы из иранских языков в составе иранских форм,⁹ и выделение их как морфологических элементов староузбекского языка является условным, так как почти полностью отсутствуют примеры употребления подобных аффиксов с собственно тюркскими словами. Примеры:

-зәр (значение места), см. БН: *сэбәрғазәр* 'заросли трилистника' (162), *арбуванзәр* 'роща аргувана' (168);

-гәр (значение действующего лица), см. БН: *савдәгәр* 'купец', 'торговец' (158);

-буј ~ *-гїј* (значение действующего лица), см. БН: *мәснәвїгїј* 'сочинитель месневи' (227), *базалбуј* 'сочинитель газелей' (228).

-ї (нисба — форма, указывающая на отношение к месту, роду занятий и т. д.), см. БН: *мобулї* 'монгольский', 'монгол' (8), *хїндүстанї* 'индийский', 'индеец' (158), *афганї* 'афганец', 'афганский' (172), *їракї* 'иракский', 'иракец' (229);

хәм (значение соучастия), см. БН: *хәмкәсә* 'собутыльник' (*кәсә* 'чаша'; 191), *хәмсухбат* 'собеседник' (*сухбат* 'беседа'; 191), *хәммәктәб* 'одношкольники' (*мәктәб* 'школа'; 213); МХ: *хәмдаст* 'сподвижник', 'помощник' (*даст* 'рука'; 5) и мн. др.

Формы отглагольных образований

В данном разделе рассматриваются лишь те отглагольные имена, которые утратили специфические признаки и полностью субстантивировались.

От глагольных основ существительные образуются при помощи следующих аффиксов:

⁸ Osttürkische Grammatik, S. 128.

⁹ См.: А. Рустамов. Алишер Навоийнинг „Маҳбул қулуб“ асаридagi баъзи бир грамматик хусусиятлар. Кандид. дисс. (рукопись в Библиотеке им. Ленина в Москве). Ташкент, 1958, стр. 9, 24, 30, 38, 43.

-ма ~ *-mä*, см. Б: *эгmä* 'изгиб', 'изогнутый' (*эи* 'сгибаться'; 7); БН: *учма* 'обрыв' (*уч* 'лететь'; 52), *сэкіртmä* 'крутизна' (*сэкірт* 'заставлять прыгать'; 247), *ісітmä* 'горячка' (*ісіт* 'согревать'; 73);

-(а)к ~ *-(ä)к* ~ *-(у)к* ~ *-(ү)к*..., см. БН: *јүрәк* 'сердце' (*јүр* 'идти'; 33), *чапуک* 'порубка, порез' (*чап* 'рубить'; 50), *өліг* 'мертвец' (*өл* 'умирать'; 165), *бөліг* 'округ' (*бөл* 'делить'; 172); МХ: *курсақ* 'живот' (**курса* ~ *кураша* 'опоясывать'; 7); ШН: *коркак* 'трус' (*корк* 'бояться'; 36); Я: *курумсақ* 'колчан' (*курумса* 'опоясывать'; 316а). Конечный заднеязычный (увулярный), оформляющий существительные в составе рассматриваемого аффикса, бывает обычно глухим, в то время как у прилагательных он в большинстве случаев является звонким;

-(а)н ~ *-(ä)н* ~ *-(і)н* ~ *-(і)н*..., см. БН: *јабїн* 'дождь' (*јаб* 'дождить'; 44), *экін* 'хлеба' (*эк* 'сеять'; 159); Мах: *козғалан* 'волнение', 'беспокойство' (*козғал* 'тронуться', 'двинуться'; 67); МЛ: *јїгїн* 'сборище' (*јїг* 'собирать'; 19), *чакїн* 'молния' (*чак* 'сверкать'; 19);

-чак ~ *-чәк*,¹⁰ см. Абушқа: *салїнчак* 'качели', 'колыбель' (*салїн* 'укладывать'; 278); НМ: *эмчәк* 'грудь', 'сосок груди' (*эм* 'сосать'; 196а); Сан: *тајанчак* 'опора' (*тајан* 'опираться'; 167а);

-(а)м ~ *-(ä)м* ~ *-(у)м* ~ *-(ү)м*, см. БН: *өлім* 'смерть' (*өл* 'умирать'; 43);

-зач ~ *-гәч* ~ *-зуч* ~ *-гүч* ~ *-куч* ~ *-күч* ~ *-кич* ~ *-кич*, см. Абушқа: *тітрәгүч* 'украшения, подвешиваемые к шее или рукам' (*тітрә* 'дрожать'; 183), *салїнзач* 'качели', 'колыбель' (*салїн* 'укладывать'; 277); Мах: *јәлпигүч* 'веер' (*јәлп* 'обмахиваться'; 116); Сан: *баскич* 'ступенька' (*бас* 'давить', 'наступать'; 1226), *сүзгүч* 'мелкое сито', 'фильтр' (*сүз* 'цедить'; 243а);

-зун ~ *-гүн* ~ *-кун* ~ *-күн*, см. Мах: *саткун* 'продажа' (*сат* 'продавать'; 168); МЛ: *кавзун* 'преследователь', 'преследующий' (*кав* 'гнать'; 32), *чабзун* 'нападающий', 'наскокивающий' (*чап* 'скакать', 'бить'; 32), *тутзун* 'пленник' (*тут* 'держат', 'хватать'; 35); Я: *өткүн* 'острый' (*өт* 'проходить'; 320а);

-ат ~ *-ät*, см. ШН: *өлät* 'мор' (*өл* 'умирать'; 43);

¹⁰ См.: Мабәни' л-луғат, стр. 90.

-аҗач ~ -äҗач, см. МЛ: *kjläҗач* 'весельчак' (*kjл-* 'смеяться'; 55);
-мур ~ -mür, см. ШН: *җамбур* ~ *җамур* 'дождь' (*җаб-* 'идти — о дожде'; 45);

-бан ~ -bän ~ -кан ~ -кән, см. СҚ: *җапкан* 'попона' (*җап-* 'покрывать'; 118а);

-как ~ -кәк ~ -зак ~ -зәк, см. Абушқа: *әшкәк* 'весло' (*әш-* 'грести'; 21); Сан: *баткак* 'топь', 'болото' (*бат-* 'тонуть'; 1196), *баскак* 'наместник', 'сборщик податей' (*бас-* 'давить', 'наступать'; 1226); СҚ: *аҗбак* 'вестник' (*аҗ-* 'говорить'; 366);

-рук ~ -rük ~ -руб ~ -rүг, см. Абушқа: *басруб* 'пресс' (*бас-* 'давить'; 128); Сан: *тутрук* 'вязанка щепок' (*тут-* 'держат'; 1696);

-мач ~ -mäч, см. Абушқа: *кавурмач* 'жаркое' (*кавур-* 'жарить'; 326), *кїҗмач*¹¹ 'раскосый' (**кїҗ-* 'кривиться', 'коситься'; 333); Сан: *буламач* 'мучное блюдо' (*була-* 'обваливать', 'смешивать'; 141а), *тутмач* 'лапша' (*тут-* 'держат'; 1696). Аффикс -мач восходит, по-видимому, к сочетанию аффикса -ма, образующего отглагольные имена, со словом *әш* 'пища', 'еда'. Отглагольное имя на -ма ~ -mä не характерно для староузбекского языка и поэтому сложный аффикс -мач не мог возникнуть на староузбекской почве;

-дак ~ -дәк, см. Сан: *бобурдак* 'сустав' (*бобур-* 'охватывать', 'зажимать', ср. *бобун* 'сустав'; 1366);

-чан ~ -чән, см. Сан: *собулчан* 'дождевой червь' (*собул-* 'войти в землю'; 2446);

-бї ~ -bї, см. Сан: *бїчбї* 'пила' (*бїч-* 'резать'; 144а);

-ка ~ -кә, см. Абушқа: *чәвјрткә* 'саранча', 'кузнечик' (*чәвјрт-* ?; 245).

Особого внимания заслуживают аффиксы -(в)ул и -л.

-(в)ул — аффикс, употребляющийся для образования имен, которые, как указывает Навā'й, обозначают воинские и придворные должности.

В Мухāкамат ал-лугатайн приведены следующие слова с аффиксом -(в)ул: *хїравул* (*їравул*) 'авангард', 'передовой отряд', *каравул* (*карабул*) 'стража', 'караул', 'часовой', *чаңдавул* (или *чабдавул*, *чїңдавул*) 'арьергард', 'замыкающий отряд' (ср. *чан-*

давул 'водонос' (?), БН, 276), *җанкавул* (?), *созавул* 'адъютант', *патавул* (?), *кїптавул* 'караул крепости', 'начальник гарнизона', *җасавул* 'предводитель в каком-либо деле', 'исполнитель повеления', *бакавул* 'стольник', *сакавул* (*сакївул*) 'начальник стражи', *дакавул* 'прислужник', 'сопровождающий', *шїбавул* 'сопровождающий послов'.¹² Ср. БН: *туткавул* (? 175), *чабдавул* 'арьергард', 'замыкающий отряд' (184), *каравул* 'стража' (188), *тускавул* 'стражник, охраняющий дорогу' (233); ДН: *җасавул* 'строитель' (231а); Маҳ: *җасавул* 'блюститель порядка' (18); ШН: *җуртавул* 'пешие воины' (197). Слово *тускавул* Мехдї-хан переводит как 'страж', 'хранитель'.¹³

Глаголы *кара-* и *җаса-* относятся к числу очень древних общих тюрко-монгольских элементов, глагол *бака* — тюркский, все остальные глаголы в данном фонетическом оформлении являются монгольскими, ср. монг. письм.: *ire-* 'приходить', *caγda-* 'сторожить', *daγa-* '(пре)следовать', *tuska-* ~ *tusxu-* 'устанавливать преграду'.

Нетрудно заметить, что аффикс -(в)ул выделяет небольшую и семантически обособленную группу слов и распространение его относится к строго определенному историческому периоду (эпоха монгольского нашествия — время правления тимуридов). Сфера употребления аффикса -вул ~ -бул в древних монгольских языках (диалектах?) шире, и интенсивность использования не приурочена к какому-либо периоду. Поэтому можно предположить, что он — монгольского происхождения;

-л, см. Маҳ: *сојурбал* 'надел, пожалование' (*сојурка-* ~ *сојурба-* 'соизволить', 'соблаговолить'; 76); ШН: *кабал* 'осада' (*каба-* 'окружить', 'осадить'; 43), *җасал* 'строй' (*җаса-* 'делать, строить'; 165).

Происхождение л-овых форм тесно связано с историей аффикса -вул. Больше того, аффикс -вул ~ -бул и аффикс -л в староузбекских текстах иногда смешиваются, см. у Навā'й: *туткал* 'хранитель', 'заставщик ярлыков', *тускал* 'пост', 'караул';¹⁴ в других источниках: *тутабул*, *тусхабул*.

¹² Chrestomathie en turc oriental, p. 18.

¹³ Мабāни' л-лугат, стр. 28.

¹⁴ Chrestomathie en turc oriental, p. 18.

¹¹ Ср. БЛ: *кїҗмач* 'мучитель' (222).

Прилагательное

Прилагательные сами по себе, т. е. в исходной форме, не имеют особых морфологических показателей.

В предложении прилагательные функционируют в качестве определений и обстоятельств, см. БН: *мэниң јихатімдин јахши көрјүп* 'относясь хорошо благодаря мне (из-за меня)', *мэндін иккі јаш улуб эрди* 'он был старше меня на два года' (11), *тјүркi ајтур эди* 'он говорил по-тюркски' (205); Л: *чүн вафасызларға бэрмишләр азалда көркни* 'так как неверным красоту дали давно' (4, см. А. 109).

Формы отыменных образований

Отличительной чертой лексико-грамматической структуры прилагательных является их сочетаемость с морфологическими показателями, выражающими разную степень насыщенности признаком в сравнительном плане и безотносительно к чему-либо, например с аффиксами *-рак ~ -рәк*, *-шил* и т. д.

Аффикс *-рак ~ -рәк* выражает известную недостаточность или, наоборот, некоторую избыточность признака, см. БН: *кiскарак кiши* 'недалекий человек (букв.: покороче)' (17), *кiчiрәк каҗабә* 'небольшая крепость (букв.: поменьше)' (6), *ташкарақдiн* 'снаружи' (6), *кәм абрак јәрдур* 'бедная влагой земля' (62).

В сочетании с именем в форме исходного падежа или с союзом *кiм* 'что', 'чем' аффикс *-рак* выражает сравнительную степень прилагательных, ср.: 1) БН: *мундiн улубрак* 'больше этой' (3), *ол хујрадiн кујирак* 'ниже той кельи' (3); Мах: *алардiн јахширак* 'лучше их' (50), *јәхиллiкдiн бәса'адатлiкрак* 'несчастнее, безотраднее глупости' (100); ТМ: *андiн улубра:* 'больше того' (127а).

2) Мах: *бутпарастлiк јахширак кiм хујдпарастлiк* 'любовь к идолам (идолопоклонство) лучше, чем самолюбие (эгоизм)' (107), *вафалiз кутуз ит јахширак кiм вафасiз хуш борнә јiит* 'верная бешеная собака лучше, чем неверный красавец-юноша' (146); НМ: *растәлiк јахширак кә бастәлiк* 'свобода лучше, чем неволя (букв.: связанность)' (144а).

Употребление второй конструкции — явление довольно редкое и необычное. Наличие ее в некоторых текстах следует рассматривать как результат влияния персидского языка.

Аффикс *-рак* сочетается и с другими именами, например с существительными, однако подобные случаи носят характер исключений.

В отличие от аффикса *-рак ~ -рәк*, аффикс *-шил* выражает лишь недостаточную насыщенность признаком, см. Сан: *акчил* 'беловатый' (45а); СҚ: *карашил* 'черноватый' (49б).

Такое же значение характерно и для аффикса *-мтул*, см. Абушқа: *көкүмтүл* 'синеватый' (370); МЛ: *абүмтул* 'беловатый', *кiзiмтул* 'красноватый', *карамтул* 'черноватый', *јашiмтул* 'зеленоватый' (87).

Важное место в отыменном словообразовании прилагательных занимает частичная редупликация — прием, не являющийся в полном смысле синтетическим. Сущность частичной редупликации заключается в том, что первый компонент, копирующий основу, выступает с усеченной конечной частью, см. БН: *түптiүз* 'ровный-преровный' (160), *кiп-кiзил* 'очень красный' (164), *сап-саб* 'совершенно здоровый' (304); МХ: *сап-сапi* 'совершенно желтый' (21); Сан: *ап-ак* 'совершенно белый' (276). Ср. также у Нава'и: *чум кара* 'очень черный'.¹⁵

Формы отглагольных образований

Аффикс *-(а)з ~ -(ә)з...*, см. А: *сүчүз* 'сладкий' (*сүчи-* ~ *чүчи-* 'иметь вкус, сладость'; 183); Б: *өсрүз* 'пьяный' (*өсрү-* 'пьянеть'; 1); БН: *кiјак* 'косой' (**кiј-* 'покоситься'; 204); Мах: *савуз* 'холодный' (*саву-* 'становиться холодным, остывать'; 5), *ачiз* 'горький' (*ачi-* 'быть горьким'; 5), *куруз* 'высохший', 'сухой' (*куру-* 'сохнуть'; 118), *ачуз* 'открытый' (*ач-* 'открывать'; 124), *јумшаз* 'мягкий' (*јумша-* 'смягчаться'; 125); РҚ: *сiнук* 'поломанный' (*сiн-* 'ломаться'; 159а); СҚ: *катiз* 'твердый' (*кат-* 'сохнуть', 'затвердевать'; 26а); Ә: *јүјүрiз* 'быстрый', 'беглый' (*јүјүр-* 'бежать'; 331б);

-рi, см. Б: *әгri* 'согбенный' (*әг-* 'сгибаться'; 41);

¹⁵ С. Муталлибов. Морфология ва лексика тарихидан қисқача очерк. Тошкент, 1959, б. 47.

-а ~ -ä, см. НМ: *tüñä* 'вчерашний' (*tüñä küñ* 'вчера', *tüñ* 'ночь'; 220а);

-ун ~ -ün, см. Абушқа: *толун* 'полный' (*тол-* 'наполняться'; 218).

Формы отнаречных образований

Аффикс *-сук*, см. Сан: *таңсук* 'удивительный' (*таң* — междометие, выражающее удивление, восхищение; 164б).

Местоимения

Местоимение отличается от других имен отсутствием словообразовательных форм.

Распределение местоимений по более мелким группам возможно только по семасиологическому и функциональному признакам.

Личные местоимения

В группу личных местоимений входят *мән* 'я', *сән* 'ты', *ол* (у) 'он', *біз* 'мы', *сіз* 'вы', *алар* 'они'. При этом местоимение 3-го лица единственного числа совмещает значения личного и указательного местоимений. Можно предположить, что последнее значение некогда было доминирующим. Характерно, что падежные формы этого местоимения образуются от другой основы, ср.: *аңа* 'ему', *ані* 'его' и т. д., которая, по-видимому, и являлась первоначально исходной формой местоимения 3-го лица.

У Навāй в значении личного местоимения 1-го лица употребляются слово *факір* 'бедный' и сочетание *бу факір* 'этот бедный', 'этот слуга', имеющие особую стилистическую окраску (ср. русск. 'ваш покорный слуга'). Примеры. Мадж: *факір* *ані көрмәймән* 'я его не вижу' (61а); ХМ: *бу факір хәчнәмә дәмәдәм* 'я ничего не сказал' (14а), *факір тиләмәдәм* 'я не хотел' (16а), *бу факірнә* 'этого раба (т. е. меня)' (51б), *бу факір сарі* 'этому рабу', 'в сторону этого раба (т. е. ко мне)' (71б).

Присоединение к указанным выше личным местоимениям единственного (2-е лицо) и множественного (1-е и 2-е лицо) числа аффикса *-лар* ~ *-ләр* почти всегда связано с выражением

субъективных оттенков: почтительности, уважения, самовозвеличивания и т. д., например, СҚ: *bislär* 'Мы', *sislär* 'Вы' (52б).

Кстати, такие же значения выражаются местоимениями множественного числа и без аффикса *-лар* ~ *-ләр*, когда они обозначают одно лицо.

Личные местоимения употребляются в качестве подлежащего, прямого и косвенного дополнений.

Указательные местоимения

Группу указательных местоимений составляют *бу* 'этот', *шул* 'тот', *ол* 'тот'.

бу и *ол* соотносятся друг с другом как ближний и дальний в пространственном и временном планах.

шул (~ ? *ошул*) имеет анафорическое значение ('то, о чем уже говорилось, что так или иначе известно'), см. БН: *шул күн*, *шу күн* 'в тот день' (86, 87).

Аналогичное значение передает также анафорическое местоимение *ош*, как само по себе, так и в сочетании с местоимениями *бу* и *ол* (*ошбу* и *ошул* ~ *ошал*), см. А: *ошбу јолда* 'на этом пути' (63), *далі-і давлат ош зулфуң хумәјі* 'доказательство богатства — царственная птица вот этого локона' (244); БН: *бір мәсјид түшүптүр... ошбу мәсјиднә ташкарі сәхнә нәшшәбрак... 'есть мечеть... несколько ниже внешней площадки этой мечети...'* (4), *јүч күндін кәјін ошал захм билә-ок бардә* 'через три дня от той раны он скончался' (81); МХ: *халәтәм ош әскі јамазләб чапан* 'халатом мне служит вот этот заплатанный чапан' (23); С: *ош шараф* '(вот) это благородство' (17а), *зулфуңнә качан салдәң ошул ал јаңак үзрә... 'когда ты расположила свой локон на той алой щеке...'* (30б). Ср. также *хәм* в сочетании с *ол*, см. ХМ: *хәмул күн-ок* 'в тот же самый день' (51а).

Формы косвенных падежей для *ол*, *бу*, *ошбу* и *ошул* образуются от основ *ан-*, *мун-*, *ошмун-* и *ошан-*:

Осн.	<i>ол</i>
Вин.	<i>ані</i>
Дат.	<i>анба</i>

Мест.	анда
Исх.	андін
Пред.	анча

Функции указательных местоимений довольно широки: выступая обычно в роли атрибута, любое указательное местоимение может быть также подлежащим или дополнением.

Возвратно-усилительные местоимения

В староузбекском языке употребляется одно возвратно-усилительное местоимение — *өз*, которое выполняет только определительные функции, ср.: *өз виләјатѣба* 'в свой вилайет'.

Будучи оформленным аффиксами принадлежности, *өз* приобретает субстантивное значение, ср.: *өзүм* 'я сам' (этимологически — „моя самость“), *өзүң* 'ты сам', *өзі* 'он сам', *өзүміз* 'мы сами', *өзүңіз* 'вы сами', *өзләрі* 'они сами', например, ДН: *өзүңни билмәсликкә салма* 'не притворяйся (букв.: не ставь самого себя) незнующим' (2386), *бу фән бірлән сабіндурдум өзүмни* 'этой наукой я наскучил самому себе' (232а); Я: *өзүң билмәсмјсән* 'ты сам не знаешь ли?' (315а).

Возможно также употребление персидского возвратно-усилительного местоимения *хӯд*, см. А: *Атаји хӯд килур васліңни таманна* 'Атаи сам просит о встрече с тобой' (88); БН: *таң аткунча хӯд курбан эли бурјни тамам копарип әдиләр* 'к расвету обитатели крепости сами полностью отстроили башню' (43), *мән хӯд тәрбіјәт киліп әдім* 'я сам радел о нем' (65), *алар барбунча Танбал хӯд кәлүп монуларба кошулбан әкәндур* 'до того, как они отправились, пришел сам Танбель и присоединился к монголам' (81), *мән хӯд нәгә бармағайман* 'мне самому почему бы не пойти?' (234); Мух: *ва сарт әл илбасунни хӯд билмәс* 'а сами сарты [слово] „илбасун“ не знают' (15).

Определительно-обобщающие местоимения

Ср.: *барча* 'все', *барі* 'все', *камуб* 'все', *хәр* 'каждый', 'всякий', *хәркім* 'каждый', *јәм* 'все', *ба'әі* 'некоторые', *јүмлә* 'все'.

Почти все определительно-обобщающие местоимения выступают в определительной функции, например: *барча кишиләр* 'все

люди', *хәр јол* 'каждая дорога', *ба'әі вақтларда* 'иногда (букв.: в некоторые времена)'.
 Местоимения *хәрнімә* и *хәрнә* 'все', 'всё (всё, что...)' употребительны только в качестве подлежащего и дополнения, ср. Б: *хәрнә кә киліп әдім* 'всё, что я делал' (110), *хәрнә кә тилән әдім* 'всё, что я желал' (114); Мағ: *хәрнә кім әйтүр олса* 'всё, что скажет' (25), *хәрнә бу ҳаләјік дуа билә тиләјдурлар* 'всё, что люди желают при помощи молитвы' (98); МХ: *хәрнә камәл ічрә дәсәм* 'всё, что ни скажу относительно совершенства' (9). Иредка аналогичные функции выполняет и местоимение *ба'әі* 'некоторые', см. БН: *ба'әі Чач битіпләр...* 'некоторые пишут „Чач...“ (7), *Ҳојандни ба'әі дәхили Фарбәнә эмәс дәпләр* 'Ходженд некоторые не считают входящим в Фергану' (10), *ба'әіләрни бірін бірін виләјатка парішән килдә* 'некоторых он по-одному рассеял по вилайету' (12).

Отрицательные местоимения

Все отрицательные местоимения являются составными, или сложными. Они включают в себя два компонента: неопределенно-отрицательное местоимение *хәч* и какие-либо другие неопределенные или определительно-обобщающие местоимения, см.: *хәчкім*, *хәчкімә*, *хәчкімәрсә* 'никто', *хәчнімә*, *хәчнәрсә*, *хәчнімәрсә* 'ничто', *хәчкајсә* 'никакой'; ср. соответственно паритивные формы: *хәчкімәсі* 'никто (из них)', *хәчнімәсі* 'ничто (из них)', *хәчкајсәсі* 'никакой (из них)'.
 Отрицательное значение отрицательных местоимений в абсолютном большинстве случаев не является самодовлеющим, самостоятельным, оно обусловлено присутствием соответствующих глагольных форм, ср.: *хәчкімәрсә бармадә* 'никто не пошел', но *кімәрсә бардә* 'кто-то пошел'.

Особого внимания заслуживает местоимение *хәч*. В обособленном употреблении *хәч* имеет значение 'совсем', 'нисколько', сочетаясь же с другими словами в предложениях с утвердительной формой глагола или с общеутвердительным именем, оно означает 'какой-либо', а в отрицательных предложениях — 'никакой', см. БН: *...јаніп хәч јәрдә таваккуф килмај Пәшәбурба кәлиндә* '...вернувшись, нигде (букв.: ни в каком месте)

не останавливаясь, мы пришли в Пешагур' (73); НМ: *андін сордум кә жолда хәч аҗаб нимә көрдүңмү* 'я спросил у него, видел ли он что-нибудь достойное удивления в дороге' (656); СҚ: *хәч жәгүлүк нәмәң барму* 'имеется ли у тебя какая-нибудь вещь поесть?' (656), *бу сөзгә хәч мо'јизә көргүзә билүрмүсиз* 'можете ли вы показать какое-либо чудо в доказательство этих слов?' (886); ШН: *јок мәниң хәч бу јәрдін кәтәрім* 'я ни при каких обстоятельствах не уйду отсюда' (203).

Неопределенные местоимения

кімсә, кімәрсә (кімәрсә), бірәү (бірәв) 'некто', *әлләкім* 'кто-то', *бірәр нимә* 'что-либо', 'что-нибудь', *фәлән* 'такой-то'. Примеры. НДж: *ол кімсә* 'тот некто' (76); НМ: *фәлән күндін бәрі сәни көрәдурман* 'я вижу тебя с такого-то дня' (1476); ШН: *кәл фәлән кәчә фәлән күчә сарі* 'приходи в такую-то ночь на такую-то улицу' (33).

Вопросительные и относительные местоимения

Вопросительные местоимения делятся на две строго разграниченные в семантическом отношении группы. Одна из них соотносится с одушевленными существами, другая — с неодушевленными, ср.: *кім, кімләр* 'кто', *нә, нәләр* 'что', *нимә* 'что', 'что за', 'какой'.

нимә, в отличие от *нә*, выражает вопрос к прямому дополнению.

Вопросительные местоимения могут выступать в несобственном значении. Так, местоимение *нә* в поэтических текстах употребляется в качестве усилительного члена при риторическом вопросе, см. А: *бу нә көздур, бу нә кірпүк, бу нә каш кә чікті дін ва имәндін халәјік* 'это что за глаза, это что за ресницы, это что за брови, что народ (из-за них) поступился верой и религией' (105); Л: *тшк јахәннә өртәді бу нә бәлә јәмәл әрүр* 'любовь зажгла мир, что это за напасть — красота?!' (177а).

Относительные местоимения: *кім* 'который', *кә* 'который', 'что'.

Числительные

Числительные выделяются в особую лексико-грамматическую группировку имени наличием порядковых, дистрибутивных и других форм.

Количественные числительные

Количественные числительные могут быть определенными и неопределенными.

Определенные количественные числительные — наименования чисел, являющиеся исходными формами для других числительных, ср.:

<i>бір</i>	'один'	<i>күрк</i>	'сорок'
<i>ік(к)і</i>	'два'	<i>әл(л)ік</i>	'пятьдесят'
<i>үч</i>	'три'	<i>алтмүш</i>	'шестьдесят'
<i>төрт</i>	'четыре'	<i>жетмүш</i>	'семьдесят'
<i>бәш</i>	'пять'	<i>сәксән</i>	'восемьдесят'
<i>алтү</i>	'шесть'	<i>токсан</i>	'девяносто'
<i>жет(т)і</i>	'семь'	<i>јүз</i>	'сто'
<i>сәк(к)із</i>	'восемь'	<i>мүң</i>	'тысяча'
<i>ток(к)уз</i>	'девять'	<i>түмән</i>	'десять тысяч'
<i>он</i>	'десять'	<i>ләк</i>	'сто тысяч' ¹⁶
<i>јигүрмә</i>	'двадцать'	<i>јүз түмән</i>	'миллион'
<i>от(т)уз</i>	'тридцать'	<i>корур</i>	'десять миллионов'

Числительные *ікі, јәтү, сәкіз, токуз, отуз* выступают и с удвоенным согласным, например: *іккі, јәттү* и т. д.

Счет до сотни осуществляется таким образом, что обозначения десятков предшествуют обозначениям единиц, например: *он іккі* 'двенадцать' (*он* 'десять', *іккі* 'два'), *токсан үч* 'девяносто три' (*токсан* 'девяносто', *үч* 'три').

В предложении количественные числительные выступают в качестве подлежащего, определения, дополнения или обстоятельства, ср. А: *бір бакмаді көз каракі біплә* 'ни разу не взглянула она зрачком глаза' (7), *бір кіја бак* 'взгляни раз краешком глаза' (98), *бір синазәннә јана іккі синар* 'испытан-

¹⁶ Числительные *ләк* и *корур* встречаются только у Бабуря, см. БН: *јүз мүңнә ләк дәпләр јүз ләкнә корур дәпләр* 'сто тысяч называют лек, сто леков называют корур' (376).

ного раз испытывают и дважды' (75); Б: *мәндәк јана бір барму* 'есть ли еще один (такой), как я?' (66); БН: *мәниң бириlä бір туқбан әрди* 'со мной заодно родилась (т. е. вместе)' (10), *Кәсімбәг сјәсат јүчүн іккі јүни пәрә-пәрә кәлдурдлар* 'Касимбек в назидание заставил порубить двух-трех (человек) на куски' (49); Л (А. 109): *мәни бір сормаднң* 'ты меня ни разу не спросила' (169); Мах: *биртә өтмәкни іккі бөлүп* 'один хлеб разделив на два' (112); ШН: *алтә кондә* 'шесть раз он ночевал' (195).

Особого внимания заслуживает числительное *бір* 'один', которое, будучи употребленным в несобственном значении, становится своеобразным неопределенным артиклем, ср. БН: *бір замәндін соң* 'немного времени спустя' (45), *бір күн* 'однажды' (50), *Хосравшәхнң кишисі бір тоқкуз ат ва бір тоқкуз пәрчә кәлтүрди* 'один из людей Хосрав-шаха привел девять лошадей и принес девять кусков парчи' (99); СҚ: *такі машрик сарі бір шахар бар туруп* 'на востоке есть один город' (23а).

бір входит также в состав устойчивых сочетаний, выражающих взаимонаправленность действия, см. БН: *бір бирині* 'один другого, друг друга' (5), *бири биригә* 'один из них другому' (24); НМ: *бір биримізгә* 'мы друг другу' (1266), *бір бириміз билә* 'мы друг с другом' (1286).

При отрицании *бір* выполняет функции усилительного члена, см. БН: *вилајатидін бір дјрам ва бір дјнар аниң бәвукүфи харј болмас әди* 'в его вилайете без его ведома не расходовался ни один диргем, ни один динар' (32).

Неопределенные количественные числительные: *көп*, *калн*, *јүкүш*, *бісјәр*, *бәхад*, *хәјлн* 'много', 'очень', *бирнимә*, *кач*, *аз* 'мало', 'немного', см. БН: *бәхад сәміз* 'очень жирный' (3), *көп хүл* 'очень хороший' (4), *хәјлн јахшн* 'очень хороший' (7).

Неопределенные числительные не присоединяют к себе аффиксов словообразования.

Порядковые числительные

Порядковые числительные образуются при помощи аффикса *-инчн* ~ *-инчи*, ср.: *биринчи* 'первый', *ик(к)инчи* 'второй', *јүчүнчи* 'третий', *төртүнчи* 'четвертый', *бәшинчи* 'пятый', *алтинчи* 'шестой',

јәт(т)инчи 'седьмой', *сәк(к)изинчи* 'восьмой', *тоқ(к)узунчн* ~ *тоқ(к)узинчн* 'девятый', *онунчн* 'десятый', *ортанчн* 'средний'. См. также Абушқа: *јүчүнч* (94); Сан: *төртүнч* (172а); ШН: *төртинч* (161).

Для порядковых числительных характерны атрибутивные функции.

Собирательные числительные

В староузбекском языке две формы собирательных числительных: на *-(а)ла* ~ *-(ә)лә* ~ *-(а)лан* ~ *-(ә)лән* и на *-ав* ~ *-әв*. Первая из них — уйгуро-огузская, вторая — кыпчакская и карлукская (< *-абу* ~ *-әгү*). Примеры. Абушқа: *икәгү*, *икәвлә*, *икәвлән*, *иккәлә(сн)*, *икәв* 'двое' (66), *јүәвлә*, *јүчәлә(сн)* 'трое' (93, 94), *төртәвлә*, *төртәлә(сн)*, *төртәв* 'четверо' (206), *бәшәвлә*, *бәшәлә(сн)* 'пятеро' (139, 140), *алтав*, *алтавла* 'шестеро' (30); Б: *бирәв* 'некто' (198); см. также БН, 45, 72, 208, 319; НМ, 28а; ТМ, 98а; ШН, 308; Сан: *икәләміз* 'мы двое', *икәләңиз* 'вы двое' (1086).

Личное местоимение, раскрывающее содержание собирательных числительных *икәв*, *јүчәв*, при наличии обозначения других лиц ставится в единственном числе, см. БН: *мән ва Мухаммад(и) көгәлтәш икәгү (икәв) кәлдүк* 'мы пришли вдвоем с Мухаммедом-көкельташем' (11).

Собирательные числительные выполняют функции подлежащего, дополнения, определения или аппозитивного члена, ср. НДж: *ва хәр рубә'иннң төртәләсн мисрә'инн* 'и четыре строки каждого рубә 'и' (136).

Разделительные числительные

Разделительные числительные образуются при помощи аффикса *-(ш)ар* ~ *-(ш)әр*, ср.: *бирәр* 'по одному', *ик(к)ирәр*, *икшәр* 'по два', *јүчәр* 'по три', *төртәр* 'по четыре', *бәшәр* 'по пяти', *алтшар* 'по шести', *јәт(т)ишәр* 'по семи', *јигирмишәр* 'по двадцати', *јүзәр* 'по сто', *алтмишар* 'по шестьдесят', *јәтмишәр* 'по семьдесят'.

Двойственность оформления некоторых разделительных числительных Мехдн-хан объясняет так: есть числительные, которые имеют в конце *حای*, например: *ікі (іккі)* 'два', *алтн*

'шесть', *jəti* (*jətti*) 'семь', *jiirmi* 'двадцать'. Так как огласовка над *ja* „тяжелая“ (چون حرکت بریا ثقیل است), то (при образовании дистрибутивных форм) в середину вставляют *ш* (شین معجمه) и произносят: *ikişär*, *altışar*, *jətişär*, *jiirmişär*.¹⁷

Для числительных *bir* и *ik(k)i* сохраняется старая разделительная форма, с аффиксом *-in ~ -in*, ср. БН: *birin birin* 'по одному' (12; см. также ЧД, За), *birin ikin* 'по одному', 'по два' (317).

Разделительные числительные функционируют как обстоятельства.

Обобщенно-утвердительные и обобщенно-отрицательные имена

К данной подгруппе относятся два имени: *bar* 'есть' и *jok* 'нет', морфологическое своеобразие которых заключается в почти полном отсутствии словообразовательных форм в границах имени (только *barlıb* 'присутствие' и *joklub* 'отсутствие', см. Мах, 14) и в ограничении словоизменительных возможностей.

И то и другое имя употребляются преимущественно в составе предиката, самостоятельно или со связкой, см. А: *kılca jänim bar* '(пока) душа хоть с волосок есть' (43), *səniñtäk хусн ilä хүру пэри jok* 'таких, как ты, по красоте — гурий и пери нет' (106); Б: *мэниң jokтур мурадım сэндин ајру* 'у меня нет другого желания, кроме (желания) тебя' (39); Мадж: *јахши ашарї бар* 'есть у него хорошие стихи' (166); Мах: *хэчнимайә ixti jājım jokтур* 'у меня нет нужды ни в чем' (70); Мух: *нэ бунчай нэ үјл бар* 'нет ни бутона, ни розы' (10); МХ: *барчанї бар килдї анїң кудратї* 'все сотворило его могущество' (2); СҚ: *бу табда јана хэч зэхид барму* 'на этой горе есть ли еще какой-нибудь отшельник?' (806); ШН: *jok әдї* 'не было', *бар әдї* 'было' (9); Я: *амма бизиң арамизда хэч нав јинсјат jokтур* 'между нами нет никакой родственной связи' (320а).

Случаи употребления *bar* и *jok* вне предиката — довольно редки, см. БН: *анїң билә бар киши бар бәләрнї түйшүрүлдї*

¹⁷ Мабәни' д-лугат, стр. 92.

'бывшие с ним люди и беки были схвачены' (31); С: *joktın ikki дунјәнї бар әтајчи ол біру бар* 'из ничего создавший два мира он один и (воистину) существует' (36); СҚ: *joktın бар килп барнї jok kilur* 'из ничего делает (нечто) существующее и из (чего-то) существующего — ничто' (59а); ШН: *јәнїмиз барича хідмат килалї* 'будем-ка трудиться, пока существуют наши души' (54).

„Пустые“ имена

В данный грамматический разряд входят имена (так наз. нумеративы), частично или полностью утратившие свое лексическое значение и формы словоизменения и употребляемые обычно при количественных числительных, например:

катла — см. А: *јүз катла* 'сто раз' (80); БН: *икки катла* 'два раза' (44); ДН: *бир катла* 'один раз' (262а); НМ: *икки-үч катла* 'два-три раза' (1966);

мартабә — см. БН: *бир мартабә* 'один раз' (105), *токуз мартабә* 'девять раз' (126);

мйкдәр — см. БН: *ол мйкдәр улуб* 'в такой степени большой' (83);

навбат — см. БН: *нэчә навбат* 'несколько раз' (71);

пәрә — см. БН: *јәтти пәрә қақабәсї* 'в ней семь городов' (2), *бир пәрә јигимләр* 'группа молодых' (32), *бир пәрә јол* 'часть дороги' (140);

тәзә — см. БН: *јүч тәзә нан* 'три лепешки' (141);

абіз — см. Б: *бир абіз сөз* 'одно слово' (10);

јуфт — см. ХМ: *ол үјдә бир икки јуфт тәвус бар әрдї* 'в том доме имелись одна-две пары павлинов' (226).

Отглагольные имена

Морфологически отглагольные имена мало чем отличаются от других имен: они могут присоединять к себе падежные аффиксы и сочетаться с показателями принадлежности.

Отличительной чертой отглагольных имен является возможность включения в их структуру аффикса отрицания *-ма ~ -мә*, см. Б: *којмабумдур әтәиң* 'не отпущу твой подол', *бармабумдур әстәниңдін* 'не уйду от твоего порога' (55); Л: *вафә кил-*

масмусан сән 'не будешь ли верна?' (214а); Мах: дам урмамак кәрәк 'надо не говорить' (84), кабілба тәрбіјәт килмамак ғулмдур 'способного не воспитывать — зло' (143); НМ: сән хамрәхләв килмасиңба ант ичтиң 'ты поклялась не быть вместе' (846), ман килмамак 'не препятствовать' (101а), килмамйш болбај 'не сделает' (128а); РҚ: килмамак 'не делать' (148а); ХМ: ол їтїрәз килмабусїдур 'не будет возражать' (13а); ЧД: тапмабумдур 'я не найду' (12а), билмамйш мәскїн 'не знал бедняга' (206), тапмабумдур 'не найду', тапмабуң 'не найдешь' (926); ср. также у Мехдї-хана, МЛ: алмабум 'не возьму', кәлмәйүм 'не приду' (15), ујбанмабур 'не просыпающийся' (= بيدار نشوونده), тїнмабур 'тот, который не успокаивается' (19), көрмәйүң и көрїүң jok 'не увидишь' (61).

Однако эту особенность не следует рассматривать целиком как проявление определенных типологических свойств отглагольных имен как таковых. Последние образуются от глагольных основ, и способность их выступать с аффиксом -ма ~ -мә находится в непосредственной связи со словообразовательными возможностями этих основ. Точно такой же характер носит включение в состав отглагольных имен „залоговых показателей“.

Более существенным для отдельных типов рассматриваемых имен является наличие возможности предикативного употребления без связки и вообще преимущественное использование их в качестве именной части сказуемого. Данная особенность является источником грамматической трансформации некоторых отглагольных имен, т. е. фактором, способствующим переходу их из одного грамматического класса в другой, а именно в класс глагола.

Учет особенностей употребления и анализ морфологической структуры отглагольных имен позволяет разделить их на две большие группы: субстантивные отглагольные имена и причастия.

Различия между теми и другими не всегда прозрачны и очевидны, поэтому и сформулировать правило, устанавливающее четкие границы между указанными двумя группами, довольно трудно. Причастия чаще, чем отглагольные имена, выступают в атрибутивной функции и в качестве предиката, в большей

степени, чем последние, подвергаются вербализации. Таким образом, находясь на периферии имени, причастия тяготеют к глаголу. Напротив, субстантивные отглагольные имена, выполняя разные синтаксические функции, обнаруживают тенденцию сблизиться с другими именами и прежде всего с существительными.

Имеются и некоторые частные особенности, разделяющие субстантивные отглагольные имена и причастия. Так, например, первые относительно свободно сочетаются с модальной частью кәрәк 'надо', у последних возможность подобных сочетаний ограничена до предела.

Субстантивные отглагольные имена

К числу субстантивных отглагольных имен относятся формы, образуемые при помощи аффиксов -(i)ш ~ -(i)ш, -мак ~ -мәк, -(y)нч ~ -(y)нч и -(y)в ~ -(y)в.

Отглагольное имя на -(i)ш ~ -(i)ш. Примеры. БН: јїјүрјїшдә забүнрақдур 'в беге он слабеват' (358), буларнїң алїшї ва бәрішї 'обмен этих' (286); МХ: дам урушї јол јїрјїшї 'его словопрения, походка' (13); ТМ: ол јїрјїшкә бардї 'он отправился в поход' (103а); ШН: көрјүп әл качїшїн 'видя бегство людей' (65), хан кәлишїдін бурна 'перед приходом хана' (78), кәлишї 'его приход' (181), көрјүнјүш 'видение', 'встреча' (192), аларнїң кәлишїні көрдјүм 'я видел их приход' (208), уруш 'сражение' (201).

Рассматриваемая форма встречается главным образом в текстах, обнаруживающих следы кыпчакского влияния. Количество случаев ее употребления ограниченное.

Сюда же необходимо отнести и аналогичные образования персидского языка, в которых природа аффиксального элемента не ясна, см. Мах: навәзїш 'ласка', 'лелеяние' (10), варзїш 'действие' (44), намәјїш 'показ' (58); Мух: арәјїш 'украшение' (2), гүзәрїш 'проведение', 'толкование' (2); СҚ: әсәјїш 'спокойствие' (39а), әзмәјїш 'проверка', 'испытание' (39а), нәлїш 'стоны', 'жалобные звуки' (40а).

Отглагольное имя на -мак ~ -мәк. При первом взгляде на грамматические особенности формы типа бармак ее трудно

отличить от других отглагольных имен, ср. Б: *jərgä bаш чалмак билä* 'с преклонением головы' (41), *tirgüzmäк үчүн* 'для оживления' (47), *jüzламағиң Бабір бу элгä дурур күлгү* 'о Бабур, твой плач — утеха для этих людей' (66); Л (А. 109): *'ašik öltürmäк фәнидä барчадин устәдсан* 'в науке убийства влюбленных ты более ловкая, чем все (другие)' (188); М: *су ичмак үчүн* 'для того, чтобы пить воду' (28); Мағ: *бәбү күүдүрмәкдин бамі jok* 'нет ему печали от того, что сжигают сад' (23), *оңај алп ағір сатмак аниң мақсүдә* 'дешево купить, дорого продать — его цель' (42), *ичмак ва жәмак ва ујкуба хурсанд* 'рад попить, поесть, и поспать' (58), *бишкармағиңча* 'до того, как созреет' (163); НМ: *битимәк кәрәк* 'надо писать' (22а), *жәмакка машбул болдум* 'я принялся есть' (117б), *алтмиш јилдур кә имән кәлтүрмәктәдурман* '(уже) шестьдесят лет, как я верую' (200а); РҚ: *күммәк кәрәк* 'надо хоронить' (159а); СҚ: *халајикни tirgüzmäк tilägäј* 'пожелает оживить людей' (176), *ачлик билә халәк килмак кәрәк* 'надо погубить голодом' (64б); ЧД: *истәрәм качмак* 'хочу бежать' (37б); ШН: *кичкiriшмакларі* 'их взаимные крики' (198).

Форма местного падежа от отглагольного имени на *-мак ~ -мак* становится обособленным образованием и передает длительность действия, см. БН: *...ба'әі чикмакта әдиләр* 'некоторые выходили'... (12); ДН: *мән әмдә хастәју бам артмакда хажәлән аләда јән тартмакда* 'теперь усиливаются моя болезнь и печаль, и я мучаюсь, думая о тебе' (257а).

С глаголом *бол-* форма на *-мак ~ -мак* выражает намерение, см. БН: *бизгә кошулмак болдә* 'он решил присоединиться к нам' (147).

Случаи самостоятельного предикативного употребления данной формы, о которых говорит Мехдй-хан, являются исключениями, ср.: *алмағим* 'я взял (букв.: мое взятие)', *кәлмәгим* 'я пришел (букв.: мой приход)'.
 Отглагольное имя на *-унч ~ -унч*. Этот тип отглагольного имени не продуктивен и охватывает несколько форм, см. Сан: *јркүнч* 'страх' (71а), *өкүнч* 'раскаяние' (80а), *умани* 'надежда' (86б), *јнанч* 'вера' (117б), *сағиңч* 'дума' (232б), *сөкүнч* 'ругательство', 'брань' (245б), *коркунч* 'страх' (286а); ХШ: *сәвинч* 'радость' (2а), *кисканч* 'зависть' (2б), *јшанч* 'вера' (6б).

Отглагольное имя на *-у(в)*. Нам известно лишь несколько случаев употребления отглагольного имени на *-у(в)* в текстах староузбекского языка, см. БН: *јасав* 'строй' (86, 109); ШН: *ондін іккі киши болдә саклав* 'из десяти два человека были на страже' (199).

Причастия

В староузбекском языке шесть причастных форм: на *-(а)р ~ -(ә)р*, *-миш ~ -миш*, *-бан ~ -ган*, *-абан ~ -әган*, *-бу ~ -гү*, *-бур ~ -гүр*.

Причастие на *-(а)р ~ -(ә)р...-(у)р ~ -(ү)р* выражает настоящее-будущее время и употребляется преимущественно в составе предиката. Примеры. Б: *кичкiрурман* 'кричу' (4), *әл биплә ичәрсән бәдәни* 'будешь пить вино с народом' (9), *көрмәсән* 'не вижу' (33), *билүрмән* 'знаю' (88), *билүрмүсән* 'знаешь ли ты?' (116); М: *нә үчүн јиларсан* 'почему плачешь?' (14), *нә үчүн мундак килурсан* 'почему так делаешь?' (4); Мағ: *киши ала алмас* 'человек не может взять' (17), *мәсјид сарі башкарур* 'поведет в сторону мечети' (34), *дәхкән кә дәнә сачар* 'дехканин тот, кто сеет зерно' (46), *сән нәчүк дам урмассан* 'ты почему молчишь?' (98), *арпа бамән јәмәссән* 'о ячмене не будешь заботиться' (169); СҚ: *алурбиз* 'возьмем' (21а), *саклајурман* 'стерегу' (119а); Ә: *вақлиң тиләрмән* 'хочу встречи с тобой' (9).

Причастие на *-(а)р* выступает также в сочетании со вспомогательным глаголом *әр-* 'быть' (так наз. прошедшее продолженное) в видо-временном и модальных значениях, см. Б: *кәтәр әрдим* 'я удалялся' (4), *сахлар әмиш* 'оказывается, бережет' (90); Мағ: *көргүзүр әрди* 'он показывал' (66), *сорарлар әрди* 'они спрашивали' (87); СҚ: *түш көрәр әрдиләр* 'они видели сон' (3а), *тиләјүр әрди* 'он искал, желал' (55а), *макә көрәр ким әшәги өлүн сөнәкләри кувармиш* 'и видит: осел его издох, кости высохли' (74б), *әвиә барур әркән* 'когда он направился в свой дом' (93а); ХМ: *бу шәрин окујур әди* 'он читал свои стихи' (13б); ШН: *от хәм анча әмәс әрди іссиб* 'огонь также не был такой уж горячий' (85). При этом вспомогательный глагол иногда сливается с причастием, ср. ТМ: *јүрүрди* 'он ходил' (< *јүрүр әрди*; 99а).

Употребление причастия на *-ар* в качестве подлежащего и дополнения связано с присоединением к нему различных падежных аффиксов, см. Б: *дэвāнā болурба нэ каліптур* 'что осталось, чтобы стать безумцем?' (31), *білмәскә өзіні нэ саліптур* 'что прикидывается неведающей?' (31), *бістар-і рāхат тилārнi koj* 'оставь желание подушки удовольствия' (50); Мах: *јәтмәс-дiн бурун* 'прежде, чем достигнет' (22), *алурда кәтāннi бөз дәп сатарда бөз вәсфiда кәтāндiн артув сөз дәп* 'покупая (при купле) называет полотно бязью, при продаже бязь расхваливает больше, чем полотно' (42), *барурба мукаррар болбај* 'будет решено идти' (53), *сарф килурiн билмәдi* 'он не знал, как расходовать' (122); М: *намәз ајтурда* 'при чтении намаза' (30); СҚ: *кәзiп јүрјрдә* 'в бродяжничестве' (80б); ТМ: *iнтiкām тартардiн әјiз әрдi* 'он был слаб, чтобы отомстить' (93а).

Причастие на *-ар* может сочетаться с аффиксами, выражающими принадлежность, ср. Б: *барурумда iхтiјāriм јоктур* 'желания идти у меня нет' (237); Мах: *бу кiн ахшāmбача нэ болурi мālijm әмәс* 'что будет (с этим) сегодня до вечера, неизвестно' (128); ШН: *јок мәнiң хәч бу јәрдiн кәтārиm* 'никуда я не уйду отсюда' (203).

Нередко причастие на *-ар* выступает в составе определительных сочетаний, ср. Мах: *ајтур сөзнi ајт* 'слово, которое можно сказать, говори' (163); ШН: *уруш әјләр кiшiмiз* 'наши сражающиеся люди' (70).

В сочетании с глаголом *бол-* причастие на *-(a)р* выражает намерение или расположенность совершить действие, см. ШН: *атланур болдi* 'он собрался отправиться' (96).

От причастия на *-(a)р* образуется личная глагольная форма настоящего времени, полностью выпадающая из разряда имени, см. Б: *iстәрәм* 'хочу' (11), *сәңә мән килурам кулук* 'я благодарю тебя' (265); Л (А. 109): *сәвәрәм* 'люблю' (15), *фарјад әтәрәм* 'взываю о помощи' (27), *јбларам* 'плачу' (43), *јан бәрјрәм* 'душу отдаю' (78); ЧД: *коркарам* 'боюсь' (66), *әјләрәм* '(с)делаю' (32а), *iстәрәм* 'хочу' (37б); ШН: *билјрәм* 'знаю' (12), *тиләрәм* 'желаю' (75).

Эта форма, однако, не получила широкого распространения, и в староузбекском языке она занимает довольно обособленное положение.

Отрицательное причастие настоящего-будущего времени образуется при помощи аффикса *-мас ~ -мәс* (*-мәс*; *с < з ~ р*). Отрицательная форма при наличии местоименного окончания получает иногда дополнительный предикативный элемент *-дур*, см. ШН: *јибәрмәсдурбiз* 'не пошлем' (179).

Соответствующая форма, образованная от вспомогательного глагола *ә(р)*, становится своеобразным отрицательным членом, см. Б: *бу нав' iш iш әмәсдур* 'такое дело — не дело' (14); Мах: *ол мālijm әмәс* 'это — неизвестно' (128); ШН: *ләк әл андiн әмәстур хушнуд* 'однако народ не доволен им' (93).

Сочетанием положительной и отрицательной форм передается значение неполноценного действия, действия, начинающегося или уже протекающего, но не в полную меру, см. ШН: *кiн чiкар чiкмәсiда* 'когда солнце едва взошло (букв.: когда солнце всходит—не всходит)' (136).

Причастие на *-миш ~ -миш* имеет перфективное значение и выражает действие, которое для говорящего не очевидно, см. НМ: *дәпләр кә шәјхнiң бiр мiшiкi бар әрмиш...* 'говорят, что у шейха была, мол, кошка...' (716).

Примеры самостоятельного употребления причастия на *-миш ~ -миш* и с местоименной связкой. Б: *карангу килмишлар* 'они сделали темным' (17); М: *мән бу сүрәт билә јаратилмишман* 'я создан с этим ликом' (19); Мадж: *бар әрмиш* 'было' (146), *фәзiл кiшi әрмиш* 'превосходный он был человек' (146), *мавләнә бiр хәнәда олтуруп әрмишләр* 'мавлана сидел в одном помещении' (20а); ШН: *дәдi кiм Шах-замән Балх сарi кәлмиш* 'он сказал, что Шах-заман пришел в Балх' (212).

В сочетании со вспомогательным глаголом *әр-* 'быть' причастие на *-миш* обозначает действие, происшедшее в определенном отрезке прошедшего или давнопрошедшего времени, см. М: *вәдә килмиш әрдi* 'он обещал' (11), *бiр кiрсi iзә олтурмиш әрдi* 'он сидел на одном кресле' (11); СҚ: *мән сәни өлтүрмиш әрдiм* 'я тебя (некогда) убил' (62а).

Будучи оформлен аффиксами принадлежности, причастие на *-миш* образует со словом *јок* особую предикативную группу, ср. М: *...хәч көз көрмишi јок хәч кулак әшитмишi јок* 'глаза совсем не видят, уши совсем не слышат' (26).

Иногда причастие на *-миш* сочетается с частицей *кәрдәк*

'надо', см. СҚ: *эмді бу кітабні Тәврит кітабїға катмїш кэрәк* 'теперь эту книгу надо присоединить к книге Таврит' (1066).

От причастия на *-мїш*, как и от предыдущей причастной формы, образуется *Verbum finitum*, см. Б: *кїлмїшам тәрк-и ватан* 'я оставил отечество' (42); Л: *олмамїшам* 'я не стал', 'меня не стало' (216а); МЛ: *алмїшам* 'я взял' = *алмїшман*, *алмїшаң* 'ты взял' = *алмїшсан* (22); ЧД: *маст олмїшам* 'я опьянел' (16а). По широте и характеру употребления форма типа *кїлмїшам* стоит в одном ряду с формой типа *кїлурам*.

Особая разновидность причастия на *-мїш* ~ *-мїш* образуется в результате соединения соответствующей формы от глагола *тур-* с деепричастием на *-а* ~ *-ә*, см. МЛ: *аладурмїш* 'берущий', *урадурмїш* 'бьющий', *кїладурмїш* 'делающий', *кєладурмїш* 'приходящий' (22, 63).

Причастие на *-бан* ~ *-гән* синонимично причастию на *-мїш* ~ *-мїш*. Оно употребляется в качестве определения, дополнения или сказуемого как со связкой (именная часть сказуемого), так и без связки, самостоятельно, см. А: *дэгәнләрні дөңизләр* 'говорите о тех, кто говорит' (64); ДН: *ла'лїң сусағанларға бакмас* 'твои губы не смотрят на жаждущих' (235а); Б: *бөділ экәнїмні эмді биләй* 'теперь, должно быть, знает, что я страдаю' (31), *барбан сајї* 'по мере того, как идет время' (79); БН: *Акбөкїм атлїк іккїнчї кїзїні тој ва ајїн билә албан* 'вторую его дочь, по имени Акбеким, он взял с празднествами и обрядами' (30); Л: *'аклу јән 'аламїға 'үшк отїні салбансан* 'в мир разума и души ты забросила огонь любви' (2086); М: *мэниң атїмні ајткандїн соңра* 'после того, как он сказал мое имя' (30), *кєлгәнїң кутлук болсун* 'благословен твой приход' (15), *көк капубїн саклаған фәрїштә* 'ангел, охраняющий небесные врата' (6); Мах: *јїрак калбандур* 'далеко он остался' (41), *ол сәңә кїждүргәндәк бїз аңа кїждүрәлї* 'подобно тому, как он заставлял тебя одеть, заставим-ка мы одеть его' (168); Мадж: *шәрі јаман эмәс әркәндур* 'стихи его неплохи были' (15а), *нә јәрлїк экәнї ма'лїм болмадї* 'откуда он — не было известно' (44а), *јїрмә јашка јакїн экәндә* 'когда он приблизился к 20 годам' (100а); РҚ: *јахшї аңламаған сөзні ајтмабїл* 'не произноси не понятых хорошо слов' (157а); СҚ: *көргәнїм јок*

'я не видел' (9а), *мэниң карнїмда экәндә* 'когда он был в моем чреве' (84а); ШН: *кабал кїлғанї* 'осада' (49), *туткандїн соң* 'после того, как он схватил' (142).

Форма на *-бан* от глагола *тур-* в сочетании с деепричастием на *-а* образует особую разновидность причастия, выполняющего только собственно причастные (атрибутивные) функции, ср. БН: *барадурбан өзбәк билә* 'с кочевыми узбеками' (10); Л: *мэни шајдә кїладурбан* 'делающий меня безумцем' (2016); Мах: *тәндїн чїкадурбан јәнба* 'душе, выходящей из тела' (25), *тїтрәјдүргән башға* 'к дрожащей голове' (58); НМ: *барк боладурбан кәмәні* 'тонувшую лодку' (9а); ШН: *шахар хәлїн биләтурбан болдї* 'он был знающим положение города' (69).

Причастие на *-бан* ~ *-гән* (*-гїн* ~ *-кїн*), образованное от глагола *ә-*, в ряде случаев употребляется как модальная частица, ср. ХМ: *бу дәстән(да) алтмїш бәјт бар әркін* 'в этом дастане шестьдесят бейтов (как оказывается)' (616).

Случаи стяжения этой формы вследствие выпадения *б* ~ *г* в староузбекском языке являются довольно редкими, см. ТН: *аја көңлүм алан* 'о захватившая мое сердце!' (286а); А: *арї јусуфнї сәвәнләр* 'полюбившие чистого Юсуфа' (50). Ср. у Мехдї-хана: *б* (*г*) выпадает у тюрков Рума и Ирана, например *алан* 'бравший', *кәлән* 'приходивший'.¹⁸

О причастии настоящего длительного на *-аған* ~ *-әгән* см. у Мехдї-хана. Примеры: *тутаған* (= *دايم گيرنده*) 'державший (постоянно)', *чапаған* (= *دايم تازنده*) 'бегущий (постоянно)', *ураған* (= *دايم زنده*) 'бьющий (постоянно)', *кїлгән* (= *دايم خنده*) 'смеющийся (постоянно)'.¹⁹

Причастие на *-бу* ~ *-гү* имеет значение будущего времени, с оттенком долженствования.

Самостоятельно и со связкой *дур* (*ур*) ~ *тур* (*ур*) причастие на *-бу* ~ *-гү* выполняет преимущественно предикативные функции, причем в качестве предиката оно может оформляться показателями принадлежности всех трех лиц, см. Б: *нә болбусї* 'что будет' (7), *сәндїн тїләгүмдур...* 'мое желание от тебя — (иметь)...' (122); М: *хәрнә тїләсәң сәңә бәргүсї турур* 'все, что

¹⁸ Мабәни' л-луғат, стр. 9.

¹⁹ Там же, стр. 28.

пожелаешь, он тебе даст' (11), *ујмакка кирјисі турур* 'он войдет в рай' (14); С: *дабі нә килбусі* 'что сделает в конце концов' (196); НМ: *кім билә сурбат туткундур* 'с кем будешь беседовать' (68а), *кілмазумдур* 'не сделаю' (84а), *мундін жах-шірак кјн көрмәјүңізур* 'лучше этого дня не увидите' (148а); ЧД: *јән фідә килзумдурур* 'принесу в жертву душу' (24а), *ај Навәї болмабуң андін булар бірлә халәс* 'о Навои, не освободишься от того этим' (536), *тапмабуң* 'не найдешь' (926); ШН: *бармазумдур* 'не пойду' (203), *бу сарі кәлјисі ол хан сюда должен прийти тот хан* (204).

Будучи оформлено падежными аффиксами, причастие на *-бу* выступает как подлежащее, дополнение или обстоятельство, см. Б: *ачкунча* 'до того, как откроет' (24); Л (А. 109): *сәні тојбунча көрсјн* 'пусть созерцает тебя до насыщения' (25); Мах: *сачкан дәнә көкәрјүнчә* 'до того, как зазеленеет брошенное зерно' (46), *таң аткунча* 'до рассвета' (126); СҚ: *тојбінча јәдиләр* 'они ели до насыщения' (53а).

Употребление рассматриваемого причастия в качестве атрибута — довольно редкое явление, см. М: *јә расул кәлјү чабјн болдї* 'о посланник, время твоего прихода наступило' (6).

К формам на *-бу ~ -гј* присоединяется аффикс *-лук ~ -лјк*. В сочетании с последним они выражают намерение совершить действие, см. у Мехдй-хана. МЛ: *албулук = گرفتنی* 'намеревается взять', *кијгјлјк = پوشیدنی* 'намеревается одеться' (57). Ср. также формы на *-дәк* типа *урбудәк, болбудәк*.

Большая группа причастий на *-бу ~ -гј*, подвергшихся полной субстантивации, выделилась из разряда имени действия и перешла в разряд существительного, ср.: *ујку* 'сон', *ичгј* 'питье', *јәгј* 'еда', *кјлгј* 'смех'.

Причастие на *-бур ~ -гјр*... можно назвать причастием только условно. В староузбекском языке оно является омертвевшим морфологическим образованием и имеет ограниченные синтаксические функции.

Данное причастие выражает, по-видимому, значение настоящего времени, осложненное каким-то модальным оттенком, см. Л: *бу тојмабур көзүмә* 'этим моим ненасытным глазам' (1746), *отка тјшкјр бу көңүлдур Лүтфїні хөр әјләгән* 'это сердце, чтоб ему сгореть, сделало ничтожным Лутфи' (211а); СҚ: *кәләр*

уста 'пришлый мастер' (476); ЧД: *тінмабур јисмім* 'неугомонная моя плоть' (22а). Ср. у Мехдй-хана, МЛ: *чикбур* 'выходящий', *тінбур* 'успокаивающийся', *тінмабур* 'не успокаивающийся', *ујбанмабур* 'не просыпающийся', *учбур* 'летающий', *от-гјр* 'проникающий' (19, 31).

Причастие на *-ајак ~ -әјәк* (будущее с оттенком долженствования) Мехдй-хан рассматривает как образование, характерное только для „румийских“ и „иранских“ тюрок.²⁰

ГЛАГОЛ

Исходной, или основной, формой глагола, занимающей важное место в системе его словоизменения, является форма, внешне совпадающая со 2-м лицом единственного числа повелительного наклонения, ср.: *бар-* 'иди', *бар* 'иди'. Эта форма может быть положительной или отрицательной, ср.: *барма-* 'не ходить', *барма* 'не ходи'.

СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ ГЛАГОЛА

От глагольной основы образуются словоизменительные формы полной и неполной вербальности.

К формам полной вербальности, или истинно глагольным формам, относятся формы наклонений: повелительного (предлагательно-желательного), условного, изъявительного.

Группа морфологических образований неполной вербальности состоит из форм соотносительного выражения времени, т. е. из деепричастий прошедшего, настоящего и будущего времен.

В системе словоизменения глагола помимо аффиксов наклонения и так называемого относительного времени присутствуют также показатели, обозначающие лицо и число, вместе или в отдельности. Эти показатели в большинстве случаев являются средствами выражения предикативности и характерны не только для глагола, но и для имени.

Необходимо далее отметить, что изъявительное наклонение реализуется во временных формах, и, таким образом, следует

²⁰ Мабаһи' л-луғат, стр. 56.

говорить о наличии в морфологической структуре глагола аффиксов, выражающих некоторые временные значения. В более широком плане, как известно, время выражается причастиями и деепричастиями, выступающими в сочетании с предикативными частями.

Морфологическая структура глагола, с учетом высказанных выше замечаний, должна быть представлена следующим образом: основа (первичная или вторичная)+аффикс наклонения (включая время)+аффикс(ы) лица и числа, например:

бар+-дї+-м 'я отправился' (форма полной вербальности, изъявительного наклонения, прошедшего времени; 1-е лицо единственного числа),

бар+-а+-ман 'я отправляюсь' (форма неполной вербальности, настоящего времени; 1-е лицо единственного числа),

кїј -дүр+-дї+-м 'я одел, заставил одеться' (форма полной вербальности, изъявительного наклонения, прошедшего времени; 1-е лицо единственного числа).

Формы полной вербальности

Формы повелительного (предлагательно-желательного) наклонения

Повеление в собственном смысле слова может быть обращено только к собеседнику, и поэтому формы повелительного наклонения представлены одним — вторым — лицом.

Форма повелительного наклонения единственного числа не имеет специального оформления, см. Б: *көр* 'смотри' (1), *кој* 'оставь' (50), *башкар* 'веди', 'направляй' (124), *јәткјр* 'доведи', 'донеси' (198); Мах: *кәлтүрмә* 'не приноси' (163); Мух: *јіблама* 'не плачь' (10); ЭД: *ал* 'возьми' (1), *бар* 'иди' (4).

Вместе с тем в произведениях Навā'й и других поэтов в значении повелительного наклонения 2-го лица единственного числа выступает форма на *-у ~ -ү*. Эту форму выделили Тали Херевй, Нақйрй, составитель словаря Абушқа, Мехдй-хан и другие. Тали Херевй рассматривает аффикс *-у ~ -ү* как средство, подкрепляющее требование, по мнению Нақйрй данный аффикс выражает значение будущего времени (مستقبل),²¹ составитель

²¹ См.: Мабāни' л-лугат, стр. 36.

Абушқа считает его принадлежностью формы повелительного наклонения и переводит *куткару* = قورتار, *баукару* = بول كوستر, *бјткјрј* = بتور.²²

В словаре Абушқа и у Мехдй-хана приведены следующие стихи с указанной формой. Из дивана Султāна Хусейна:²³

اختاروردا تاپسانك اول كونكلوم كه مجنون شيوه دور
هر نيچوك بولسا عدم صحراسى سارى باشقارو

'Если разыскивая найдешь сердце мое, которое обезумело, что бы ни случилось, веди [его] в пустыню небытия.'

قايتاروردا واقف اولونك كيم يانا قايتماسون
تينكرى اوچون ناتوان كونكلومنى اندين قوتقارو

'При возвращении будь в курсе дел, чтобы она снова не вернулась, ради бога освободи от нее мое немощное сердце.'

ايستابان كيلسا يانا كوكسوم شكافين تاپماغاي
وه كه بيس مرهم قويوب اول چاك كوكسوم بوتكارو

'Если разыскав придет снова, отверстия [для входа] в моей груди не найдет. Увы! Наложь пластырь и покончи с тем отверстием в моей груди.'

Из произведений Навā'й:²⁴

اي صبا اواره كونكلوم ايستايو هر يان بارو
وادى و تاغ و بيابان لارنى بيسر بيسر اختارو

'О блуждающее сердце мое, ищи и ходи повсюду, обыщи все: и долины, и горы, и пустыни.'

تاپاكور آنى چو تاپسانك هر قايمان عازم ايسا
باشينه ايورول قويون ديك داعى آلداب قايتارو

²² Абушқа, стр. 130, 145, 336.

²³ Там же, стр. 130, 145, 336.

²⁴ Мабāни' л-лугат, стр. 36.

'Смотри найди ее, а как только найдешь, куда бы
ни пошла,
над головой ее вращайся, подобно вихрю, и обманув
верни'.

Характерно, что форма повелительного наклонения 2-го лица единственного числа с дополнительным *-у ~ -ў* образуется от основ, оканчивающихся на *р*, ср.: *бару* 'иди', *ахтару* 'иди', *откәриў* 'проводи', *башкару* 'веди', *бўткәриў* 'кончай', *кажтару* 'возвращай' и т. д. Это обстоятельство отмечает, в частности, Мехдй-хан.²⁵ От основы с конечным *р* образуется также форма повелительного наклонения 2-го лица единственного числа на *-ї* — *барї* 'иди', зафиксированная в словаре Абушқа.²⁶

Возможность растяжения основ, оканчивающихся на *р*, при помощи дополнительного гласного не является чем-то неожиданным. Достаточно вспомнить о факультативном проявлении конечного гласного в таких глагольных основах, как *сор* (~ *сора*) 'спрашивать', *јўр* (~ *јўрә*) 'идти' и др. Правда, в последних примерах присутствие конечного гласного никак не связано ни с характером текстов, ни с позиционными условиями, тогда как *бару*, *ахтару*, *откәриў* и т. д., в значении повелительного наклонения, встречаются лишь в поэтических текстах и только в конце стихотворной строки. В связи с этим можно высказать предположение, что в данном случае растяжение основ обусловлено требованиями просодии, количественного метра, что для староузбекской поэзии — обычное явление.

В отдельных случаях мы, очевидно, имеем дело не с особой разновидностью повелительного наклонения, а с архаической деепричастной формой.

Особая форма повелительного наклонения 2-го лица единственного числа — так называемый категорический императив — образуется при помощи аффикса *-ўїл ~ -їл*, см. Б: *јарлўб этгїл* 'прояви милость' (24), *туткїл* 'держи' (25), *әјлгїл* 'сделай' (29), *унутмаўїл* 'не забудь' (65), *сорўїл* 'спроси' (137), *кәлгїл* 'приди' (200); М: *болўїл* 'будь', 'стань' (9), *барўїл* 'иди' (21); Мах: *аңлаўїл* 'раз-

²⁵ Там же, стр. 36.

²⁶ Абушқа, стр. 127.

умей' (137); РҚ: *кајбурмаўїл* 'не печалься' (1426), *сакїнўїл* 'думай' (1536), *ажтмаўїл* 'не говори' (157а); С: *јашаўїл* 'живи' (31а); СҚ: *хабар кїлўїл* 'поведай' (26), *сїңўїл* 'введи', 'впитай' (776); ЧД: *кутулўїл* 'освободись' (216), *јутмаўїл* 'не глотай' (236), *чїкўїл* 'выйди' (716); ШН: *бәрїл* 'дай' (70), *отурўїл* 'посиди' (114), *көрїл* 'посмотри' (184), *копўїл* 'поднимись', 'встань' (192).

Вторая форма категорического императива — типа *барўїн* — в текстах XIV—XVI вв. встречается очень редко. Употребление ее имеет место в Та'ашшуқ-наме, в сочинениях Эмирй, Бабура и некоторых других авторов, см. БН: *раст ажкїн* 'говори правду' (144), *анї алїп кәлїн* 'приведи его' (145); ДН: *ажаў баскїн* 'стань ногой' (2606), *гїрм кїлўїн* 'согрей', *барўїн* 'пойди', *чїкарўїн* 'извлеки' (262а); ТН: *кїлўїн* 'делай', *јараўїн* 'будь полезным' (2776); Ә: *бајан кїлўїн* 'поведай' (3226), *раўї болўїн* 'согласись' (3336). Мехдй-хан указывает, что аффикс *-ўїн ~ -їн* вместо *-ўїл ~ -їл* используют „узбеки“, т. е. представители кочевых племен (см.: Сангләх, стр. 86). Можно предположить, что длительное время данная форма была распространена только на севере, в Приаралье, и что ее проникновение в староузбекский литературный язык первоначально происходило книжным путем, через золотоордынскую литературу и произведения некоторых хорезмийских авторов — таких, как, например, Мухаммед Сәлих.

Форму повелительного наклонения множественного числа образует аффикс *-(ї)ң ~ -(ї)ң*, см. Б: *көрїң* 'смотрите' (10), *кәтїрмәң* 'не приносите' (222); НМ: *өргәниң* 'учитесь' (31а), *олтуруң* 'сидите' (716), *окуң* 'читайте' (2066); РҚ: *кәлтїрүң* 'принесите' (1386); ШН: *сабр кїлїң* 'терпите', *којуң* 'оставьте' (39). Аналогичное значение имеет аффикс *-їңїз ~ -їңїз*, который нередко служит также средством выражения почтительного отношения к одному или нескольким лицам, см. М: *әшитиңїз* 'слушайте' (3), *кїлїңїз* 'делайте' (5); МХ: *сөндүрмәңїз* 'не гасите' (11); РҚ: *кәсмәңїз* 'не режьте' (1596); СҚ: *бітиңїз* 'пишите' (8а), *кїлїңїз* 'делайте' (9а), *ујбанїңїз* 'пробуждайтесь' (436), *јәңїз* 'ешьте' (526), *кәлтїрүңїз* 'приведите' (53а), *уруңуз* 'бейте' (97а); ШН: *көрүңүз* 'смотрите' (133), *којуңуз* 'оставьте' (146), *болуңуз* 'будьте', 'станьте' (210).

Присоединение к формам множественного числа аффикса *-лар ~ -лар* делает обращение несколько фамильярным (для формы на *-иң ~ -иң*) или, наоборот, подчеркнуто вежливым (для формы на *-иңиз ~ -иңиз*). Примеры. А: *дәңизләр* 'говорите', *өлтүрмәңизләр* 'не убивайте' (64); БМ: *копуңлар* 'вставайте' (131), *катилмаңиз* 'не присоединяйтесь' (136), *зам жәмәңиз* 'не беспокойтесь' (144). При этом формы типа *баріңизлар* 'идите' для староузбекского языка являются не совсем обычными, тем более, что используются они довольно редко и преимущественно в поэтических текстах, где необходимость расширения созвучий рифмующейся части стиха приводит к ослаблению общепринятой нормы.

Употребление форм повелительного наклонения 2-го лица для других лиц и, в частности, для 1-го лица, наблюдается очень редко, см. СК: *жүрүң Мәккәдә баралі* 'пошли, отправимтесь-ка в Мекку' (21а).

Предлагательно-желательное наклонение представлено формами 1-го и 3-го лица единственного и множественного числа, которые образуют с рассмотренными выше формами полную парадигму спряжения.

Аффикс 1-го лица единственного числа предлагательно-желательного наклонения — *-aj ~ -aj* или *-ajin ~ -ajin*, см. А: *бакајин* 'посмотрю-ка' (130); Б: *көрәј* 'увижу-ка' (46); М: *баракка минәјин* 'сяду-ка на верховое животное' (2), *хикајат килајин* 'расскажу-ка' (3), *көргүзәјин* 'покажу-ка' (11); ШН: *ахтарајин* 'поищу-ка' (212).

Наличие двух вариантов аффикса 1-го лица не связано с выражением каких-либо дополнительных оттенков и не обусловлено различием структурно-фонетических данных. Нестяженный, полный вариант является более древним, сокращенная форма — относительно позднее образование, которое в современном узбекском языке становится господствующим.

Третий вариант формы предлагательно-желательного наклонения 1-го лица единственного числа для староузбекского языка не типичен, см. БН: *көрәјим* 'посмотрю-ка' (144).

Аффикс 1-го лица множественного числа — *-(a)li ~ -(a)li*, см. Мах: *кїлалі* 'сделаем-ка', *алалі* 'возьмем-ка', *кїдүрпәлі* 'одедем-ка' (168); СҚ: *ичәли* 'выпьем-ка' (40а), *болалі* 'станем-ка' (52а);

ШН: *кәчәли* 'перейдем-ка' (127), *кәлтүрпәли* 'приведем-ка' (160); Я: *ташлалі* 'бросим-ка' (320б). Встречаются также формы предлагательно-желательного наклонения 1-го лица множественного числа, образованные при помощи аффиксов *-(j)lik* и *-alıң*, см. БН: *күрәшәлиң* 'давай-ка поборемся' (26), *жүрүлиң* 'пойдем-ка' (70), *рүбәрү болалің* 'станем-ка лицом к лицу' (115), *йләшәлиң* 'поделим-ка' (133), *кәлтүрпәлиң* 'доставим-ка' (138); ШН: *көрә(j)lik* 'увидим-ка' (160), *кїлалің* 'сделаем-ка' (160). Первая форма — новейшая (в пределах рассматриваемого периода), получившая широкое распространение в современном узбекском языке, вторая, напротив, очень древняя, известная главным образом из восточнотуркестанских текстов XI—XIII вв. В сочинении Мехдї-хана использование второй формы (на *-alıң ~ -alıң*) приписывается „тюлкам Турана“ (см.: Сангляр, стр. 13а). В связи с этим непонятны причины ее преобладания в тексте Бабурнаме, в котором встречается еще одна форма предлагательно-желательного наклонения 1-го лица единственного числа, см. БН: *сәңдә бәрәјик* 'дадим-ка тебе' (132). Возможно, что такое обилие однотипных форм объясняется отражением языковых особенностей переписчиков.

Формы предлагательно-желательного наклонения 1-го лица единственного и множественного числа образуются также при помощи аффиксов *-байим ~ -ajim*, *-байин ~ -ajin* (ед. ч.), *-балім ~ -alim*, *-балің ~ -alıң*, *-балі ~ -ali* (мн. ч.), которые выступают преимущественно в памятниках золотоордынского цикла, ср. МН: *башлабайин* 'начну-ка' (162а); ХШ: *кїзләгәјин* 'спрячу-ка' (186), *жәгәлім* 'поедим-ка' (296) и т. д.

Форму 3-го лица единственного числа образует аффикс *-сун ~ -сун*. Примеры. Б: *болмасун* 'пусть не будет' (7), *кәлсүн* 'пусть придет' (18), *көрмәсүн* 'пусть не видит' (27), *күјдүрмәсүн* 'пусть не сожжет' (46); Мах: *кәлтүрмәсүн* 'пусть не приносит' (14); ЧД: *өлтүрсүн* 'пусть убьет' (7а), *дәсүн* 'пусть принесит' (47б); ШН: *кїлсун* 'пусть сделает' (43), *кабасун* 'пусть осадит' (52), *јасансун* 'пусть снарядится' (55), *дәмәсүн* 'пусть не говорит' (75), *турсун* 'пусть стоит' (94), *ача бәрсүн* 'пусть откроет' (116), *жүрүсүн* 'пусть идет' (156), *барсун* 'пусть идет' (155), *савутсун* 'пусть охладит', *тутсун* 'пусть держит' (188), *окусун* 'пусть читает' (194), *јібәлсун* 'пусть соберутся' (198), *олтурсун*

'пусть сидит' (199). В сочинении Қутба встречается разновидность этого аффикса без конечного *n*, см. XIII: *kəlcij* 'пусть придет' (16), *болсу* 'пусть будет' (96).

В 3-м лице множественного числа к аффиксу *-сун ~ -сўн* присоединяется аффикс *-лар ~ -ләр*. Часто значение множественного числа выражается формой на *-сун ~ -сўн* и без дополнительного оформления.

Мехдй-хан утверждает, что параллельно аффиксу *-сун ~ -сўн* форму предлагательно-желательного наклонения 3-го лица образует аффикс *-дәк (~-дәк ~ -дiк?)*, ср.: *олдәк* 'пусть будет', *соддәк* 'пусть спросит'.

Примеры, которые приводит Мехдй-хан, почерпнуты из произведений Навә'й; у других классиков староузбекской литературы подобная форма, насколько нам известно, не встречается, ср.:

təlbə kəñlijmni Nava'ī zabt əjləj almadin
əmdi çək andin əlik xəp sarī barsa bardək (بارديک).

'Свое обезумевшее сердце, Навои, ты не смог обуздать, теперь сними с него руку, пусть идет, куда хочет'.

aj Nava'ī miləgän zuxd-u çalāx
kəzi-ju kəñlini xəm asradək (اسراديک).

'О Навои, пожелавший праведности и благочестия, пусть побережет свои глаза и сердце'.

šām-i xijranim viçal axlisa bəçad kīskadur
anı sodəklär (سوردیكلار) *Nava'ī dīdä-ji irjanidin.*

'Вечер моей разлуки для тех, кто вместе, — очень короткий,

[но] пусть спросят об этом [лучше] у плачущих глаз
Навои'.

vatança janip xalk əsūdä dil
barī bīzdin oldeklär (اولديكلار) *ammā bəçäll.*

'Вернувшись на родину, народ пребывает в спокойствии, однако пусть все получают от нас разрешение'.²⁷

asradək xifəida daim anī

'Пусть постоянно хранит его у себя (в памяти?)'.]

²⁷ См.: Мабәни' л-луғат, стр. 38.

kim kə kəñlin istämäs zamiñ milini asradək
'Кто не хочет опечалить свое сердце, пусть придер-
живается свой язык'.

ölsä Nava'ī jədək köj imläri söñäkin
'Если Навои умрет, пусть дворняжки обгладывают
его кости'.

munđa turdek bir mīkdār müləçazä kilälä
'Пусть стоит здесь, подумаем-ка немного'.²⁸

Сомнительно, чтобы в значении форманта предлагательно-желательного наклонения выступал сам по себе аффикс *-дәк (~-дәк)*, образующий обычно уподобительную форму. Поэтому хотелось бы думать, что в данном случае мы имеем дело с совершенно особым морфологическим элементом, имеющим в огласовке фатху или кесру (*-дәк, -дәк* или *-дiк*). Именно так поступают К. Менгес и К. Броккельман, выделяющие новый аффикс *-дiк*.

Какова же природа этого ранее неизвестного аффикса? К. Менгес высказывает предположение, что *dī* является аффиксом отглагольного имени с показателем принадлежности 3-го лица, а *k* восходит к частице *ök*.²⁹ Такой путь развития *-дiк* нам кажется, однако, маловероятным, так как выделяемая К. Менгесом исходная форма *bardī-ök* 'он пошел же' в семантическом отношении очень далека от искомой формы, ср.: *bardik* (*бардәк*) 'пусть пойдет'. К. Броккельман пытался возвести *-дiк* к наречию *dik* (*~tik*), ср.: *dik turdī* 'он прямо стал'.³⁰ Трудно принять и этот вариант этимологического объяснения *-дiк*, который предложен без учета семантического своеобразия рассматриваемой формы и особенностей синтагматического распределения наречий.

Таким образом выделение аффикса *-дiк* и квалификация его как особого морфологического показателя пока не являются достаточно убедительными.

²⁸ См.: С. Муталлибов. Морфология ва лексика тарихидан қисқача очерк, б. 80.

²⁹ См.: К. Н. Menges. Das Čağatajische in der persischen Darstellung von Mirzā Mahdī Xān, S. 684.

³⁰ С. Brockelmann. Osttürkische Grammatik, S. 225.

Принимая во внимание то обстоятельство, что аффикс *-дѣк* (*-дѣк*), так же как и аффикс уподобительной формы, не подчиняется закону гармонии гласных, мы склонны считать, что в составе формы предлагательно-желательного наклонения 3-го лица у Нава'й выступает уподобительный аффикс-последлог (отглагольное имя от *дѣ-* 'говорить'), ср. русск.: *иди мол, смотри мол*, и что сам факт употребления его в таком необычном сочетании относится к чисто индивидуальным особенностям языка Нава'й, не выводимым из норм староузбекского языка в целом.

Собственное значение форм предлагательно-желательного наклонения может существенно изменяться в зависимости от особенностей контекста. Так, при наличии препозитивно расположенных вопросительных местоимений или наречий, иногда сливающихся с глаголом, указанные формы приобретают оттенок неопределенности, ср. Б: *нѣ кѣлајѣн* 'что поделаю?' (3), *нѣтѣј, нѣтѣјѣн* 'что поделаю?' (19), *нѣчѣјк јѣн ѣлтѣјѣн* 'как смогу жить (?)' (23), *нѣјлѣјѣн* 'что поделаю?' (43); БН: *нѣ кѣлсун* 'что поделает?' (51), *сѣздѣн нѣ јашурајѣн* 'что я скрою от вас?' (143); МХ: *нѣр дѣдѣ кѣфшнѣ кѣм сакласун кѣм ајајѣн кѣфш билѣ бабласун* 'старец сказал: кто будет беречь чувяки, кто будет надевать на его ноги?' (23), *карнѣ ачѣп нѣ јѣсѣјѣн ол нѣмурѣд* 'проголодавшись, что будет есть тот неудачник?' (23); ШН: *нѣтѣлѣ* 'что поделаем?' (35). В сочетании с деепричастием *дѣп* или с относительным союзом *кѣм*, в составе придаточного предложения, формы предлагательно-желательного наклонения выражают значение цели, см. Б: *туттум сачѣн јѣзѣн кѣрдѣ дѣп* 'я схватил ее (за) волосы, чтобы увидеть лицо' (46); Мух: *сакѣјѣ тут бадѣ кѣм бѣр лахзѣ ѣзѣјѣдѣн барај, шарт бу кѣм хѣрнѣчѣ тутсаң лабѣ-лаб сѣпкарај* 'ѣй, виночерпий, держи вино, чтобы от него хоть на мгновение забыться; уговор таков, что сколько бы ты ни держал, все осушу' (8); СҚ: *бѣр мундаб иш кѣлсун кѣм бѣз такѣ ујатлѣв болмалѣ*³¹ 'пусть сделают одно такое дело, чтобы нам не было стыдно' (886).

³¹ С этой формой не следует смешивать формы типа *алмалѣ* 'он намерен взять', *кѣлмалѣ* 'он намерен прийти', употребляющиеся, как отмечает Мехдѣдан, «у тюрков Рума». См.: Мабани' л-луғат, стр. 17.

Форма условного наклонения

Аффикс, образующий форму условного наклонения, — *-са ~ -сѣ*.

Форма условного наклонения изменяется по лицам:

	Ед. ч.	Мн. ч.
1-е л.	<i>-сам ~ -сѣм</i>	<i>-сак ~ -сѣк</i>
2-е "	<i>-саң ~ -сѣң</i>	<i>-саңѣз ~ -сѣңѣз</i>
3-е "	<i>-са ~ -сѣ</i>	<i>-са(лар) ~ -сѣ(лар)</i>

Данная форма выражает условие, при котором действие может или не может совершиться, см. Б: *јѣр бѣрмѣсѣ* 'если не даст' (10), *ѣстѣсѣңѣз* 'если захотите' (25), *ајајѣн ѣпсѣм* 'если поцелую ее ноги' (55), *мутавајѣјѣх олса* 'если он направится' (122), *нѣз ѣјѣр кѣлсаң* 'если будешь кокетничать' (197), *ѣшитсѣм* 'если услышу' (201), *ѣчсѣм* 'если выпью' (222); Мах: *ол бѣрсѣ* 'если он даст' (17); С: *кѣн тѣјштѣ кѣрсѣ хусну јѣмѣлѣң кѣмѣ-лѣнѣ ујванѣп ѣхтѣјѣр ѣтѣр ѣз завѣлѣнѣ* 'если солнце увидит во сне совершенство твоей красоты, проснувшись, пожелает (снова) зайти (т. е. уснуть)' (256); СҚ: *сабур кѣлу билѣр ѣрсѣң* 'если ты сможешь вытерпеть' (83а); ШН: *кабаса хѣм кабасун* 'если будет осаждать, пусть осаждает' (52); ЧД: *ахлѣ јолукса мастлѣбдѣн танѣман* 'если встретятся люди, из-за опьянения не узнаю' (896).

Изредка, при наличии в главном предложении сочетаний типа *барар ѣрдѣ, бармас ѣрдѣ, барбај ѣрдѣ, бармабај ѣрдѣ* в функции сказуемого, форма условного наклонения выражает нереальное условие, см. Б: *бѣмѣхр дѣсѣ ѣл сѣнѣ мѣн бѣјтмѣс ѣдѣм* 'если бы люди говорили, что ты без любви (т. е. лишена способности любить), я бы не поверил' (245). Чаще же такое значение выражается сочетанием условной формы и вспомогательного глагола *ѣр-* в прошедшем времени, см. Б: *аңласам ѣрдѣ мунча дѣстлар јѣрдѣн ајѣрѣлмас ѣдѣм ѣлѣнчѣ* 'если бы я понимал, от столько друзей и возлюбленной не отлучался бы до смерти' (33); НМ: *сѣнѣ тѣлѣмас болсам ѣрдѣ ѣјѣмѣдѣ којмас ѣрдѣм* 'если бы я не хотел тебя, не пускал бы в свой дом' (526); ХМ: *бѣр кѣшѣдѣн сораб кѣлса ѣрдѣ ајтур ѣрдѣлѣр кѣм...* 'если бы спросил он у одного человека, тот сказал бы, что...' (26а);

ШН: *kəlmäsäñ ärdi barur ärdük bız* 'если бы ты не пришел, мы отправились бы [сами]' (130).

Самостоятельно, в качестве сказуемого главного предложения, данная форма выражает желание, намерение совершить действие, см. БН: *məniñ sözümдін чикмасалар Синд сујиниң ол јүзидә пәдшәх килічін чапсам* 'если они не отступят от моих слов, порублю-ка я мечом государя на той стороне реки Синд' (181).

С вопросительными местоимениями и наречиями форма на *-са* передает так называемую абстрактную (неконкретную) условность („куда бы ни“, „где бы ни“, „как бы ни“ и т. д.), см. А: *körärmän här kaјan баксам тәңизләр* 'куда ни посмотрю, вижу моря' (64), *aјaғиң канда болса башим анда* 'где бы ни были твои ноги, там (всегда) моя голова' (5); Б: *nəçä körсәтсәм вафәву мәхр әтәр јавру јафә* 'сколько ни показываю свою верность и любовь, отвечает притеснениями' (63), *хәр сарі кә јүзләнсәм...* 'куда бы я ни направился...' (66); Мах: *хәрнә ким ајтур олса...* 'все, что ни скажет...' (25), *кајан сүрсәң ол јан барур* 'куда ни потянешь, туда и пойдет' (133); ЧД: *кајда ким барса...* 'куда бы он ни пошел...' (24а), *nə дәсә дәсјн* 'что бы он ни сказал, пусть говорит' (476).

В сочетании с частицей *кәрәк* форма условного наклонения выражает предположительность, основанную на субъективном анализе обстоятельств совершения действия, см. Б: *ол кујаш кәрәк болса* 'то, должно быть, солнце' (7), *јәр јүзүмні көрјп дард ва замим билсә кәрәк* 'возлюбленная, увидев мое лицо, пожалуй, узнает о моих страданиях и печалях' (3); Л (А. 109): *сіхр ішін Кашмир әлі замзаңдін өргәнсә кәрәк* 'колдовству народ Кашмира, должно быть, учится у тебя' (8).

В сочетании с глаголом *бол-* 'быть', 'становиться' или без него рассматриваемая форма выражает возможность совершения действия или невозможность, если в той и другой форме выражено отрицание, см. Б: *кані Шірін билә Ләјлә кә сәндін нәз өргәнсә* 'где Ширин и Лейла, которые могут поучиться у тебя кокетству?', *кані Фархәду Мајнүн ким аларба ішк өргәтсәм* 'где Фархад и Маджнун, которых я могу научить любви?' (89); ДН: *кәлса болмас* 'нельзя делать', *билсә болмас* 'нельзя узнать' (247а), *бу јазукдін ані өлтүрсә болмас* 'за

этот грех его нельзя убивать' (2476); Л (А. 109): *качса болмас* 'убежать нельзя' (14); Мадж: *тапса болмас* 'нельзя найти' (1006); Мах: *ајтса болмас* 'нельзя сказать', *бітісә болмас* 'нельзя написать' (1), *кәлса болур* 'можно сделать' (33); МХ: *јолні киләвуз билә тапса болур* 'с проводником можно найти дорогу' (7); Мух: *дәсә болур* 'можно сказать' (2), *аңлатса болбај* 'можно объяснить' (8); ЧД: *кәлса болмас* 'нельзя делать' (286).

В тех случаях, когда условная форма сопровождается частицей *хәм*, она обычно выражает уступительное значение.

В сочетании с союзом *ким*, а иногда и самостоятельно, форма условного наклонения подчеркивает мгновенность перехода от действия, выраженного ею, к другому действию, см. М: *Јабраїл әшик качса ким сән дәп јн кәлді* 'как только Джабраил постучал в дверь, раздался возглас: „Кто ты?“' (9).

При глаголе *истә-* 'хотеть' форма на *-са ~ -сә* выступает в качестве приглагольного дополнения (ср. персидский *ворист*), например, ЧД: *истәрәм көзгүдә көрсәм јәр әксін бір нафас* 'хочу (хоть) на мгновение увидеть в зеркале отражение возлюбленной' (40а), *истәрәм сорбан саји баштін хикәјат әјләсә* 'хочу, чтобы по мере того, как спрашивают, рассказ начинали снова' (69а).

После союза *ким* рассматриваемая форма может заменять форму будущего времени изъявительного наклонения, см. СҚ: *качан ким кәчә болса* 'когда наступит вечер' (16а).

Форма условного наклонения от вспомогательного глагола *әр-* входит в состав некоторых местоимений и служебных слов или сама по себе является служебным словом, см. СҚ: *качан ким ол чәріг јанді әрсә* 'когда то войско вернулось' (736); ТМ: *итә бәрді әрсә* 'когда он дал собаке' (114а); ХМ: *јок әрсә* 'в противном случае' (33а); Я: *бактım әрсә* 'когда я посмотрел' (314а), *хәчкимәрсә* 'никто' (314б).

В заключение этого раздела необходимо отметить, что условие в староузбекском языке, при наличии союза *әгәр*, *јәр*, может быть выражено не только формой условного наклонения, но и любой другой глагольной формой, ср. А: *әгәр көңлүн тиләр јанімні алмак* 'если твое сердце захочет покорить мою душу' (98), *әгәр јан сүрәтін көрмәк тиләрсән* 'если хочешь увидеть изображение души' (155); Б: *јәр батрак јибәрмәссән*

javābīm 'если поскорее не пошлешь мне ответ' (199); Мах: *āār jīllar ra'ājat kīlipсан* 'если годами оказываешь внимание' (37), *āār atīң jokтур арпа бамін jэмәссән* 'если у тебя нет лошади, ты не знаешь заботы о ячмене' (169); ШН: *сән āār вахм кīлурсан хандін* 'если ты боишься хана' (70).

Формы изъявительного наклонения

Формы изъявительного наклонения передают действие в повествовательном аспекте и, следовательно, с различением временной перспективы. Выражение времени — отличительная черта данных форм. Время выражают и другие формы, ср., например, условное наклонение, однако возможности выражения времени другими морфологическими образованиями ограничены.

В староузбекском языке три временных глагольных формы: прошедшее „категорическое“, будущее „неопределенное“ и настоящее-будущее отрицательное.

Форма прошедшего „категорического“ имеет в качестве показателя *-дї ~ -дї ~ -ду ~ -дў* и присоединяет к себе аффиксы принадлежности:

Ед. ч.

Мн. ч.

1-е л. *-дїм ~ -дїм ~ -дум ~ -дўм -дїк ~ -дїк ~ -дук ~ -дўк*2-е “ *-дїң ~ -дїң ~ -дуң ~ -дўң -дїңіз ~ -дїңіз*3-е “ *-дї ~ -дї -дї(лар) ~ -дї(лар)*

Примеры. Б: *болдуң* 'ты стало' (4), *сарбардїм* 'я пожелтел' (29), *бардїңіз* 'вы отправились' (228); Л (А. 109): *көрдүм* 'я видел' (188), *буздуң* 'ты разрушил' (210); М: *кїлдук* 'мы сделали' (5); Мадж: *кәлтүрдиләр* 'они доставили' (186), *ојнабалї кїрдиләр* 'они вошли поиграть' (20а), *javāb ʔttīm* 'я ответил' (20а), *кәлді* 'он пришел' (30а); Мах: *jaruttum* 'я осветил' (5); НМ: *болдуңуз* 'вы стали' (646); ТМ: *тўшўрдиләр* 'они опустили, посадили' (976); ЧД: *көрдүк* 'мы видели' (696), *кәлдиләр* 'они пришли' (766); ШН: *кәлтүрдүк* 'мы привели', *башладук* 'мы начали' (51), *міндиләр* 'они взобрались' (208).

Вариант с губным гласным встречается у слов с соответствующим вокализмом в тех случаях, когда к аффиксу прошед-

шего „категорического“ присоединяется другой аффикс (аффикс принадлежности), образующий закрытый тип слога, ср. Б: *тапмадїм* 'я не нашел', *көрмәдїм* 'я не видел' (1), *өлмәдүк* 'мы не умерли' (228); Мадж: *болмадї* 'он не стал' (44а), *окїмадук* 'мы не читали' (576).

Соотношение вариантов рассматриваемого аффикса с глухим и звонким начальными согласными детально проанализировано Мехди-ханом. Если конечным в основе является *т*, — пишет он, — то и аффикс начинается с *т*, например: *тўттї* (*тўт-тї*) 'он держал'; если в конце основы *с*, *ш*, *п*, *ч*, *к* или *к*, то в начале аффикса может быть и *т* и *д*, ср.: *төктї* и *төкдї* 'он пролился'; после других согласных и гласных основ аффикс прошедшего „категорического“ всегда начинается с *д*, см.: *алдї* 'он взял', *јәдї* 'он съел', *дәдї* 'он сказал', *урдї* 'он ударил'.³²

В предложении форма прошедшего „категорического“ выступает только в качестве сказуемого и почти всегда самостоятельно, см. А: *эмдї бїлдїм* 'теперь я узнал' (78), *нәчә кїм кәздїм* 'сколько ни бродил я' (199), *ај бәкїм* 'ајд олдї 'госпожа, наступил праздник' (236); БН: *ташкї әлнї накбдїн качурдїлар* 'людей с внешней стороны заставили бежать из подкопа' (43); Я: *бу сөзнї хўд раст ајтїң* 'ты правильно сказал эти слова' (320а).

Употребление формы на *-дї ~ -дї* с связкой, выполняющей функции особого постпозитивного члена, наблюдается довольно редко, см. Л (А. 109): *чїктї әрсә* 'когда оно вошло' (1); Мадж: *сорулдї әрсә* 'когда они спросили' (57а); НМ: *кәлтүрдиләр әрдї* 'они принесли' (266); СҚ: *јараттї әрсә* 'когда он создал' (146), *јандї әрсә* 'когда он вернулся' (736); ТМ: *итгә бәрдї әрсә ит јәп халәк болдї* 'когда он дал собаке, собака съела и издохла' (114а). Подобных примеров немного больше в древнеуйгурских текстах X—XIII вв. и, напротив, значительно меньше в поздних памятниках староузбекской письменности. Такое соотношение, как нам кажется, необходимо поставить в связь с процессом все усиливающейся вербализации формы на *-дї ~ -дї* и постепенной утратой ею типологических черт

³² Мабани' л-луғат, стр. 127.

имени, которые в староузбекском языке XIV—XVI вв. уже не следует принимать во внимание.

Форма будущего „неопределенного“ образуется при помощи аффикса *-бай ~ -гәй ~ -ба ~ -гә*, см. Б: *нәһийк јән әлтә албайман* 'как смогу жить (?)' (10), *көргәјсіз* 'увидите' (25), *албасан* 'возьмешь' (205); М: *аниң улуклубјн хәчкймәрсә бilmәгәј* 'его величину никто не узнает' (5); Мах: *үјидә ашрал-басјн кәбәб килбәј* 'в своем доме приготовит из спинок дичи жаркое' (52); СҚ: *miläcä kilu bilgәј* 'если пожелает, сможет сделать' (20а); ШН: *болбаман Мiсiр улусiба конак* 'буду гостем у народа Египта' (75), *Ахмад бәг ilä кәтмiјlәр* 'отправятся с Ахмед-беком' (150).

В ряде случаев форма на *-бай ~ -гәй* имеет значение, близкое к значению формы предложительно-желательного наклонения 3-го л., см. БН: *тәһри хәч мусулманба бу бәләни бәрмәгәј* 'пусть не пошлет бог ни одному мусульманину такого бедствия' (210).

В составе придаточного предложения, вводимого союзом *кiм*, форма на *-бай ~ -гәй* выражает значение цели, см. РҚ: *milärmän kим jазубум аз болбәј* 'хочу, чтобы у меня было поменьше грехов' (152а); ТМ: *аңа захар јибәрдиләр кiм Әрдү-шiрә бәрип халәк килбәј* 'ему послали яд, чтобы дать Ардуширу и погубить его' (114а); Я: *әмдi маслахат олдур кiм ани андак јiрак ташлалi кiм јajнiң түринi түтiјә кiлiп тап-мабәј* 'теперь совет таков: бросить ее так далеко, чтобы сядище лука было недоступным для нее как редкое целебное средство' (320б).

Форма на *-бай ~ -гәй* от глагола *бол-* частично утрачивает собственное значение и, выступая в сочетании с причастиями, преобразуется в служебное слово, см. ХМ: *...замәнидiн сәк-сәйн iккi јil әтмиш болбәј* '... (с того) времени прошло, должно быть, 82 года' (56).

Употребление формы на *-бай ~ -гәй*, подобно форме прошедшего „категорического“, со связкой — довольно редкое явление. Форма на *-бай ~ -гәй* со связкой выражает пожелание, относимое к прошедшему или будущему времени, и некоторые другие значения, см. Б: *мәгәр ујкуда јүзүң көргәј әрдiм* 'хотя бы во сне увидел я твое лицо' (39), *көрмәгәј әрдiм јәмәл* 'алам ара

кәшкi 'не видеть бы мне красоты в мире' (73); БН: *мәниң билә он он бәш јiүрмә кiши болбәј әдi* 'со мной было человек десять, пятнадцать или двадцать' (104); ШН: *Хәјә Јахјә дәдi Бабур-мiрзә кәшкi кәлгәј әдi ошбу ара* 'Ходжа Яхья сказал: „Хотя бы пришел вот в это время Бабур-мирза“' (31).

Показатель отрицательной формы настояще-будущего времени — аффикс *-ман ~ -мән*, см. А: *адамба сәни охшата бilmән* 'не могу уподобить тебя человеку' (23), *кiла алман* 'не могу сделать' (228); Б: *дәмән* 'не скажу' (10), *којман әлiмдiн ајак* 'не выпущу из рук чашу' (53), *јәргә баш чалман* 'не преклоню голову' (83); Л: *бilmән* 'не знаю' (1726); НМ: *хәргәз унутман ани* 'никогда не забуду его' (206); ЧД: *кiлман* 'не сделаю' (26).

Эта же форма с личным оформлением в староузбекском языке являлась случайным и совершенно изолированным образованием, см. МЛ: *тапманам* 'не обнаруживаю' (43).

Формы неполной вербальности (Деепричастия)

Формы неполной вербальности, в отличие от истинно вербальных форм, не могут сами по себе заканчивать предложение, и использование их в качестве предиката возможно только при наличии особых предикативных частиц.

Формы неполной вербальности отличаются от полных вербальных форм и в семасиологическом плане. Как правило, они передают значение относительного времени, тогда как последние выражают модус действия, т. е. отношение говорящего к действию, и указывают на время его протекания безотносительно к каким-либо другим действиям.

В староузбекском языке встречаются следующие формы неполной вербальности, или деепричастия: на *-а ~ -ә* (после гласного — *-ј*), *-у ~ -ү*, *-(i)п ~ -(i)п*, *-(i)бан ~ -(i)бән*, *-бач ~ -гәч*, *-балi ~ -гәли*. Первые из них присоединяют к себе предикативные частицы и изредка другие служебные элементы, последние же два, как и наречия, не изменяются, имея всегда одну и ту же форму.

Деепричастие на *-а ~ -ә*, именуемое деепричастием настоящего времени, или соединительным деепричастием, в большин-

стве случаев занимает место одного из компонентов составных глагольных форм, см. Б: *örätä kör* 'смотри научи' (1); БН: *jikıla jazdı* 'чуть не упал' (151); Мах: *ала алмас* 'не сможет взять' (17); НДж: *kıla bilmäs* 'не сможет сделать' (61а); РК: *кача башладилар* 'они начали убежать' (140а), *jämtä алмади* 'он не смог настичь' (144б); СҚ: *сабур кила билдим* 'я мог терпеть' (103б); ШН: *тура алман* 'не могу стоять' (5), *kälä körсүн* 'пусть попробует прийти' (30), *jibärä бэрдилар* 'они послали' (32), *туралмадилар* 'они не могли устоять' (31), *tälmjrä калди* 'он уставился' (35), *уча алмас эди* 'она не могла лететь' (44), *тохтата алмади* 'он не мог остановить' (52), *атлана турсун* 'пусть отправляется' (94), *ача бэрсүн* 'пусть откроет' (116), *jürjütä башладилар* 'они начали приводить в движение' (158), *жаба калди* 'шел снег' (162), *ок атиша турдилар* 'они перестреливались' (216), *сула калдилар* 'они увяли' (219). В ряде случаев, например, с глаголом *ал-*, происходит фонетическое слияние двух компонентов и преобразование составных глагольных форм в сложные, см. БН: *тапалмај* 'не находя' (5); НМ: *хэчким јаваб бэрүлмәди* 'никто не мог ответить' (156), *kälälmädim* 'я не мог прийти' (42а), *хабар килалмадим* 'я не мог сообщить' (85а), *туталмасаніз* 'если не сможете сдержать' (91б); ШН: *туралмадилар* 'они не смогли устоять' (31).

Иногда рассматриваемая форма примыкает к другим глагольным формам без утраты грамматической самостоятельности и раздельности, см. БН: *Андіјанва јүрүшмәк хајалі билә кјмәк тиләј Ташкәндка хан кашіба бардим* 'думая о походе в Андижан, я направился в Ташкент к хану, чтобы попросить помощи' (69), *мәні көрә кәлди* 'он пришел, чтобы повидать меня' (75); Л (А. 109): *көңүлгә иккі лабиңдін шіфә тиләј кәлдим* 'я пришел просить исцеления сердцу у твоих губ' (142); НМ: *јармак тиләј барур эрди* 'он отправлялся просить деньги' (116).

Редкий случай самостоятельного употребления формы на *-а ~ -ә* указан Мехдй-ханом, см. МЛ: *јараша кәрәк болбај* 'должно быть, годится', *оуша(ј) кәрәк болбај* 'должно быть, подходит' (38). Приведенная им конструкция, однако, кажется несколько искусственной, и нет почти никакой уверенности в том, что она действительно была распространена в староузбекском языке.

Необычным является также самостоятельное (без связки) употребление деепричастия на *-а ~ -ә* в качестве предиката, см. Л: *камагимни нәчә кашің ја кила нәчә хіјр оті јәнімда јакіла* 'сколько (времени) твои брови сгибают мой стан, как лук, сколько (времени) горит пламя разлуки в моей душе?' (226а).

В составе сказуемого деепричастие на *-а ~ -ә*, если не иметь в виду единичные случаи, подобные только что упомянутому, выступает непременно в сочетании с предикативными частицами, см. Б: *көрәдурман* 'вижу' (2), *хэч киши көрмәј дурур* 'никто не видит' (80), *билмәјсән* 'не знаешь' (82), *көрүңсән* 'кажешься' (99); БН: *шэр ајмасіз ја адам коркутасіз* 'стихи читаете или пугаете людей?' (218); Л: *чикадур* 'выходит' (196а); Мадж: *окујдур эрди* 'он читал' (37а); Мас: *кільмај турурман* 'не делаю' (135а); НМ: *біхіштә барадур* 'отправляется в рай' (136), *кар жабадур эрди* 'шел снег' (136), *чин ајтадурман* 'правду говорю' (256), *мәндін сорадурлар* 'спрашивают у меня' (306); ТМ: *тамашә киладур эрди* 'он смотрел' (106б), *кільмај-дур эрди* 'он не делал' (126б); ШН: *ичәдурлар* 'пьют' (19), *чаң чаладурлар эрди* 'они играли на чанге' (172), *акадур эрди* 'они текли' (172); ЭД: *јанадур* 'горит' (6), *јанаман* 'горю' (7), *јарадур* 'рассекает' (11).

Сочетание деепричастия на *-а ~ -ә* без связки с вспомогательным глаголом *эр-* в прошедшем времени для староузбекского языка не типично, см. ХМ: *шахарва бара эрди* 'он отправлялся в город' (76б).

Выполнение деепричастием на *-а ~ -ә* собственно деепричастных функций, т. е. функций зависимого сказуемого, наблюдается в редких случаях и главным образом при удвоении, см. А: *көз учидін кјја кјја шэвә билә бакішларің* 'твои взгляды с кокетством (когда ты смотришь), косясь краешком глаза' (59); Б: *кајбуңні чэка чэка карібдур Бабур* 'часто печалась о тебе, состарился Бабур' (128); БН: *хакрэзәнің түбігәчә јумалана јумалана кәлди* 'скатываясь, он достиг основания земляного вала' (83), *бара кәлә ханні барін килдилар...* 'уходя и приходя, уговорили хана на...' (88); Мух: *вәјат завкәдін бат ічмәс ва ләззәт тапа тапа аз—аз ічәр* 'для большего удовольствия пьет не сразу, а мало-помалу' (8), *сәкіј чү ічип мәңә тутар кош тамшјј тамшјј ані килај нөш* 'когда

виночерпий выпивая даст мне пару (бокалов), глоток за глотком вкушая, опустошу их' (9), ...*ол ај кә кјлә кјлә кјравлаттї мәнї* '...тот месяц, который смеясь отстранил меня' (9); МХ: *тартїп ајак үстїдә тўрлүк маләл јікїлә копа үјїнә бардї зәл* 'с трудом передвигая ноги, падая и поднимаясь, старик отправился к себе домой' (14); СҚ: *андїн артук өлтүрә тїрїүзә алмазәј* 'сверх того, умерщвляя, не сможет оживить' (206), *ура ура* 'часто избивая' (916); ХШ: *їдї атїн тута ант ічті Шїрїн* 'с именем бога (букв.: держа имя бога) поклялась Ширин' (35а).

Что касается грамматического значения формы на *-a ~ -ä*, то в составных глаголах его можно охарактеризовать как объектное (в этимологическом плане), в самостоятельном употреблении — как целевое. В сочетании с предикативными частями форма на *-a ~ -ä* функционирует как именная часть составного сказуемого.

Деепричастие на *-a ~ -ä* восходит к отглагольному имени, поэтому не исключена возможность присоединения к нему некоторых морфологических показателей, например аффикса одной из форм интенсива *-rak ~ -räk*. Однако такая возможность реализуется почти исключительно в языках южной („огузской“) группы, см. МЛ: „у румийских тюрок“ *чапарак* 'часто бегаю', *урапак* 'часто ударяю', *гәдәрәк* 'часто уходя', *кәләрәк* 'часто приходя' (54), *качарак* 'убегаю-убегаю' (123).

Деепричастие на *-j* является фонетической разновидностью формы на *-a ~ -ä*.

Аффикс *-j* замещает аффикс *-a ~ -ä*, когда глагольная основа оканчивается на гласный, например: *окуј* 'читаю', *мїләј* 'прося', 'желая'. Поскольку отрицательная глагольная основа образуется при помощи аффикса *-ma ~ -mä*, с вокальным исходом, соответствующее отрицательное деепричастие имеет только *j*, ср.: *бармај* 'не пойдя', *окумај* 'не читая', *кїлә бїлмәј* 'не будучи в состоянии сделать'.

Отрицательная форма деепричастия „настоящего времени“, в отличие от положительной формы, часто обозначает зависимое, подчиненное действие, см. БН: *'азмїні бајә кәлтүрмәј хәч ішнї бўткәрмәј јандї* 'не выполнив своего намерения (и) не совершив ни одного дела, он вернулся' (206), *анї мунәсїб*

көрмәј 'Алї Шәр-бәгнїң үјләрїні тајїн кїлдїлар 'не считая его подходящим, выделили (ему) дома 'Алишер-бека' (238); Л: *сәні көрмәј өләрмән* 'не видя тебя, умру' (180); ШН: *он күн өтмәј јана атландї хан* 'не прошло и десяти дней, а хан снова отправился в поход' (44). При этом, как показывают приведенные примеры, вполне возможна так называемая абсолютная конструкция, т. е. наличие в пределах деепричастного оборота собственного подлежащего, не совпадающего с подлежащим предложения. Следует заметить, что собственное подлежащее может иметь и положительная форма, см. БН: *бу јурттїн јарїм кәчә көчүп күн чїка Мухаммәд-Пәхнї өтүп чаштїахда* *Кәхтнї чапїлдї* 'отправившись в полночь из этого владения (и) пройдя на восходе солнца Мухаммед-Пех, в полдень (мы) напали на Кяхт' (181).

Особая разновидность отрицательной формы рассматриваемого деепричастия включает дополнительный элемент *-(j)in ~ -(j)in*, см. М: *кїлмајїн* 'не делая' (37), *коркмајїн* 'не боясь' (39); Мах: *дәмәјїн* 'не говоря' (63); ШН: *бїлмәјїн* 'не зная' (13). Семантически она не отличается от краткой формы. Указанная разновидность — застывшее морфологическое образование с некогда продуктивным аффиксом орудного падежа.

Деепричастие на *-y ~ -j*, представляющее собой архаический вариант деепричастия на *-a ~ -ä*, для XIV—XVI вв. следует рассматривать как довольно редкую и, по всей видимости, чисто книжную форму, см. М: *ојнају јүрүр әрдї* 'он играл' (31); МХ: *кәфш кїјү* 'надевая обувь' (23); С: *корка тї-трәјү* 'боясь и дрожа' (56), *јїзлају тїшәјїн* 'плача опущусь-ка' (256); СҚ: *тїтрәјү башладї* 'он начал дрожать' (56а), *кїлу бїлмәс* 'не сможет сделать' (89а), *окїју башладї* 'он начал читать' (126а).

Деепричастие, образуемое при помощи аффикса *-(i)p ~ -(i)p* („деепричастие прошедшего времени“), в отличие от предыдущего, очень часто выступает в роли зависимого сказуемого и образует деепричастный оборот, см. БН: ...*Ахсї-дїн Бухәрәдїн кавун кәлтүртүп бїр мәјлїсдә кәстүрдүм* '...приказав доставить дыни из Ахсы и Бухары, я попросил разрезать их на одном меджлисе' (6); Мах: *аз аз өрәйнїп дәнә болур катра катра јїзїп дарјә болур* 'учась, помало-помалу

становятся мудрыми, капли, собираясь (вместе), образуют реку' (145); МХ: *болма учуз алп аёр саткучи, унга кэпак сиркэй су каткучи* 'не будь берущим (букв.: беря) дешево, продающим дорого, примешивающим к мукé отруби, к уксусу воду' (13); С: *көңүл шакяр бикін азың көрүп* 'адам болди 'сердце, увидев твои, подобные сахару, уста, сникло' (186), *Саккаки јивлап көз јашин јаз јамбуритак јабдурур* 'Секкаки льет слезы из своих глаз как летний дождь' (20а); ШН: *чиктилар курбанга чапкулашип* 'взобрались они на крепость, порубившись (с осажденными)' (46), *откарип барчасини дарјадин...* 'проведя всех через реку...' (161); Я: *бу кунга дэгрү хэчкимарса тюрки тилиниң јавхарин ва фарси алфазиниң гавхарин таркиб килип-ок јаниң арасинда муназаря тартип килмајдур* 'до сих пор никто, нанизав жемчужины тюркских и персидских слов, не составил муназара, в котором противостоящими (сторонами) были бы лук и стрела' (3146).

Вместе с тем деепричастие на $-(i)п \sim -(i)п$ широко употребляется в составе предиката и выражает перфективные значения. Однако самостоятельное предикативное употребление его, как и других форм неполной вербальности, допустимо только при наличии предикативных частиц или вспомогательного глагола *эр-*, см. А: *кэлтүрүптурман сәңә јанимни* 'я принес тебе (в жертву) мою душу' (236); Б: *мава килипсан* 'ты устроила убежище' (12), *нә килиптур* 'что он сделал?' (31), *ол пәри алиптур* 'та пери захватила' (31), *јанимни килипдур су* 'душу мою она растворила' (66); БН: *бир мәсјид тјушүптур...* 'была мечеть...' (3), *Хазрат Хөја бујуруптурлар...* 'Ходжа приказал...' (23); Л: *төртүнчи көк үзрә чикиптур* 'он взобрался на четвертое небо' (172а); Мадж: *мактабга барипмусан* 'ходишь ли ты в школу?', *дәдим ким барипман* 'я сказал, что хожу' (20а), *болуп турур* 'он стал', 'он становится' (306); Мах: *кан ичидурлар* 'пьют кровь' (63); НМ: *заиф болубман* 'я стал слабым' (178 а); ХМ: *мундак ајтип эрдиляр* 'так они сказали' (35а); ШН: *сачилип эрди* 'он рассыпался' (217), *ач болуббиз* 'мы голодны' (218).

В сочетании с вспомогательным глаголом *бол-* в составе сказуемого деепричастие на $-(i)п \sim -(i)п$ образует оборот, выражающий ситуационную или объективную возможность, см. БН:

көпрүктин өзгә јәрдін көчип болмас 'другой дорогой, кроме моста (то есть кроме, как по мосту), пройти нельзя' (21).

Деепричастие на $-(i)п \sim -(i)п$ от глагола *эт-* с вопросительным местоимением *нә* образует застывшую форму, обладающую всеми признаками наречия, см. ШН: *хан Хиҗар үстигә нәтип барадур* 'зачем хан отправляется в Хисар?' (157).

Соответствующая деепричастная форма от глагола *дә-* 'говорить' преобразуется в служебное слово (союзную частицу?), выражающее целевые и причинные отношения и употребляемое для связи прямой речи с авторской, см. Б: *туттум сачини јүзин көрәј дәп* 'я схватил ее (за) волосы, чтобы увидеть лицо' (46); БН: *әгәр икки хариф учраса бири билә шаһранј ојнап јана бириниң әтагини тутуп олтурур экандур ким кәтмәгәј дәп* 'если встречаются ему два партнера, то с одним играет в шахматы, а другого сидит и держит за полу (халата), чтобы он не ушел' (224); М: *Јабраїл әшик какса ким сән дәп јн кәлди* 'как только Джабраил постучал в дверь, раздался возглас: „Кто ты?“' (9).

От отрицательной глагольной основы деепричастие на $-(i)п \sim -(i)п$, как правило, не образуется. Подобные случаи в старом узбекском языке единичны (см. например, БН, 261). Однако количество их значительно возрастает при употреблении указанной формы со связкой, см. БН: *ва мән хәм хәргәз көрмәбман* 'я я никогда не видел' (125), *хәч тарафдин бәлб ва мағлүб ма'лүм болмабдур* 'ни с одной стороны победители и побежденные не были известны' (128), *виләјатлиби калмабдур* 'их автономности не осталось' (161); НМ: *көрмәбдур эрдиляр* 'они не видели' (116).

Деепричастие типа *барібан*, которое мы рассматриваем как форму древнего орудного падежа от деепричастия (исторически отглагольного имени) на $-(i)п \sim -(i)п$, используется преимущественно в поэтических текстах для передачи зависимого, подчиненного действия. Примеры. Б: *көз алдурубан јүзигә* 'позволив ее лицу очаровать (букв.: взять глаза)' (110), *башини албан хәр сарі кәтмәк мүшкүл* 'взяв голову, идти в любую сторону тяжело' (119); ДН: *нә дәбан мән ані көздин салајин* 'что сказав, я изгону ее из глаз?' (246а), *назар салди салбан сөз араба* 'она взглянула, сделав это между слов' (264а),

...башна коjubан худхуд бикін тәj '...водрузив на своей голове, подобно удоду, корону' (2676); МХ: пїр табассум кїлбан урдї jош 'старец, улыбнувшись, всколыхнулся' (22); С: сїjnбїл кәрїбән зулфуруз шаддә ва сәрїардән әрїр 'гиацинт, увидев твои локоны, становится безумным и не находит пристанища' (7a); ШН: әjlәбән баблар ічрә манзїл... 'став лагерем в садах...' (58), ол өгүздін өтїбән... 'перейдя через ту реку...' (187).

Деепричастие, образованное при помощи аффикса -бач ~ -гач, всегда обозначает зависимое действие, предшествующее по времени действию основного сказуемого. Примеры. Б: ашїк олбач кәрдїм... 'став влюбленным, я увидел...' (47); БН: кїргач јч јүкїндїм 'войдя, я трижды преклонил колени' (39); Л (А. 109): окдәк мәнї ол замзә jафә бїплә тїзәткәч 'после того, как подобный стреле взгляд исцелил меня мучениями' (244); НМ: бу хәлнї кәргач 'когда они увидели это положение' (12a); ТМ: бу хабардін вәкїф олбач 'когда они узнали об этом' (101a); ШН: анї кїлбач занї 'после того, как он сделал его богатым' (4), хан Ёрәтәләдін өткәч 'после того, как хан прошел через Уратепу' (116); Я: чїн ол јїгїтнїң јажїнїң сөзї тїлїмдә ва окїнїң хажәлї башїмдә әгач кәңлїмдә кәчтї кїм... 'так как, когда слова о луке этого юноши были на моих устах и когда мысль о его стреле была в моей голове, в сознании промелькнуло, что...' (3146), ок бу сөзләрнї әшїткәч кәз кәз сәкрїј башладї 'когда стрела услышала эти слова, начала прыгать' (3166).

Деепричастие на -балї ~ -гәлї бывает чаще всего приглагольным дополнением и выражает достигательно-целевое значение, см. А: кәматнїң бәләсїна бардук тамашә кїлбалї 'мы пошли, чтобы наглядеться на беды, причиняемые твоим станом' (109), кїждїм өртәндїм нәтәј ол кашу кәзнї кәргәлї 'сгорел я, что сделать мне, чтобы увидеть те брови и глаза?' (124), кәзләрїм дарјәсїдін хәрдам хажәлнїң кәчкәлї кїрпәкїмннїң хасларїнднн бабламїшман салнї 'чтобы через море моих глаз постоянно переправлялся твой образ, я связал из моих ресниц плот' (210); БН: вәдәлар бїлә мїрзәба бактурбалї кәлгәндур 'он пришел, чтобы обещаниями привлечь [его] на сторону мирзы' (31); Л (А. 109): кїн тїштә кәргәлї сәнї

тїштнї завәлба 'солнце, чтобы увидеть тебя во сне, стало клониться к заходу' (218); Мадж: ојнабалї кїрдїләр 'они вошли, чтобы поиграть' (20a); НМ: алтнї кїн тә'әм тапмадук јзәлнї 'шесть дней мы не находили пищу поест' (68a); С: гїл јїзї-нїзнн кәргәлнї јїз пәрә кїлднн өзннн 'роза, чтобы увидеть твое лицо, разорвалась на мелкие части' (7a); СҚ: бу тә'әмднн јзәлнн коркарбїз 'боимся есть эту пищу' (526); Я: ...әлннә ок алїп әгннә ја салїп кабак аткалнн мајдән башїба 'аэм кїлднн '...взяв в руки стрелы, надев через плечо лук, он направился на поле стрелять по тыкве' (314a).

Деепричастие типа барбалнн обозначает также действие, являющееся начальным пределом другого действия, например, Б: кәңлїмдә дард кәлгәлнн... 'с тех пор как в мое сердце явились мучения...' (26), кәргәлнн хуснуңнн зәр ва мубталә болдум сәңә 'с тех пор, как я увидел твою красоту, я стал опечаленным и умоляющим тебя' (93).

Формы лица и числа

Совершенно особая система форм лица и числа, не встречающаяся у имен, у глагола прослеживается только в повелительном (+предлагательно-желательном) наклонении, см.:

	Ед. ч.	Мн. ч.
1-е л.	-(aj) ~ -(әj), -(aj)jн ~ -(ә)jн, -(aj)jм ~ -(ә)jм	-(a)лнң ~ -(ә)лнң, -(a)лн ~ -(ә)лн, -jлнк ~ -jлнк
2-е „	-бїл ~ -гїл, -бїн ~ -гїн	-їң ~ -иң, -їңлар ~ -иңләр, -їңнз ~ -иңнз
3-е „	-сун ~ -сїн	-сун(лар) ~ -сїн(ләр)

Примеры: бараж, баражнн 'пойду-ка', баралнн, баралнн 'пойдем-ка', бар, барбїл, барбїн 'иди', барнн, барннлар, барнннз 'идите', барсун 'пусть идет', барсун(лар) 'пусть идут'.

Таким образом, формы повелительного (+предлагательно-желательного) наклонения следует считать наиболее вербальными, или истинно вербальными, образованиями.

В условном наклонении и у формы прошедшего времени изъявительного наклонения аффиксы, выражающие лицо и число,

почти полностью совпадают с аффиксами принадлежности имени, см.:

Ед. ч.	Мн. ч.
1-е л. -м	-к ~ -к (-міз ~ -міз)
2-е „ -ң	-ңіз ~ -ңіз
3-е „ —	— (-лар ~ -лар)

Примеры: *бардїм* 'я пошел', *барсам* 'если пойду', *бардїк* 'мы пошли', *барсак* 'если пойдем', *бардїң* 'ты пошел', *барсаң* 'если пойдешь', *бардїңіз* 'вы пошли', *барсаңіз* 'если пойдете', *бардї* 'он пошел', *барса* 'если пойдет', *бардї(лар)* 'они пошли', *барса(лар)* 'если пойдут';

ср. у имени: *ташїм* 'мой камень', *ташїбіз* 'наш камень', *ташїң* 'твой камень', *ташїңіз* 'ваши камни', *ташї* 'его камень', *ташларї* 'их (его) камни'.

Различие между теми и другими, как показывают приведенные примеры, наблюдается лишь в пределах формы 1-го лица множественного числа. Аффикс *-біз(-міз) ~ -біз(-міз)*, единственно возможный в этом лице у имен, у глаголов выступает довольно редко.

В будущем времени изъявительного наклонения и у изменяемых форм неполной вербальности личные показатели ничем не отличаются от лично-предикативных аффиксов имени, см.:

Ед. ч.	Мн. ч.
1-е л. -ман ~ -мән	-біз(-міз) ~ -біз(-міз)
2-е „ -сан ~ -сән	-сіз ~ -сіз
3-е „ —	— (-лар) ~ (-лар)

Примеры: *барбайман* 'пойду', *бараман* 'иду', *барїпман* 'иду уже', 'я пошел', *барбайбіз* 'пойдем', *барабїз* 'идем', *барїпбіз* 'мы пошли', *барбайсан* 'пойдешь', *барасан* 'идешь', *барїпсан* 'ты пошел', *барбайсіз* 'пойдете', *барасїз* 'идете', *барїпсіз* 'вы пошли', *барбай* 'пойдет', *бара(дур)* 'идет', *барїпдур* 'он пошел', *барбай(лар)* 'пойдут', *бара(дурлар)* 'идут', *барїп(дурлар)* 'они пошли';

ср. у имени: *кішімән* 'я человек', *кішіміз* 'мы люди', *кішісән* 'ты человек', *кішісіз* 'вы люди', *кіші(дур)* 'он человек', *кіші(лардур)* 'они люди'.

Формы неполной вербальности в 3-м лице самостоятельно не употребляются.

Отрицательная форма настоящего-будущего времени, имеющая только 1-е лицо единственного числа, оканчивается на *-н*, ср.: *барман* 'не пойду'. Подобный личный показатель ни к каким другим формам не присоединяется.

Совершенно очевидно, что аффиксы лица и числа, используемые в составе глагола, не образуют единой системы собственно глагольных форм, а поэтому в целом не могут быть отнесены к числу основных морфологических признаков, дифференцирующих имя и глагол.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ГЛАГОЛА

Формы отглагольного словообразования

Отглагольное словообразование глагола характеризуется образованием вторичных основ, или пород, выражающих вид, отношение говорящего к действию или различные типы отношения действия к действующему лицу: 1) действие исходит от производителя, выступающего в роли подлежащего, и направлено вовне, 2) действие исходит от производителя, выступающего в роли подлежащего и направлено на него самого, 3) действие исходит от производителя, не обозначенного в речи или обозначенного косвенно, 4) действие исходит от нескольких производителей, выступающих в роли подлежащего, и направлено вовне или от одного к другому, 5) действие исходит от производителя, обозначенного формой косвенного падежа и испытывающего активное воздействие другого производителя.

Первая порода, как уже указывалось выше, лишена специального оформления,³³ ср.: *ур-* 'бить', *бар-* 'идти', *кіј-* 'одевать', *јаз-* 'писать', например, А: *нәчә кім кәздім* 'сколько я ни бродил' (199); ЧД: *бәз сарї кәз салалї* 'обратим-ка свои взоры в сторону сада' (536).

В зависимости от возможности или невозможности сочетаться с формой винительного падежа глаголы первой породы

³³ Первичная основа играет роль исходной формы, от которой образуются все вторичные основы.

делятся на переходные и непереходные. Таким образом, фактическая или потенциальная форма прямого дополнения служит основным критерием определения переходности или непереходности. Различие переходных и непереходных глаголов прослеживается также в плане образования от них других пород. Так, например, образование второй и третьей пород от непереходных глаголов осуществляется в весьма ограниченных размерах, возможность же образования упомянутых пород от переходных глаголов почти не имеет границ.

Вторая порода образуется при помощи аффикса $-(i)n \sim -(i)n$, ср.: *урун-* 'быть битым (самим собой)', *кијин-* 'одеться (одеть самого себя)', *јүвин-* 'умыться (умыть самого себя)'. Примеры. А: *өртәндім* 'я сторел' (124); БН: *он алтї катла чумундум* 'шестнадцать раз я погружался в воду' (120); ДН: *уландї кәчә тәйрү әл јибүні* 'протянулось до вечера сборище людей' (2346); Л (А. 109): *јафә тјүгәнсә нәтәрсән* 'если кончится притеснение, что будешь делать?' (6); Мах: *ол јол арбазландї* 'та дорога заколдована' (124); ХМ: *са'ј киләндї* 'были приложены старания' (416); ЧД: *ла'лїңба базландї јәнїм* 'моя душа привязалась к твоим губам' (54а); ШН: *јасансун ләшкәр* 'пусть снарядится войско' (55); Ә: *бу хәјәл 'ајаб көрүндї мәнә* 'эта мысль показала мне странной' (330а).

Примечательно образование формы второй породы от непереходных глаголов для передачи действия с необозначенным (но обычно известным) производителем, см. БН: *Кабәдін Мар-бүһнәнба кәлиндї* '(мы) пришли из Кабы в Маргинан' (95).

Форма второй породы, образованная от переходных глаголов, может управлять формой винительного падежа, см. БН: *ләннң банїлїм курбанда әдї хәм курбаннї алїндї хәм банїмнї качурулдї* 'мой противник находился в крепости; и крепость была взята, и противник был обращен в бегство' (105); Мах: *анї үч кїсм киләндї* 'ее сделали (она сделана) из трех частей' (8).

Третья порода образуется при помощи аффикса $-(i)л \sim -(i)л$, ср.: *урул-* 'быть битым (кем-то)', *барїл-* 'идти (кому бы то ни было)', *јазїл-* 'быть написанным (кем-то)'. Примеры. Б: *бузулмабај* 'не разрушится' (4), *јәр кадрїн билмәдїм тә јәрдїн әјрїлмадїм* 'не знал я цены возлюбленной, пока не разлучился

с ней' (219); БН: *аннң үстїгә хәм барїлдї* 'пошли и на него' (39), *бавујүд хәзїр чәрїг кїшисї билә јасап чїкїлдї* 'все же построили отряд из воинов, бывших на месте, и выступили' (55); *Кәндїрлїк дабанәсї ашп Ахсї тарафїба тјүшүлдї* 'перейдя перевал Кендырлык, (мы) отправились в сторону Ахсы' (68); Мах: *ва бу тјүркчәдә мундак дәјилїбдур* 'и это по-тюркски говорят так' (10), *ајтурба мјтә'әммәл болубај... 'будет задумываться, чтобы сказать...'* (24); Мах: *аңа Махбүб ул-кулүб ат којїлдї* 'ей было дано название Махбуб уль-кулуб' (8); НМ: *сәннң үчүн бїр јәбә саткун алїлдї* 'для тебя была куплена кольчуга' (256), *мусәфїрлардїн сорулдї* 'было спрошено у странников' (40а); ХМ: *мунча абјәт їстїшхәдба кәлтјүрүлдї* 'столько стихов было приведено в качестве цитат' (64а); Ш: *... сојурбај бәрїлдї* 'было дано пожалование...' (255); ШН: *әл кїрїлдї барї* 'все население было вырезано' (43).

Встречается также аффикс $-ik$, см. Абушқа: *азїкїп* 'сбившись с дороги', 'заблудившись' (16).

Часто третья порода выступает в значении второй, см. СҚ: *кутулдуң* 'ты освободился' (1146); ТМ: *ик(к)и үч кәлимә билә їхтїсәр кїлїлдї* 'он ограничился двумя-тремя словами' (134а); ЧД: *бунчә ачїлдї көңлїм ачїлмадї* 'бутоң распустился, сердце же мое не раскрылось' (38а); ШН: *әл јїбүлсун* 'пусть соберется народ' (98), *јїбүлдї бәзләр* 'собрались беки' (218).

Данная форма, подобно предыдущей, может управлять винительным падежом имени, см. БН: *ол рамазаннї Хојандта өткәрїлдї* 'тот рамазан (мы) провели в Ходженде' (69), *барур јанарнї кәңәшїлдї* '(мы) советовались относительно (продолжения) похода или возвращения' (154), *дабї јәбәләрнї үләшїлдї* 'и были поделены кольчуги' (152); Мадж: *сәбәбін сорулдї әрсә...* 'когда спрашивали (спрашивалось) причину...' (57а); Мах: *тјүрк алфәзїба дабї муләхәзәннї ләзїм көрүлдї* 'оказалось необходимым высказать также соображения в отношении тюркской речи' (21).

В абсолютном большинстве случаев глаголы третьей породы обозначают действие, производитель которого не указан и не очевиден (ср. у местных филологов: *معنى مجهول* — значение неочевидности), ср. БН: *бу јїхаттїн нәчә навбат хөјәба кїшї јїбәрїп сөзләшїлдї* 'отсюда несколько раз посылали человека к ходже и вели переговоры' (96), *ва ба'зїннң рәјї барїн*

Әді кім кіш *жавуктур* філхал Ламған барілсај 'мнение некоторых было таково, что близка зима и теперь лучше пойти в Ламған' (154).

Четвертая порода образуется при помощи аффикса *-(i)ш ~ -(i)ш*, ср.: *уруш-* 'драться (в содружестве с кем-либо или между собой)', *баріш-* 'идти вместе (с кем-нибудь)', *јазіш-* 'писать вместе (в содружестве с кем-нибудь или переписываться)'. Примеры. БН: *бу јуртта әкәндә нәчә навбат ташкарідін ва ічкәридін көңүллүк јиітләр хіјабәнда јахш чанкулаштїлар* 'когда они находились в этом владении, несколько раз крепко рубились в степи с горячими мөлодцами со стороны и из этих мест' (50), *бір іккі катла ол тараф бу тарафдін кїлч алїштїлар* 'с той и с другой стороны раз или два скрещивали мечи' (53); НМ: *бір бірїмізгә бакїштук* 'мы смотрели друг на друга' (1266); ТМ: *бір бірїгә јакїнлаштїлар* 'они приблизились друг к другу' (1366); ЧД: *барча бірлә көрїшүп* 'увидевшись со всеми' (686), *көзләр камаштї* 'глаза слепило' (776).

Пятая порода оформляется разными аффиксами:

-(i)t ~ -(i)t, см. Б: *коркутма* 'не пугай' (42); Л: *кувлатма-бїл* 'не заставляй прогонять' (79); Мадж: *тїјгәттїләр* 'они закончили' (186); Мах: *јаруттум* 'я осветил' (5); Мух: *кїраблаттї* 'он отстранил', *јїблаттї* 'он заставил плакать', *сїктамтї* 'он заставил рыдать' (9); НМ: *анї шәјх орнїба олтурттїлар* 'его посадили на место шейха' (716), *јїбладї ва әлнї јїблаттї* 'он плакал и заставлял плакать народ' (1286); СҚ: *көкәрттї* 'он повеленит' (1046);

-тур ~ -тїр ~ -дур ~ -дїр, см. Б: *кїјдїрмәсїн* 'пусть не сожжет' (46), *өлтїрдї* 'она убила' (33), *алдурдум* 'я позволил взять' (65), *кәтїрмәң* 'не приносите' (222); БН: *бојнїба урдурдї* 'он приказал отрубить ему голову' (37), *бу фән бірлә сабїндурдум өзүмнї* 'этой наукой я наскучил самому себе' (2346); Мах: *кїјдїрәлі* 'оденем-ка' (168); НМ: *мәнї мїндїрдї* 'он посадил меня' (37а);

-(y)r ~ -(i)r, см. Б: *кәчїрдїң* 'ты провел' (71); БН: *качурдїлар* 'они обратили в бегство' (43); Л (А. 109): *јашурма* 'не прячь' (29); СҚ: *сїңүргїл* 'введи', 'поглоти' (776); ТМ: *анї јәргә тїшїрдїләр* 'они спустили его на землю' (976);

-кур ~ -кїр ~ -бур ~ -гїр ~ -кар ~ -кәр, см. Б: *куткардїм* 'я спас', *өткәрдїм* 'я провел' (29), *јәткїр* 'донеси', 'доведи' (198);

Л (А. 109): *јазбурдї јолдїн* 'он сбил с дороги' (21); СҚ: *јаткурдї* 'он положил' (42а);

-сәт, см. Б: *көрсәттї* 'он показал' (8);

-із ~ -из, см. Абушқа: *акїздї* 'он заставил (дал) течь' (25); Сан: *әмїздї* 'она дала пососать молоко' (1136), *тамїздї* 'он давал капать', 'он капал' (1606);

-шур, см. ШН: *тапшурдї* 'он передал', 49;

-буз ~ -гүз, см. БН: *Самарканд тахтїба олтурбуздїлар* 'посадили (его) на престол Самарканда' (38); ДН: *јән кїргүздї тәннә* 'он ввел душу в тело' (2486); М: *көргүзәјін* 'покажу-ка' (11);

-ба ~ -дә, см. Абушқа: *толбадї* 'он наполнил' (219).

Причины разнообразия морфологических показателей глаголов пятой породы не вполне ясны. Тем не менее бесспорно, по крайней мере в ряде случаев, факт зависимости использования того или иного аффикса от структурно-фонетических особенностей исходной основы.

Так, например, аффикс *-т* присоединяется преимущественно к основам, оканчивающимся на гласный или на *р*, ср.: *јарут-* (*јару-т-*) 'освещать', *јїблат-* (*јїбла-т-*) 'заставлять плакать', *учрат-* (*учра-т-*) 'встречать', *судрат-* (*судра-т-*) 'волочить', *олтурт-* (*олтур-т-*) 'сажать', *кудурт-* (*кудур-т-*) 'приводить в бешенство', *көкәрт-* (*көкәр-т-*) 'повеленить', *кувлат-* (*кув-ла-т-*) 'заставлять гнать', *тїјгәт-* (*тїјгә-т-*) 'заканчивать', *әрәт-* (*әрә-т-*) 'растопливать', *коркут-* (*корк-ут-*) 'пугать'.

Аффикс *-тур ~ -дур* в большинстве случаев присоединяется к основам с конечным сонорным согласным, ср.: *кїјдїр-* (*кїј-дїр-*) 'сжигать', *өлтїр-* (*өл-тїр-*) 'убивать', *алдур-* (*ал-дур-*) 'позволять взять', *кәтїр-* (*кәл-тїр-*) 'приносить', *сабїндур-* (*сабїн-дур-*) 'наскучивать', *кїјдїр-* (*кїј-дїр-*) 'одевать', *мїндїр-* (*мїн-дїр-*) 'подсаживать', *урдур-* (*ур-дур-*) 'заставлять бить', *сорадур-* (*сора-дур-*) 'заставлять спрашивать', *туттур-* (*тут-тур-*) 'заставлять держать', *чалдур-* (*чал-дур-*) 'заставлять играть', *аттур-* (*ат-тур-*) 'заставлять бросить'.

Аффикс *-(y)r ~ -(i)r* выступает обычно с основами, которые оканчиваются на любой согласный, кроме сонорных, хотя и в этом случае есть исключения, ср. *кәчїр-* (*кәч-їр-*) 'проводить', *јашур-* (*јаш-ур-*) 'скрывать', *тїшїр-* (*тїш-їр-*) 'спускать', *сї-*

ñjр- (сiң-йр-) 'вводить', тубур- (туб-ур-) 'заставлять рожать', јумур- (јум-ур-) 'заставить зажмурить', чјкјр- (чјк-йр-) 'приземлять', качур- (кач-ур-) 'обращать в бегство', јатур- (јат-ур-) 'укладывать', ашур- (аш-ур-) 'переводить'.

Труднее понять позиционные условия, в которых используется аффикс *-кур ~ -кјр...* Все же очевидно преобладание его у той группы первичных глагольных основ, которая оканчивается на *т*, ср.: öткär- (öt-kär-) 'приводить', jätкјр- (jät-kјр-) 'доводить', 'доносить', куткар- (кут-кар-) 'освободить', јаткур- (јат-кур-) 'положить'.

Другие аффиксы, образующие пятую породу, встречаются чрезвычайно редко.

Когда глаголы первой породы являются непереходными, присоединение к ним какого-либо из перечисленных выше аффиксов делает их переходными. Однако принадлежность этих глаголов к пятой породе носит узко-формальный характер, так как их взаимоотношения с другими словами в составе предложения оказываются такими же, как и у глаголов первой породы с переходными значениями, ср. СҚ: мән бір кішіні азбурсам... 'если я введу в заблуждение одного человека...' (716). Только присоединение второго аффикса придает непереходным глаголам собственное значение глаголов пятой породы (значение понудительности-каузативности), см. БН: Самарканд албан махалда Ахсідін Бухарадін кавун кәлтјртјп бір мәјлісдә кәстјрдјм 'взяв Самарканд, я приказал доставить дыни из Ахсы и Бухары и попросил разрезать их на одном маджлисе' (6), где глагол кәлтјртјп включает в себя два аффикса, образующих пятую породу: *-тјр* и *-т* (кәл- 'прийти', кәлтјр- 'принести', кәлтјрт- 'заставить принести').

При вдвойне переходных глаголах пятой породы непосредственный объект действия (объект волеизъявления действительного субъекта) выступает в форме дательного падежа, см. Б: сәңдә көңлјмні алдурдум 'я позволил тебе взять мое сердце' (65); НМ: ол libāsni мәңдә кјдјрдә 'он заставил меня (помог мне) надеть ту одежду' (2196).

Сочетание двух аффиксов пятой породы с основами переходных глаголов или трех аффиксов с основами непереходных глаголов позволяет выражать тройне переходные значения,

или значения опосредствованной каузативности, по типу: јаздјрт- 'попросить одного оказать воздействие на другого с тем, чтобы этот последний написал письмо'.

Породы глагола не взаимоисключают друг друга: морфологический показатель третьей породы может присоединяться к показателю четвертой и пятой пород, показатель третьей и четвертой — к показателю пятой и т. д., см. БН: банімні качуруддә 'враг был изгнан' (105), сөзләшүлдә 'они беседовали' (152), Хусәјн мјрзә билә хәм ошбу нав' көрјшүлдә 'и с Хусейном мирзой (мы) встретились точно так же' (234); ХМ: мунча абјат істјшхәдҗа кәлтјртјлдә 'столько стихов было приведено в качестве цитат' (64а). Не исключена возможность сочетания в пределах одной глагольной формы трех и даже четырех аффиксов, образующих породы, см. Абушқа: толбандуруп (тол-ба-н-дур-уп) 'наполнив' (219). В подобных случаях понятие вторичной основы становится относительным.

Некоторые глаголы второй и третьей пород не соотносимы с соответствующими глаголами первой породы (последние отсутствуют в староузбекском языке XIV—XVI вв., но, возможно, существовали в языке более раннего периода), тогда как формы пятой породы этих же глаголов представляют собой неразложимые морфологические сращения, ср.: кутул- 'освободиться', куткар- 'освободить' (*кут-); ујал- 'стыдиться', ујат- 'стыдить', (*уја-); інан- 'верить', інат- 'внушить' (*іна-); өргән- 'учиться', өргәт- 'учить' (*өргә-); тіріл- 'оживать', тіріт- 'оживлять' (*тірі-); ујбан- 'пробуждаться', ујбат- 'пробуждать' (*ујба-).

Изредка оказывается возможной только форма второй породы и от нее образуются формы четвертой и пятой пород, см. ШН: атландә 'он отправился' (44).

Необходимо далее отметить, что глаголы разных пород могут иметь одинаковое значение, ср.: куру- и куруш- 'сохнуть', јару- и јаруш- 'светиться', тјгә- и тјгән- 'кончатся'.

Формы отыменного и отнаречного словообразования

От имени и наречия глагол образуется при помощи аффиксов: *-ла(н) ~ -лә(н)*, *-ла(т) ~ -лә(т)*, *-ла(ш) ~ -лә(ш)*, см. БН: јарабланіп 'вооружившись' (јараб 'оружие'; 86), тајаблаттјм 'я при-

казал бить палкой' (*тајау* 'палка'; 154), *окладлар* 'они пускали стрелы' (*ок* 'стрела'; 200), *јэбäläniп* 'надев на себя кольчуги' (*јэбä* 'кольчуга'; 201), *сöзläшiп* 'беседуя' (*сöз* 'слово'; 203); Сан: *атбуладі* 'он стрелял' (*атбу* ~ *атку* 'пускание стрел'; 29а), *авуладі* 'он взял в горсть' (*авуч* 'горсть'; 53а); ТМ: *јүзläнді* 'он проявил себя', 'он появился' (*јүз* 'лицо'; 106а); ЧД: *бауланді* 'она привязалась' (*бау* 'завязка'; 54а);

-да ~ -дä, см. ДН: *јүндäдiм* 'я позвал' (*јүн* 'возглас', 'звук'; 268а); Мах: *колладі* 'он повел' (*кол* 'рука'; 67), *јолладі* 'он направился' (*јол* 'дорога'; 67);

-на ~ -nä, см. Л: *ојнајiн* 'поиграю-ка' (*ој* 'игра'; 46);

-ра(н) ~ -rä(н), см. Сан: *иңрäдi* 'он стонал, плакал' (*иң* 'стон'—звук-подражание) (117а, ср. там же: *иңläдi*, *иңilдäдi*); Абушка: *иңрändi* 'он стонал, плакал' (81);

-а ~ -ä, см. Абушка: *атадi* 'он назвал' (*ат* 'имя, прозвище'; 6); ШН: *тiјнäдi* 'он заночевал', 'он провел ночь' (*тiјн* 'ночь'; 162);

-aj ~ -äj, см. Сан: *улбајдi* 'он вырос' (*улуб* 'большой'; 85а);

-(a)p ~ -(ä)p, см. Абушка: *эскiрдi* 'он состарился' (*эски* 'старый'; 55), *кiскардi* 'он стал коротким' (*кiска* 'короткий'; 331); Б: *сарбардiм* 'я пожелтел' (*сарiс* 'желтый'; 29); Л (А.109): *акардi* 'он поседел' (*ак* 'белый'; 10), *көкардi* 'он зазеленел' (*көк* 'синий', 'зеленый'; 249); СҚ: *карауај* 'потемнеет' (*кара* 'черный'; 17а), *кiзардi* 'он покраснел' (**кiз* 'красный'; 124а);

-i(k) ~ -(i)к ~ -(y)к ~ -(i)к, см. Абушка: *јолуктi* 'он встретился' (*јол* 'дорога'; 417); БН: *јагiктi* 'он враждовал' (*јагi* 'враг'; 80); ХШ: *бiрiктi* 'он объединился' (*бiр* 'один'; 176);

-сiн ~ -сiн, см. Мух: *јiбламсiнуру* 'плакать всхлипывая' (**јiблам* 'плач'; 9);

-кар, см. Сан: *башкардук* 'мы направляли, управляли' (*баш* 'голова'; 1236);

НАРЕЧИЕ

Наречие — часть речи, выделяющаяся отсутствием словоизменительных форм. Последние, однако, не всегда отсутствуют вообще: многие наречия имеют какую-либо определенную словоизменительную форму, только эта форма является неподвижной, застывшей и не выражающей в данном случае те синтагмати-

ческие связи, которые присущи ей в силу вхождения в ту или иную парадигму.

Обособление имен и глаголов и переход их в разряд наречия происходит очень медленно. В этом процессе можно сравнительно легко определить крайние моменты: начало обособления и полный отрыв формы от своего парадигматического ряда. Все промежуточные этапы характеризуются и наличием живых функций, и признаками омертвления продуктивного морфологического образования, так что нередко трудно сказать определенно, имеем ли мы дело с глаголом (именем) или же с наречием.

В плане сочетаемости с языковыми единицами своего уровня наречие примечательно тем, что не может быть определяемым в определительных сочетаниях, в которых определением является имя. Примеры типа *хär кајда* 'всюду', разумеется, в счет не идут, так как в подобных примерах определительный член *хär* 'весь', 'каждый' первоначально входил в сочетание не с наречием *кајда* 'где', а с именем *кај*, *кају* 'какой'. Наречие в сочетаниях с именами фактически не выступает и в качестве определения, так как те немногочисленные случаи подобных сочетаний, которые все же имеют место, не отражают специфики наречия и являются обычно следствием еще сохраняющихся связей с именем.

Наречие подразделяется на две большие группы: обстоятельственные и изобразительно-экспрессивные слова.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫЕ СЛОВА

Поскольку обстоятельственные слова не имеют собственных форм словоизменения и представляют собой результат семантико-грамматического обособления двух других частей речи, т. е. имени и глагола, то классификация их, естественно, может быть произведена только в этимологическом плане („именные“ и „глагольные“ наречия).

Большинство „именных“ наречий — обособившиеся падежные формы имен, включая и форму основного падежа, которая преобладает у сложных наречий. Примеры:

— осн. п., см. А: *хärдам* 'постоянно', 'всегда' (*хär* 'весь', 'каждый', *дам* 'время'; 210); Л (А. 109): *канi* 'где' (175), *хärгез*

'никогда' (iäs?; 210); М: *качан* 'когда' (**кач* 'какой', *ан* 'момент'; 27, ср. также *хәр качан* 'всегда'); НМ: *кажан* 'куда' (*кај* 'какой', *жан* 'сторона'; 107а);

— дат. пад., см. БН: *биря* 'вместе' (146);

— местн. пад., А: *канда* 'где' (5), *хәр кајда* 'повсюду' (164); БН: *мунда* 'здесь' (113), *кајда* 'куда' (119); Мах: *кајда* 'где' (14); ШН: *анда* 'там' (82);

— исход. пад., см. НМ: *кајдін* 'откуда' (176);

— орудн. пад., см. Ах: *кјндјзјн* 'днем' (3246); Б: *сәнсізін* 'без тебя' (49, см. также ЧД, 116); МХ: *јалбузун* 'одинок' (2256); СҚ: *јјз тјбән* 'ниц', букв. 'лицом вниз' (416); ШН: *кэч-курун* 'вечером' (438);

— древн. направ. пад., см. НМ: *соңра* 'после', 'затем' (42а).

В качестве обособившихся морфологических образований функционируют также отдельные формы с аффиксом *-лар ~ -ләр*, см. БН: *јазлар* 'летом', *кјзләр* 'осенью' (159); ШН: *андалар* 'там' (82).

Некоторые наречия данной подгруппы восходят, по-видимому, к послеложным сочетаниям, см. ШН: *тјнлә ок* 'ночью же' (130); некоторые — к каким-то древним формам, имеющим неясные истоки, см. М: *эмді* 'теперь' (10); СҚ: *мунајді* 'так' (976) или к непроизводным формам, см. БН: *бат* 'скоро', 'быстро' (151).

Часть „именных“ наречий — заимствования из арабского и персидского языков, см. БН: *бәлибә* 'вероятно' (6), *мукарран* 'неоднократно' (14), *алалхусүс* 'особенно' (23), *филјүмлә* 'вообще', 'в целом' (48), *филхәл* 'тотчас же' (51), *тахмәнән* 'приблизительно' (68), *ханүз* 'еще', 'все еще' (125), *хәлә* 'теперь' (128), *албаттә* 'конечно' (134), *филвәкі* 'тотчас же' (152), *тамәм* 'полностью' (192), *дәйм* 'постоянно' (235); МХ: [алкүсә] 'одним словом' (16); ТМ: *бабәјат* 'очень' (92а).

Неполноценными наречиями, с точки зрения выраженности и четкости морфологических признаков, являются заимствованные формы типа *шә'ирәнә*, см. БН: *казакәнә ва бәтакаллу-фәнә* 'по-казачески и бесцеремонно' (133); Мах: *шә'ирәнә* 'поэтически' (29). Эти формы в староузбекском языке еще сохраняют способность присоединять к себе некоторые словообразовательные аффиксы имен, см. БН: *мардәнәлк* 'храбрость' (203), а также выполнять функции определения в именных сочетаниях,

см. БН: *мардәнә сөзләр* 'храбрые слова' (137), и поэтому в равной мере могут быть отнесены и к наречиям и к именам (прилагательным).

„Глагольные“ наречия — обособившиеся полные или стяженные формы деепричастий на *-а ~ -ә ~ -у ~ -ү ~ -і ~ -и...* Примеры. А: *јана* 'еще' (*јан-* 'возвращаться'; 9); Абушқа: *јашурун* 'тайно', 'скрытно' (*јашур-* 'скрывать'; 403); Л: *дабі* 'также', 'еще' (*так-* 'присоединяться', 'следовать'; 1726, см. также НМ, 18а); ШН: *асру* 'очень' (*асір- ~ ашір-* 'заставить превосходить'; 4, 14); Я: *баса* 'еще', 'также' (*бас-* 'следовать', 'давить', 'наступать'; 319а).

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНЫЕ СЛОВА

В группу изобразительно-экспрессивных слов входят образные слова, междометия и вокативные слова. Данная группа примечательна полным отсутствием грамматической формы. Следует однако отметить возможность образования от изобразительно-экспрессивных слов имен и глаголов, ср.: *ажкір-* 'звать', 'кричать'.

Образные слова в памятниках староузбекского языка встречаются редко, что объясняется стремлением авторов ограничить доступ в книжный язык таких элементов, которые носят ярко выраженный разговорный характер. Примеры. Абушқа: *тәм тәм* 'по капле' (196); БН: ... *јәргә тәпсәләр тамәм гүнбәздін лак лак әвәз кәлјр* '...если ступают на землю, из-под купола доносится хлопающий (*лак лак*) звук' (59); Мух: *Навә'ї ол гјл јчјн хәј хәј јбләма* 'о Навои, из-за той розы не плачь горько' (*хәј хәј*; 10); МХ: *тјшти хәрәбат ічідә хәј ва ху* 'в кабаке — разные возгласы' (*хәј ху*; 6).

Значительно шире представлены междометия, см. А: *ах эмді калмаді ах урғәлі хәм кувватәм* 'ох, не осталось у меня даже сил стонать (букв. произносить „ах“) (135); Б: *јәмәлиң вәсфәні әј әј нәчә әлдін әшитәјмән* 'описание твоей красоты ой, ой от скольких людей я слышу' (91), *әј вәј мәнә вәј мәнә* 'о горе мне, горе мне' (147); Л (А. 109): *вах ошул гәнј арзүсидур бізні вәјрән әјләгән* 'уву, желание этих сокровищ погубило меня' (209а); МЛ: *ла* — междометие, выражающее сожаление

ние (95); С: *aj vaj nčā tartalī itlär maḥalīnī* 'ой, ой, сколько еще будем влачить жалкое (букв.: собачье) существование' (256), *ax urdum* 'я ахал', 'я охал' (26а); ЧД: *вах кэ бу гүлшан ара гүл бүтмас әрмиш ҳарсиз* 'жаль (увь!), что розы в этом цветнике, оказывается, не растут без шипов' (22а).

Случаи оформления междометий словоизменительными аффиксами единичны, см. Я: *мәни ахба нисбат килп ајтур* 'меня сравнивает со вздохом (букв.: с „ах“)' (3196); Л: *тағни әрәтүр ајм* 'мои вздохи плавают горы' (1666).

К числу вокативных слов относятся слова-частицы *aj* и *ja*, см. А: *aj бәким* 'о госпожа' (236); Б: *зурбат ичрә ај көңүл әлдин вафә истарни кој* 'на чужбине, о сердце, не жди верности от людей' (74); С: *aj фәлак чарх урғил* 'о небесная сфера, возвращайся' (16а); ЧД: *ја раб* 'о господин' (676).

ЧАСТИЦЫ РЕЧИ

Одной из наиболее важных и наиболее древних особенностей структуры тюркских языков является нахождение зависимого, подчиненного или служебного члена в положении после независимого, самостоятельного компонента соответствующей синтагматической единицы. Именно эта особенность предопределила наличие в тюркских языках послелогов и отсутствие предлогов, наличие аффиксов-суффиксов и отсутствие аффиксов-префиксов. Таким образом, идеально, т. е. без учета тех изменений, которые произошли в структуре тюркских языков в сравнительно недавнее время чисто внутренним путем или под влиянием других языков, все частицы речи имеют довольно определенную формальную характеристику. Будучи служебными элементами, они постпозитивны в отношении частей речи.

Разумеется, староузбекский язык уже далек от того идеального типа, в котором функции различных компонентов сочетания строго определялись их соотносительным расположением. Все же указанный принцип еще сохранил свое значение и для староузбекского языка. Характерно, что те частицы речи в нем, для которых исконное формальное ограничение, отмеченное выше, не играет никакой роли (например предлоги и союзы),

являются заимствованиями из нетюркских языков или возникли в результате довольно позднего обособления некоторых собственно тюркских местоимений и деепричастий.

ПОСЛЕЛОГИ

Послелого — служебные слова, сохраняющие в отдельных случаях тесную связь с теми частями речи, из которых они развились.

Связь отглагольных послелогов с наречиями проявляется в неизменности их оформления; что касается связи отыменных послелогов с именами, то ее можно проследить в способности послелогов сочетаться со словоизменительными морфемами падежа, числа и принадлежности, а также с другими аффиксами, см. БН: *мундін бурунрак* '(немного) раньше этого' (39), *Султан Мас'уд мірзәни кәжиниә* 'за Султан-Мас'удом мирзой' (42); М: *күшк үзәсіндә* 'на престольном месте' (13); НМ: *андін илгәрирәк* 'раньше него' (136), *андін бурунрак* 'до него', *андін соңрарак* 'после него' (36а); СҚ: *бізін кәтмиздә* 'перед нами' (85а); Я: *бізін арамиздә* 'между нами' (320а).

Когда послелого выступают самостоятельно, граница между ними и частями речи по существу исчезает, см. Б: *кашнза* 'к тебе' (19), *гирдндә* 'вокруг тебя' (30), *утрумза кәлүр* 'идет мне навстречу' (66), *кашмза кәлүл* 'подойди ко мне' (200); БН: *ичиә* 'внутри себя' (8), *кәжинләридин* 'за ними' (49); НМ: *утру кәлип* 'выйдя навстречу' (686); С: *тапбуңда* 'при тебе' (86); СҚ: *иләјимиздин* 'впереди нас' (296).

Послелого, включающие в себя словоизменительные морфемы, являются либо именами, либо глаголами, употребляемыми в служебной функции и имеющими, как правило, некоторые формальные особенности. Так, например, „именные“ послелого обнаруживают максимально три падежные формы, фиксирующие основные моменты пространственных взаимосвязей: „куда“, „где“, „откуда“, ср.: *таш алдәба* 'к камню', *таш алдәда* 'перед камнем', *таш алдәдан* 'от камня (букв.: от перед камнем)'. Для „глагольных“ послелогов характерно наличие одной неизменной формы, нередко выделяющейся своей архаичностью, ср.: *біздин ајру* 'кроме нас', *ол күндін бәри* 'с того дня' (*ајру* и *бәри* —

формы неполной вербальности — деепричастия на *-у, -і*, типичные и продуктивные для языка более древнего периода).

Неизменную форму имеют и некоторые „именные“ послелогои: *јүчүн, кэби, башка, өзгә, соңра* и т. д., полностью утратившие связь с теми именами, от которых они произошли.

Послелогои с неизменной формой следует назвать истинными послелогоами. Изменяемые послелогои могут быть названы служебными именами.

Послелогои — наиболее подвижный разряд частиц, в границах которого осуществляется тесное взаимодействие между самостоятельными и служебными словами. Они отражают формальную историю самостоятельных слов и консервируют отдельные ее этапы. В силу этого обстоятельства послелогои являются ценнейшим [материалом для диахронического изучения языка. Именно в пределах послелогогов можно восстановить общетюркскую парадигму склонения, ср., например, местно-направительный падеж на *-ра ~ -рә (соңра, ічрә, үзрә)*, орудный на *-ін ~ -ин (јүчүн, кэјін)*, направительный на *-карі ~ -кәрі (ташкарі)* и т. д. Анализ послелогогов позволяет также выяснить соотношение и природу различных вариантов деепричастия „настоящего“ времени (ср.: *бака, бэри, утру, сајін ~ сајі*).

Все послелогои употребляются с именами (исключение одно: *бэри*, ср.: *кїлбалї бэри* 'с того времени, как начал делать'), поэтому классификация их строится на основании учета формы имен, выступающих в послеложных сочетаниях.

А) Послелогои, сочетающиеся с именами в форме основного падежа

В этой группе встречаются главным образом „именные“ послелогои, которые выражают пространственные отношения, и „глагольные“ послелогои *аша, бэри, бака, сајі ~ сајін, тэгрү.*

алдїда, алдїнда, см. БН: *іш билүр кіші алдїда* 'перед знающим дело человеком' (104); М: *арш алдїнда* 'перед престолом' (16);

алїда, см. ДН: *хәјәлің алїда* 'перед твоим образом' (257а); Л (А.109): *јүзүң алїда* 'перед твоим лицом' (3); ЧД: *ај алїда* 'перед красавицей' (276);

ара, см. Ах: *халәјік ара* 'среди людей' (3236); Л (А.109): *үшиәк ара* 'среди влюбленных' (208); Мах: *әл ара* 'среди людей', 'среди народа' (76); ЧД: *бустән ара* 'в цветнике' (5а); ШН: *ол ара* 'среди них' (135), *јаңал ара* 'в лесу' (214); ЭД: *от ара* 'в огне' (10);

арасїда, арасїнда, арасїдін, см. БН: *намәзшәм билә намәз-хуфтан арасїда* 'между вечерней и ночной молитвами' (40); Л (А. 109): *үлїстән арасїнда* 'среди цветника' (213); Мах *булар арасїда* 'между этими' (50), *јахшїлар арасїдін* 'из хороших' (171); НМ: *машәјіх арасїда* 'среди шейхов' (1176); СҚ: *халәјік арасїнда* 'среди народа' (55а); ТМ: *іккі ач арслан арасїда* 'среди двух голодных львов' (125а);

астїба, астїда, астїнда, см. Б: *үл зулфи астїнда* 'под локоном розы' (52); Мах: *ајағ астїда* 'под ногой' (154); НМ: *башї астїба* 'под его голову', *јанї астїда* 'под его боком' (276); ШН: *сал астїда* 'под плотом' (158);

атрәфїда, см. БН: *бу чәшмә атрәфїда* 'вокруг этого источника' (168);

аша, см. БН: *јч күн аша* 'через три дня' (303);

бәбїнда, см. Я: *тахаммул бәбїнда* 'в отношении терпения' (3156); БН: *мәвәләр бәбїда* 'о плодах' (225);

бака см. БН: *Кабул сарї бака* 'в сторону Кабула' (157);

башїда, башїнда, см. Л: *булак башїнда* 'у (начала) источника' (180а); ШН: *јол башїнда* 'у дороги' (35);

билә, билән, см. Ах: *шәх билән* 'шагом' (324а); Б: *сөз билә* 'словом' (10), *көңләк билә* 'с рубашкой' (59); Қас: *үшвәлар кїлмак билә* 'очарованием' (I); Мб: *кудрат билә* 'могуществом' (I); ЭД: *јүгүрмағлүз билә* 'со скитаниями' (3);

бікїн, см. А: *үл бікїн* 'словно роза' (6), *зулфуң бікїн* 'подобно твоим кудрям' (94); ДН: *худхуд бікїн* 'как удо́д' (2676); МХ: *јамбур бікїн* 'подобно дождю' (18); С: *шәкәр бікїн* 'словно сахар' (186); ТН: *Мајнүн бікїн* 'словно Маджнун' (2826);

біплә, біплән, см. Б: *әл біплә* 'с народом' (9), *бу сөзләр біплә* 'этими словами' (198); ДН: *алтун сујї біплән* 'золотой водой' (259а); Қас: *өз колун біплә* 'своей рукой' (I); Л: *качарїң біплә* 'с твоими щеками' (II); Мб: *кудратїң біплә* 'твоим могуществом' (I); ТМ: *Афрасїјаб біплән* 'с Афрасиабом' (96а); ШН:

ол *jösün birlä* 'таким способом' (37), *jänim birlän* 'всей) моей душой' (43);

bäri, см. Л: *назар килбалі бәри* 'с того времени, как начал созерцать' (1696);

ilä, ilän, см. А: *хусн ilä* 'красотой', 'по красоте' (106); Ах: *навбат ilän* 'по очереди' (3266); Б: *та'јил ilä* 'со спешкой' (57), *бу көңләк ilä* 'с этой рубашкой' (158); Л: *зулм ilä* 'насильно' (I); Қл: *бәј ilä* 'с запахом' (I); Мб: *сидк ilä* 'с искренностью' (I); ТН: *кәрб ilä* 'с грустью' (2756); ШН: *вақл ilä* 'встречей' (76), *бу сөз ilä* 'этим словом' (124), *бәз ilä* 'с беком' (150);

ilkidin, см. Б: *јән ilkidin* 'из-за души', *хijрән ilkidin* 'из-за разлуки' (2); Л: *зулф ilkidin* 'из-за локона' (2016);

icigä, icinägä, icidä, icindä, см. Қ: *көрк icindä* 'по красоте' (III); М: *ол дәниз icindä* 'в том море' (16); НМ: *от icidä* 'в огне' (1476); СҚ: *гүр icinägä* 'в могилу' (83а); ТН: *бахр icindä* 'в море' (2766); ШН: *шахар icigä* 'в город' (32), *кiш icindä* 'зимой' (85);

icrä, см. Б: *көзүм icrä* 'в моих глазах' (14), *көңүл icrä* 'в сердце' (24), *зурбат icrä* 'на чужбине' (55); Л: *ләтәфәт бустәнi icrä* 'в саду прелести' (IV); Қл: *чаман icrä* 'на лужайке' (I); ТН: *тән icrä* 'в теле' (2736); ШН: *шахар icrä* 'в городе' (32), *бәзлар icrä* 'в садах' (58);

јаңлиб, см. Б: *хазән јафрабi јаңлиб* 'словно осенний лист' (29); Мах: *бу јаңлиб* 'подобный этому' (4); Л: *јадi јаңлиб* 'подобный волшебнику' (1946), *шам јаңлиб* 'подобный свече' (123); Мух: *булут јаңлиб* 'подобно облаку' (9); СҚ: *бу јаңлиб* 'таким образом' (30а); ЧД: *бу јаңлиб* 'как этот' (26).

jixatidin, см. БН: *бахәр јабiнларi jixatidin* 'из-за весенних дождей' (44), *өзбәк jixatidin* 'из-за узбеков' (74);

катiба, катiнба, катiна, катiда, катiнда, см. Қ: *шам-i рухсарiң катiнда* 'у свечи твоего лица' (II); МХ: *сатiкчi катiна* 'к продавцу' (14); СҚ: *Мүсә катiнба* 'к Мусе' (296); ТН: *султән катiнда* 'при султанине', 'перед султаном' (289а); ШН: *хан катiда* 'при хане' (17), *хан катiба* 'хану' (31);

кашiба, кашiнба, кашiда, кашiнда, см. Б: *хijр отi кашiнда* 'перед огнем разлуки' (33), *јijзijң кашiда* 'перед твоим лицом' (60), *кујаш кашiба* 'к солнцу' (200); Қ: *ахтар кашiнда* 'перед звездой' (I); Мах: *алар кашiда* 'при них' (44); ТМ: *Ар-дijшiр кашiба* 'к Ардуширу' (1146); ТН: *улублар кашiда* 'перед

великими' (275а); ШН: *улус кашiба* 'к улусу' (32), *хан кашiда* 'при хане' (62);

кәби, см. А: *сән кәби* 'как ты' (159); Ах: *мән кәби* 'как я' (3236); Б: *бүлбүл кәби* 'как соловей' (9), *сүнбүл кәби* 'как гиадинт' (15), *кујун кәби* 'как вихрь' (200); Мах: *хijр кәби* 'как разлука' (7), *самандарлар кәби* 'как саламандры' (92); ЧД: *мән кәби* 'как я' (606); ШН: *өзгә ханлар кәби* 'как другие ханы' (13), *кој кәби* 'как овца' (79);

мукабиләсiда, см. БН: *Хафт пайкар мукабиләсiда* 'на (в подражание) „Хафт пайкар“' (227); Мух: *өкijрмәк мукабиләсiда* 'напротив (рядом) с „өкijрмәк“' (9);

ортасiда, см. Мах: *алар ортасiда* 'среди них' (19); ЧД: *тijн ортасiда* 'посередине ночи' (71а);

орнiда, орунiба, орнiза, орнiна, см. А: *хәрбiр сөкijнчijң орнiда* 'за (вместо) каждое твое бранное слово' (10); БН: *уј орнiба* 'вместо коровы' (40), *каф орунiба* 'вместо кафа' (163), *су орунiба* 'вместо воды' (165); ДН: *шәкәр орнiна* 'вместо сахара' (248а);

сајi, сајiн, см. А: *мән сәнi көргән сајiн* 'по мере того, как я созерцаю тебя' (135); Б: *барбан сајi* 'по мере того как идет (время)' (79), *көргән сајi* 'по мере того, как вижу' (145); Мах: *кiлбан сајi* 'по мере того, как делает' (91); ШН: *јijрjгән сајi* 'по мере того, как шел' (86);

сарi, сарiба, см. Б: *Кабiл сарi* 'в сторону Кабула', 'в Кабул' (46), *Ләңәр сарiба* 'в направлении Лангара' (122), *бу сарi* 'сюда' (237); Л: *куфр сарi* 'в сторону вероотступничества' (III); Мах: *мәсјид сарi* 'к мечети' (34); СҚ: *Мәккә сарi* 'в сторону Мекки' (21а); ТМ: *дашт сарi* 'в сторону степи' (1066); ТН: *Та'ашшук-намә сарi* 'в сторону Та'ашшук-наме' (2756); ХМ: *бу факiр сарi* 'ко мне' (716); ЧД: *бәз сарi* 'к саду' (536); ШН: *Хорәсән сарi* 'в Хорасан' (32);

соңiча, см. ШН: *әлчi соңiча* 'за послом' (158);

табузiда, см. Я: *хijш таб'лар табузiда* 'при добропорядочных' (3146);

тозрiсiба, тозрiсiда, тозрiсiдiн, см. БН: *Тәрмәз тозрiсiба* 'прямо к Термезу' (147), *ошбу кәнт тозрiсiда* 'прямо перед селением' (186), *ошбу арал тозрiсiдiн* 'прямо от (мимо) этого острова' (187);

tübinä, см. МХ: *там түбиндә* 'под стеной' (28);

təgin, см. Л (А.109): *ок тәгин* 'как стрела' (139), ср. Л (Add. 7914): *ок бікин* (2016);

təgräsida, *təgräsida*, *təgräsidin*, см. БН: *Үрәтәпәнің тәгрәсидә* 'вокруг Уратепа' (121), *Андіжан тәгрәсидә* 'вокруг Андижана' (129), *Андіжан тәгрәсидін* 'из-под Андижана', 'от Андижана' (132); Мадж: *амалдәрлар тәгрәсидә* 'вокруг чиновников' (36а); НМ: *казан тәгрәсидә* 'вокруг казана' (72а); ТМ: *дәјр тәгрәсидә* 'вокруг питейного дома' (1376);

təgrü, см. ДН: *кәчә тәгрү* 'до вечера' (2346);

üzä, см. Б: *gyl üzä* 'на розе' (44); М: *бір күрсі üzä* 'на одном кресле' (11); С: *jüzüm üzä* 'на моем лице' (186); ТН: *äfläk üzä* 'на небесах' (2746); ШН: *тахті üzä* 'на его престол' (36), *көк üzä* 'на небе' (103);

üzrä, см. Б: *gyl üzrä* 'на розе' (15); Л: *көз бахрә üzrä* 'над морем глаз' (III); ШН: *әсмән üzrä* 'на небе' (69), *араба üzrä* 'на арбе' (202);

üstigä, *üstingä*, *üstidä*, *üstindä*, *üstinä*, *üstidin*..., см. Б: *суман үстидә* 'над жасмином' (64); ДН: *дәб үстинә* 'на рану' (244а), *көк үстидін* 'с неба' (2586); Л (А.109): *ајаб үстиндә* 'на ногах' (197); М: *мінбар үстүндә* 'на минбаре' (15); МХ: *барча улус үстинә* 'на все народы' (10); НМ: *баш үстигә* 'на его голову' (306); ХМ: *ат үстидә* 'на лошади' (326); ШН: *Хісар үстигә* 'на Хисар' (96);

üçün, см. Б: *тәңрә үчүн* 'ради Бога' (47); Қас: *тәңрә үчүн* 'ради твоего бога' (I); Мах: *бір дірам үчүн* 'из-за одного дирама' (23); Мах: *ол gyl үчүн* 'из-за той розы' (10); ШН: *разм үчүн* 'для сражения' (221); Я: *бір башак үчүн* 'из-за одного колоса' (3186);

xızmatıba, *xızmatıda*, см. БН: 'Абдуллахман Јәмә хізматіда' 'при Абдуллахмане Джами' (218); НМ: *улар хізматіба* 'к ним' (83а, 209б), *пір хідматіба* 'к пиру' (158а); ТМ: *атасінің хідматіба* 'к его отцу' (115а);

çablıb, см. Б: *çасча çаблīb* 'как соломинка', 'как соринка' (82); БН: *Ош çаблīb* 'как Ош', 'подобный Ошу' (4), *мунча çаблīb* 'подобный этому' (62), *миң çаблīb* 'около тысячи' (437); СҚ: *бір іт çаблīb* 'подобен собаке', 'с собаку' (196), *Јајхүн дарјасі çаблīb* 'как река Джейхун' (24а).

Б) Послелог, сочетающиеся с именами в полной и стяженной формах сопряженного состояния

В данную группу входят только именные послелог, большинство из которых сочетается также с именами в форме основного падежа.

alıda, см. А: *ошбу жүзүң алıda* 'перед этим лицом' (252); БН: *банімларінің алıda* 'перед их врагами' (182); Л: *анің алıda* 'перед ним' (1826);

aldıba, *aldıda*, *aldında*, *aldidin*, см. БН: *Танбалнің алдїба* 'к Танбелю' (124), *улуб ханнің алдідін* 'от великого хана' (132); СҚ: *аринің алдında* 'перед престолом' (166);

alında, см. Дж: *дїлбарінің алında* 'перед своей красавицей' (I);

ara, см. НМ: *сізің араңızда* 'среди вас' (176);

arasıda, *arasında*, см. БН: *авладінің арасıda* 'среди его потомства' (46); СҚ: *әлінің арасında* 'среди народа' (17а); Я: *ок јајнің арасında* 'между стрелой и луком' (3146);

astıba, *astıda*, *astında*, *astidin*, см. БН: *курбаннің астідін* 'из-под крепости' (6), *ат ајағінің астїба-ок* 'под ногами лошадей' (38); РҚ: *топракнің астında* 'под землей' (159);

atrafıda, см. ЧД: *хїлатнің атрафıda* 'вокруг мест уединения' (54а);

бікин, см. С: *мунуң бікин* 'подобно этому' (186);

bilä, см. Б: *сәнің bilä* 'с тобой' (7); Мадж: *бізнің bilä* 'с нами' (20а); ШН: *анің bilä* 'с ним' (3);

biplä, см. Б: *бізің biplä* 'с нами' (169); ТН: *сәнің biplä* 'с тобой' (2756); ШН: *сізің biplä* 'с вами' (51);

damanısıda, см. БН: *табнің даманısıda* 'у горы' (167);

iläjindä, см. М: *көшкнің iläjindä* 'перед тронным местом' (15); СҚ: *миң әвнің iläjindä* 'перед тысячей домов' (33а), *jigitнің iläjindä* 'перед юношей' (806);

icigä, *icingä*, *icidä*, *icında*, см. М: *бәбнің icindä* 'в саду' (31); Мах: *анің icigä* 'внутри его' (67); СҚ: *табнің icindä* 'в горе' (816); ШН: *шахарнің icidä* 'в городе' (31);

katıda, *katında*, *katidin*, *katimızda*, см. М: *анің katında* 'при нем' (13); СҚ: *бізің katimızda* 'перед нами' (85а); ШН: *анің katidin* 'от него' (36);

kaşıda, *kaşımda*, *kaşımızba*, см. Б: *лабїнің кашıda* 'перед твоими губами' (9); Мадж: *аларнің кашıda* 'при них' (216); Мах:

анің кашіда 'при нем' (13); НМ: мәнің кашімда 'при мне' (29а), бізнің кашімэза 'к нам' (154а);

кәжінічә, см. БН: өзбәкнің кәжінічә 'за узбеком' (17), Баж-сунгур мірзәнің кәжінічә 'за Байсунгур-мирзой' (47);

орніза, см. БН: хандакнің орніза 'вместо рва' (6);

ортасіза, ортасінза, ортасіда, ортасінда, ортасідін, см. БН: бәзнің ортасіда 'посередине сада' (58), Кәнігілінің ортасідін акар 'течет через Канигил' (посередине его; 60);

СҚ: Каф табінің ортасінда 'посередине горы Каф, (14а);

утрусіза, см. БН: мірзәнің утрусіза 'на мирзу', 'навстречу мирзе' (48);

рүбәрүжіза, рүбәрүжіда, см. БН: мәнің рүбәрүжімда 'напротив меня' (131);

сарі, см. ХМ: анің сарі 'в его сторону' (786); ШН: сәнің сарі 'в твою сторону', 'к тебе' (33);

соғимізча, см. БН: бізнің соғимізча 'за нами', 'вслед за нами' (191);

тозрәсідін, см. БН: Јарінің тозрәсідін 'прямо из-под Яры' (101);

түбідә, түбіндә, түбіндін, см. БН: табларнің түбідә 'у подножия гор' (9); М: јізачнің түбіндін 'из-под дерева' (17), јізачнің түбіндә 'под деревом' (34); СҚ: јізачларнің түбіндә 'под деревьями' (56а); Я: хәр бүтәнің түбіндә 'под каждым кустом' (3186);

тәгрәсінгә, тәгрәсідә, см. М: 'аршнің тәгрәсідә 'вокруг престола' (24); СҚ: дунјәнің тә(ә)рәсіндә 'вокруг мира' (14а), карінің тәгрәсіндә 'вокруг старика' (816); ШН: шахарнің тәгрәсінгә 'вокруг города' (39);

јзә, см. М: сәнің јзә 'на тебе' (19);

јстігә, јстингә, јстідә, јстіндә, јстүмдә, јстідін, см. БН: анің јстігә 'на него' (39), мірзәнің јстігә 'на мирзу' (46), іккі пуштәнің јстідін 'с двух холмов' (162); СҚ: мәнің јстүмдә 'на мне' (146), ол әшікнің јстіндә 'над той дверью' (556); ТМ: анің јстігә 'на него' (1366);

јчүң, см. Б: анің јчүң 'для нее' (145), бізің јчүң 'для нас' (234); Қл: анің јчүң 'для него' (1); М: мәнің јчүң 'для меня' (2); Мах: сәнің јчүң 'для тебя' (168).

Стяженная форма сопряженного состояния в сочетании с послелогоми используется редко, см. БН: бір улуз чинарні түбідә 'под одной большой чинарой' (150); ӘД: ані кашідін 'от него' (2); ТМ: анасі башіні јстідін 'с головы его матери' (119а).

В) Послелогои, управляющие именами в дательном падеже

Все послелогои, требующие дательного падежа, за исключением двух-трех, являются „глагольными“.

бака, см. БН: Ош саріза бака 'в сторону Оша' (82), өзгә јәргә бака 'по сравнению с другими местами' (87), зарбка бака 'в сторону запада', 'в западном направлении' (184); Мух: марта-бәсі нәсбатіза бака 'в зависимости от его положения' (2);

бола, см. БН: Андјәнза бола Самарканді әліктін бәрдүк 'из-за Андижана мы упустили Самарканд' (67);

дәгрү, тәгрү, см. Б: таңза дәгрү 'до зари' (30, 39, 67); Л (А. 109): бу күнгә тәгрү 'до этого дня' (226); ТН: нәчәгә тәгрү 'до скольких' (2786); ЧД: башіңдін ајағіңза тәгрү 'от головы твоей до ног твоих' (916); Ә: бу чакка тәгрү 'до этого времени' (330а); Я: бу күнгә дәгрү 'до этого дня' (3146);

дәгін, дәгінчә, дәгүнчә, см. МХ: јарім јолза дәгін 'до половины дороги' (29); НМ: Мәккәдін Мәдінәгә дәгінчә 'из Мекки в Медину' (28); СҚ: кјәматка тәгінчә 'до судного дня' (6а), јәтінчә кат көккә тәгінчә 'до седьмого неба' (8а), мазрәбза тәгінчә 'до запада' (14а); ТМ: Түббүткә дәгүнчә 'до Тибета' (1006); ЧД: кјәматка дәгінчә 'до судного дня' (32а); јавукча, см. БН: миңгә јавукча 'около тысячи' (65);

јараша, см. БН: аңа јараша 'в соответствии с этим' (154); ШН: хјмматіза јараша 'в соответствии с великодушием' (118);

кариу, см. Л: замзаң окіза каріу 'против стрелы твоего кокетливого взгляда' (1966);

көрә, см. БН: аңа көрә 'в соответствии с ним' (147); Мадж: өз хурд хәліза көрә 'по своему невысокому положению' (107а); Мах: ідрәкларіза көрә 'в меру своего разума' (8), өз хәліза көрә 'в зависимости от своего положения' (131), муңа көрә 'в соответствии с этим' (160);

тәгі, тәгін, см. С: кјәматка тәгі 'до судного дня' (19а), таңза тәгін 'до зари' (286);

утру, см. НМ: *аңа утру* 'ему навстречу' (69а); СҚ: *Дайдалба утру* 'навстречу Даджалу' (20а); ТМ: *аңа утру* 'ему навстречу' (101а), *Бахрәмба утру* против Бахрама' (136б);

Г) Послелого, сочетающиеся с именами
в исходном падеже

Среди послелогов последней группы можно встретить и „именные“ и „глагольные“.

ажру, см. Б: *біздин ажру* 'кроме нас' (9), *сәндін ажру* 'кроме тебя' (39); ЧД: *сәндін ажру* 'кроме тебя' (40б; см. также ШН, 185);

башка, см. БН: *Укабайндін башка* 'кроме Укабайна' (157); ДН: *дәмәктін башка* 'кроме говорения' (271а); Мадж: *мундін башка* 'кроме того' (90б);

бурун, *бурна*, см. БН: *хабардін бурна* 'до получения известия' (282); Мах: *жәтмәсдін бурун* 'прежде чем он достиг' (22), *андін бурун* 'до того' (147); С: *мән өлмәсдін бурун* 'прежде чем мне умереть' (8а); ТМ: *түгәйнмәсдін бурун* 'до того как закончилось' (116а); ШН: *хан кәлишідін бурна* 'перед приходом хана' (78);

бәри, *бәриј*, см. БН: *андін бәри* 'с того времени' (5); Мадж: *кічидін бәри* 'с младенческого возраста' (60б); НМ: *фәлән күндін бәри* 'с такого-то дня' (147б); РҚ: *ол күндін бәриј* 'с того дня' (140а); СҚ: *качандін бәриј* 'с каких пор' (75а);

кәјін, см. БН: *үч күндін кәјін* 'через три дня' (81); СҚ: *дәвләрдін кәјін* 'после девов' (27а);

нарі, *наріба*, см. БН: *дәманәдін-ок нарі* 'за подножье холма', 'в обратную сторону' (82), *Хојанд сүјүдін нарі* 'по ту сторону реки Ходженд' (132); СҚ: *Каф тасидін нарі* 'с обратной стороны горы Каф' (146), *ол баздін нарі* 'с той стороны сада' (556); ЧД: *'адам виләјатидін нарі* 'по ту сторону вилайета небытия' (38б); ШН: *андін наріба* 'в обратную сторону' (176);

өзгә, см. Б: *јәнімдін өзгә* 'кроме моей души', *көңлүмдін өзгә* 'кроме моего сердца' (1); БН: *бір Самаркандтін өзгә* 'кроме одного Самарканда' (64); М: *андін өзгә* 'кроме него' (20); *Лүтфидін өзгә* 'кроме Лутфи' (34), *Бабурдін өзгә* 'кроме Бабура' (34);

соң, *соңра* 'затем', см. БН: *Јахәнир мәрзәниң фавтидін соң* 'после смерти Джихангира мәрзә' (62), *'Абдуллаһиф мәрзәдін соңра* 'после Абдуллаһифа мәрзә' (63); Мах: *андін соң* 'затем' (25); СҚ: *токуз јүз јилдін соңра* 'после того как прошло девятьсот лет' (4а); ТМ: *алтмиш јил өткәндін соңра* 'после того как прошло 60 лет' (93а); ШН: *туткандін соң* 'после того как взял' (142);

таш, см. ШН: *хаддін таш* 'сверх меры' (138);

ташкарі, см. БН: *Шахрухидін ташкарі* 'вне Шахрухий', 'за пределами Шахрухий' (39), *баздін ташкарі* 'вне сада' (168); Мах: *јигимлик дәјрәсидін ташкарі* 'вне круга молодости' (53).

ПРЕДЛОГИ

Предлоги для староузбекского языка, так же как и для других тюркских языков, не обычны и, более того, не терпимы. Тем не менее в текстах прослеживается небольшое количество предлогов, заимствованных преимущественно из персидского языка, см. БН: *бајри дәвәнда* 'кроме дивана' (8), *бәвујүд-и үхтјәј* 'несмотря на нужду' (9), *бар хәләф-и адат* 'вопреки обычаю' (23), *бәвујүд-и бу захм* 'несмотря на эту рану' (81). См. также Мах, 40; Э, 333а.

СОБСТВЕННО ЧАСТИЦЫ I (ПОСТПОЗИТИВНЫЕ)

Самую большую группу внутри данного грамматического разряда образуют ограничительные и усилительно-выделительные частицы: *-біна ~ -гинә*, *-ок ~ -өк*. Примеры:

-біна ~ -гинә (ограничение > уменьшительность, ласкательность), см. Мадж: *бузүна мәсәлні* 'этот только образчик' (44б), *макбүләбіна јигитдур* 'приятный молодец' (56б), *јахшүбіна шәрләр* 'хорошенькие стихи' (57а); МЛ: *чинбіна* 'правильный', *әсрүкгинә* 'пьяньский', *көкгинә* 'голубенький' (89), *кушүбіна* 'птичка', *јумрукүбіна* 'кулачок', *көкүсгинә* 'грудка' (120); НМ: *бір саріб иткінә* 'одна желтая (рыжая) собачка' (163б); СҚ: *миң әвгинә* 'тысяча домиков' (33а), *астазүна* 'тихонько' (88б), *кічигинә* 'малюсенький' (98б); ШН: *јашүбіна* 'совсем молодой' (222), *біргинә ат сукмакі* 'одна только проторенная лошадью до-

рога' (162). Для частицы *-гйна ~ -гйна* характерны постепенное изменение первоначального значения и специализация в плане сочетаемости с частями речи. Так, в абсолютном большинстве случаев *-гйна ~ -гйна* употребляется с именами и выражает значение уменьшительности или ласкательности;

-ок ~ -ок (усилительно-выделительное значение), см. БН: *Султан Махмуд мързаба бу хабар жеткәч-ок...* 'как только это известие достигло Султана Махмуда мирзы...' (29), *ахир пайтахт үчүн Тәмјүрбәг Самарканди-ок үхтјәр килдј* 'в конце концов Тимур-бек решил сделать столицей именно Самарканд' (61), *бурунбүдәк-ок* 'такой же как прежде' (63); Мадж: *кабрј Мәшхәдда-ок вәкјдур* 'его могила в Мешхеде же' (216); ШН: *түнлә-ок* 'ночью же' (130), *өзләрин хан сарј-ок ташладј* 'народ бросился в сторону самого хана' (219); НМ: *хәмул күн-ок* 'в тот же самый день' (51а), *анда-ок дабј бар* 'и иди еще туда вот' (158а).

Следующая группа — модальные частицы: *-му ~ -мү, әркән ~ әркін ~ әкән, әрмиш ~ әмиш, -ла ~ -лә, кәрәк*. Примеры:

кәрәк, см. А: *Атәјгәжә жәмәк ичмәк кәрәкмәс* 'Атаи не надо есть и пить' (46); НМ: *јана бір башка китәб битимәк кәрәк* 'надо писать еще другую книгу' (116); ТМ: *кәтмәк кәрәк* 'надо идти' (1146);

-ла ~ -лә (категоричность, определенность), ср. у Навәйи: *лабјң фјкрј бабрјмнј кан килдј-ла чү кан килдј көздјн раван килдј-ла* 'мысли о твоих губах наполнили кровью мою грудь, когда наполнили ее кровью, заставили кровь литься из глаз', *өмрдјн нәјмјд боллум-ла мәхнәтј хјр ичндә өлдүм-лә* 'я потерял надежду жить, в страданиях и разлуке умер';³⁴

-му ~ -мү (вопрос), см. Ах: *анјң үчүнмү кјладурсјз фјбан* 'не поөтому ли поднимаете вопли?' (328а); Б: *мәндәк јана бір барму* 'есть ли еще как я?' (66), *билүрмүсән* 'знаешь ли ты?' (116); Мадж: *мактабә барјпмусән* 'ходишь ли ты в школу?' (20а); Мах: *ол дәнә ачјбмудур* 'горькое ли то зерно?' (40); СҚ: *сән фәлән кшшј әрјрмүсән* 'ты такой-то?' (546), *көрдүңүзмү* 'видели ли вы?' (716), *бу ајдахәнј сәнмү өлтүрдүң* 'этого дракона ты ли убил?' (946);

³⁴ По работе: С. Муталлибов. XI аср эзма әдгорликларидә феъл категорияси. Ташкент, 1955, б. 33.

әркән ~ әркін ~ әкән ~ әкін, әрмиш ~ әмиш (вероятность, неочевидность), см. А: *әмдј билдјм раст әрмиш* 'теперь я узнал, оказывается, правда' (78); Б: *мундак бәләлар бар әмиш* 'есть, оказывается, такие беды' (90), *көзі хүнхәр әмиш* 'глаза ее, оказывается, кровопийцы' (90), *барму әкін* 'есть ли на самом деле?' (220); БН: *өзбәк әр кшшнј бука дәр әрмиш* 'говорят, что узбеки называют сильного человека „бука“' (26); Мадж: *шәрј јамән әмәс әркәндур* 'его стихи не плохие, оказывается' (15а); Мух: *аз әркін* 'мало, оказывается' (24); НМ: *бу дәстән(да) алтмш бәјт бар әркін* 'в этом дастане шестьдесят бейтов' (616), *билдјм кә анјң кашјда хәч кадрјм јок әрмиш* 'я узнал, что меня у нее никак не ценят' (53а); ЧД: *вах кә бу гүлшән ара гүл бјтмәс әрмиш хәрсјз* 'жаль, что в этом цветнике не растут розы без шипов' (22а); ШН: *бар әмиш анда камш асру калән* 'есть-де там много камыша' (177), *јок әмиш* 'нет, оказывается' (183), *бар әмиш* 'есть, оказывается' (212).

Частица *әкән*, сохраняющая связь с этимологической формой (причастие от глагола *ә- ~ әр-* 'быть'), может присоединять к себе некоторые падежные аффиксы, см. БН: *бу кшшлакта әкәндә* 'когда были в этом кишлаке (зимовке)' (87); Мух: *анјң сарт әкәннј фахм кјлур* 'поймут, что он на самом деле сарт' (7). Совершенно очевидно, что в этом случае мы имеем дело с нормальной причастной формой, используемой в собственном значении, ср. БН: *...ва Узгәнд кә кадјм Фарвәнәннјң пәјтахтј әкәндур* '...и Узгенд, который был столицей древней Ферганы' (128).

Частицы *әркән* и *әрсә* могут выражать связь подчинительного характера между отдельными предложениями. Примеры: *әркән* 'когда' (в сочетании с формой на *-ар...*), см. СҚ: *бір күн ол озлан ол зәхид катјндјн чјкјп әвгә барур әркән көрдј кшм...* 'однажды, когда тот мальчик вышел от того отшельника и направился к себе домой, он увидел, что...' (93а); *әрсә* 'если', 'когда', см. ДН: *јәңиллјк килдјм әрсә...* 'если я совершил легкомысленный поступок...' (247а); ТМ: *итгә бәрдј әрсә ит јәп халәк болдј* 'когда он дал собаке, собака съела мясо и издохла' (114а); СҚ: *тәңрј та'алә јәрнј јараттј әрсә* 'когда всевышний господь создал землю' (146); ШН: *јиблјп кәлдј әсә ләшкәрләр...* 'когда собрались войска...' (124).

К последней группе относятся частицы, являющиеся выра-
зителями предикативности, в утвердительном или отрицательном
аспектах. Примеры:

dəgʷl, ɛmäs (отрицательные частицы), см. А: *aj bəkim oshbu jʷz dəgʷl shamc bilä kamarmudur, aj bəkim oshbu söz dəgʷl shaxd bilä shäkrmūdūr* 'о госпожа, этот лик не есть ли солнце с луной, о госпожа, эти слова не являются ли медом с сахаром?' (59); Л: 'ажаб дэгʷл 'не удивительно' (1686); Мах: *ол ма'л̄м ɛmäs* 'это неизвестно' (92); МХ: *көңл̄к йштанба ч̄ л̄й̄к дэгʷл х̄рн̄ бах̄а б̄рл̄а муваф̄ик дэгʷл* 'для рубахи и штанов не годится, какова бы ни была цена, не подходит' (13), *бар к̄ бу мәјл̄сд̄а дэгʷлс̄ән хар̄иф* 'иди, так как на этой сходке ты не товарищ' (31).

Из двух приведенных здесь отрицательных частиц первая встречается только в поэтических текстах. Она не типична для староузбекского языка, и ее использование некоторыми авторами следует объяснить тем влиянием, которое оказывала на последних суфийская поэзия Передней Азии. Примечательно, что в поэзии среднеазиатских суфиев подверглись длительной консервации и многие другие формы и частицы, чуждые общенародному языку;

-mān, -sān, -bīz, -sīz, -tur(ур) ~ -dur(ур) (утвердительные частицы), см. Б: *бу нав̄ иш̄ иш̄ ɛmäs* 'такое дело — не дело' (14), *ташв̄иш̄ б̄эј̄хатдурур* 'мучения безграничны' (18), *итиңдурман* 'я твоя собака' (91), *будур miläim* 'это — мое желание' (126); Л: *мәнӣ шајд̄а к̄ладурбан бу көңүлдур* 'это сердце сделало меня безумцем' (2016); М: *Јабр̄аїл̄ ајтт̄і Јабр̄аїлтурман* 'Джабраил сказал: „Я Джабраил“' (6), *сән мундамусан* 'ты здесь?' (32); НМ: *ч̄н̄ ајтадурман* 'я говорю правду' (256), *сән кімсән* 'кто ты?' (686); ЧД: *х̄ш̄ ɛрм̄астур* 'нехорошо', 'неприятно' (12а), *көң-л̄үм̄ к̄ј̄ядурур* 'мое сердце сгорает' (54а); Ә: *мәниң х̄әс̄сіјатім̄ ј̄үзні̄ к̄ізартмак турур* 'мое свойство — делать красным лицо' (3366);

-mān, -sān, -bīz, -sīz — личные местоимения, употребляемые в качестве окончаний (так называемые местоименные окончания). Будучи связанными с местоимениями, эти частицы нередко являются в большей мере выразителями лица, чем предикативности, и в таких случаях перед ними выступает другая предикативная частица — *-dur(ур)*...;

-dur(ур) — обособившаяся форма причастия настоящее-будущего времени от глагола *тур-* 'стоять'. В староузбекском языке встречается несколько вариантов этой частицы: *-dur, -tur, -дурур, -турур*.

СОБСТВЕННО ЧАСТИЦЫ II (ПРЕПОЗИТИВНЫЕ)

Собственно частицы второй группы употребляются препозитивно. Таким образом, они соотносятся с частицами первой группы так же, как предлоги с послелогоми. Подобно предлогам, собственно частицы препозитивного типа имеют нетюркское происхождение. Примеры:

bälkē (усилительно-выделительное значение), см. А: *ɛмд̄і бил̄дім р̄аст̄ ɛрміш̄ б̄älк̄ē көрд̄үм̄ көз бил̄ä* 'теперь я узнал, оказывается, правда, я видел даже глазами' (78); Мах: *баріні̄ мәңә б̄эріпдур б̄älк̄ē артузрак* 'все мне дал, даже больше' (98) Мух: *өз хурд̄ ахв̄ал̄ба көрә ајта алурлар б̄älк̄ē ба'эї фақ̄ахат ва бал̄бат бил̄ä х̄әм т̄ак̄ällүм̄ к̄ілулар* 'могут говорить в соответствии со своим положением, некоторые даже произносят, блистая красноречием, и обнаруживают зрелость' (6);

gʷjā, gʷjā kē (предположительность, вероятность, неочевидность), см. БН: *ошал̄ х̄ал̄да мәңә андак̄ х̄алат болд̄і кім гʷjā к̄ә мәңә јанк̄і башт̄ін хурд̄а јән б̄эрд̄і* 'тогда у меня было такое состояние, будто господь заново вдохнул в меня жизнь' (145); НМ: *хамд̄ аңа кім т̄ілім̄ ɛт̄ті гʷjā* 'хвала тому, кто создал, как говорят, язык' (2);

mägär (предположительность, желательность), см. Б: *mägär ујкуда ј̄үзүң көрәј ɛрд̄ім* 'хотя бы во сне я увидел твое лицо' (39); Л: *ј̄үзүң н̄аг̄ах̄ көрүп̄ ај д̄эп̄ саб̄інд̄ім м̄ägär х̄ш̄у х̄ірад̄ м̄әнд̄ін к̄әт̄іптур* 'неожиданно увидев твое лицо, я подумал, что это луна, наверно меня покинул рассудок' (172а); НМ: *улар х̄ідмат̄іба ј̄тт̄ім д̄әділ̄ар к̄ә м̄ägär сән чаб̄ір іч̄әрсән* 'когда подошел к нему, он сказал: „Может быть ты пьешь вино?“' (2096); Я: *mägär кар̄бан ј̄хатт̄ін х̄арф̄ болупсан* 'разве что от старости ты выжил из ума' (319а);

kāshki (условно-желательное значение), см. Б: *көрм̄äḡј ɛрд̄ім ј̄әм̄āl* 'алам ара к̄ашк̄і 'ах, если бы мне не видеть красоту в мире!' (73); Л: *ј̄эрг̄ә кірс̄әм̄ к̄ашк̄і ч̄үн̄ ј̄тт̄м̄ас̄ ол̄ ајба ɛлік*

'ах, если бы войти мне в землю, так как (все равно) не достаёт рука той луны' (193а);

хаманā (предположительность), см. НМ: *ва хаманā кэ ол киши чабёр ичп эрди* 'и будто бы тот человек пил вино' (209б);

шāжад, шāжад ким (предположительность), см. БН: *жүрүж бэриң шāжад кутулбайсиз* 'езжайте, может быть спасетесь' (139), *тэз жүрүсәңиз шāжад чиккайсиз* 'если поедете быстро, может быть выскочите' (139), *шāжад ким миң миң бэш жүз өзбәк өлди экин* 'возможно, что погибли тысяча или полторы тысячи узбеков' (232).

СОЮЗЫ

Союзы формально отличаются от всех других служебных слов, исключая небольшую группу препозитивных частиц нетюркского происхождения, тем, что всегда занимают позицию перед словами, словосочетаниями и предложениями, которые ими обслуживаются. Как уже указывалось выше, препозиция служебных или любых зависимых элементов в отношении самостоятельных членов синтагмы необычна для тюркских языков и является следствием взаимодействия последних с нетюркскими языками.

Союзы подразделяются на две большие группы: сочинительные и подчинительные. Первые соединяют слова, сочетания или предложения, не зависимые друг от друга, вторые устанавливают зависимость одних соответствующих единиц от других.

Сочинительные союзы

Сочинительные союзы выражают в основном три типа отношений: простую связь положительного (например: *ва... ва... 'и... и...'*) или отрицательного порядка (например: *нэ... нэ... 'ни... ни...'*), противительность (ср.: *аммā* 'но, однако') и полную или частичную взаимоисключенность (ср.: *жā... жā... 'или... или...'*).

Для союзов рассматриваемой группы при выражении отношений первого и третьего типов характерна повторяемость.

Примеры употребления сочинительных союзов:

аммā 'но', см. БН: *хуб айтп эди аммā мән рәзә болмадәм* 'хорошо? — сказал он, однако я не согласился' (139);

ва (-у, -ву, -жу) 'и', см. БН: *чэриг эли ва тэвә ва ат бу иншдә ва таңда асру көп эмгәндиләр* 'войско, и верблюды, и лошади на этом спуске перенесли страшные мучения' (182), *хабар кәлди ким өзи ва оуәи Мәккәдә әмиш* 'пришло известие, что он сам и его сын находятся в Мекке' (210); Б: *дард ва бамәм* 'мои боли и огорчения' (3); Л: *нәлаву фар'јадәм әшит-гил* 'услышь мои стоны и призывы о помощи' (195б); Мах: *ичмәк ва јәмәк ва ужуза хурсанд* 'рады попить, поесть и поспать' (58); С: *ол бйру бар* 'он один и существует' (36); ТМ: *өлмәк кэряк ва мүйкни јат кишигә којуп кәтмәк* 'надо умереть и оставить имущество чужому человеку' (114б);

вәлә 'но', 'однако', см. Б: *мәгәр ујкуда жүзүң көргәј эрдәм, вәлә хіјриңдә көздин учтә ујку* 'хотя бы во сне увидеть мне твое лицо, однако от разлуки пропал сон' (39); Мух: *узариңни ачарба кимсанурман вәлә эл көрмәкигә кизбанурман* 'я умоляю тебя открыть покрывало, однако ревниво отношусь к тому, что будут взирать на (твое лицо) люди' (10); Ә: *мән сәни йгәрчә јахшә билмән вәлә јахшә билүрмән* 'хотя я тебя хорошо и не узнаю, все же достаточно хорошо знаком' (334б);

гәх... гәх(и) 'или... или...', см. Ах: *гәх килч биплә... гәх пичак биплә* 'то мечом..., то ножом' (327а); Л: *шавк отида гәх пәјдә гәх пинхән өртәгән* 'в огне страсти он горел то явно, то скрыто' (210б); Б: *көрсәтүр гәх тиб ва гәх ок* 'показывает то меч, то стрелу' (2); Мух: *кәчәләр гәх иңрәмәкдур адатәм гәх сиңрәмәк* 'по вечерам у меня заведено или стонать, или плакать' (9); ЧД: *гәх сарв йзрә гәхә ијл йзрә* 'то на кипарисе, то на розе' (22а);

жā... жā... жā 'или... или...', 'или', см. А: *жā ншән әјләр бабәрни жā жүрәкни жā мәни* 'то делает целью грудь, то сердце, то (самого) меня' (260); БН: *жā бәлигә баблар эди жā колба алп жүрүр эди* 'или он привязывал к пояснице, или носил в руке' (127); НМ: *тамәм жā аксар јолни јажав бармешлар* 'всю дорогу или большую часть ее они шли пешком' (208а); СҚ: *бу та'ам дун'јадән турур жā ујмәбдәнму турур* 'эта пища из земного мира или из рая?' (52а).

јәни 'то есть', см. БН: *афганлар урушмакдән әјиз болса банмларниң алда от тишләп кәлүр әмиш, јәни мән сәниң ујуңдурман дәгән әмиш* 'афганцы, если они не в состоянии

сражаться, подходят к своим врагам с травой в зубах, то есть (хотят этим сказать): „я твой вол“ (182);

jāxūd... jāxūd... 'или... или...', см. С: *ajmudur jūzūq jāxūd xūrshīd-i tābān aj šanam* 'луна ли твое лицо или сверкающее солнце, о красавица' (316); ЧД: *jāxūd ārmāni jāxūd arab* 'или армянин или араб' (71a), *ātašīn iylādin kīzarīmīš bās jāxūd 'андалиб 'от пламенеющей розы покрылся краской сад или соловей?' (456);*

jok ērcā, jok ēscā (jokījca) 'а не то', 'в противном случае', см. ШН: *...ūfkālārmān jok ēscā bāndā sēñā* '...в противном случае я (твой) раб разгневаюсь на тебя' (224); Э: *эмді бу хамхажални баишдин чикарбил jok ērcā...* 'теперь выбрось из головы это легкомыслие, а не то...' (334a);

lāk 'но', 'однако', см. ШН: ...lāk ēl andīn ēmāstur xūsh-nūd '...однако народ не доволен им' (93);

lākin 'но', 'однако', см. Л: nukcāni kōp xār išdā bēčārā Lūtfīniñ dīlbār jāmalī vascfīda lākin kāmalī bar 'много недостатков у бедного Лутфи в любом деле, однако он блещет совершенством в описании красоты возлюбленной' (1726);

nē...nē 'ни...ни', см. А: nē fālāknīñ mēxri bardur nē sē-nīñ kōñlūñdā raḥm 'ни у тебя любви нет, ни в твоём сердце сострадания' (6), *nē pērī oḥšar sēñā xusn ičrā nē unsu mālak* 'ни пери не походит на тебя красотой, ни ангел' (176), *nē sē-vūp sēndīn tojār kōñlūm nē bakīp kōzlārim* 'ни сердце мое не насыщается любовью к тебе, ни глаза мои, взирая на тебя' (176); БН: *nē атта мајал каліптур нә кішідә* 'ни у лошадей не осталось сил, ни у людей' (76); Мах: *nē kišī aḥa oḥšar nē ol kišīā* 'ни человек не похож на него, ни он на человека' (106); МХ: *nē jūzīdā nūr va nē aḥzāda sōz* 'ни луча на лице, ни слова на устах' (13), *lun'jāda nē kūzā-jū nē burjā nē suju ībrīk nē kāfīš va 'asā* 'в мире у (него) нет ни горшка, ни цинновки, ни воды, ни кувшина, ни обуви, ни 'посоха' (21); ШН: *nē шар'ат нә тар'кат бар әді* 'ни шарията, ни тарыката не было' (9);

xōh...xōh (xōhī...xōhī) 'или...или', см. Л (А.109): *sēni sēni sēvārām xōh īnan xāh īnanma* 'тебя я люблю, или верь, или не верь' (15), *xōhī bu jāmal ajniñ va xōhī sēniñ ičūn*

'эта красота или из-за луны или из-за тебя' (165); Мах: *xōh kēčā jūri xōh kūndūz* 'или ночью или днем иди' (133);

xām 'и', см. БН: mēniñ žanīmīm kurbanda әді хәм курбан-нині алнді хәм жаңимні качурулді 'мои враги были в крепости; и крепость была взята и враги обращены в бегство' (105). Нередко однако *xām* в значительной мере утрачивает функции соединительного союза и совмещает их с назначением выделительно-усилительной частицы, см. БН: *ägärčā jana tumanlarī xām бар бу мазкūr болбанларча эмәс* 'хотя есть и еще несколько областей, относящихся к нему, они не такие, как те, которые упомянуты' (62); Мадж: *kōprak 'ulūm va funūn xām bilūr әрді* 'он также был сведущ во многих областях знания и знал много наук' (206); Мух: *ajtsa xām* 'если и скажет' (6); ШН: *кабаса хәм кабасун* 'если же будет осаждать, пусть осаждают' (52), *от хәм анча эмәс әрді іссіб* 'и огонь-то не был очень горячим' (85).

Подчинительные союзы

Подчинительные союзы выражают условность, причинность, уступительность, а также местные, временные, дополнительные и определительные отношения.

Особое место среди подчинительных союзов занимает союз *кім (кә)*, восходящий к вопросительно-относительному местоимению. *Кім (кә)* сам по себе передает разнообразные отношения и, кроме того, входит в состав многих других союзов, ср.: *анің ічүн кім, нә ічүн кім, нәгә кә, чүнкә* 'потому что', *тә кім, тә кә* 'пока', *харчанд кім* 'хотя'.

Примеры употребления подчинительных союзов:

анің ічүн кім, анің ічүн кә, ані ічүн кә 'потому что', см. БН: *Касім-хан рәзә болмаді анің ічүн кім Кара Булакта забт ва сіјасат ічүн іч-төрт мовулні өлтүрүп әді* 'Касимхан не согласился, потому что в Кара Булаке для наведения порядка и устрашения он убил трех или четырех монголов' (121);

ägär, әр 'если', А: *ägär jān cūrātīn kōrmāk milārcān...* 'если желаешь увидеть изображение души...' (155); БН: *ägär mēñā баксаңіз өзүңизні алдурурсіз* 'если будете равняться

(букв.: смотреть) на меня, дадите возможность (противнику) захватить вас самих' (139); Л: *gär kılмаса вафа мәнә дилбар* 'ажаб дэгүл 'если возлюбленная окажется неверной мне, не удивительно' (1686), *ägär jän болмаса тәндін нә хәсил* 'если не будет души, что за толк от плоти' (202а); НМ: *ägär мәнә бір нямә көрсәтсәң...* 'если мне что-нибудь покажешь...' (256);

ägärçä, gärçä 'хотя', см. БН: *ägärçä қасаба әмәс жахуиғина қасабақадур* 'хотя (это) и не большой город, но хорошенький городок' (5), *жазларі жахуи хавәсі бар әгәрчә Кабула јоктур* 'летом воздух в нем хорош, хотя не такой как в Кабуле' (57); Л: *мән гәрчә јафа отіна јандім јана алман* 'хотя я и сгорел в огне притеснений, не смогу отступить (букв.: вернуться)' (167а), *гүл кашинда хуб әмәс гәрчә јәмәли бар дурур* 'роза перед тобой не (так уж) хороша, хотя и красива' (181а); Мах: *ма'аш үји гәрчә болур тар амма хәрнәчә мабалаба килсаң јәри бар* 'хотя жилище тесное, все-таки есть место для увеличения' (75); Ә: *мән сәни әгәрчә јахуи билмән валә јахуи билјүрмән* 'хотя я тебя хорошо и не узнаю, все же достаточно хорошо знаком' (3346);

бавујүд ким 'несмотря на то, что', 'хотя', см. БН: *бавујүд ким атимни ајттим хәм муддаттин соңра танидилар* 'несмотря на то, что я назвал свое имя, он узнал меня только спустя некоторое время' (11);

кә, ким 'так как', 'когда', 'который', 'что', см. А: *адамба сәни охшата билмән кә пәрисән* 'не могу тебя уподобить человеку, так как ты пери' (23); БН: *сәшәнбә әди ким Хојандка јәттим* 'был вторник, когда я прибыл в Ходженд' (66), *Ошдін өткәндә хабар кәлди ким мухәлифлар Андјән сарі бармиш* 'когда проходили Ош, пришло известие о том, что противник ушел в сторону Андижана' (82); Мух: *...Јафәсәни кә тавәрих ахлә Абү-л-түрк битирләр* '...Яфеса, которого люди, занимающиеся написанием истории, называют (букв.: пишут) „отец тюрка“' (4); Мах: *дәхкән кә дәнә сачар* 'дехканин тот, кто сеет зерна' (46); Ә: *киши ким бір сәниң јүзүни көрди...* 'человек, который раз увидел твое лицо...' (3356).

Союз *ким (кә)* может вводить прямую речь, см. БН: *ба'әи дәдиләр ким јазба албајбіз* 'некоторые сказали: „К лету возьмем“' (102), *Хосрав-шах махалдін соң өз виләјатларі сарі*

рухсат тиләди ким мән барсам ол виләјатларни тамәм алурман 'через некоторое время Хосрав-шах попросил разрешения отправиться в свои вилайеты (сказав): „Если я отправлюсь, то захвачу те вилайеты полностью“' (192); НМ: *...дәбдур кә алтмиш јилдур кә имән кәлтүрмәктәдурман* '...он сказал: „Уже шестьдесят лет, как верую“' (200а);

нә јучүн ким (кә) 'потому что', см. Мух: *ägär түрк 'ибәраті адәсидә 'әјүздур мухак хәм бар нә јучүн кә түрк алфәәи...* 'если (они) проявляют слабость в тюркской речи, то для этого есть основания, так как тюркские слова...' (7); см. также НМ, 185а; ХМ, 156; ЧД, 156;

нәгә кә 'потому что', см. ЧД, 766;

тә, тә кә 'до тех пор) пока', см. Б: *јәр кадрін билмәдәм тә јәрдін әјрәлмәдәм* 'цену подруги не знал я до тех пор, пока не разлучился с ней' (219); БН: *тә анда јәткүнчә мәннің билән сәкиз киши кәлп әди* 'пока я добрался туда, со мной осталось восемь человек' (138); МХ: *тә кә фә(л)ләк сір килур сәлу мах даврні сјрсјн бу улуб пәдишах* 'до тех пор, пока судьба наполняет (временем) годы и месяцы, пусть здравствует этот великий падишах' (10);

хәрнәчә 'сколько ни', см. БН: *мән Ғазнида хәрнәчә тајасус килдәм бу чәшмәдін хәчкәм нәшән бәрмәди* 'сколько я ни допытывался в Газни, никто не указал мне этого источника' (171);

хәрчанд ким 'хотя', см. БН: *хәрчанд ким вәрисі хәзәр јок әди...* 'хотя наследников при сем не было...' (9);

чү 'когда', 'как только', см. Б: *ачилди көңли чү ачтиң сачиңни Бабурниң* 'открылось сердце Бабура, как только ты распустила свои волосы' (5); Л: *кәтти хирадәм башта чү ол кашини көрдүм* 'рассудок покинул голову, когда я увидел те ее брови' (1676), *јәргә кирсәм кәшкі чүн јәтмәс ол ајза әлик* 'ах если бы войти мне в землю, так как не достает рука той луны' (1936), *мән чү өлсәм хөх унутбил анда хөхә јәд кил* 'когда я умру, хочешь — забудь меня, хочешь — вспоминай' (200а), *вафа килмакка којмас чүн сәни хусн...* 'так как красота не позволяет тебе быть верной...' (212а); ШН: *чүн бу сөзләрни әшитти султән...* 'когда султан услышал эти слова...' (39), *чүн сабах олдә јибилдә бәгләр* 'когда наступило утро, собрались беки' (218);

чўнкә 'так как', 'потому что', см. С: *Мавараннахр ичрә калдīm чўнкә иккі јаніма көзләрімнің бірі Сајхўн бірі Јәјхўн әјләді* 'я остался в Мавераннахре, так как возле меня, с двух сторон, один мой глаз образовал Сыр-Дарью, а другой — Аму-Дарью' (306).

Факультативно в качестве союза выступает также деепричастная форма *дәп* (от *дә-* 'сказать'), ср. Б: *көрәј дәп* 'чтобы увидеть' (46); БН: *кәчәдур дәп мірзә рухсат бәрмәді* 'мирза не разрешил, так как (было) поздно' (43), *кәтмәгәј дәп* 'чтобы он не ушел' (224).

Глава III

СИНТАКСИС

На протяжении последних двух десятилетий исследование синтаксиса разных тюркских языков, включая и узбекский, проводилось довольно интенсивно, и количество соответствующих работ велико. Кажется, нет ни одного вопроса, который бы не получил того или иного освещения. Сама структура разных синтаксических построений описывалась многократно и с достаточной полнотой, так что к этому трудно добавить что-либо новое. И хотя в интерпретации фактов, в создании классификационных синтаксических схем и разработке вопросов исторического синтаксиса сделано еще мало, в целом все же синтаксис является наиболее изученным разделом грамматики. Именно поэтому мы не ставим себе целью сколько-нибудь полное описание синтаксиса староузбекского языка. Очерк, посвященный этому разделу, предельно краток. Он включает в себя общую характеристику синтаксических единиц (члена предложения, сочетания, оборота, предложения) и разбор тех моментов, которые примечательны главным образом для староузбекского языка и появление которых так или иначе связано с рассматриваемым периодом (XIV—XVI вв.).

ЧЛЕН ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Членом предложения может быть любая часть речи: имя, глагол или наречие. При этом имя выступает обычно в качестве подлежащего, дополнения, определения и именной части сказуемого, глагол — только в качестве сказуемого (формы неполной вербальности употребляются со связкой), наречие — как обстоятельство. Наиболее емким в синтаксическом отношении является имя, которому в староузбекском языке присущи функции любого члена предложения.

СОЧЕТАНИЕ

Сочетания, встречающиеся в староузбекском языке, могут состоять из нескольких имен, из имени и глагола, из глагола и наречия или из наречия и имени. Они выражают атрибутивные (атрибутивно-определятельные, атрибутивно-обстоятельные), атрибутивно-объектные и объектные отношения и построены по принципу одностороннего (субординация) или взаимного (координация) подчинения.

Сочетание имен. Сочетание из нескольких имен имеет четыре формальных разновидности или, как принято говорить в традиционном синтаксисе, обнаруживает четыре способа соединения отдельных компонентов: примыкание, частичное сопряжение, полное сопряжение, управление (согласование совершенно исключено).

Первая разновидность характеризуется отсутствием каких-либо формальных элементов соединения. Она широко используется в тех случаях, когда первый компонент сочетания является прилагательным, причастием, числительным или местоимением (исключая группу личных местоимений), а второй — существительным, например: *бир китаб* 'одна книга', *нэчй јил* 'несколько лет', *алтй ај* 'шесть месяцев', *бу киши* 'этот человек', *јјмлй шайлар* 'все шахи', *јјз атлар* 'сто лошадей', *кара јафраklar* 'черные листья' (возможность согласования показателей числа в подобных сочетаниях исключена), *киргйн киз* 'вошедшая девочка', *биринчи кјн* 'первый день'.

Сочетания имен могут быть трехчленными, четырехчленными и т. д., ср.: *икки јакту гйвхйр* 'две блестящие жемчужины', *тйрт кичиг таш* 'четыре маленьких камня', *јјз миң фитнйлар* 'сто тысяч смут', *паст бойлук булма сакаллик коба јјзлјк танбал киши* 'низкорослый, круглобородый, бледнолицый, толстый человек', *Нахј ул-фарадис атлик китаб* 'книга, называемая „Нахдж ал-фарадис“, *Ахси дйгйн курган* 'крепость, называемая Ахсы', *киши тола кйчйлар* 'улицы, заполненные людьми', *бизниң билй анда болган кишилйр* 'бывшие с нами там люди', *тйрт јиллик азукум* 'моя четырехлетняя провизия', *Шах Махмуд дйгйн бир султйн* 'султан по имени Шах Махмуд'.

Перестановка существительного в препозицию наблюдается в языке поэтических произведений, где порядок слов, являющийся вообще довольно строгим, как правило, нарушен, см. МН: *ајунба* 'андалйбдйк хйшнаваман' 'для мира я — словно сладкоречивый соловей' (*хйшнава* 'сладкоречивый'; 173а), *назар бирла бајибан сйн мјкйллйф* 'с виду ты — изысканный садовник' (*мјкйллйф* 'изысканный'; 173б); ТН: 'Утйрид ким дйбйр олди мофйзи' 'Меркурий стал щедрым письмоводителем' (*мофйзи* 'щедрый'; 273б), *Фйридјн сйрйт-у Јамийд мукаддйм* 'Феридун — по образцу жизни и идущий впереди Демшид' (*мукаддйм* 'идущий впереди'; 275а).

Соединение в пределах данной формальной разновидности двух существительных — явление чрезвычайно редкое для староузбекского языка. Оно допустимо для устойчивых синтаксических образований, имеющих единое значение или включающих в свой состав в качестве первого компонента собственные имена, обобщающие наименования, нумеративы и детерминативы, см. БН: *бир јинс йрјк* 'один сорт урюка' (4), *бир нов кавун* 'один сорт дыни' (6); МН: *рајаб ај* 'месяц рајаб' (173б), *чйчкан јил* 'год мыши' (173б), *Мансйр бакий* — имя собств. (173б); ШН: *Ханйкй хан* — имя собств. (87).

Вторая разновидность (частичное сопряжение, или так наз. неполный тюркский изафет) реализуется с обязательным оформлением второго компонента аффиксом принадлежности 3-го лица *-(с)й ~ -(с)й*. Неполный изафет представлен в сочетаниях двух существительных или в сочетаниях существительного с прилагательным, причастием, числительным и местоимением (кроме группы личных и указательных местоимений), когда последние выступают постпозитивно в отношении существительного. Примеры:

1) *шйнбй кјни* 'суббота' (*кјн* 'день'; букв.: день субботы), *Самарканд шйи* 'ворота Самарканда' (*шйк* 'дверь', 'ворота'), *Мухаббат-нама китаби* 'книга Мухаббат-наме' (*китаб* 'книга'), *јйхйн бунјядй* 'здание мира', 'мироздание' (*бунјяд* 'здание', 'творение'), *Андјйан рјдй* 'река Андижана' (*рјд* 'река'), *Йсфарй вйлйјатй* 'вилайет Исфары' (*вйлйјат* 'вилайет'), *Сйјхјн сујй* 'река Сейхун' (*су* 'река'), *шарк тарафй* 'восток' (букв.: 'восточная сторона'; *тараф* 'сторона');

Последняя разновидность представляет собой такой тип сочетания, в котором одно из имен управляет формой другого имени. Примеры. БН: *ол мэндин икки јаш улуз эрди* 'он был старше меня на два года' (*мэндин икки јаш улуз* 'старше меня на два года' — именная часть сказуемого; *улуз* 'старший' требует постановки *мэн* в форме исходного падежа — *мэндин* 'от меня', 'чем я'; 11).

Сочетание глагола и наречия. Данное сочетание ограничено одним формальным типом — примыканием (наречие находится перед глаголом), ср. *сэнсізін калди* 'он остался без тебя', *хярдам кичкірбај* 'он будет кричать постоянно', *кјндјзјн кэлмәди* 'днем он не пришел', *хај хај јіблама* 'не плачь горько', *ах урдум* 'я ахнул', 'я стонал', *кәз кәз сәкрјј башладі* 'она начала прыгать раз за разом'.

Сочетание имени и глагола. Сочетание имени и глагола, имеющее атрибутивно-объектный или объектный характер, осуществляется посредством примыкания и управления (глагол занимает крайнее конечное положение). Примеры: МН: *Му-хаббат-нәмәни бунјад килдәм* 'я создал Мухаббат-наме' (*Му-хаббат-нәмә* — вин. пад., *бунјад* — неформальное имя; 160а); СҚ: *мән Јабраїлдин сордум* 'я спросил у Джабраила' (*Јабраїлдин* — исх. пад.; 5а).

Сочетание наречия и имени. Сочетание наречия и имени с формальной стороны ничем не отличается от предыдущего типа.

Из имен в наречно-именном сочетании обычно употребляются причастия и прилагательные, ср.: *сэнсізін кәлгән киши* 'пришедший без тебя человек', *мунда турадурбан* 'здесь стоящий', *хяр качан кара болбан* 'бывший всегда черным', *асру сәміз* 'очень жирный'; редко — существительные, см. БН: *лак лак авәз* 'хлопающий звук' (*авәз* 'звук'; 59).

ОБОРОТ

Когда в предикативном сочетании имени, стоящего в позиции или подразумеваемого в этом положении, и глагола последний компонент представлен формой неполной вербальности, т. е. деепричастием, образуется особый тип синтакси-

ческой единицы — оборот. Будучи в некотором смысле изолированным, самодовлеющим, оборот все же не является законченным предикативным построением.

Подлежащее в обороте может совпадать с подлежащим предложения, в которое входит оборот, но может и не совпадать с ним, образуя так называемую абсолютную конструкцию. Примеры употребления оборота. 1) Л: *сәни көрмәј өләрмән* 'не видя тебя, умру' (*көрмәј* 'не видя'; 180а); С: *көңүл шәкәр бикін авзін көрүп* 'адам болди сердце, увидев твои, подобные сахару, уста, сникло' (*көрүп* 'увидев'; 186); ХШ: *ані издәјү* 'ақләм кәзді ақләк' 'разыскивая его, мой разум обошел небеса' (*издәјү* 'разыскивая'; 2а), *йвуқларннң баласі сүтдин әсрүп анасі* 'играет с матерью, бегая вокруг' (*әсрүп* 'опьянев', *јүрүп* 'бегая'; 37а); ШН: ... *уруш салбалі кәлмиштур хан* '... чтобы провести сражение, прибыл хан' (*уруш салбалі* 'чтобы провести сражение'; 72); Я: *ок бу сөзләрни әшиткәч кәз кәз сәкрјј башладі* 'когда стрела услышала эти слова, она раз за разом начала прыгать' (*әшиткәч* 'после того как услышала'; 316б); 2) СҚ: *пәшиң болбач јана учуп көккә чікар эрди* 'после того как наступал вечер, снова взлетев, он поднимался на небо' (*пәшиң болбач* 'после того как наступал вечер'; 53а); ШН: *он кјн өтмәј јана атланді хан* 'не прошло и десяти дней, как хан снова отправился в поход' (*өтмәј* 'не пройдя'; 44).

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Основным признаком предложения является наличие предикативности, выражаемой в староузбекском языке тремя разными способами:

— простым противопоставлением имен (именное предложение), ср. ШН: *ичі ва таші барі топ-тола мāl* 'внутри и снаружи все заполнено' (41), *јана атрафидә јарлар бәҳад* 'вокруг него — бесчисленные рвы' (44), *мән азалдін сәңә хидмәтимін* 'я испокон веку твой слуга' (92);

— употреблением разного рода предикативных элементов — связки, частиц,¹ общеутвердительных и общеотрицательных имен

¹ См. выше, стр. 202.

(именное предложение и квазиглагольное предложение с формами неполной вербальности), ср. Мах. ол ма'lўм эмас 'это — неизвестно' (128); МН: чэчак жапраклари жэрдэ тўшўптур 'лепестки цветов опали на землю' (163а), пэрдидин хўрдин хэм кёрк-лўрэксэн 'ты красивее пери и гурии' (1676); СҚ: тўш кёрар эрдилар 'они видели сон' (3а); ШН: өз кишимдурлар эмастур жат 'свои люди, не чужие' (25), бир икки миңча киши бар эмиш 'говорят, что (там) тысячи две людей' (206), мэн карібман мэни нэтијсидур 'я состарился, что сделает он со мной' (204), ишимиз асру болуптур душвар 'дела наши стали очень тяжелыми' (204), дэди ким Шах-заман Балх сарі кэлмиш 'он сказал, что Шах-заман пришел в Балх' (212);

— использованием форм полной вербальности, ср. МН: фэ-риштэ кёрсэ болжај сізга мајил 'если ангел увидит, при-страстится к тебе' (1676); ШН: калдлар барча ол ишдин хажран 'все были удивлены этим' (28), мэн Самаркандни ансіз нэтајин 'что я поделаю с Самаркандом без него' (29), болди хамрэх аңа Шах-заман 'с ним был Шах-заман' (208).

Выражение предикативности без связки, простым противопоставлением имен, наблюдается преимущественно в тех случаях, когда вторым компонентом предложения является причастие или когда в предикате оказывается форма сопряженного состояния, например, см. ШН: эл болур мал болур барча сізиң тўз сізиң таб сізиң балја сізиң 'народ, добро — все ваше, степи — ваши, горы — ваши, (?) — ваша' (108).

В поэтических текстах вообще выражение предикативности без связки является весьма распространенным.

Предложение может состоять из одного или нескольких предикативных комплексов (соответственно простое и сложное предложения).

ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

В староузбекском языке должны быть выделены три композиционных типа простого предложения: элементарный (соединение элементарных синтаксических единиц), распространенный (наличие сочетаний) и обособленный (наличие оборотов). В связи с этим уместно подчеркнуть необходимость разграничения двух планов: плана выражения и плана содержания. Многие предло-

жения с оборотами и развернутыми сочетаниями с точки зрения содержания являются сложными, однако в плане выражения, т. е. в формально-синтаксическом отношении, они несомненно простые.

СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Сложное предложение, в отличие от простого, включает в себя несколько предикативных комплексов, образующих одну коммуникативную единицу.

Предикативные комплексы в составе сложного предложения объединены сочинительной или подчинительной связью. Формальное выражение и той и другой связи² осуществляется при помощи союзов, бо́льшая часть которых заимствована из иранских и других языков.

Среди сочинительных союзов важное место занимают: ва 'и', нэ... нэ 'ни... ни', амма 'но', 'однако', ја... ја 'или... или', вэлс 'но', 'однако', гах... гах(і) 'или... или', ја-хўд... јахўд 'или... или', ја'ні 'то есть', јок эрсэ 'в противном случае', 'а не то', лэк, лэкин 'но', хох(і)... хох(і) 'или... или', хэм 'и'.

Примеры употребления сочинительных союзов в большом количестве приведены в соответствующем разделе морфологии. Здесь мы ограничимся указанием на то обстоятельство, что в прозаической староузбекской литературе, особенно религиозно-дидактического содержания, широко представлены древнетюркские союзы јапа, баса и таки, восходящие к деепричастным формам, и что конструкции с такими союзами нередко сохраняют своеобразие древней паратактической структуры речи, см., например, СҚ: таки јўз он төрт китаб көктин пајзамбарларга инди таки элли китаб Шис пајзамбарга инди таки отуз китаб Ідрис пајзамбарга инди таки јигирма китаб Ібрахим пајзамбарга инди таки... 'сто четырнадцать книг было спущено с неба пророкам, пятьдесят книг было спущено пророку Шизу, тридцать книг было спущено пророку Идрису, двадцать книг было спущено пророку Ибрагиму...' (36).

Сочинительные союзы служат целям соединения не только предложений, но и элементарных синтаксических единиц, а также сочетаний.

² Сочинительная связь может быть и бессоюзной.

Подчинительные союзы: *ким*, *кэ* 'так как', 'когда', 'который', *аниң үчүн ким* 'потому что', *әгәр*, *гәр* 'если', *әгәрчә*, *гәрчә* 'хотя', *нә үчүн ким* 'потому что', *нәгә кэ* 'потому что', *тә* 'пока', *хәрнәчә* 'сколько ни', *хәрчәнд ким* 'хотя', *чү* 'когда', 'как только', *чүнкэ* 'так как', 'потому что'.

Наиболее примечательным является союз *ким* ~ *кэ*, соединяющий любое придаточное предложение, кроме условного.³

Употребление подчинительных союзов ограничено придаточным предложением. Лишь в исключительно редких случаях последние выступают в составе оборота и в составе сочетания (при сравнении и т. д.), см. БН: *тә анда јәткүнчә мәниң биһән сәкиз киши калп әди* 'пока я добрался туда, со мной осталось восемь человек' (138); Мах: *бутпарастлӣк јахшӣрак ким хӯдпарастлӣк* 'идолопоклонство лучше, чем эгоизм' (107).

Широкое развитие различных форм синтаксического подчинения К. Менгес⁴ справедливо считает важнейшей чертой староузбекского синтаксиса.

ВЫРАЖЕНИЕ ПРЯМОЙ И КОСВЕННОЙ РЕЧИ

Прямая речь в староузбекском языке выражается:

а) путем простой (не выраженной формальными средствами) постановки высказывания перед глаголами *дә-* 'сказать' и *ажт-* 'говорить' или вслед за ними, а также включением высказывания в состав деепричастного оборота с *дәп* 'сказав', ср. СҚ: *кӣлали дәдиләр әрсә Мӯса ду'а кӣлди* 'когда они сказали: „Что подделаем“, — Муса совершил молитву' (296), *дархәл Јабра'їл кәлип ајттӣ ја Мӯса 'асәннӣ дар'јаба урбӯл дәп...* 'тотчас же явился Джабраил и сказал: „о Муса, брось свой посох в реку...“' (296); ШН: *хан дәди бу сәңә болсун бакӣ* 'хан сказал: „Это будет тебе навечно“' (25);

б) при помощи союза *ким*, см. ХШ: *бујурди шәх ким ол атнӣ кәлтүр* 'приказал шах: „Приведи ту лошадь“' (30а);

³ Примеры см. на стр. 208.

⁴ К. Н. Menges. Das Čağatajische in der persischen Darstellung von Mīrzā Mahdī Xān, SS. 641, 715.

в) посредством разного рода комбинаций всех перечисленных выше способов, см. БН: *дабӣ дәди ким бу сәзләрни унутун. Мірзә филхәл ајттӣ ким кәјсӣ сәзләрни* 'и он сказал: „Забудьте эти слова“. Мирза тотчас же сказал [в свою очередь]: „Какие слова?“' (51); СҚ: *фарман кӣлбај ким сәүрнӣ чалбӯл дәп* 'он прикажет: „Играй на флейте“' (18а); ШН: *дәди мӣрзә кә будур Шәх-замән* 'сказал мирза: „Это — Шах-заман“' (205).

Косвенная речь может быть выражена только одним способом — при помощи союза *ким*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СТАРОУЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА XIV—XVI ВВ.

Анализ большого количества текстов художественной, историко-мемуарной и религиозно-дидактической литературы, деловых документов, а также эпиграфических надписей позволяет сделать некоторые выводы относительно общего состояния староузбекского языка рассматриваемого периода. Разумеется, мы будем говорить прежде всего о литературном языке,¹ что обусловлено составом и характером источников, использованных при написании настоящей работы.

Староузбекский литературный язык XIV—XVI вв. характеризуется высокой степенью унификации отдельных форм, оборотов, синтаксических конструкций и, отчасти, фонетических особенностей, что в конечном итоге дает основание предположить о возникновении общенародной литературно-языковой нормы именно в этот период.

Ясно, что термин „общенародный“ в данном случае не имеет абсолютного значения, так как чрезвычайно слабое распространение грамотности среди широких кругов населения и отсутствие действенных средств популяризации общей нормы способствовали сохранению большой диалектной раздробленности. Термин „общенародный“ является таким образом условным, и его следует воспринимать в том смысле, что писатели и поэты, жившие в различных районах Ферганы, Мавераннахра и в других местах и представлявшие различные диалекты центральной

¹ О староузбекском литературном языке см.: В. Д. Артамошина. Условия формирования и некоторые особенности языка среднеазиатских поэтов — предшественников Навои. Сб. „Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика“, М., 1960, стр. 7—29; Г. Ф. Благова. О характере так называемого „чагатайского“ языка конца XV в. Там же, стр. 30—39.

части Средней Азии, сознательно ориентировались на некий общий, наддиалектный язык, стоявший ближе всего к диалектам Ферганы, но безусловно отличавшийся от любого из них. Возьмем, например, сочинения Бабур, уроженца Ферганы, Нава'й, родившегося и прожившего значительную часть своей жизни в Герате, и Мухаммеда Салиха — жителя Хорезма. Вряд ли может возникнуть сомнение в большой близости языка этих трех авторов, тем более, что сами они так или иначе засвидетельствовали эту близость: Бабур — указанием на то, что язык населения родного ему Андижана совпадает с языком сочинений Нава'й; Нава'й — включением Мухаммеда Салиха в число поэтов, писавших на языке тюрки, т. е. на том языке, которым пользовался сам Нава'й.

В староузбекском литературном языке XIV—XVI вв., как, пожалуй, и во всех других литературных языках, столкнулись и глубоко отразились две тенденции. С одной стороны, несомненно стремление поддержать связи с естественной языковой средой, чтобы не сделать литературный язык совершенно искусственным, с другой стороны, дает знать о себе литературно-языковая преемственность и литературные связи в широком смысле.

Первая тенденция проявлялась с большой силой в самом начале возникновения староузбекского языка, а затем постепенно ослабевала, так что в конце концов староузбекский язык подвергся почти полной консервации. Вторая тенденция в период с XIV по XVI в. была более или менее равномерной, хотя факторы, определявшие литературно-языковое воздействие в течение всего этого периода, не были совершенно одинаковыми.

Говоря об особенностях чисто внутреннего развития староузбекского литературного языка, мы имеем в виду период его возникновения и начальный этап развития, то есть конец XIII в. и весь XIV в.

В указанный период уже образовался ряд территориальных диалектов, однако племенные языковые различия еще играли существенную роль. На территории Ферганы, в Мавераннахре и Хорезме в различных пропорциях вступали в контакт и взаимодействовали представители трех основных диалектных групп: карлукско-уйгурской, уйгуро-огузской и кыпчакской. Взаимодей-

ствие этих групп и наложило свой отпечаток на периферийные литературные языки того времени. Так, в произведениях золотоордынской литературы, в зависимости от тех или иных обстоятельств, широко запечатлелись либо огузские (ср.: Мухаббат-наме, Та'ашшук-наме), либо кыпчакские элементы (ср.: Хосраву Шйрйн Қутба). Например, в Та'ашшук-наме — алан 'захвативший', вм. албан, ср. также у Ата'й — *sävänlär* 'любящие', вм. *sävänlär*. В Мухаббат-наме встречается дательный падеж на *-a ~ -ä*, винительный падеж на *-i ~ -i*, форма настоящего-будущего времени на *-isar ~ -isär*; наблюдается исчезновение конечных заднеязычных в положении после узких гласных у существительных и прилагательных, ср.: *tatlu* 'сладкий', *arī* 'чистый', *aj jīzlīy* 'лунолика', *shīrīn cōzlīy* 'сладкоречивый' и т. д. В Хосраву Шйрйн широко прослеживаются причастие на *-aci ~ -äci*, деепричастие на *-a ~ -ä* в самостоятельном предикативном употреблении, собирательные числительные типа *ikäv* и другие формы, характерные для кыпчакских языков.

Взаимодействие карлукско-уйгурских, уйгуро-огузских и кыпчакских элементов не ограничилось периферийными районами, оно сыграло решающую роль и в Фергане и в Мавераннахре и, конечно, проявило себя в процессе возникновения общего литературного языка. Достаточно внимательно проанализировать текст Бабур-наме, чтобы представить себе размеры этого взаимодействия, особенно в плане смешения карлукско-уйгурских и кыпчакских элементов. Так, в Бабур-наме употребляются параллельно в значении настоящего-будущего времени формы на *-(a)r ~ -(ä)r* и *-a ~ -ä*, выступают причастия на *-mīsh ~ -mīsh* и *-ban ~ -gān*, собирательные числительные типа *ikkälä (ikkävlä)* и *ik(k)äv*, разделительные числительные типа *ikkirär* и *ikkīshär*, отглагольные имена на *-bu ~ -gij* и *-mak ~ -māk*, формы категорического императива на *-bīl ~ -gil* и *-bīn ~ -gīn* (ср. у Мехдй-хана: узбеки, т. е. кочевники Приаралья, употребляют *-bīn ~ -gīn* вместо *-bīl ~ -gil* во 2-м лице единственного числа повелительного склонения)² и т. д.

Перейдем к краткой характеристике второй тенденции, а именно, к разбору факторов литературно-языкового воздей-

² См.: Сангьях, стр. 86.

ствия, также имевших большое значение в развитии староузбекского литературного языка.

Было бы неправильно игнорировать тот факт, что почти все, писавшие на староузбекском языке, в особенности поэты, хорошо владели персидским языком и, как правило, отдавали и ему дань поэтического творчества.

Подражание персидским образцам, стремление воспроизвести дух и форму персидской поэзии, как хорошо показал Нава'й в Мухакамат ал-лугатайн, составляли основную заботу абсолютного большинства тюркоязычных поэтов XIV и XV вв. Следует не забывать также и того, что многие культурные центры тимуридов находились на территории с преобладающим восточноиранским населением и что не только поэты, но и тюркское население, находившееся в тесном контакте с последним как в Мавераннахре, так и в Фергане, в какой-то своей части было двуязычным. Эти обстоятельства не могли не сказаться на состоянии литературного языка. В нем нередко преобладает персидская лексика, употребляются служебные слова и целые конструкции, не свойственные тюркской речи.

Широкое распространение получают, например, персидский изафет, союзы, препозитивные частицы типа *māgār, kāshki, gījā, bälki*. Ср. у предшественников Нава'й (Лутфй, Қамбара оғлы, Қасима, Джавхарй и др.) — Л: *хāk-i pāji kīm аңа зулфй тәйр көп істәрәм* 'очень желаю (прильнуть) к следам ее, которых касаются локоны' (I), *алнйда jān тартадурман тә māgār тўшкāj kāбул* 'перед ней прилагаю старания, чтобы быть принятым' (I), *көр кә нә зарду нә зәр әтти мәнй савдā-jī хām* 'смотри, каким бледным сделали меня несбыточные мечты' (IV); Дж: *тә хājālй кәлдй мәхмāн көзй 'азйз мәхмāнйба гāх дурй омману гāх лā'л-й бадахшāн тартадур* 'не успел он и подумать о возлюбленной (букв.: о гостье), а глаза уже дорогой гостье влекут то прозрачные, как жемчуг, то кровавые, как рубин, слезы' (I); Қам: *dīlbār-й пājмāн шйкāн 'ахдйн фарāmūш әjlādй* 'не верная слову красавица забыла свой договор' (I) и т. д.

Известно также, какую роль в жизни народов Средней Азии сыграло арабское завоевание, сопровождавшееся усиленным религиозным натиском.

Укоренение ислама и мусульманской идеологии создавало благоприятные условия для проникновения во все области интеллектуальной жизни арабской культуры и арабского языка, который стал не только религиозным, но и философским языком среднеазиатских тюрок.

Влияние арабского языка было особенно заметным в жанрах религиозно-повествовательной литературы (ср.: Ми'раджнаме, Тазкира-и авлия, Қысақ ан-анбия, Рахат ал-қулуб, Сирадж ал-қулуб) и почти во всех поэтических произведениях.

Среди внешних факторов, проявивших себя в развитии староузбекского литературного языка, особое место занимает влияние классического наследия карлуков и уйгуров. Литературные традиции, сложившиеся в период пребывания этих крупнейших племенных объединений в составе каганата караханидов, были живо восприняты в среднеазиатских центрах, причем первоначально, как и в Восточном Туркестане, здесь явно доминировала религиозно-дидактическая тематика (ср. Хибат ал-хақайк).

Конкретно трудно назвать те элементы, которые вошли в староузбекский литературный язык из восточнотуркестанского литературного языка, так как узбекско-уйгурские связи не были ограничены каналами литературно-книжной преемственности.

Давая общую характеристику староузбекскому литературному языку, необходимо отметить резкое отличие языка поэтических произведений от языка прозы.

У поэтов сохраняются архаичные формы, используются в максимальных размерах элементы других литературных языков: старотурецкого, караханидского. Только или преимущественно для поэтических произведений характерно употребление отрицательной частицы *dəjyl* ~ *dəjyl*, „стяженных“ аффиксов винительного и дательного падежей, ср.: *-(j)ī* ~ *-(j)i* и *-a* ~ *-ä*, послелога *ilä*, деепричастий на *-majin* ~ *-mäjin* и *-(i)ban* ~ *-(i)ban*, глагольных форм настоящего и прошедшего времени, развившихся из причастий на *-(a)p* ~ *-(ä)p* и *-miş* ~ *-miş*, ср.: *бармишам* 'я пошел', *истайрам* 'я желаю', стяженной разновидности причастия прошедшего времени, ср.: *алан* 'взавший', *кэлән* 'пришедший', и таких слов, как *tälīm*, *үкүш* 'много', *эдгү* 'хороший', *бул* 'находить', *кол* 'просить', *ајүн* 'мир', *лудак* 'губы', *эл* 'рука',

убан 'бог', *бікін* 'как', 'подобно', *топрак* 'почва', 'земля', *урам* 'улица', *дәлү* 'безумный', *өсрүк* 'пьяный', *јубан* 'колебаться', *іді* 'хозяин', *көрккәбај* 'красавица' и др.

Что касается размеров использования в языке староузбекской поэзии арабо-персидских элементов, то они весьма не постоянны и в каждом конкретном случае зависят от характера поэтического произведения. Чтобы показать крайние моменты использования указанных элементов, сопоставим язык Шейбанинаме, исторической хроники в стихах, и язык касыды Мансұрабахши, восхваляющей достоинства всевышнего. В Шейбанинаме число арабизмов и фарсизмов находится на минимальном для староузбекской поэзии уровне (от 30 до 40%), в касыде Мансұрабахши их, по меньшей мере, в полтора раза больше. Ниже мы приводим небольшой отрывок из этой касыды:

Ja bī jāc-ал мостабісін барчаға фар'јад-рас
'alīm-ул асрār-i 'ālam jā 'alīm-i зў-л-јалāl
қудратің бірлә јараттің аршу күрсі бу калам
хікмәтіңнің (х)укміна јәтмәј туруп 'аклу хайāl.

Јинну інс(ән)у вахшу тајру мўру мāхī рїзкїні
јәтгўрўрсән јўмлāгә қудрат билә бәкїл-у-кāl.
Кім кә ічті рахматің дар'јасідін бір јур'әјі
барча 'āламдін муназзах болдї, бу болдї зулāl.

О покровитель всех, кто просит помощи,
наставник сокровищ мира, о величавый мудрец!
Своим могуществом ты создал престол и минбар, и
это перо,
суждений твоей мудрости не постигнет ни ум, ни
воображение.

Хлеб насущный демону, человеку, зверю, птице,
насекомому, рыбе —
всем доставляешь ты своим могуществом без шум-
ных речей.

Тот, кто выпил глоток из реки твоей милости,
стал безупречнее всех миров, стал чистой, прозрачной
водой?.

В отношении количества фарсизмов и арабизмов различия между языком поэзии и языком прозы менее ощутимы, если при сравнении не принимать во внимание деловых документов и некоторых текстов объяснительной религиозной литературы, сознательно упрощенных в целях их более широкой популяризации.

Своеобразие староузбекского языка, в той части, в которой оно связано с посторонним влиянием, выразилось преимущественно в лексике и синтаксисе. В плане морфологии арабское и персидское влияние было незаметным и оставило незначительные следы.

Несомненно, что факторы внешнего воздействия не являлись определяющими ни в самом становлении староузбекского литературного языка, ни в его развитии. Каким бы ни было подражание персидским и арабским образцам, староузбекский язык все равно никогда не утрачивал своего самобытного облика и даже в том состоянии, когда он уже не развивался, представлял нечто совершенно оригинальное и привлекал к себе внимание тюркских и персидских филологов. Более того, этот язык стал своеобразным литературным койнэ и представители многих тюркских народов пользовались им как языком „изящной словесности“ вплоть до недавнего времени.

Из всего сказанного выше следует, что отношение к староузбекскому литературному языку как к языку искусственному, никак не связанному с развитием общенародного узбекского языка, не является обоснованным. Литературный язык бесспорно отразил основные моменты развития народного языка узбеков и результаты его изучения вполне могут быть использованы для историко-языковых исследований более широкого охвата. Последнее не означает, однако, что между староузбекским литературным языком и языком общенародным (т. е. совокупностью признаков, объединявших живые узбекские диалекты) не было никаких различий.

ОТНОШЕНИЕ СТАРОУЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА К ВОСТОЧНО-ТУРКЕСТАНСКОМУ

Как мы отметили в самом начале, „Грамматика узбекского языка XIV—XVI вв.“ является продолжением „Грамматического очерка языка текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана“.

Связь названных грамматических исследований не случайна: староузбекский язык рассматривается нами как среднеазиатская разновидность восточнотуркестанского языка более позднего (чем X—XIII вв.) периода. При этом в данном случае под восточнотуркестанским языком разумеется его карлукско-уйгурский диалект.

В данном разделе небесполезно сопоставить фонетические особенности и морфологические системы языка двух указанных периодов и сделать некоторые выводы относительно ведущих тенденций в развитии узбекского языка на протяжении шести-семи столетий.

Предварительно ответим на вопрос, достаточно ли оснований считать, что восточнотуркестанский и староузбекский языки лежат в одной плоскости и связаны узами хронологической последовательности? Хотя диалектная база староузбекского языка XIV—XVI вв. значительно расширилась, по сравнению с диалектной базой восточнотуркестанского языка, за счет включения кочевников Дешти Кыпчака, есть все основания рассматривать его как высокоразвитое ответвление этого последнего, т. е. восточнотуркестанского языка (resp. карлукско-уйгурского диалекта).

В староузбекском языке наблюдаются почти все те же грамматические формы и фонетические явления, что и в восточнотуркестанском языке, с той разницей, что в первом многие из них уже являются архаичными и не охватывают системы языка в целом, тогда как в последнем они весьма продуктивны и регулярны.

Сопоставление восточнотуркестанского и староузбекского языков в плане фонетики затруднено обстоятельствами, связанными с характером письменности, недостаточно точно отражающей тюркские звуки, в особенности гласные.³ Поэтому проанализируем лишь частные фонетические явления, которые четко

³ Весьма вероятно, что фонологические системы этих языков не различались и что состав дифференциальных признаков фонем был одинаковым. Правда, в восточнотуркестанском языке еще сохранялось в какой-то мере противопоставление долгих и кратких гласных, тогда как в староузбекском такого противопоставления уже не было.

отразились в письменности и о которых мы можем говорить без риска ошибочной интерпретации графических обозначений.

Прежде всего следует остановиться на традиции так называемого *δ*-языка.

В восточнотуркестанских текстах в середине или в конце слова часто выступает звук *δ* (*д* — в уйгурских памятниках, по причине отсутствия специального знака для *δ*), на месте которого иногда появляется *ј*. В позднейших источниках, таких, как Огуз-наме, в соотношении *δ* и *ј* намечается перелом в пользу *ј*. В староузбекском языке *ј* оказывается доминирующим звуком. Только в изолированных словах на месте межзубного *δ* в нем встречаются еще *δ*, *д* и *з*, см. А: *адак* 'нога' (27); МН (Ог. 8193): *эдиү* 'хороший' (1636; ср. МН (Add. 7914): *эјү* (295а)); С: *иди* 'господин', 'бог' (36), *азакін* 'его ногу' (19а); ЯШ: *уд јїл(ї)* 'год коровы' (255).

В восточнотуркестанском языке в исходе формы условного наклонения употребление *р* (ср.: *кәлсәр* 'если придет', *алсар ман* 'если я возьму', *барсар сән* 'если ты пойдешь') идет на убыль. В текстах позднего происхождения *р* полностью исчезает, и в староузбекском языке становятся обычными стяженные формы 1-го и 2-го лица типа: *алсам* 'если возьму', *барсаң* 'если пойдешь', *алсак* 'если возьмем', *алсаңиз* 'если возьмете'.

Чередование *н* и *ј* на месте общетюркского **ј* в обоих языках наблюдается приблизительно в одинаковых размерах. Явно преобладает, что примечательно с точки зрения противопоставления восточнотуркестанского и староузбекского языков древним огузским языкам, в которых **ј* отразился в виде *н*. Взаимозаменяемость *н* и *ј* в староузбекском языке допустима в двух наречиях, представляющих застывшие формы местного и исходного падежей от определительного местоимения *кај* (< **кај*) 'какой': *канда* ~ *кајда* 'где', *кандін* ~ *кајдін* 'откуда'. В наречии *кані* возможен только *н*. *кају*, *кајсі* 'какой', *чїбај* 'бедный', *кој* 'овца' и другие слова встречаются не иначе как с *ј*.

Положение заднеязычных согласных в любой позиции характеризуется большой устойчивостью. Правда, в староузбекском языке можно обнаружить немалое количество примеров выпадения конечных заднеязычных после узких гласных или

в интервокальном положении, см. МХ: *сап-сарі* 'желтый-желтый' (< *сап-саріб*; 21); ШН: *капу* 'ворота' (< *капуз*; 119). Тем не менее эта особенность не типична для староузбекского языка и является следствием продолжительного и интенсивного кыпчакского влияния. В кыпчакских языках, как известно, утрата заднеязычных в указанных выше позиционных условиях носила всеобщий и совершенно закономерный характер.

Ассимилятивное изменение начального *б* в *м* под воздействием последующего *н* (или *ң*) почти не имеет исключений ни в том, ни в другом языке, ср.: *бән* > *мән* 'я', *бәңү* > *мәңү* 'вечный', *буң* ~ *муң* 'печаль', *биң* ~ *миң* 'тысяча', *бәңиз* ~ *мәңиз* 'лицо', в отличие от древних огузских языков, в которых *б* сохранился без изменений.

Для восточнотуркестанского языка характерна и, более того, обязательна постановка перед аффиксами локативных падежей „вставочного“ *н*, происхождение которого до сих пор вызывает споры, см.: *таші* 'его камень', *ташімба* 'к его камню', *ташіндін* 'от его камня'; *баши* 'его голова', *башімба* 'к его голове', *башіндін* 'от его головы'. В староузбекском же языке намечается тенденция к его исчезновению. Так, в произведениях Лутфй, Нава'й и некоторых других поэтов „вставочный“ *н* — уже весьма редкое явление.

Выпадение начального *б* в глаголе *бол* 'быть', 'становиться' и переход *б* в *в* в глаголе *бәр* 'давать' необычны как для восточнотуркестанского, так и для староузбекского языков. Подобные фонетические явления наблюдаются преимущественно в поэтических произведениях, в которых они в совокупности с другими особенностями языков огузской группы, создают особую стилистическую окраску, ср., например, отрицание *дәјил*, послелог *ilä*, глагольные формы настоящего и прошедшего времени: *истәрәм* 'хочу', *кїлмішам* 'я сделал' и др.

Если о соотношении форм с протетическим *ј* и без него в восточнотуркестанском языке еще нельзя сказать ничего определенного, то для староузбекского языка этот вопрос решается совсем просто. В нем оказываются предпочтительными йотированные формы, см.: *јазбур* 'сбить с дороги', 'вести йотированные формы, см.: *јазбур* 'сбить с дороги', 'вести в заблуждение' (~ *азбур*), *јабац* 'дерево' (*абац* отсутствует,

ср. в языках огузского типа), *й'бла-* 'плакать' (*абла-* отсутствует, ср. в языках огузского типа).

И в восточнотуркестанском и в староузбекском языках на месте общетюркского **д'* (**м'*?), выступающего в начале слова и имеющего самые разнообразные отражения в древних и современных тюркских языках, всюду наблюдается *ј*. Формы с начальным *ј* из памятников X—XIII вв. обнаруживает уйгурский вариант Сказания об Огузе, в котором, однако, наряду с *ј* выступает и *ј*. При этом можно предположить, что *ј* в оригинале не было и что он появился при составлении списка, так как в китайско-уйгурском словаре, составленном в пекинской коллегии переводчиков, в правление династии Мин, и включающем в себя всю лексику из Сказания об Огузе, джекающих форм нет.⁴ В староузбекском языке джекающие формы также необычны. Мехдй-хан приписывает их языку „узбеков“,⁵ т. е. кочевников приаральских степей.

Среди частных явлений обращает на себя внимание регулярная вокализация в староузбекском языке конечных согласных у порядковых числительных, употреблявшихся в более ранний период, как правило, без гласных. Ср.: *тёртинч* и *тёртинчи* 'четвертый', *икинч* и *икинчи* 'второй', *бэшинч* и *бэшинчи* 'пятый'. Краткое, невокализованное окончание порядковых числительных для староузбекского языка засвидетельствовано небольшим количеством примеров, см. Абушқа: *йчйчнч* 'третий' (94); ШН: *тёртинч* 'четвертый' (161).

В отношении гармонии гласных можно заметить следующее: в целом это явление сохраняется на протяжении всего периода существования как восточнотуркестанского, так и староузбекского языка. Тем не менее в каждой конкретной группе форм происходили некоторые сдвиги. Так, в староузбекском языке становятся заметными морфологические образования смешанного палатально-велярного или велярно-палатального типа и намного возрастает число слов, в которых губной гласный третьего и, реже, второго слога заменяется негубным гласным, ср. *кёрдйўиз* и *кёрдйўиз*, *кёрдйўиз* 'вы видели', *сөзйўмйўнч* и

⁴ См.: А. М. Щербак. Огуз-наме. Муҳаббат-наме, стр. 102—107.

⁵ Санглях, стр. 86.

сөзйўмйўнч 'моего слова', *сөзйўмйўз* и *сөзйўмйўз*, *сөзйўмйўз* 'наше слово', *кйўмйўш* и *кйўмйўш* 'серебро'.

Спирантизация *к* (> *х*) охватывает приблизительно одинаковое количество слов. Она, очевидно, имела место лишь в отдельных, смежных с огузскими диалектами, говорах. В памятниках примеры спирантизации *к* единичны.

В староузбекском языке появляется новый „вставочный“ звук — *ш*, ср.: *икйўәр* 'по два', вм. прежнего *икйўәр*, *алтйўар* 'по шести', *йёмйўәр* 'по семи'.

Восточнотуркестанский и староузбекский языки поразительно совпадают в отношении позиционного распределения согласных. Звонкие заднеязычные, увулярные и *д* в абсолютной начальной позиции присутствуют только в виде исключения. Разумеется, слова арабские, персидские и монгольские в счет не идут.

На границе разных морфологических элементов в староузбекском языке в сочетании с сонорными встречаются, как правило, звонкие шумные, ср.: *лд*, *мд*, *нд*, *рд*, *рб* (в восточнотуркестанском языке чаще: *лт*, *лт*, *нт*, *рт*, *рк*). Группы с глухим смычным сохраняются лишь внутри слов, неразложимых на отдельные морфологические элементы, например; *алтун* 'золото', *арпа* 'ячмень', и в побудительных формах глагола типа: *өлмйўр* 'убить', *көлмйўр* 'принести'. В последнем случае рассматриваемые языки образуют общую линию.

Сам факт сохранения группы *лт* (*лт*) можно квалифицировать как один из весьма примечательных объединяющих признаков, ср.: *өлмйўр* 'убить' (в манихейских текстах X—XI вв. — *өлйўр*), *көлмйўр* 'приносить', 'приводить' (в манихейских текстах X—XI вв. — *көлйўр*, в памятниках кыпчакского языка XIII—XVI вв. — *кёмйўр* ~ *кёмйўр*), *олтур* 'садиться' (в манихейских текстах — *олур*, в кыпчакских — *отур* ~ *отйўр*).

Таким образом, при наличии одинаковых фонологических систем восточнотуркестанский (resp. карлукско-уйгурский) и староузбекский языки, составляющие единую языковую традицию, имеют некоторые исторически обусловленные фонетические расхождения.

Аналогичное соотношение наблюдается в морфологии.

Для учета преобразований в системе падежных форм приведем ниже обе парадигмы склонения:

	Вост. - турк.
Осн.	—
Вин.	-нї ~ -ні, -їб ~ -из, —
Дат.	-ба ~ -гя
Напр.	-бару ~ -гяру
Местн.	-да ~ -дä
Исх.	-да ~ -дä, -дан ~ -дän ~ -дін ~ -дін
Орудн.	-ін ~ -ин

	Староузб.
Осн.	—
Вок.	-а ~ -ä
Вин.	-нї ~ -ні, —
Дат.	-ба ~ -гя
Местн.	-да ~ -дä
Исх.	-дін ~ -дін
Предел.	-бача ~ -гячä, -ча ~ -чä

Сравнение двух парадигм показывает, что некоторые падежные формы восточнотуркестанского языка исчезли и что в староузбекском языке появились новые падежные формы и расширились или сузились функции старых падежей.

Аффикс орудного падежа постепенно утратил свою продуктивность и стал неупотребительным. В староузбекском языке его можно обнаружить в одной из групп „именных“ наречий, ср.: *kündüzün* 'днем', *jüz túbän* 'лицом вниз', *käskün* 'резко', 'категорически', *kışın* 'зимой', *jazın* 'летом', *səncizün* 'без тебя', *jalluzun* 'одинок', *käçkurun* 'вечером'; в некоторых послелогах, ср.: *üçün* 'из-за', 'для', *saın* 'по'; в отрицательных деепричастиях, ср.: *бармајін* 'не идя', *кїлмајін* 'не делая', в деепричастиях типа *барібан* 'отправившись', *кїлбан* 'сделав' и в других формах.

Функции орудного падежа в староузбекском языке перешли главным образом к послелогу *bıplä ~ bilä ~ ilä*, который в конечном итоге стал одним из наиболее употребительных послелогов.

В древних тюркских языках, о которых принято говорить со ссылкой на показания орхонских и енисейских рунических надписей, не было исходного падежа и соответствующие зна-

чения передавались формой местного падежа. В восточнотуркестанском языке дело обстоит несколько иначе: в широком масштабе устанавливается раздельное оформление местного и исходного падежей, хотя первоначальный синкретизм локативных значений, характерный для аффикса *-да ~ -дä*, еще дает знать о себе в течение продолжительного периода времени. Достаточно сказать, что в восточнотуркестанском языке указанный аффикс может выражать местное, исходное и направительное значения. В староузбекском языке функции местного и исходного падежей разграничились еще более четко, чем в восточнотуркестанском языке. Зато соотношение функций местного и дательного падежей сохраняется без заметных изменений: присоединяясь к географическим и некоторым другим наименованиям, аффикс местного падежа выражает направительное значение, см. БН: *Кундузда кэліп мәнә катїлдїлар* 'придя в Кундуз, они присоединились ко мне' (11), *Хорасандін Кабулда кэлдїләр* 'они пришли из Хорасана в Кабул' (13).

Самостоятельная форма направительного падежа с аффиксом *-барї ~ -гярі ~ -бару ~ -гяру* в восточнотуркестанском языке имела узкую сферу употребления. В карлукско-уйгурской диалектной группе ее не было вообще. Наличие этой формы в манихейских текстах, ср.: *ујбурбару* 'к уйгурам' и т. д.,⁶ позволяет говорить о возможности ее достаточно широкого использования в уйгуро-огузском диалекте. Во всяком случае, в тюркских языках орхонского периода продуктивность аффикса *-барї ~ -бару*, с учетом его вхождения в состав парадигмы склонения имени, несомненна. В староузбекском языке специальная форма направительного падежа, отличная от формы на *-ба ~ -гя*, отсутствует, а аффикс *-барї ~ -бару* прослеживается только в структуре трех-четырех имен, членимых этимологически, ср.: *јокарї* (*јоккарї?*) 'вверх', *їчкärї* 'внутренняя часть (помещения)', *ташкарї* 'внешняя часть', *їчкärїдін* 'изнутри', *їчкärїгä* 'внутри', *ташкарїдін* 'извне', *ташкарїба* 'вовне'.

В восточнотуркестанском языке наряду с аффиксом *-нї ~ -ні* приметой винительного падежа являлся аффикс *-їб ~ -из*, быв-

⁶ См.: А. М. Шербак. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана, стр. 86.

ший продуктивным морфологическим показателем вплоть до XI—XII вв. См., например, турфанские тексты, Кутадгу билиги и т. д. В источниках староузбекского языка XIV—XVI вв. нет ни одного случая употребления аффикса *-йб ~ -йг*.

В староузбекском языке, в отличие от восточнотуркестанского, парадигма склонения пополнилась тремя новыми формами, из которых одна — форма вокативного падежа на *-а* — получила ограниченное распространение (встречается в поэтических произведениях), а две другие — формы предельного падежа на *-ча ~ -чй* и *-бача ~ -ййчй* — употребляются более или менее регулярно во всех текстах. Функции этих последних не были четко разграничены, хотя очевидно, что у форм, образованных при помощи аффикса *-бача ~ -ййчй* преобладали значения пространственно-линейной (например: „до такого-то места“) и временной предельности. Предельные формы можно обнаружить и в памятниках восточнотуркестанского языка, однако здесь они довольно случайны и занимают положение вариантных морфологических образований, иногда заменяющих послеложные сочетания. Впрочем, и в староузбекском языке они недостаточно проявили себя и оказались неустойчивыми.

Основной падеж на всем протяжении истории узбекского языка совмещает самые разнообразные значения, характерные для винительного, дательного и местного падежей, и в отношении основного падежа трудно сказать что-нибудь определенное о преобразованиях, которые имели место в период с XIII по XVI в.

Если отбросить падежные формы, присутствие которых в староузбекском языке было эпизодическим (т. е. формы вокативного и предельного падежей), получится парадигма, ничем не отличающаяся от парадигмы склонения современного узбекского языка. Она выделяется простотой, четкостью, отсутствием параллельных форм для выражения идентичных значений (исключение: винительный падеж). Все падежные аффиксы в ней моносиллабичны, что свидетельствует о высоком уровне их формального преобразования. Для сопоставления и разграничения последних с соответствующими аффиксами других групп тюркских языков важно отметить, что каждый из них начинается согласным.

Из этого следует, что в староузбекском языке мы имеем дело уже с новейшими формами, между которыми складываются отношения, близкие к нормам современного узбекского языка, тогда как в восточнотуркестанском языке еще продолжает существовать, хотя и в нарушенном виде, древнетюркская падежная система с такими падежами, как винительный на *-йб ~ -йг*, направительный на *-бару ~ -йрй*, орудный на *-йн ~ -йн* и т. д.

Аффиксами, образующими уподобительную форму в восточнотуркестанском языке, является *-дйк* (resp. аффикс-послелог), *-лају ~ -лйй*, *-сйб ~ -сйг*. Два последние аффикса, однако, выступают редко, и их постепенно вытесняет первый. Случаи употребления в староузбекском языке аффикса *-лају ~ -лйй* (*-лајйн ~ -лйјйн*) — единичны, см. К: *сйзлйјйн* 'подобная тебе' (III); ТН: *Вймйклајйн* 'как Вамык', 'подобно Вамык' (2856). Аффикс *-сйб ~ -сйг* отсутствует вообще.

Система средств, выражающих принадлежность, не испытывает существенных изменений.

Что касается формы сопряженного состояния, то она характеризуется в основном одинаковыми особенностями употребления. Все же следует отметить, что в староузбекском языке отношения, выражаемые указанной формой, более многообразны. При этом широко распространяется сокращенный вариант ее, совпадающий с формой винительного падежа. Наконец, в староузбекском языке можно отметить возникновение особой предикативно-притяжательной формы, развившейся из сочетания формы сопряженного состояния с относительным аффиксом *кй*, см. БН: *бйзнйнкй* 'наш' (103), *бйзнйкй* 'наш' (135).

Преобразование формы сопряженного состояния в форму притяжательного падежа, происходящее в восточнотуркестанском языке, ограничивается местоимениями, ср.: *бйзнйң йл* 'наш народ', *сйнйң ат* 'твоя лошадь'. В тех же границах оно происходит и в староузбекском языке.

Форма множественного числа как в древнейший (восточнотуркестанский), так и в более поздний (староузбекский) периоды истории узбекского языка образуется при помощи одного аффикса — *-лар ~ -лйр*. Такие аффиксы множественного числа, как *-ан ~ -йн* и *-т* в восточнотуркестанском языке и *-ан ~*

-än, -at ~ -ät в староузбекском, являлись принадлежностью ограниченного круга слов, которые для носителей языка в абсолютном большинстве случаев были неразложимы. Выделение подобных аффиксов обычно осуществляется путем этимологического анализа, и в системе чисто формальных противопоставлений они никакой роли не играют.

Отличительным моментом функционирования аффикса -лар ~ -lär в староузбекском языке является его участие в образовании особой группы наречий, ср.: *эмдилär* 'теперь', *андалар* 'там', *язлар* 'летом', *кiшлар* 'зимой'.

Несколько слов об именном словообразовании.

В староузбекском языке появляется ряд форм, образуемых оригинальным сочетанием обычных тюркских аффиксов, например, имя, обозначающее род занятий и отрезки времени, в которые протекают привычные действия, см. *бир ајчилік јол* 'одномесечная дорога', *накарйчилік* 'игра на барабане', *кушчилік* 'разведение птиц', *јадачилік* 'вызывание дождя', *элчилік* 'миссия посла', *аламанчиліб* 'занятие грабежом'.

Широкое распространение получают аффиксы -кун ~ -күн, -бул ~ -гүл, -л и -мтул, из которых три последние восточнотуркестанскому языку были вовсе неизвестны, ср. *самкун* 'продажа', *тутбун* 'пленник', *сакавул* 'стражник', *сојурбал* 'надел', 'пожалование', *кiзімтул* 'красноватый', *карамтул* 'черноватый', *јашімтул* 'зеленоватый'. В этом, кстати, нет ничего необычного, так как указанные аффиксы проникли в староузбекский язык из монгольского языка и, следовательно, появление их у тюрков могло иметь место только в период после монгольского нашествия, т. е., по существу, за пределами хронологических рамок восточнотуркестанского языка.

Староузбекский язык, по сравнению с восточнотуркестанским, располагает бóльшим количеством анафорических местоимений и наречий с начальным компонентом *ош*, ср.: *ошбу* 'вот этот', *ошул*, *ошал* 'вот тот', *ошмундак* 'вот этакий', *ошанда* 'вот там', *ошмунча* 'вот так' и отрицательных местоимений композитивного типа, ср.: *хэчкім*, *хэчкімсә*, *хэчкімәрсә* 'никто', *хэчнімә*, *хэчнәрсә*, *хэчнімәрсә* 'ничто'.

Неупорядоченность форм собирательных числительных, примечательная для восточнотуркестанского языка, ср.: *ікәгij/ікäv*,

ік(к)älä и *ік(к)ävlä* 'двое', имеет место и в староузбекском.

Состав субстантивных отглагольных имен оказывается довольно постоянным, тем не менее в староузбекском языке приобретают более широкие масштабы те процессы, которые берут начало в период с X по XIII в. Полностью утрачивает продуктивность отглагольное имя на *-інч* ~ *-инч* ~ *-унч* ~ *-юнч*, которое преобразуется в особый словообразовательный тип существительного, охватывающий около десяти слов, см.: *коркунч* 'страх', *сөкјунч* 'ругательство', 'брань', *өкјунч* 'раскаяние', *інанч* 'вера' и т. д. Форма на *-мак* ~ *-мак* становится менее употребительной, и учащаются случаи ее полной субстантивации. Напротив, отглагольное имя на *-іш* ~ *-иш* начинает занимать более важное место в системе именных форм отглагольного образования, и сфера его использования несколько увеличивается. Отглагольное имя, образуемое при помощи аффикса *-у(в)* ~ *-ү(в)*, в текстах староузбекского языка почти не встречается. Таким образом, и в пределах отглагольных имен можно обнаружить тенденцию, направленную к сокращению параллельных или очень близких по значению грамматических форм и способствующую увеличению семантико-функциональной нагрузки ведущих морфологических образований.

Количество причастных форм уменьшается приблизительно в два раза. Так, в староузбекском языке насчитывается только четыре продуктивных причастных формы — на *-ар* ~ *-är*, *-бан* ~ *-än*, *-міш* ~ *-миш* и *-бу* ~ *-гү*, причем две последние обнаруживают признаки семантического обособления (ср., например, для *-міш* ~ *-миш* — выражение неочевидности). Функционально приведенные причастные формы разграничиваются следующим образом: причастия на *-міш* ~ *-миш* и *-бу* ~ *-гү* выполняют преимущественно предикативные функции, причастиям на *-ар* ~ *-är* и *-бан* ~ *-än* свойственны и предикативные и атрибутивные функции. Следует отметить также, что несколько расширилось употребление пятой причастной формы — на *-бур* ~ *-гүр*, тем не менее говорить о продуктивности ее в староузбекском языке нет достаточных оснований.

За счет частичной или полной десемантизации пополняется группа „пустых“ имен, или нумеративов и прономинативов, см.

БН: *bīr pāra jol* 'часть дороги' (140), *bīr taḫtā tash* 'плита камня' (141), *ūn tāzā nān* 'три лепешки' (141). Ср. также: *ikkī navbat*, *ikkī katla*, *ikkī мартабā* 'два раза'.

Форма „категорического императива“ на *-bīl* постепенно уступает место форме на *-bīn*, большее распространение получает стяженный аффикс предлагательно-желательного склонения 1-го лица единственного числа, например: *барай* 'пойду-ка', *кїлај* 'сделаю-ка', *бэрāj* 'дам-ка', *алај* 'возьму-ка', в.м. *барайн*, *кїлајн* и т. д.

Из двух форм предлагательно-желательного склонения 1-го лица множественного числа на *-alīm ~ -älim* и *-alīñ ~ -äliñ*, характерных для восточнотуркестанского языка, в староузбекском используется только вторая, имеющая усеченную разновидность, ср.: *баралїñ ~ баралї* 'пойдем-ка', *алалїñ ~ алалї* 'возьмем-ка'. Форма с аффиксом *-alīm ~ -älim* употреблялась в период с X по XIII в. в уйгуро-огузской диалектной группе. В более позднее время она используется в памятниках старотурецкого языка.

В 3-м лице предлагательно-желательного склонения утрачивается многообразие формальных наращений, зафиксированное в карлукско-уйгурских текстах, ср.: *барсунї*, *барсун* и *барсу* 'пусть идет'; в староузбекском языке — одна разновидность: *барсун*.

В изъявительном склонении происходит дальнейшая вербализация форм прошедшего категорического и будущего неопределенного. Одним из основных признаков этого процесса является ограничение возможностей сочетания указанных форм с вспомогательным глаголом *эр-*. Примечательно, что присоединение к форме прошедшего категорического вспомогательного глагола *эр-* в соответствующей форме в староузбекском языке исключено. Можно добавить также, что в текстах XIV—XVI вв. не отмечено ни одного случая атрибутивного использования рассматриваемых форм.

Из двух личных показателей форм условного склонения и прошедшего категорического 1-го лица множественного числа — *-miz ~ -miz* и *-k ~ -k* — в староузбекском языке остается один — *-k ~ -k*.

Заметно сокращается количество вариантных форм неполной вербальности (деепричастий).

Вместо трех вариантов деепричастия „настоящего времени“ (на *-a ~ -ä*, *-y ~ -ij*, *-i ~ -i*), выступающих в восточнотуркестанском языке, остается один (на *-a ~ -ä*). Два другие варианта встречаются редко, чаще в произведениях религиозно-дидактической литературы (см.: Сирāдж ал-кулūб, Рāхат ал-кулūб и т. д.), и их употребление носит отпечаток архаичности.

Отрицательное деепричастие „настоящего времени“ в восточнотуркестанском языке имеет три разновидности аффикса: *-maj ~ -mäj*, *-majın ~ -mäjin* и *-madın ~ -mädin*. Последняя разновидность — древнейшая: она запечатлела традицию *δ*-языка, который условно может быть назван общетюркским. Непосредственно к *-madın* восходит *-majın*, далее следует *-maj* — разновидность, образующаяся в результате отпадения конечного слога. В староузбекском языке преобладает последняя, новейшая разновидность, и аффикс *-majın* встречается не чаще, чем вариантные формы соответствующего положительного деепричастия.

Из обиходного староузбекского языка полностью исчезает деепричастие прошедшего времени на *-iban ~ -ibän*.

Исчезновение *n*-овых деепричастий необходимо рассматривать как одно из звеньев в процессе, вызванном изменениями древней парадигмы имени и, в частности, отмиранием орудного падежа.

И в восточнотуркестанском и в староузбекском языке деепричастие настоящего времени употребляется только со связкой, например, *барадур* 'идет'. При этом вспомогательный глагол *эр-* в прошедшем времени непосредственно с указанным деепричастием сочетаться не может, ср.: *барадур эрди* 'он шел' (*бара эрди* исключено).

В староузбекском языке становится более обычным и более распространенным включение в состав предиката отрицательных форм деепричастия на *-(i)p ~ -(i)p*, ср.: *көрмәпсән* 'ты не видел', *болмапдур* 'он не стал'.

В образовании вторичных глагольных основ различия между восточнотуркестанским и староузбекским языками незначительны. Они сводятся к тому, что, во-первых, устраняется множественность формальных средств выражения так называемого страдательного залога, во-вторых, широко осуществляется использование страдательной формы для передачи действия с невыра-

женным производителем. Страдательная форма образуется в связи с этим и от непереходных глаголов, а соответствующая форма, образованная от переходных глаголов, может управлять винительным падежом.

В староузбекском языке намного усиливается процесс образования послелогов, выражающих значения причинности, обоснования и др., который охватывает прежде всего деепричастия настоящего времени, ср.: *ошанба кӧрӧ, ошанба бака, ошанба, жараша* 'по этой причине', 'в соответствие с тем'.

Служебные слова пополняются также большим количеством препозитивных частиц и союзов, большинство которых — заимствования из персидского языка.

Применная отрицательная частица *эмас*, образовавшаяся в восточнотуркестанском языке, становится господствующим отрицательным членом и случаи замены ее другим отрицательным членом — *дэзйӧл* — в староузбекском языке единичны.

Для синтаксиса примечательно постепенное и довольно интенсивное усложнение структуры предложения, происходящее главным образом под влиянием персидского языка и ограниченное рамками литературной нормы. В староузбекском литературном языке, например, встречается огромное количество придаточных предложений и представлены разные способы конструирования сложных синтаксических единиц с сочинительной связью.

Таковы некоторые моменты соотношения фонетики, морфологии и синтаксиса восточнотуркестанского и староузбекского языков.

Каковы же основные тенденции, проявившие себя в процессе развития от восточнотуркестанского языка (resp. карлукско-уйгурского диалекта) к староузбекскому?

В области фонетики могут быть отмечены: преобразования отдельных звуков (ср. $\delta > j$); упрощение групп согласных, возникших при образовании новых форм; более интенсивное использование протетического *j* (ср.: *јабач* 'дерево', *јӧбла* 'плакать'); озвончение глухих согласных в сочетаниях с сонорными (*лт > лд, рт > рд, нт > нд* и т. д.), что трудно объяснить какими-либо общими тенденциями в развитии системы звуков и фонетической структуры слова.

Изменения, наблюдаемые в морфологии, можно охарактеризовать, во-первых, как процесс унификации грамматических форм посредством сокращения омонимичных образований, например, винительного падежа на *-йб ~ -йг*, исходного на *-да ~ -дӧ*, дательного (направительного) на *-бару ~ -гӧрӧ*, уподобительных форм на *-сйб ~ -сйг* и *-лај(у) ~ -лӧј(ӧ)*, отглагольных имен на *-бу ~ -гӧ*, *-йнч ~ -йнч*, *-бур ~ -гӧр*, предложительно-желательного наклонения 3-го лица на *-сунӧ ~ -сӧнӧ* и *-су ~ -сӧ*, деепричастия на *-йбан ~ -йбӧн* и т. д.; и, во-вторых, как следствие проявляющейся в пределах аффиксальных морфем тенденции моносилабизма (т. е. сокращения отдельного морфологического показателя до одного слога), ср. аффикс собирательных числительных *-бу ~ -гӧ* > *-ав ~ -ӧв*, аффикс формы предложительно-желательного наклонения 1-го лица единственного числа *-ајӧн ~ -ӧјӧн* > *-ај ~ -ӧј*, аффикс отрицательной формы деепричастия настоящего времени *-мајӧн ~ -мӧјӧн* > *-мај ~ -мӧј* и т. д.

ОТРАЖЕНИЕ ДИАЛЕКТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ В ПАМЯТНИКАХ СТАРОУЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА

В целом произведения староузбекской литературы характеризуются отсутствием сколько-нибудь значительных и совершенно определенных фактов, указывающих на их принадлежность к тому или иному диалекту. Поэтому вопрос об отражении диалектных особенностей в памятниках староузбекского языка кажется на первый взгляд неуместным. Однако при детальном исследовании каждого из текстов всё же обнаруживаются данные, позволяющие констатировать их связь с той или иной диалектной группировкой и дающие возможность установить некоторые признаки диалектного расслоения носителей тюркской речи на территории Мавераннахра и Ферганы в XIV—XVI вв.

К числу таких диалектных данных относится джекание, отмеченное Мехдӧ-ханом в Сангляхе (*јӧн* вм. *јӧн* 'шерсть') как особенность языка „узбеков“.

Джекание не было характерным ни для одного из городских говоров, и следы его обнаруживаются лишь в документах и эпиграфических надписях кочевников Дешти Кыпчака. Таким

образом, произношение *j* вместо *j̄* в начале слова имеет кыпчакские истоки, и распространение этого диалектного признака связано с многократными передвижениями кыпчаков из районов Приаралья в центральные районы Средней Азии.

Чертой, свойственной кыпчакским диалектам, является также выпадение *л* (*l*) в группе *лт* (*lt*).

У многих староузбекских авторов выпадение *л* (*l*), ср.: *отурді* вместо *олтурді* 'он сел', *кәтүрді* вместо *кәлтүрді* 'он принес', не являлось результатом процессов, происходивших в их диалектах, а было привнесено извне и служило целям литературно-языковой стилизации. Однако в таких памятниках, как Шейбани-наме, упрощение группы *лт* несомненно отражало реальные произносительные нормы тех диалектов, носителями которых являлись авторы соответствующих произведений.

В кыпчакских диалектах раньше, чем в каких-либо других, обнаруживается нарушение губной гармонии гласных, например, в Хосраву Шйрйн: *коркїнч* 'страх', *умїнч* 'надежда' и т. д. В связи с этим можно высказать предположение о том, что постоянные переселения кочевников из Дешти Кыпчака на земли Мавераннахра и Ферганы способствовали усилению процесса делабиализации вторых и третьих слогов:

Следующая диалектная особенность — употребление категорического императива на *-бїн* ~ *-гїн* и формы предлагательно-желательного наклонения 1-го лица множественного числа на *-(a)j̄ik* ~ *-(ä)j̄ik*.

Категорический императив на *-бїн* ~ *-гїн* в XV в. укореняется настолько глубоко, что проникает в язык произведений большинства живших в это время писателей и поэтов. Тем не менее диалектные истоки этой формы совершенно прозрачны. Использование аффикса *-бїн* ~ *-гїн* возрастает по мере продвижения на север, и не случайно Мехди-хан рассматривает его как отличительную черту опять-таки языка „узбеков“.

Форма на *-(a)j̄ik* ~ *-(ä)j̄ik* встречается, пожалуй, только в Бабур-наме и Шейбани-наме и притом не более двух-трех раз; см. ШН: *көрә(j)lik* 'увидим-ка' (160). Столь незначительное распространение ее может быть объяснено большей устойчивостью старой карлукско-уйгурской формы предлагательно-желательного наклонения на *-алї* ~ *-äli*. И эта форма — кыпчак-

ского происхождения. Контаминация ее с карлукско-уйгурской формой положила начало образованию нового морфологического типа, ставшего господствующим в современном узбекском языке — на *-(a)j̄lik* ~ *-(ä)j̄lik*. Ср. в памятниках, сохранивших значительные следы влияния языков огузского типа (Қысағ ал-анбий Рабғузй, Қысса-и Бахрәм и др.): *баралїк* 'пойдем-ка', *көрәлїк* 'увидим-ка', *кәлтүрәлїк* 'приведем-ка', *барајлук* 'пойдем-ка', *кїлајлук* 'сделаем-ка'.⁷

Известны и другие особенности фонетического и морфологического характера, выделявшие группу кыпчакских диалектов. И все же в анализируемых текстах они немногочисленны, что обусловлено ориентацией литературного языка исключительно на городские говоры, резко противопоставлявшиеся говорам кочевых узбеков.

Особенности огузских диалектов в языке староузбекских литературных источников занимают значительное место, но только немногие из них и у ограниченного числа авторов появились непосредственно из живой диалектной среды.

Одна из таких особенностей — утрата начального *б* в глаголе *бол* 'быть', 'становиться' и переход *б* в *в* в глаголе *бәр-давать*.

Проявлением связи с огузскими диалектами можно считать кроме того, употребление порядковых числительных, образованных при помощи аффикса *-ланчї* ~ *-länči*, прослеживаемое в текстах хорезмского происхождения, например, в Сал-наме. Диалектная среда, в которой бытовала указанная форма, не имела путей для широкого влияния на литературный язык, и поэтому использование аффикса *-ланчї* ~ *-länči* на протяжении всего классического периода и в последующее время было предельно ограниченным. Напомним, что из более ранних памятников, несомненно связанных со староузбекским языком, рассматриваемую форму обнаруживает тефсир из Карши, исследованный А. К. Боровковым. Причем и в этом памятнике очевидно наличие особенностей огузского происхождения.

Следующая черта, имеющая огузское происхождение, — использование форм предлагательно-желательного наклонения

⁷ См.: С. Brockelmann. Osttürkische Grammatik, S. 229.

1-го лица единственного числа на *-байім ~ -байін* и 1-го лица множественного числа на *-балім ~ -балің ~ -балї* (преимущественно в произведениях золотоордынского цикла), формы настоящего-будущего времени типа *барурам* 'иду' и прошедшего — типа *бармїшам* 'я пошел'.

Более частными диалектными признаками являются переход *л* в *ф*, отразившийся в *Сал-наме* и, по-видимому, имевший место в хивинском говоре, и появление придыхательного *х* в начале слова перед гласными.

Последняя особенность заслуживает большего внимания, так как представляет один из моментов реализации весьма характерной для всех тюркских языков, но неодинаково проявляющейся в них, инкурсии. Оформление инкурсивного элемента в качестве самостоятельного звука допустимо для любого из диалектов староузбекского языка, однако письменное отражение подобного процесса зафиксировано только в памятниках Хорезма, см. МН: *хўзай* 'будет плавать' (1706), *хур* 'бей' (1736).

Среди частных особенностей следовало бы отметить далее переход *а* в *й*, упоминаемый в *Мабани* л-дугат, см. МЛ: *ал* ~ *йл* 'брат' (142). Связь этого перехода с определенной диалектной группой остается пока невыясненной.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

СИСТЕМА СТАРОУЗБЕКСКОГО
СТИХОСЛОЖЕНИЯ

Абсолютное большинство источников староузбекского языка, относящихся к периоду с XIV по XVI в. — поэтические произведения, чтение, правильный разбор и понимание которых, в силу ряда обстоятельств, затруднительны без знания метрической структуры стиха. В качестве примера приведем один бейт из *Махзан ал-асрар Мир Хайдара* (Брит. Музей, Add. 7914/IV, л. 121a):

توتتى جهان زمزمه حيدرى
تولدى صدا كنبند نيلوفرى

Первое и казалось бы единственно возможное чтение приведенного бейта: —

туттї ѓахāн зāмзāмā хайдарї
толдї садā гўнбāд нїлўфāрї

Хайдар гармоничных песен пленил мир,
(его) мелодии наполнили своды вселенной, —

оказывается неправильным, искажающим смысл. Только учет особенностей использованного размера позволяет избежать весьма вероятный в данном случае ляпсус и обеспечивает безошибочное толкование стиха, ср. первую строку:¹

туттї ѓахāн зāмзāмā-ji хайдарї
гармоничные песни Хайдара пленили мир.

Подобные неопределенности встречаются почти в каждом стихе и от выбора того или иного варианта, который, разумеется, никогда не может быть произвольным, зависит правильная интерпретация содержания поэтического текста.

Староузбекское стихосложение основано на 'арузе — количественном метре арабо-персидской поэзии, применение которого находится в тесной связи с разделением гласных и, соответственно, слогов на долгие и краткие,

¹ Дело в том, что слово *زمزمه*, как и любое другое имя в подобном написании, может иметь двойное чтение: без изафета (*зāмзāмā*) или с изафетом (*зāмзāмā-ji*). Точно так же во второй строке — *гўнбāд-и*.

что вытекает из самой природы арабского и персидского языков. В староузбекском языке указанное разделение отсутствует, и поэтому приспособление к нему количественного метра несколько изменило те просодические условия, которые существовали в арабской и персидской поэзии.

Долгота или краткость слога по природе определяется природой гласных или структурой самого слога.

По природе гласных долгими являются открытые слоги с долгими гласными, краткими — открытые слоги с краткими гласными. Поскольку же, как указывалось выше, разделение гласных на краткие и долгие староузбекскому языку не свойственно, разделение по этому принципу слогов в староузбекской поэзии не является обязательным,² см. у Лутфи в Гюлю Навруз (Add. 7914/III, 586):

بوچوردی کیم بو کل فصلیندا درحال
کل و نوروزنیتمک افسانه سین سال
— — — — —
— — — — —

В приведенном стихе первые слоги первой и второй стоп (بو), а также первый слог последней стопы (دا) — краткие, несмотря на то, что они открыты и условно содержат долгие гласные. Ср. у Ходженди в Латифат-наме (Add. 7914/V, глава نظم لطافت نامه):

تیلارمین سیندین ای کان ملاحت
که بوسانک سوز بیلان جانیمغه راحت
— — — — —
— — — — —

В конце стиха *ا*, *و* и *ی* всегда рассматриваются как долгие и в собственно тюркских словах.

Что касается деления слогов в зависимости от структуры, то все закрытые слоги — долгие, при условии, если за кратким гласным не следует *ن*.

Понятно, что для тюркских стихов ограничения, связанные с *ن*, условны, так как слог, закрытый последним в собственно тюркских словах, практически можно интерпретировать как угодно, ср. в одной из газелей Бабур (Б, 39):

منینک یوقتور مرادیم سندین ایرو
— — — — —
— — — — —

где *سندین* *sēndin* на границе второй и третьей стоп выступает как сочетание долгого и краткого слогов, *سن* с кратким гласным — долгий слог и

² Маловероятно также, чтобы со скандировкой староузбекского стиха, опирающейся на тот или иной размер количественного метра, совпадало его действительное произношение.

³ Считая справа налево; над транскрипцией — слева направо.

с долгим гласным — краткий (правда, последний слог открывается последующим *ا*). См. еще в Дах-наме (Add. 7914/VII, 2286):

کونکول تن نی ارا سلطان یراتنی
— — — — —
— — — — —

где первый слог первой стопы (*کون* *kōn*) — краткий, а третий (*تن* *tān*) — долгий.

Слог с кратким гласным, закрытый двумя согласными, из которых первый не *ن*, и слог с долгим гласным, закрытый одним любым согласным, исключая *ن*, могут быть более, чем долгими, и могут восприниматься как сочетания долгого с кратким (*ن*—), см. у Бабур (Б, 38):

اولتورور کوجه مینى گفتارینک
— — — — —
— — — — —

В приведенной строке (полустипии) полуторным является первый слог первой стопы: *اول* *ōl* (*ن*—). Слоги, закрытые двумя согласными, путем интродукции гласного преобразуются в сочетания, состоящие из двух слогов, имеющие в совокупности ту же просодическую норму (см. МН, 1726): *اولتورور* *хусун* из

хусн (*ن*—).

По требованию стиха долгими или краткими в конце слова являются *ا* и *ی* (в этой позиции у староузбекских поэтов они взаимозаменяемы), *ی* (тюркский и персидский изафеты и любое сочетание согласного с *ی* в тюркских словах) и *و* (союзы, *و*, *چو* и любое сочетание согласного с *و* в тюркских словах).

Требованием стиха обусловлено также использование вариантных форм, в пределах которых благодаря удвоению согласного краткий слог превращается в долгий, ср. у Хорезми (МН, 164а): *شکر* *šākkār* (—); (МН, 164б): *شکر* *šākkār* (—); (МН, 168б): *قدی* *qadī* (—).

Гласные в начале слова произносятся либо с хамзой (همزة), не позволяющей соединять их с предшествующим словом, либо с васлой (وصله), допускающей такое соединение. В последнем случае долгие слоги открываются начальным гласным последующего слова и становятся краткими, см. у Ходженди в Латифат-наме (Add. 7914/V, глава نظم لطافت نامه):

سینى شاعر تیب آیتورلار خلایق
— — — — —
— — — — —
sē-ni-ša'-ip-mā-baj-tur-lar-ḡa-la-jik.

См. также в одном из туюгов Лутфи (изд. А. Н. Самойловича):

تینکری اوجون موندین آرتوق قیلما زار
— — — — —
— — — — —
tēn-ri-ū-čün-mun-dī-nar-tuk-kīl-ma-zar.

Основанием арабо-персидской системы стихосложения является учение об элементах стопы (в связи со структурой слога). Принято различать три

структурных типа: сабаб (سبب), ватад (وتد) и фāсила (فاصله). Первый из них объединяет слова-части стоп, состоящие из одного огласованного и одного неогласованного согласных, так наз. „легкий сабаб“ (سبب خفيف), например: *aj* اول, *ol* كل, *zjl* كیل, *käl* می, *maj* مین, *män* تیسر, *tär* تار, *kim* کیم; или из двух огласованных согласных — „тяжелый сабаб“ (سبب ثقیل), например: *xatī* خطی, *kadī* قدی, *jzsi* جوژی, *közi* کوزی.⁴

Ватад (وتد), подобно сабабу, имеет две разновидности: „собранный ватад“ (وتد مجموع) — слова-части стоп с двумя огласованными и одним неогласованным согласными, ср.: *šajar* شجر, *samar* ثمر, *xutan* ختن, и „разобщенный ватад“ (وتد مفروق) — слова-части стоп, в которых из трех согласных не огласован средний, ср. *dardu* درد, *kildī* کیلدی. Навā'й включает в группу „разобщенного ватада“ слова типа *xama* خامه, *nama* نامه, *naka* ناقه, *faka* فاقه,⁵ в которых разобщенность следует понимать как различие в характере огласовки.⁶

Первая разновидность фāсила (فاصله صغری) — слова с тремя огласованными и четвертым неогласованным согласными, ср.: *mirakim* میراکیم, (فاصله کبری) — слова с четырьмя огласованными согласными и одним без огласовки, например: *šamašan* شاماشان, *kösämān* کوسامان, *čidamādīm* چیدامادیم.

На основе сочетания указанных выше элементов могут быть образованы восемь различного вида стоп:

- | | |
|------------------------|-------------------------|
| 1) فاعولن фа'улун | 5) فاعلاتن фа'илātун |
| 2) فاعلن фа'илун | 6) مفاعلتن муфа'илатун |
| 3) مفاعیلن мафа'илун | 7) متفاعلین мутафа'илун |
| 4) مستفعلن мустаф'илун | 8) مفعولات маф'улатун |

Из этих стоп, как отмечает Навā'й,⁷ в персидском и староузбекском стихосложении обычно встречаются только пять (1, 3, 4, 5, 8), причём каждая стопа имеет, в свою очередь, большое количество разновидностей.⁸

Сочетанием разных стоп (в той или иной последовательности) образуются размеры. Основные размеры, приведенные, в частности, у Навā'й:⁹

⁴ Здесь и ниже мы приводим отдельные примеры и некоторые общие сведения, почерпнутые из сочинения Навā'й *Мизāн ал-авзāн*. См.: Алишер Навоий. Мезонул авзон. Критик текст тайёрловчи Иззат Султонов. Тошкент, 1949. См. также: А. Н. Самойлович. Извлечения из трактата Мир Али Шира Навоий „Мизану-ль авзан“. Восточный сб., I, Л., 1926, стр. 105—114.

⁵ Алишер Навоий ук. соч., стр. IX.

⁶ Разобщенность в обычном смысле в указанных примерах возможна только при произношении алифа с хамзой.

⁷ Алишер Навоий, ук. соч., стр. X.

⁸ Подробно об этом см.: Алишер Навоий, ук. соч., стр. XI—XVI.

⁹ Там же, стр. XVII.

رامال, *ramāl* رامال, *munsariḥ* مونساریخ, *maḏāri'* مازاری', *maḏāri'* مازاری', *ṭavīl* طویل, *radžaz* راجاز, *hazadž* hazardž, *kāmil* کامیل, *vāfir* وافر, *basiṭ* بسیط, *baṣiṭ* باسیت, *mušākil* مشاکیل, *ḫafif* خفیف, *qarīb* قریب, *džadīd* جدید, *sari'* ساری', *muḏtaṣ* مودجتاس, *muḫtaṣab* موختاسب, *mutaqarib* متقارب, *mutaḏārik* متاداریک, *mutaḏārik* متاداریک.

Основные размеры и их разновидности по характеру стопы, общему составу стоп и порядку их расположения группируются в разряды-сферы (دایره), которых в традиционной системе четыре, а у Навā'й — семь.¹⁰

Общее количество основных размеров, как видно из приведенного выше перечня, велико,¹¹ однако некоторые из них в староузбекском стихосложении почти неизвестны (басит, модид, модид, камил, товил, вافر, камил), многие другие малоупотребительны и только 4—5 размеров встречаются очень часто.

Использование того или иного размера не предопределено содержанием стиха, тем не менее практически размеры различаются и по этому признаку. Так, *hazadž* и *ramāl* характерны для лирики, *mutaqarib* — для дидактических произведений.

Наиболее употребительными в староузбекской поэзии размерами являются *mutaqarib*, *radžaz*, *ramāl*, *hazadž*.

Основная четырехсложная стопа *hazadž* (هزج) строится по типу *ḫafif* (— — — —), она состоит из одного начального краткого слога и трех последующих долгих. Стих, написанный *hazadžem*, включает в себя шесть (هزج مشمن) или восемь стоп (هزج مسدس) или по типу *ḫafif* стопа бывает усеченной по типу *ḫafif* (مقصور) или по типу *ḫafif* (محذوف). Четырехсложная стопа *hazadž* типа *ḫafif* может чередоваться с четырехсложной стопой типа *ḫafif* (مفعول) и трехсложной стопой типа *ḫafif* (هزج مشمن مكفوف) и *ḫafif* (هزج مشمن مكفوف).

Размером *hazadž* (هزج مسدس محذوف) и *hazadž* (هزج مسدس مقصور) написаны эротические поэмы золотоордынского цикла: *ḫosraw* Ширин *ḫutba*, *muḫabbat-nāme* *ḫbrezmī*, *ta'aššuḫ-nāme* Сиди Аҳмеда, а также *daḫ-nāme* Эмирī, *latāfat-nāme* *ḫodžendī*, стихи в мунāрара „Состязание лука и стрелы“ Яқинī, поэма Гюлю Наврӯз Лутфī, Фархāду Ширин Навā'й, многие газели и месневи Лутфī, Атā'й, Саккākī, Бабур, Навā'й и других поэтов, ср. *latāfat-nāme* (Add. 7914/V, глава *nāme* لطافت نامه):

محبت جامی دین ایجسانک شرابی

محبت نامه غا ایسانک جوابی

¹⁰ Там же, стр. XIX—XXIV.

¹¹ Мы не останавливаемся на характеристике каждого из размеров, так как подробные сведения о них изложены в работах, посвященных персидскому стихосложению. См., например: Ф. Е. Корш. Очерк персидского стихосложения. М., 1901.

— — — — —
 Му-хаб-бат-жа-ми-дин-ич-сай-ша-ра-би
 — — — — —
 му-хаб-бат-на-ма-жа-а-ж-сай-жа-ва-би.

Дах-наме (Add. 7914/VII, 2286):

سپاس و شکر انکا کیم جان یراتتی
 کونکول تین نی ارا سلطان یراتتی
 — — — — —
 сі-пас-у-шүкр-ан-ка-кім-жан-ја-рат-ті
 — — — — —
 кін-іүл-тән-ні-а-ра-сул-тан-ја-рат-ті.

Мунъара Яқыни (Add. 7914/X, 321a):

یقیمنی نینک روانین شاد قیلغای
 دعاء خیر بیرلان یاد قیلغای
 — — — — —
 ја-кі-ні-нің-ра-ва-нін-шад-кіл-ғай
 — — — — —
 ду-а-жі-хәјр-бір-лән-јад-кіл-ғай.

Гюлю Наврӯз Лутфӣ (Add. 7914/III, 586):

ترحم قیلدی اوز ایسگی قولینه
 نظر قیلدی نواسیز بلبلینه
 — — — — —
 Та-раҳ-хум-кіл-дї-бз-с-кі-ку-лі-на
 — — — — —
 на-зар-кіл-дї-на-ва-сі-з-бүл-бү-лі-нә.

Употребительность и популярность хазаджа объясняется его напевностью и частичным соответствием своеобразию древнего тюркского стиха.

Основная четырехсложная стопа следующего размера (رمل) — فاعلاتن (— — — — —). Первый слог в ней долгий, второй краткий, два последующих долгие. Рамаль, подобно хазаджу, бывает шестистопным или восьмистопным, полный или с усеченной последней стопой типа فاعلان (محدوف) فاعلن.

Рамалем (رمل مثنى مقصور, رمل مسدس محدوف, رمل مسدس مقصور) написаны Махзан ал-асрар Мир Хайдара, Хайрат ал-абрар Наваїи и огромное число мелких поэтических произведений предшественников Наваїи, самого Наваїи, Бабур и т. д. Так, например, по подсчетам А. Н. Самойловича,¹² в диване Бабур, рамаль — на втором месте, после размера, используемого в رباعی. Этим размером написано 75 газелей,

¹² А. Н. Самойлович. Собрание стихотворений императора Бабур, стр. 16.

отдельных двустопных, четверостопных. В диване Атәи рамаль — на первом месте.¹³ Ниже см. примеры использования рамаля.

Махзан ал-асрар (Add. 7914/IV, л. 1416):

سوغه باليق اوتقه سمندر كيراك
 غمغه محب درغه حيدر كيرك
 — — — — —
 Су-ға-ба-лік-от-ка-сман-дар-кә-рәк
 — — — — —
 ғам-ға-муҳ-ғаб-дар-д-ға-ҳа-ј-дар-кә-рәк.

Диван Бабур (изд. А. Н. Самойловича, газель 42-я):

بربروا هرکز قولاق شعرينكغه اول كل سالمادی
 كل كا نی پروا که یوز فریاد قیلسه عندلیب
 — — — — —
 Ба-бу-ра-хәр-иәз-ку-лак-шә-риң-ға-ол-іүл-сал-ма-дә
 — — — — —
 іүл-иә-нә-пар-ва-кә-јјз-фар-јад-кіл-са-ан-да-ләб.

Диван Бабур (изд. А. Н. Самойловича, месневи 188-е):

اوقونك ايتنی كوب یمان یارا منکا
 مرهم لطفونك بیله یارا منکا
 — — — — —
 о-куң-әт-ті-көп-ја-ман-ја-ра-мән-иә
 — — — — —
 мәр-хә-мі-лут-фуң-бі-лә-ја-ра-мән-иә.

Диван Әмир (изд. А. Н. Самойловича, № 4):

کر دیسام باغ وصالینک ناری بار
 آلمه دیب اجیغلاب آیتور ناری بار
 — — — — —
 іәр-дә-сәм-ба-ғи-ві-са-лің-на-рі-бар
 — — — — —
 ал-ма-дә-ба-чі-ғ-ла-ба-ј-тур-на-рі-бар.

Основная трехсложная стопа мутақариба (متقارب) — فاعولین (— — — — —), которая сама по себе или в сочетании с усеченной стопой типа فاعول и فعل образует несколько его разновидностей.

Полный восьмистопный мутақариб (متقارب سالم) и восьмистопный мутақариб с усеченным слогом в каждой нечетной стопе (متقارب مثنى مقصور) можно встретить у Бабур (изд. А. Н. Самойловича, 51-я газель):

¹³ См.: А. Н. Самойлович. Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе, IV. Чагатайский поэт XV века Атаи, стр. 261.

ياريم كيجدار كيلور ايردى بيرون
 بو تون كيلمادى اه ياريم قانى
 — — — — —
 ja-rīm-kǝ-čā-lār-kǝ-ljūr-ǝr-dī-bī-ru-n
 — — — — —
 bu-tūn-kǝl-mā-dī-x-ja-rīm-ka-nī.

Там же (75-я газель):

سین کیبی پرکار شیوهسی بسیار
 بیلمادی ای یار هیچ کیشی یاد
 — — — — —
 sēn-kǝ-bī-pār-ǝr-šā-wā-sī-bis-jar
 — — — — —
 bīl-mā-dī-aj-jar-xǝč-ki-iti-jad (?).

См. также Шейбāни-наме Мухаммеда Сāлиха.

Модель основной стопы раджаза (رجز) — مستفعلن (— — — —): Другие четырехложные стопы имеют форму مفتعلن (— — — —) и مفاعلن (— — — —). У некоторых разновидностей раджаза последняя стопа усеченная, по типу مفعولن.

Относительно часто встречаются размеры مضارع، مجتث، خفیف.

Для четверостиший, плохо укладывающихся в метрическую систему аруза, были выработаны особые размеры (всего 24).

Все стихи, написанные с использованием 'аруза, непременно рифмуются. Рифма выступает как эвфоническое средство и как средство композиции строфы и стиха в целом (ср. в газели). Весьма большое композиционное значение рифмы способствовало ее тщательной разработке и созданию специальной теории рифмы в системе 'аруза.

Рифма в староузбекской поэзии, как и в арабско-персидской, делится на основную (قافیة) и дополнительную (ردیف).

Основная, или настоящая, рифма охватывает долгий или краткий гласный с согласным, реже согласный с долгим гласным; иногда же она ограничивается гласным, как правило, долгим. Ср. (примеры из Мухаббат-наме, Та'ашшух-наме и Хайрат ал-абрар Нава'и):

(ن) احسن (ا) ظاهر (از) ساز
 (ان) سڪسان (ا) آخر (از) آغاز

Пределы качественных различий для рифмующихся гласных (и согласных) устанавливаются дифференцированно. Так, для персидского стихосложения отсутствует возможность параллельного включения в рифму و и ڤ. Существует [также строгое разграничение ياي معرّوف، ياي معرّوف، ياي — известные“), с одной стороны, و او مجهول، ياي مجهول — неизвестные“, т. е. ē и ō), с другой, опирающееся на различие этих гласных у древних персов. В староузбекской поэзии последнее разграничение является менее строгим, хотя гласные i, y, o, e (ǝ) в староузбекском языке

несомненно различались.¹⁴ Для староузбекской поэзии не существует также строгих ограничений в рифмовке гласных твердого ряда и мягкого ряда. Отсутствуют полностью или предельно ограничены рифмы на гласный с ث, ظ, ط, ص, ض, ڤ.

Рифма может быть смежной (aa, bb, cc или aaaa, bbbb, cccc), перекрестной (abab), смешанной (aaba или aaab) и прерывистой, простой (ab, cb, db) или сложной (aaba, bbcb, ccde).

Посредством комбинирования рифм и строф создаются разные поэтические формы:

месневи (مثنوی) — двустишия со смежной рифмой;

газель (غزل) — форма, в которой первое двустишие имеет смежную рифму, переходящую в прерывистую, т. е. повторяющуюся в каждом четном полустишии (ср. aa, ba, ca, da);

касыда (قصیده) — то же, что и газель, но с количеством стихов более 12;

кыт'а (قطعه) — газель без начального стиха, имеющего смежную рифму (см. в Мухаббат-наме);

тарджи'банд (ترجیع بند) — сложное поэтическое произведение из нескольких строф с рифмой как у газели (aa, ba, ca, da...) и с повторяющимся припевом — стихом (بند) с новой рифмой типа ff. Тарджи'банд встречается редко не только в староузбекской, но и в персидской поэзии. Он используется для выражения основных положений суфийского учения (своеобразный пантеизм). Пока можно назвать только два староузбекских тарджи'банда. Один из них, принадлежащий неизвестному автору, издан Е. Э. Бертельсом;¹⁵ его припев:

کیم دل و دین و عقل و جان و جهان
 جسم ایرور بارجا جان ایرور جانان

другой написан Муқимі и упоминается у Нава'и;¹⁶ его припев:

سن سن اصل وجود هر موجود
 سن سن اوزکا وجودقه نه وجود

таркиббанд (?);

туюг (تویوغ) — четверостишие со смешанной рифмой типа aaba, реже — aabb, и омонимичными рифмующимися словами или грамматическими элементами.¹⁷ В туюгах преобладает одиннадцатисложный стих (resp. полустишие), размер — رمل. Возможны и размеры, характерные для رباعی;

¹⁴ См.: А. К. Боровков. 1) К вопросам фонетического анализа стихов Наваи, стр. 5—12; 2) Произношение в стихах Наваи, стр. 211—221.

¹⁵ Е. Э. Бертельс. Чагатайский тарджи'банд неизвестного автора. ДАН—В. Л., 1927, стр. 46—51.

¹⁶ مجالس النفاثی، л. 436.

¹⁷ Туюг — широко распространенная, типичная староузбекская поэтическая форма. О туюгах у староузбекских поэтов см. А. Н. Самойлович:

к у ш у к — четверостишие, отличающееся от руба'и наличием постоянного размера (رمل; см. „кушуклар“ в рукописном сборнике XV в., Ор. 8193, л. 176а);

руба'и — четверостишие с рифмой типа ааба и особым метром;

тарана, или руба'и тарана — четверостишие с рифмой типа аааа.

Далее следуют такие формы, характерные для староузбекской поэзии, как: мустазад — стихотворение, в котором каждый стих имеет наращение с самостоятельной рифмой, мухаммас — стихи с пятиричными строфами, мусаддас — стихи с шестьюричными строфами, мусамман — стихи с восьмиричными строфами.¹⁸

Дополнительная рифма (ردیف) охватывает все то, что следует за рифмой основной или настоящей (قافیه), включая и созвучия, на почве которых возникает искусство таджниса (تجنیس) — игры слов, см. в Та'ашуқ-наме (изд. А. Н. Самойловича, стр. 37):

نکارا آلدی کونکلوم بوزونک آلی
قیلانور قصد جان هم کوزونک آلی

Румянец (آل) твоего лица, красавица, покорил мое сердце,
хитрость (آл) глаз твоих покушается на (мою) душу,
где — рифма, а остальное редиф с созвучием и игрой слов:

بوزونک آلی
کوزونک آلی

ПРИЛОЖЕНИЕ II

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ГРАММАТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В АРАБСКИХ, ПЕРСИДСКИХ И ТЮРКСКИХ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЯХ, ПОСВЯЩЕННЫХ СТАРОУЗБЕКСКОМУ ЯЗЫКУ

ابدال	— замена, перестановка звуков, „чередование“; ср. ابدال
اختلاف	— расхождение, колебание; اختلاف расхождение в огласовке, ср. афф. -lik и -luk.
ادغام	— слияние, ассимиляция.
ارق	— узкий (о гласном).

1) Четверостишия-туйуги Неваи, стр. 3—15; 2) Из туюгов чагатайда Эмири, стр. 75—77; 3) Чагатайские туюги Лютфи, стр. 78—80.

¹⁸ Подробно о поэтических формах староузбекской поэзии см. у Навā'и (MA, LXVII—LXX).

استعمال	— употребление (формы); استعمال قليل ограниченное употребление.
استفهام	— вопрос.
استقبال	— будущее время.
اسم	— (мн. ч. اسماء) имя; اسم مصدر отглагольное имя; اسماء اسماء предметные имена; اسماء اشاره указательные имена (местоимения); اسماء تركيب производные формы указательных местоимений; اسماء جوامد первообразные, непроизводные имена; اسم فاعل причастие действительного залога; اسم مفعول причастие страдательного залога; اسماء صفات качественные имена.
اشباع	— тщательное произношение, отделка; наиболее закрытое произношение гласного.
اشتقاق	— производство, образование; اشتقاق صيغ производство формы.
اضافه	— изафет, „присоединение“.
افاده	— выражение, изложение.
آلت	— орудие; معنى آلت значение орудности.
الف	— „алиф“, — название буквы ا; الف ممدوده „алиф“, имеющий знак мадда (آ); الف مقصور „алиф“ без мадды, укороченный алиф.
امر	— повеление; امر و نهى запретительный императив, например: بارما 'не ходи'; امر غايب повелительное наклонение, 3-е лицо.
املا	— правописание, орфография; املاء الروميه письмо „румийцев“, т. е. малоазиатских тюрок.
انتساب	— отношение, принадлежность.
انتهيا	— предел, конец; معنى انتهايا значение предела.
انفعال	— страдательный и возвратный залого.

ب

با	— „ба“, название буквы ب; با „ба“ персидское, т. е. پ.
تا	— „та“, — название буквы ت.
تبدیل	— см. ابدال.
تتمه	— дополнение; تتمه علامت صيغ дополнительное формальное наращение.
تخفيف	— „облегчение“, например, переход удвоенного согласного в обычный, выпадение звука, сокращение слова.
تركيب	— состав, составление; در صورت تركيب в составе чего-л. в производной форме.
تركيب كلمات	— словообразование.
تشديد	— усиление, удвоение, ср. تخفيف.

- ع
عبارت — выражение, фраза, слово.
عربی — арабский.
علامت — формальный элемент — аффикс; علامت جمع аффикс множественного числа; علامت مركبه сложный аффикс; علامت مصدر аффикс отглагольного имени.
عين — „айн“, название буквы ع.

- غ
غائب — 3-е лицо.
غيب — „гайн“, название буквы غ.

- ف
فارسی — „фа“, название буквы ف.
فارسى — персидский.
فاعل — действительное причастие; اسم فاعل причастие действительного залога; فاعل منفي отрицательная форма причастия.

- فتحه — „фатха“, надстрочный знак, обозначающий широкий нелабиализованный гласный (ا).

- فعل — глагол; فعل امر глагол в повелительном наклонении; فعل مضارع отрицательная форма настоящего-будущего времени, отрицательный „аорист“; فعل ماضى глагольная форма прошедшего времени.

- ق
قابليت — способность; معنى قابليت значение способности (намерения).
قاعده — правило.
قاف — „каф“, название буквы ق.
قدر — см. مقدار.
قياسى — свободный, неустойчивый, правильный.

- ك
كاف — „каф“, название буквы ك; كاف مجمى персидский „каф“, т. е. كاف عربى, كى; كاف عربى „каф“, т. е. „каф“ без надстрочной черты.
كسره — „кесра“, подстрочный знак, обозначающий узкий нелабиализованный гласный (ي).
كلم — (мн. ч. كلمات) слово; كلمات مركبه сложные слова; كلمات مفردة простые слова.
كوتكل — мысль, мышление.

- گ
گاف — „гаф“, название буквы گ.

- ل
لام — „лам“, название буквы ل.
لسان — язык, речь.
لغت — язык, лексикон; لغت اتراك روم язык (лексикон) малоазиатских тюрок; لغت ترك тюркский язык (лексикон); لغت چغتای чагатайский язык (лексикон); لغت عرب арабский язык (лексикон); لغت فرس персидский язык (лексикон).
لفظ — (мн. ч. الفاظ) слово, морфологический элемент.

- م
ماضى — прошедшее время; ماضى مجهول прошедшее неочевидное и прошедшее безличное (например, в страдательном залоге).
متحرك — буква, снабженная надстрочным или подстрочным знаком, огласованная буква; гласный.
مترادف — синонимичный, синоним.
متصرفات — периферийные, зависимые формы.
متعدى — каузатив.

- متكلم — 1-е лицо; متكلم وحده глагольная форма 1-го лица единственного числа; متكلم مع الغير глагольная форма 1-го лица множественного числа.
مجاز — метафора; مجازى фигуральный, метафорический.
مجهول — безличный, неочевидный; يای مجهول — 0 (ö).

- مخاطب — 2-е лицо; مفرد مخاطب глагольная форма 2-го лица единственного числа; جمع مخاطب глагольная форма 2-го лица множественного числа.

- مخفف — стяженный, сокращенный, упрощенный.
مده — „мадда“, знак долготы над алифом.
مردف — синоним.
مركب — сложный, составной.
مركبات — сложные, составные слова.
مزدوج — парный.
مستقبل — будущее время.
مسكون — не имеющих огласовки.
مشابهت — см. مماثلت.
مشاركت — сообщество, соучастие; معنى مشاركت значение соучастия.
مشدد — удвоенный (согласный).
مصدر — (мн. ч. مصادر) отглагольное имя, масдар; مصدر صريح чистые масдары.
مصطلح — общеупотребительный.
مضارع — настоящее-будущее время, „аорист“.
مضموم — с „даммой“, имеющий в качестве диакритического знака „дамму“ (ة).

- مضمون مع الغیر معروف — содержание, значение.
— см. متکلم.
- معنی معیت مغایب — известный, очевидный; یاى معروف (i) — y (y̅).
- معنی معیت مغایب — значение.
— сопровождение, собирательность.
— 3-е лицо; مفرد مغایب глагольная форма 3-го лица единственного числа; جمع مغایب глагольная форма 3-го лица множественного числа.
- مفاعله مفتوح مفرد مفردات مفعول مقدار مكان مکور مکتوبا مکسور ملحق ملفوظا مماثلت منصرف منفى مهمل میم نحو نسبت نفى نهایت نفى نون — совместно-взаимный залог.
— с „фатхой“, имеющий в качестве диакритического знака „фатху“ (ـَ).
— единственное число.
— простые (элементы).
— винительный падеж, страдательное причастие; مفعول منصرف изменяемое, склоняемое причастие.
— количество; معنى مقدار значение количества; معنى مقدار и значение меры и степени.
— место; معنى مكان значение места.
— см. تکریر.
- письменно, на письме.
— с „кесрой“, имеющий в качестве диакритического знака „кесру“ (ـِ).
— присоединенный.
— на словах, в устном произношении.
— сходство; معنى مماثلت و مشابهت значение сходства и подобия.
— изменяемый, склоняемый.
— отрицательный; منفى ماضى отрицательная форма прошедшего времени; مصدر منفى отрицательный масдар.
— неупотребительный, вышедший из употребления.
— „ним“, название буквы م.
- ن — синтаксис.
— отношение.
— отрицание; فعل نفى отрицательная форма глагола.
— предел; معنى نهایت значение предела.
— запретительно-отрицательный императив (также: نهى).
— „нун“, название буквы ن; نون ساکنه с сукуном.
- و — „вав“, название буквы و.
— (мн. ч. وجوه) вариант, разновидность, наклонение; وجوه صیغ модусы (разновидности) формы.

- وحده وزن وضع — см. متکلم.
— мера; معنى وزن значение меры.
— установление, производство.
- هـ — „ха“, название буквы ه (также: هوز).
- ها همزه — хамза; همزه ممدوده хамза с маддой.
- ی — „йа“, название буквы ی; یاى نسبت ى; „йа“ относительных имен; یاى مصدري „йа“ изафета, یاى اضافہ „йа“ масдара.

ПРИЛОЖЕНИЕ III

ТАБЛИЦЫ СОЧЕТАЕМОСТИ АФФИКСОВ
СТАРОУЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА

ИМЯ

А. АФФИКСЫ, КОТОРЫЕ НЕ МОГУТ ПРЕДШЕСТВОВАТЬ
АФФИКСУ -ЛАР (МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО)¹

-а	-i + -(n)ба
-ба	-i + -(n)бача
-бача	-i + -(n)да
-да	-i + -(n)дін
-дајін	-i + -(n)ї
-дін	-i + -(n)ча
-ї	-їм +
-ї +	-їм + -а
-i + -(n)а	-їм + -ба

¹ Разделение именных морфологических показателей на аффиксы, которые не могут предшествовать аффиксу -лар, и аффиксы, которые не могут находиться после него, в общем соответствует традиционному разделению их на словоизменительные и словообразовательные аффиксы. Значения отдельных аффиксов даны в морфологическом указателе. В таблицах помещен один гармонический тип — твердорядный нелабиализованный, и в тех случаях, когда в начале аффикса возможны и глухой и звонкий согласные, приводится только вариант с глухим. Знак + означает, что данный аффикс присоединяет к себе другие аффиксы. Отсутствие знака + свидетельствует о невозможности дальнейшего присоединения каких-либо аффиксов.

-ім + -бача	-їң + -ї
-ім + -да	-їң + -ні
-ім + -дін	-їң + -ча
-ім +	-їңіз +
-ім + -ні	-їңіз + -а
-ім + ча	-їңіз + ба
-іміз +	-їңіз + -бача
-іміз + -а	-їңіз + -да
-іміз + -ба	-їңіз + -дін
-іміз + -бача	-їңіз + -ї
-іміз + -да	-їңіз + -ні
-іміз + -дін	-їңіз + -ча
-іміз + -ї	-лајін
-іміз + -ні	-ні
-іміз + -ча	-ні +
-їң +	-ні + -(н)кі ²
-їң + -а	-нің +
-їң + -ба	-нің + -да ³
-їң + -бача	-нің + -дін
-їң + -да	-нің + -ча
-їң + -дін	-ча

Б. НАИБОЛЕЕ УПОТРЕБИТЕЛЬНЫЕ ИМЕННЫЕ АФФИКСЫ, КОТОРЫЕ НЕ МОГУТ ВЫСТУПАТЬ ПОСЛЕ АФФИКСА -ЛАР

-бан + ⁴	-їб + -чі + -лік +
-бан + -лік +	-їш +
-бу +	-їш + -лік +
-бу + -лік +	-їш + -мак +
-бу + -(н)чі +	-лік +
-бу + -(н)чі + -лік +	-лік + -чі +
-їб +	-мак +
-їб + -лік +	-мак + -лік +
-їб + -чі +	-мак + -чі +

² Вообще допустимо и присоединение аффикса -лар к аффиксу -нікі, однако в староузбекском языке XIV—XVI вв. подобные примеры отсутствуют.

³ Сочетание надежных аффиксов с формой сопряженного состояния наблюдается только в пределах местоимений.

⁴ В данном случае конечный знак + указывает на допустимость присоединения к приведенным аффиксам почти любого аффикса из таблицы А.

В. ИМЕННЫЕ АФФИКСЫ, ВЫСТУПАЮЩИЕ И ПОСЛЕ -ЛАР И ПЕРЕД НИМ

-дабї +	-лар + -дабї +
-дабї + -ба	-лар + -дабї + -лар +
-дабї + -бача	-лар + -дабї + -лар + -ба
-дабї + -да	-лар + -дабї + -лар + -бача
-дабї + -дін	-лар + -дабї + -лар + да
-дабї + -ні	-лар + -дабї + -лар + -дін
-дабї + -ча	-лар + -дабї + -лар + -ні
-лар +	-лар + -дабї + -лар + -ча
	лар + -сіз + -лар (?)

ГЛАГОЛ

А. АФФИКСЫ, ОБРАЗУЮЩИЕ ВТОРИЧНЫЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ ОСНОВЫ

о + -ба + ⁵	о + -кар +
о + -ба + -н +	о + -кур +
о + -ба + -н + -тур +	о + -т +
о + -буз +	о + -тур +
о + -буз + -ул +	о + -тур + -буз +
о + -(ї)з +	о + -тур + -т +
о + -(ї)л +	о + -тур + -ул +
о + -(ї)н +	о + -уз +
о + -(ї)н + -тур +	о + -ур +
о + -(ї)ш +	о + -ул + -буз +
о + -(ї)ш + -л +	о + -ур + -ул +
о + -(ї)ш + -тур +	

Б. АФФИКСЫ, ПРИСОЕДИНЯЕМЫЕ К ЛЮБОЙ ГЛАГОЛЬНОЙ ОСНОВЕ

о + -а (~-j, после гласного)	о + -ајік
о + -ај	о + -ајін
о + -ајім	о + -алї

⁵ В данном случае о — первичная положительная или отрицательная основа. Знак + в самом конце указывает на возможность дальнейшего присоединения почти любых глагольных аффиксов из следующей таблицы. Наличие скобок означает, что соответствующий гласный может быть также широким (а) или лабиализованным (у).

о + -алің	о + -(і)ңіз
о + -бај	о + -(і)п
о + -балі	о + -(j)лік
о + -бач	о + -(j)у
о + -біл	о + -ман
о + -бін	о + -са
о + -ді +	о + -са + -к
о + -ді + -лар	о + -са + -лар
о + -ді + -м	о + -са + -м
о + -ді + -міз	о + -са + -міз
о + -ді + -ң	о + -са + -ң
о + -ді + -ңіз	о + -са + -ңіз
о + (і)бан (к отрицательной основе не присоединяется)	о + -сун
о + -(і)ң	

УКАЗАТЕЛЬ АФФИКСОВ, РАССМАТРИВАЕМЫХ ИЛИ УПОМИНАЕМЫХ В РАБОТЕ

а, ә

- а ~ -ә — отыменн. словообр. глагола 184
- а ~ -ә — отглаг. словообр. имени 132
- а — вок. пад. 103, 104
- а ~ -ә — дат. пад. 35, 106, 226
- а ~ -ә — деепр. 55, 167, 168, 169, 170, 224, 241
- ав ~ -әв — собир. числит. 139
- авла ~ -әвлә — то же 139
- авул — отглаг. словообр. имени 128, 129
- аған ~ -әған — прич. 149
- ағач ~ -әгәч — отглаг. словообр. имени 128
- абу ~ -әбү — собир. числит. 21, 139
- ај ~ -әј — предлаг.-жел. накл. 1 л. ед. ч. 156, 160, 175, 240, 243
- ај ~ -әј — отыменн. словообр. глагола 184
- ајік ~ -әјік — предлаг.-жел. накл. 1 л. мн. ч. 157, 244
- ајім ~ -әјім — то же, 1 л. ед. ч. 175
- ајін ~ -әјін — то же, 156, 160, 175, 240, 243
- а(j)лік ~ -ә(j)лік — предлаг.-жел. накл. 1 л. мн. ч. 175, 245
- ајак ~ -әјәк — прич. 151
- ак ~ -әк — форма уменьш. 125
- ала ~ -әлә — собир. числит. 139
- алон ~ -әлән — разделит. числит. 139
- алі ~ -әлі — предлаг.-жел. накл. 1 л. мн. ч. 156, 157, 160, 175, 240, 244
- алім ~ -әлім — то же 240
- алің ~ -әлің — то же 157, 175, 240
- ам ~ -әм — отглаг. словообр. имени 127
- амук ~ -әмүк — отыменн. словообр. имени 126
- ан ~ -ән — отглаг. словообр. имени 127
- ан ~ -ән — мн. ч. 120, 237
- ан ~ -ән — прич. 35, 149, 224, 226
- ар ~ -әр — отыменн. словообр. глагола 184
- ар ~ -әр — прич. 55, 145, 146, 147, 224, 239
- ар ~ -әр — разделит. числит. 139, 140
- арам ~ -әрәм — наст.-буд. вр. 1 л. ед. ч. 146, 226, 231, 239, 246
- асі ~ -әсі — прич. 35, 224
- ат ~ -әт — отглаг. словообр. имени 127
- ат ~ -әт — мн. ч. 120, 238
- ач ~ -әч — форма уменьшит. 125

б

- бан ~ -бән — деепр. 15, 35, 77, 173, 174, 226, 241, 243

в

- в — субстант. отглаг. имя 145
- вул — отглаг. словообр. имени 128, 129

Б, ь

- б ~ -ь — отглаг. словообр. имени 131
- ба ~ -бә — буд. вр. 3 л. ед. и мн. ч. 166, 167
- ба ~ -бә — дат. пад. 105, 106
- ба ~ -бә — отглаг. словообр. глагола, 5-я пор. 181
- бај ~ -бәј — буд. вр. 3 л. ед. и мн. ч. 55, 166, 167
- бајім ~ -бәјім — предлаг.-жел. накл. 1 л. ед. ч. 21, 157, 246
- бајін ~ -бәјін — то же 21, 157, 246
- бак ~ -бәк — отглаг. словообр. имени 128
- балі ~ -бәлі — деепр. 174, 175
- балім ~ -бәлім — предлаг.-жел. накл. 1 л. мн. ч. 21, 157, 246
- балің ~ -бәлің — то же 21, 157, 246
- бан ~ -бән — прич. 148, 155, 224, 239
- барі ~ -бәрі — напр. пад. 235, 237
- бару ~ -бәрү — то же 235, 237, 243
- бач ~ -бәч — деепр. 174

-*бач* ~ -*іа*ч — отглаг. словообр. имени 127
 -*бача* ~ -*іа*ч^а — предельн. пад. 109
 -*бі* ~ -*и* — отглаг. словообр. имени 128
 -*бі* ~ -*і* — отымени. словообр. имени 123
 -*біл* ~ -*і*л — категорич. императив 77, 154, 155, 175, 224, 244
 -*бін* ~ -*і*н — то же 155, 175, 224, 244
 -*бу* ~ -*і*у — прич. 55, 149, 150, 224, 239, 243
 -*буз* ~ -*і*ўз — отглаг. словообр. глагола, 5-я пор. 75, 181
 -*бул* ~ -*і*ўл — отглаг. словообр. имени 128, 238
 -*бул* ~ -*і*ўл — категорич. императив 77
 -*бун* ~ -*і*ўн — отглаг. словообр. имени 127
 -*бур* ~ -*і*ўр — прич. 150, 151, 239
 -*бур* ~ -*і*ўр — отглаг. словообр. глагола, 5-я пор. 180
 -*буч* ~ -*і*ўч — отглаг. словообр. имени 127

Ѡ

-*да* ~ -*д*а — местн. пад. 106, 107
 -*да* ~ -*д*а — отымени. словообр. глагола 184
 -*дабі* ~ -*д*аі — отымени. словообр. имени 124
 -*дајін* ~ -*д*ајін — уподобит. форма 112
 -*дак* ~ -*д*ак — отглаг. словообр. имени 128
 -*дан* ~ -*д*ан — исх. пад. 234
 -*даш* ~ -*д*аш — отымени. словообр. имени 125
 -*д*ак — пов. накл. ед. и мн. ч. (?) 158, 159
 -*д*ак — уподобит. форма 111
 -*д*і ~ -*д*і — прош. вр. 3 л. ед. и мн. ч. 55, 78, 164, 165
 -*д*ік ~ -*д*ік — то же, 1 л. мн. ч. 164, 165
 -*д*ім ~ -*д*ім — то же, 1 л. ед. ч. 164, 165
 -*д*ін ~ -*д*ін — исх. пад. 77, 108
 -*д*ің ~ -*д*ің — прош. вр. 2 л. ед. ч. 164, 165
 -*д*іңіз ~ -*д*іңіз — то же, 2 л. мн. ч. 76, 164, 165
 -*дуб* ~ -*д*ў — прич. 117
 -*дум* ~ -*д*ўм — прош. вр., 1 л. ед. ч. 74, 164, 165
 -*дук* ~ -*д*ўк — то же, 1 л. мн. ч. 74, 164, 165

-*дуң* ~ -*д*ўң — то же, 2 л. ед. ч. 74, 164, 165
 -*дуңіз* ~ -*д*ўңіз — то же, 2 л. мн. ч. 76, 164, 165
 -*дуңуз* ~ -*д*ўңуз — то же 76, 164, 165
 -*дур* ~ -*д*ўр — отглаг. словообр. глагола, 5-я пор. 75, 180, 181
 -*дурук* ~ -*д*ўрўк — отымени. словообр. имени 125

ї, і

-*ї* ~ -*і* — форма принадл. 3 л. ед. и мн. ч. 78, 115, 116, 213
 -*ї* ~ -*і* — вин. пад. 35, 105, 226
 -*ї* ~ -*і* — деепр. 241
 -*ї*б ~ -*і*з — отглаг. словообр. имени 131
 -*ї*в ~ -*і*з — вин. пад. 235, 237, 243
 -*ї*з ~ -*і*з — отглаг. словообр. глагола, 5-я пор. 181
 -*ї*к ~ -*і*к — то же, 3-я пор. 179
 -*ї*к ~ -*і*к — отглаг. словообр. имени 127
 -*ї*л ~ -*і*л — отглаг. словообр. глагола, 3-я пор. 178, 179
 -*ї*м ~ -*і*м — форма принадл. 1 л. ед. ч. 115, 116, 117
 -*ї*міз ~ -*і*міз — то же, 1 л. мн. ч. 116
 -*ї*мтул ~ -*і*мтул — интенсив 131, 238
 -*ін* ~ -*і*н — орудн. пад. 234
 -*ін* ~ -*і*н — отглаг. словообр. имени 127
 -*ін* ~ -*і*н — отглаг. словообр. глагола, 2-я пор. 178
 -*ін* ~ -*і*н — разделит. числит. 140
 -*ін*ч ~ -*і*нч — субстант. отглагол. имя 144, 239
 -*ін*ч ~ -*і*нч — порядк. числит. 21, 139, 232
 -*ін*чі ~ -*і*нчі — то же 138, 139, 232
 -*ін* ~ -*і*н — пов. накл. 2 л. ед. и мн. ч. 155, 175
 -*ін* ~ -*і*н — форма принадл. 2 л. ед. ч. 116, 117
 -*ін* ~ -*і*н — форма сопряж. состояния 35
 -*ін*із ~ -*і*ніз — форма принадл. 2 л. мн. ч. 76
 -*ін*із ~ -*і*ніз — пов. накл. 2 л. мн. ч. 55, 155, 175
 -*іл* ~ -*і*л — деепр. 55, 171, 172
 -*ір* ~ -*і*р — прич. 145, 146, 147
 -*ісар* ~ -*і*сд^рр — наст.-буд. вр. 3 л. ед. ч. 23
 -*ит* ~ -*і*т — отглаг. словообр. глагола, 5-я пор. 180

-*іш* ~ -*і*ш — то же, 4-я пор. 180
 -*іш* ~ -*і*ш — субстант. отглаг. имя 143, 239
 -*і* — перс. изафет 214

ј

-*ј* — деепр. 170
 -*ј*і ~ -*ј*і — вин. пад. 105, 226
 -*ј*і — перс. изафет 214
 -*ј*ім ~ -*ј*ім — предлаг.-жел. накл. 1 л., ед. ч. 21
 -*ј*ін ~ -*ј*ін — то же 156, 160, 175, 240, 243
 -(*ј*)лік ~ -(*ј*)лік — то же, 1-ое л. мн. ч. 175, 245
 -*ју* ~ -*ј*ў — деепр. 21

к, к

-*к* ~ -*к* — отымени. словообр. глагола 184
 -*к* ~ -*к* — отглаг. словообр. имени 127
 -*ка* ~ -*к*а — дат. пад. 105, 106
 -*ка* ~ -*к*а — отглаг. словообр. имени 128
 -*как* ~ -*к*ак — то же 128
 -*кал* ~ -*к* — то же 129
 -*кар* ~ -*к*др — отымени. словообр. глагола 184
 -*кар* ~ -*к*др — отглаг. словообр. глагола, 5-я пор. 180, 181, 182
 -*кач* ~ -*к*ач — деепр. 174
 -*кача* ~ -*к*ач^а — предельн. пад. 109
 -*к*і ~ -*к*і — отымени. словообр. имени 123
 -*к*іч ~ -*к*іч — отглаг. словообр. имени 127
 -*кун* ~ -*к*ўн — то же 127, 238
 -*кур* ~ -*к*ўр — отглаг. словообр. глагола, 5-я пор. 180, 181, 182
 -*куч* ~ -*к*ўч — отглаг. словообр. имени 127

л

-*л* — отглаг. словообр. имени 129
 -*л* ~ -*л* — отглаг. словообр. глагола, 3-я пор. 178, 179
 -*лајін* ~ -*л*ајін — уподобит. форма 112, 237
 -*лају* ~ -*л*ајў — то же 237, 243
 -*лак* ~ -*л*ак — отымени. словообр. имени 123
 -*ла(н)* ~ -*л*а(н) — отымени. словообр. глагола 183, 184

-*ланчі* ~ -*л*анчі — порядк. числит. 245
 -*лар* ~ -*л*ар — мн. ч. 77, 118, 119, 156, 238
 -*ла(м)* ~ -*л*а(м) — отымени. словообр. глагола 183, 184
 -*ла(ш)* ~ -*л*а(ш) — то же 183, 184
 -*лі* ~ -*л*і — предлаг.-жел. накл. 1 л. мн. ч. 156, 157, 160, 175, 240, 244
 -*лі* ~ -*л*і — относит. форма сущ. 125
 -*ліб* ~ -*л*із — абстр. и относит. форма сущ. 120, 121, 122, 124
 -*лік* ~ -*л*ік — то же 120, 121, 122, 124
 -*лім* ~ -*л*ім — предлаг.-жел. накл. 1 л. мн. ч. 21, 157, 240
 -*лің* ~ -*л*ің — предлаг.-жел. накл. 1 л. мн. ч. 21, 157, 175, 240
 -*лу* ~ -*л*ў — относит. форма сущ. 125, 224
 -*луб* ~ -*л*ўз — абстр. и относит. форма сущ. 75
 -*лук* ~ -*л*ўк — то же 75

м

-*м* — форма принадл. 1 л. ед. ч. 115, 116, 117, 176
 -*ма* ~ -*м*а — то же 127
 -*ма* ~ -*м*а — отриц. афф.-инфикс 141
 -*мак* ~ -*м*ак — субстант. отглаг. имя 143, 144, 224, 239
 -*ман* ~ -*м*ан — наст.-буд. вр. 1 л. ед. ч. 35, 167
 -*манам* — то же 167
 -*мас* ~ -*м*ас — прич. 147
 -*мач* ~ -*м*ач — отглаг. словообр. имени 128
 -*міз* ~ -*м*із — форма принадл. 1 л. мн. ч. 77, 115, 116, 176
 -*міш* ~ -*м*іш — прич. 77, 147, 148, 224
 -*мішам* ~ -*м*ішам — прош. вр. 1 л. ед. ч. 35, 148, 224, 231, 246
 -*мтул* ~ -*м*тул — интенсив 131, 238
 -*мук* ~ -*м*ўк — отымени. словообр. имени 126
 -*мур* ~ -*м*ўр — отглаг. словообр. имени 128

н

-*н* — вин. пад. для формы принадл. 3 л. ед. и мн. ч. 77, 104
 -*н* — отглаг. словообр. глагола, 2 пор. 178
 -*на* ~ -*н*а — отымени. словообр. глагола 184
 -*ні* ~ -*н*і — вин. пад. 104

- нї ~ -нї — стая. форма сопряж. сост. 113
 -нїң ~ -нїң — форма сопряж. сост. 76, 112, 113, 114, 115
 -нуң ~ -нўң — то же 76, 112, 113, 114, 115
 -нч — субстант. отглаг. имя 76, 144, 239, 243
 -нчі ~ -нчі — порядк. числит. 139

ц

- ң — пов. накл. 2 л. ед. и мн. ч. 155
 -ң — форма принадл. 2 л. ед. ч. 75, 115, 116, 117, 176
 -ңіз ~ -ңіз — пов. накл. 2 л. мн. ч. 155
 -ңіз ~ -ңіз — форма принадл. 2 л. ед. ч. 75, 115, 116, 117, 176
 -ңуз ~ -ңўз — то же 76, 115, 116
 -ңуз ~ -ңўз — пов. накл. 2 л. мн. ч. 155

п

- п — деепр. 172

р

- р — отыменн. словообр. глагола 184
 -р — прич. 55, 145, 146, 147, 224
 -рак ~ -рәк — интенсив 123, 125, 130, 131
 -рар ~ -рәр — разделит. числит. 233
 -ра(н) ~ -рә(н) — отыменн. словообр. глагола 184
 -рі — отглаг. словообр. имени 131
 -руғ ~ -рўғ — то же 128
 -рук ~ -рўк — то же 128

с

- са ~ -сә — усл. накл. 3 л. ед. и мн. ч. 21, 161, 162, 163
 -сак ~ -сәк — то же, 1 л. мн. ч. 161, 162, 163
 -сам ~ -сәм — то же, 1 л. ед. ч. 161, 162, 163
 -саң ~ -сәң — то же, 2 л. ед. ч. 161, 162, 163
 -саңіз ~ -сәңіз — то же, 2 л. мн. ч. 161, 162, 163
 -сар ~ -сәр — то же, 3 л. ед. и мн. ч. 230
 -сат ~ -сәт — отглаг. словообр. глагола, 5-я пор. 181
 -сі ~ -сә — форма принадл. 3 л. ед. и мн. ч. 115, 116, 213

- сїғ ~ -сїг — уподобит. форма 237, 243
 -сїз ~ -сїз — форма именн. привативности 76, 122
 -сїн ~ -сїн — отыменн. словообр. глагола 184
 -су ~ -сў — предлаг. жел. накл. 3 л. ед. и мн. ч. 240, 243
 -суз ~ -сўз — форма именн. привативности 76
 -сук ~ отнаречн. словообр. имени 132
 -сун ~ -сўн — предлаг.-жел. накл. 3 л. ед. и мн. ч. 55, 75, 157, 158, 160, 175, 240
 -сунї ~ -сўнї — то же, 3 л. ед. и* мн. ч. 243

т

- т — отглаг. словообр. глагола, 5-я пор. 181
 -такї ~ -тәкї — отыменн. словообр. имени 124
 -таш ~ -тәш — то же 125
 -тәк — уподобит. форма 111
 -тї ~ -тә — прош. вр. 3 л. ед. и мн. ч. 55, 78, 164, 165
 -тїм ~ -тәм — то же, 1 л. ед. ч. 164, 165
 -тїн ~ -тән — исх. пад. 77, 107, 108
 -тїң ~ -тәң — прош. вр. 2 л. ед. ч. 164, 165
 -тук ~ -түк — отыменн. словообр. имени 125, 164, 165
 -тук ~ -түк — прош. вр. 1 л. мн. ч. 74, 164, 165
 -тум ~ -түм — то же, 1 л. ед. ч. 74, 164, 165
 -туң ~ -түң — то же, 2 л. ед. ч. 74, 164, 165
 -тур ~ -түр — отглаг. словообр. глагола, 5-я пор. 180, 181

у, ў

- у ~ -ў — деепр. 171, 241
 -у ~ -ў — пов. накл. 2 л. ед. ч. (?) 152, 153, 154
 -у(в) ~ -ў(в) — субстант. отглаг. имя 145
 -уғ ~ -ўғ — отглаг. словообр. имени 131
 -ук ~ -үк — отыменн. словообр. глагола 184
 -ул ~ -ўл — отглаг. словообр. глагола, 3-я пор. 75, 178

- ум ~ -ўм — отглаг. словообр. имени 127
 -ум ~ -ўм — форма принадл. 1 л. ед. ч. 75, 127
 -умїз ~ -ўмїз — то же, 1 л. мн. ч. 77
 -умтул ~ -ўмтўл — интенсив 131
 -ун ~ -ўн — отглаг. словообр. глагола, 2-я пор. 75, 178
 -ун ~ -ўн — отглаг. словообр. имени 132
 -унч ~ -ўнч — порядк. числит. 139
 -унч ~ -ўнч — субстант. отглаг. имя 76, 144, 239
 -унч ~ -ўнч — порядк. числит. 76, 78
 -уң ~ -ўң — форма сопряж. сост. 35
 -уң ~ -ўң — пов. накл. 2 л. ед. и мн. ч. 75
 -уңіз ~ -ўңіз — форма принадл. 2 л. мн. ч. 76
 -уңуз ~ -ўңўз — то же 76
 -уңуз ~ -ўңўз — пов. накл. 2 л. мн. ч. 155
 -ун ~ -ўн — деепр. 75, 76
 -ур ~ -ўр — прич. 75, 112, 145, 146, 147
 -ур ~ -ўр — отглаг. словообр. глагола, 5-я пор. 180, 181
 -ут ~ -ўт — то же 180

- уш ~ -ўш — отглаг. словообр. глагола, 4-я пор. 75, 180
 -уш ~ -ўш — субстант. отглаг. имя 143

ч

- ча ~ -чә — предельн. пад. 109, 110
 -чак ~ -чәк — отглаг. словообр. имени 127
 -чак ~ -чәк — отыменн. словообр. имени 125
 -чан ~ -чән — отглаг. словообр. имени 128
 -чі ~ -чә — отыменн. словообр. имени 124
 -чил ~ -чїл — интенсив 131

ш

- ш — субстант. отглаг. имя 143
 -ш — отглаг. словообр. глагола, 4-я пор. 180
 -шар ~ -шәр — разделит. числит. 139, 140, 233
 -шил ~ -шїл — интенсив 131
 -шур — отглаг. словообр. глагола, 5-я пор. 181

	Стр.
Сокращения	3
Предисловие	6
Введение	9
История изучения староузбекского языка	9
Краткая характеристика узбекского языка рассматриваемого периода	12
Исторические обстоятельства образования узбекской народности и формирования староузбекского языка	16
Краткий обзор источников	19
Произведения художественной и историко-мемуарной литературы . .	20
Золотоордынский цикл	20
Предшественники Нава'и	25
Нава'и, Бабур и их современники	36
Произведения религиозной и дидактической литературы	46
Памятники делового языка, эпиграфические тексты	49
Словари, грамматики, филологические трактаты	52
О принципах отбора источников	61
Глава I. Фонетика	64
Гласные	66
Краткие гласные	70
Долгие гласные	72
Гармония гласных	73
Распределение гласных	78
Согласные	79
Простые согласные	79
Долгие, или удвоенные, согласные	88
Распределение согласных	87
Фонетические явления в области гласных и согласных	91
Фонетическая структура слога и слова	95
Особенности восприятия заимствованных слов	96
Глава II. Морфология	98
Части речи	99
Имя	99
Словоизменение имени	99
Формы падежа	100
Уподобительная форма	111
Форма сопряженного состояния	112

Формы лица-принадлежности	115
Формы числа	117
Словообразование имени	120
Собственно имена	123
Существительное	123
Формы отыменных образований	123
Формы отглагольных образований	126
Прилагательное	130
Формы отыменных образований	130
Формы отглагольных образований	131
Формы отнаречных образований	132
Местоимения	132
Личные местоимения	132
Указательные местоимения	133
Возвратно-усилительные местоимения	134
Определительно-обобщающие местоимения	134
Отрицательные местоимения	135
Неопределенные местоимения	136
Вопросительные и относительные местоимения	136
Числительные	137
Количественные числительные	137
Порядковые числительные	138
Собирательные числительные	139
Разделительные числительные	139
Обобщенно-утвердительные и обобщенно отрицательные имена	140
„Пустые“ имена	141
Отглагольные имена	141
Субстантивные отглагольные имена	143
Причастия	145
Глагол	151
Словоизменение глагола	151
Формы полной вербальности	152
Формы повелительного и предлагательно-желательного наклонения	152
Форма условного наклонения	161
Формы изъявительного наклонения	164
Формы неполной вербальности (Деепричастия)	167
Формы лица и числа	175
Словообразование глагола	177
Формы отглагольного словообразования	177
Формы отыменного и отнаречного словообразования	183
Наречие	184
Обстоятельственные слова	185
Изобразительно-экспрессивные слова	187

Частицы речи	188
Послелogi	189
Предлоги	193
Собственно частицы I (постпозитивные)	199
Собственно частицы II (препозитивные)	203
Союзы	204
Сочинительные союзы	204
Подчинительные союзы	207
Глава III. Синтаксис	211
Член предложения	211
Сочетание	212
Оборот	216
Предложение	217
Простое предложение	218
Сложное предложение	219
Выражение прямой и косвенной речи	220
Заключение	222
Общая характеристика староузбекского языка XIV—XVI вв.	222
Отношение староузбекского языка к восточнотуркестанскому	228
Отражение диалектных особенностей в памятниках староузбекского языка	243
Приложения:	
I. Система староузбекского стихосложения	247
II. Краткий словарь грамматических терминов	256
III. Таблицы сочетаемости аффиксов	263
Имя	263
Глагол	265
Указатель аффиксов	267

Александр Михайлович Щербак

ГРАММАТИКА СТАРОУЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА

Утверждено к печати

Институтом языкознания Академии Наук СССР

Редактор Издательства А. А. Зырин. Художник Д. С. Данилов. Технический редактор Н. А. Круликова. Корректоры К. И. Видре и В. А. Пузиков

Сдано в набор 10 января 1962 г. Подписано к печати 26 июня 1962 г. РИСО АН СССР № 26—105В. Формат бумаги 60 × 90^{1/16}. Бум. л. 8^{5/8}. Печ. л. 17^{1/4} = 17^{1/4} усл. печ. л. Уч.-изд. л. 15.56. Изд. № 1538. Тип. зак. № 509. М-42153. Тираж 1800.

Цена 1 р. 03 к.

Ленинградское отделение Изд. Акад. наук СССР. Ленинград, В-164, Менделеевская л., 1

1-я тип. Издательства Академии наук СССР. Ленинград, В-34, 9 л., 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

В МАГАЗИНАХ КОНТОРЫ «АКАДЕМБНИГА»

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ:

Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка.

Том I. Фонетическое введение и морфология именных частей речи. 1959. 282 стр. Цена 1 р. 69 к.

Том II. Морфология глагольных и наречных частей речи, междометий, служебных слов и частиц. 1961. 294 стр. Цена 1 р. 71 к.

Баскаков Н. А. Каракалпакский язык. Том II. Фонетика и морфология. Часть 1. Части речи и словообразование. 1952. 542 стр. Цена 80 коп.

Бокарев Е. А. Цезские (диодойские) языки Дагестана. 1959. 292 стр. Цена 1 р. 39 к.

Будагов Р. А. Этюды по синтаксису румынского языка. 1958. 233 стр. Цена 82 коп.

Вопросы башкирской филологии. Сборник статей. 1959. 160 стр. Цена 92 коп.

Вопросы грамматики и истории восточных языков. 1958. 244 стр. Цена 96 коп.

Вопросы изучения иберийско-кавказских языков. 1961. 283 стр. Цена 1 р. 47 к.

Грамматика кабардино-черкесского литературного языка. 1957. 240 стр. Цена 1 р. 14 к.

Зарубин И. И. Шугнанские тексты и словарь. 1960. 386 стр. Цена 1 р. 81 к.

Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского языка. 1960. 446 стр. Цена 2 р. 08 к.

Майзель С. С. Изафет в турецком языке. 1957. 186 стр. Цена 86 коп.

Микаилов Ш. И. Очерки аварской диалектологии. 1959. 512 стр. Цена 2 р. 30 к.

Миллер Б. В. Талышский язык. 1953. 266 стр. Цена 1 р. 28 к.

Младописьменные языки народов СССР. Сборник статей. 1959. 503 стр. Цена 2 р. 09 к.

Некоторые вопросы китайской грамматики. 1957. 128 стр. Цена 79 коп.

Пахалина Т. Н. Ишкашимский язык. Фонетика. Грамматика. Тексты и словарь. 1959. 256 стр. Цена 1 р. 40 к.

Расторгуева В. С. Очерки по таджикской диалектологии.

Вып. 1. Варзобский говор. 1952. 206 стр. Цена 77 коп.

Вып. 2. Северные таджикские говоры. 1952. 324 стр.
Цена 1 р. 02 к.

Вып. 4. Южноферганские говоры и говоры Ура-
Тюбинской группы. 1961. 223 стр. Цена 67 коп.

**Севортян Э. В. Фонетика турецкого литератур-
ного языка.** 1955. 150 стр. Цена 74 коп.

Скорик П. Я. Грамматика чукотского языка.

Часть 1. Фонетика и морфология именных частей речи.
1961. 448 стр. Цена 1 р. 97 к.

Соколова В. С. Бартагские тексты и словарь.
1960. 196 стр. Цена 1 р.

**Соколова В. С. Рушанские и хуфские тексты и
словарь.** 1959. 336 стр. Цена 1 р. 59 к.

**Соколова В. С. Очерки по фонетике иранских
языков. Часть II.** Осетинский, ягнобский и памирские
языки. 1953. 243 стр. Цена 1 р. 03 к.

Соколова В. С. Фонетика таджикского языка.
1949. 166 стр. Цена 1 р. 26 к.

**Щербак А. М. Грамматический очерк языка тюрк-
ских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана.**
1961. 204 стр. Цена 74 коп.

**Яковлев Н., Ашхамаф Д. Грамматика адыгейского
литературного языка.** 1941. 462 стр. Цена 2 р. 97 к.

**Яковлев Н. Ф. Грамматика литературного кабар-
дино-черкесского языка.** 1948. 372 стр. Цена 2 р. 79 к.

Ваши заказы на книги просим направлять по адресу:

Москва, К-12, Б. Черкасский пер., 2/10.

Контора „Академкнига“, отдел „Книга—почтой“
или в ближайший магазин „Академкнига“

Адреса магазинов „Академкнига“:

Москва, ул. Горького, 6 (магазин № 1); **Москва**, 1-й Ака-
демический проезд, 55/5 (магазин № 2); **Ленинград**, Ли-
тейный проспект, 57; **Свердловск**, ул. Белинского, 71в;
Киев, ул. Ленина, 42; **Харьков**, Горяиновский пер., 4/6;
Алма-Ата, ул. Фурманова, 129; **Ташкент**, ул. Карла
Маркса, 29; **Баку**, ул. Джапаридзе, 13.

При получении заказа — книги, как имеющиеся в на-
личии, так и печатающиеся (по поступлении их в про-
дажу), будут направлены в Ваш адрес наложенным плате-
жом. Пересылка за счет заказчика.

*Предварительные заказы на книги принимаются
также местными магазинами книготоргов и потреби-
тельской кооперации.*

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Стра- ница	Строка	Напечатано	Должно быть
16	2 снизу	<i>pājtaχt</i>	<i>pājtaχtī</i>
17	4 „	стр. 37	стр. 73
39	12 „	1488	1498
56	13 сверху	اوور	اوور
63	2 „	<i>jān</i>	<i>jān</i>
140	6 снизу	нав 'jīncijāt	нав' jīncijāt
220	11 „	<i>kīlalī</i>	<i>nōčjk kīlalī</i>

А. М. Щербак.